

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 2 (68) № 2. Ч. 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки»
является историческим правопреемником журнала
«Ученые записки Таврического университета»,
который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь
2016

**Печатается по решению Ученого совета
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
протокол № 11 от 30 ноября 2016 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Галина Юрьевна, д-р филол. наук, проф.
(главный редактор)

Александрова Ирина Викторовна – д-р филол. наук, проф.
Борисова Людмила Михайловна – д-р филол. наук, проф.
Гуменюк Виктор Иванович – д-р филол. наук, проф.
Ищенко Наталья Анатольевна – д-р филол. наук, проф.
Курьянов Сергей Олегович – д-р филол. наук, доц.
Меметов Айдер Меметович – д-р филол. наук, проф.
Новикова Марина Алексеевна – д-р филол. наук, проф.
Орехова Людмила Александровна – д-р филол. наук, проф.
Петренко Александр Демьянович – д-р филол. наук, проф.
Савченко Любовь Васильевна – д-р филол. наук, проф.
Титаренко Елена Яковлевна – д-р филол. наук, проф.
Шилина Анжела Григорьевна – д-р филол. наук, проф.
Яблоновская Наталья Всеволодовна – д-р филол. наук, проф.
Ященко Татьяна Антоновна – д-р филол. наук, проф.

Егорова Людмила Геннадьевна – канд. филол. наук, доц.
(ответственный секретарь)

Подписано в печать _____ Формат 70x100 1/16

26 усл. п. л. Заказ № НП / 32

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности КФУ
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

<http://sn-philol.cfuv.ru>

Тираж 50 экз.

Цена свободная

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.111'25

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АВТОХТОННЫХ АРЕАЛАХ

Петренко А. Д., Храбскова Д. М., Петренко Д. А.

Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация

E-mail: aldpetrenko@mail.ru

danuta_simf@yandex.ru

daniil.petrenko@list.ru

Работа посвящена изучению проблем этнически и функционально обусловленной вариативности языка в немецкоязычных автохтонных регионах. Геополитическая ситуация в современном мире неоднозначна. С одной стороны, человечество стремится к установлению общенационального единства. С другой – увеличение числа межнациональных конфликтов, подъем региональных движений обуславливают тенденцию к обострению этнического самосознания. Актуализируется интерес лингвистов к вопросам функционирования языка в полиэтнических социокультурных зонах, исторически сложившихся на приграничных территориях в условиях интерференции генетически неблизкородственных культур.

Ключевые слова: геополитическая ситуация, социальное единство, языковая интерференция, полиэтнические социокультурные зоны.

ВВЕДЕНИЕ

Социальная лингвистика как один из разделов науки о языке во многом зависит как от развития социума, так и от конкретных общественных условий, стимулирующих проведение тех или иных социолингвистических исследований. Как справедливо отмечает В. Ю. Михальченко, в настоящее время возродилось внимание к национальным культурам и языкам, реализуется стремление разных народов расширить социальные функции национальных языков, повысить их роль в социальной жизни разных языковых общностей [15, с. 7].

Анализируя статус французского языка в развивающихся странах Африки и Азии, А. И. Чередниченко подчеркивает, что «факт независимости азиатских и африканских стран, вызвав изменение функций и функционального статуса западноевропейских языков, одновременно сделал возможным закрепление соответствующих (иногда довольно существенных) изменений в самой структуре этих языков» [32, с. 3]. Подобные процессы имеют следствием и частичную перестройку системы образования, изменения ее содержательной стороны, ориентированной на новые социальные и языковые реалии.

Последнее десятилетие можно считать новым этапом развития социолингвистики, требующим совершенствования ее теории, методики проводимых полевых исследований, используемой при этом терминологии. В сферу проблем изучения включены такие крупные темы, как двуязычие и многоязычие, языковая вариативность и социальное расслоение говорящих, развивающиеся языковые изменения и целый ряд других. Одним из главных стимулов данного развития являются те социальные процессы и явления, которые происходят буквально на глазах нынешнего поколения. Важной особенностью языковой ситуации в большинстве стран является значительное расширение употребления обиходно-разговорного языка во всех его разновидностях, от сближающихся с диалектом до приближающихся к литературному языку. Региональный вариант обиходно-разговорного языка в процессе коммуникации нередко приобретает особую функциональную нагрузку. Действие регионального фактора носит в языке четко выраженный дивергентный характер. Однако это препятствует осуществлению его главной функции – коммуникативной, поскольку противоречит тенденции к интеграции общества по мере развития его социальных, культурных, экономических и политических структур. Социолингвистические исследования последних десятилетий значительно обогатили представления о зависимости языковых структур от региона их распространения. Опыт показывает, что региональный фактор неотделим от социального и является вместе с диахроническим аспектом «источником лингвистической вариативности, которая служит базой для «социализации» языкового варьирования» [19, с. 61].

Целью статьи является изучение языковой ситуации в немецкоязычных автотонных регионах. Исследование проблем диглоссии в любой социокультурной зоне является процессом многоступенчатым, требует синтеза теоретических и статистических данных таких наук, как социолингвистика, этнопсихолингвистика, этнография, история, а также учета геополитической и этнографической ситуаций и проведения полевых лингвистических исследований. Основной **задачей** работы становится анализ языковых изменений конвергентного типа, развивающихся при двуязычии (многоязычии), изучение аспектов языковой вариативности при этнически обусловленном социальном расслоении говорящих.

Исследование предполагает этнолингвистический анализ языковой ситуации на территориях, для которых характерно взаимодействие различных языковых форм и языков (выступающих в качестве основополагающих этнических признаков), а также социолингвистическое обоснование феномена билингвизма.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Изучение кодового состава матрицы общения в условиях межэтнической интерференции конвергентного типа во Франции (Эльзас)

Собранные на территории Эльзаса статистические материалы, были применены к теоретическим разработкам А. С. Герда, Л. В. Щербы, Р. Якобсона, Дж. Дж. Гамперца, У. Лабова, В. М. Жирмунского, Ю. О. Жлуктенко, О. Б. Ткаченко, А. И. Чередниченко. Цель работы не состояла в уточнении и разграничении понятий «племя – народность – нация», поэтому они объединены в общем идиоме «этнос», понимаемом как «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих единым языком, некоторыми общими относительно стабильными

особенностями культуры и психики, а также общим самосознанием, фиксированным в этнониме» [2, с. 392]. В ряде этнографических исследований [2; 8] приводится понятие государственности, как показателя этнической принадлежности. Вплоть до 70-80 гг. прошлого века принято было считать моноэтническими такие государства как Франция, Германия, Италия, Польша и т. д., где этническая принадлежность каждого отдельно взятого гражданина определялась этнонимом большинства граждан страны. На современном этапе развития Европейского сообщества, в условиях прозрачности государственных границ и всевозрастающей миграции населения, ставится вопрос о корректности употребления понятия «*моноэтническое государство*». Согласно этнографическим справочникам, моноэтническим считается государство, более 90% населения которого принадлежит к одному этносу. Таким образом, моноэтнической всегда принято было считать Германию, большинство населения которой составляли немцы, хотя сложившаяся ситуация стремительно меняется на наших глазах в связи с резким притоком беженцев из стран Ближнего Востока. Предыдущие периоды иммиграции в Германию пришлось на пятидесятые и девяностые годы XX-го столетия, после переселения туда значительной части населения Турции, бывшей Югославии, евреев и этнических немцев из стран бывшего СССР и СНГ. С такой формальной точки зрения Франция также вряд ли может рассматриваться как моноэтническое государство, поскольку процент французов от общего количества жителей к 2015 году не превышал 80% и постоянно сокращается по тем же причинам, что и этнически коренное население в других государствах Западной Европы.

Принимая в качестве показателя этнической принадлежности критерий наличия/отсутствия этнического самосознания, необходимо отметить, что в областях, населенных эльзасцами, бретонцами, басками, каталонцами, корсиканцами, а также во всей Южной Франции наблюдается тенденция к возрождению традиционной культуры. Данный процесс выражается в организации фестивалей, призванных пропагандировать традиционную культуру, в усилиях, прилагаемых к возрождению местных языков, практически утративших к середине 70-х гг. XX века свои коммуникативные функции. В итоге рост этнического самосознания привел к тому, что в 1982 г. Франция официально признала существование «коренных этнических меньшинств», их языков и культур. В школах было введено изучение корсиканского, каталанского, фламандского, эльзасского и окситанского языков/диалектов; созданы «этнические» программы на радио и телевидении, началось развитие книгоиздательства на этнических языках.

Эльзас – самый маленький из четырех французских т. н. регионов-метрополий [55], занимает площадь в 8,3 тыс. кв. км. между Вогезами и Рейном на германо-швейцаро-французской границе. В ходе борьбы между Францией и Германией Эльзас шесть раз переходил от одной стороны к другой, пока в 1919 году не был окончательно объявлен частью территории Франции. Особенности территориальной расположенности и исторического развития оказали значительное влияние на этнический состав населения и его самоопределение. По данным статистики INSEE (национальный институт статистики и экономических исследований Франции), общая численность населения Эльзаса в конце XX-го столетия составила 1 729,8 тыс. человек, из которых 1 400 тыс. – эльзасцы, 44 883 – французы, 128 689 – турки, марокканцы, алжирцы, 156 288 – немцы, евреи. Следовательно, можно говорить о наличии разветвленной этнической струк-

туры населения данной культурно-исторической области, состоящей из автохтонного этноса и субэтносов (или национальных меньшинств).

Лояльная политика либерализма, проводимая региональным правительством Эльзаса, способствует процессам консолидации даже генетически неродственных этнических образований, а также делает данную территорию притягательной для иммиграции.

Группу, представленную турками, марокканцами, алжирцами, можно рассматривать как находящуюся на начальной стадии интеграции, поскольку процесс расселения данных этнических меньшинств в исследуемом регионе начался относительно недавно. Это позволяет коренным жителям расценивать их как иностранцев, с культурой и языком чуждыми местным традициям.

Иначе выглядит ситуация, сложившаяся в отношении к этнической группе, представленной евреями, начавшими в массовом порядке осваивать Эльзас еще в XVI веке. Их расселение в данном регионе не было обусловлено ни притягательностью местности, ни особенностями экономической ситуации. Внутренняя политика, проводимая государством, привела к тому, что в XVI веке Эльзас-Лотарингия был объявлен «линией оседлости» евреев на территории Франции. Позднее Людовик XIV издал указ о депортации на территорию Эльзаса также евреев-сефардов из Южных регионов Франции. Последовательно, на протяжении веков, в процессе консолидации с местным населением, сформировалась этническая общность, именуемая себя эльзасскими евреями и обладающая собственным языком/диалектом – эльзасским диалектом идиша.

Иммиграция немцев на территорию Эльзаса началась в XVII-XVIII вв., но ни немцы, ни французы не ассимилировались, как можно было бы предположить, с автохтонной этнической общностью данной территории – эльзассцами. Причины, по-видимому, кроются в особенностях этничности каждого из вышеуказанных народов.

Эльзасцы сформировались на пограничье романской и германской этнической среды в областях Эльзаса и Лотарингии из кельтских племен, населявших эти земли на рубеже новой эры, и испытавших сильное влияние германских племен – рипуарских франков и аллеманов. Особенности влияния как первых, так и вторых можно проследить и в наше время, что выражается в использовании эльзассцами, проживающими на различных территориях, не только нижнеаллеманского и верхнеаллеманского диалектов франкско-аллеманской диалектной зоны южнонемецкого субареала, но и нижнефранкского диалекта нижне немецкого ареала, не участвовавшего во втором верхне немецком передвижении. Данный факт свидетельствует о правомочности утверждения жителей департамента Haut-Rhin (Верхний Рейн) о том, что население некоторых сопредельных территорий департамента Bas-Rhin (Нижний Рейн) говорит на особом и непонятном им языке.

Таким образом, эльзасцы представляют собой этническую общность, корнями восходящую к кельтам и в процессе многовекового соседства с немцами и французами консолидировавшую особенности этнического самосознания всех трех этносов, что привело на начальном этапе к возникновению новой смешанной культуры. А далее, в процессе трансформации, к переходу из одного этнического состояния в другое. В этнографической науке до сих пор не завершена разработка методики определения начальной и конечной границ формирования этнической общности. Однако, исходя

из утверждения, что язык является важным фактором характеристики этноса, можно привлечь данные лингвистики и определить дату окончания формирования эльзасского этноса XVIII веком, периодом завершения становления нижнеаллеманского (эльзасского) диалекта.

Особенность этнического самосознания эльзасцев наиболее удачно выражена в словах Тима Мак Брайана (известный в Европе музыкант, уроженец Эльзаса) утверждающего, что «каждый эльзасец представляет собой удачное сочетание немецкой основательности и французского «духа» («esprit»)» [53]. На этом «сочетании» и следует акцентировать внимание, поскольку именно оно не позволяет эльзасцам ассимилироваться ни с немцами, ни с французами. С геополитической точки зрения Эльзас является неким буфером и исполняет роль, подобную той, которую О. Б. Ткаченко в своей статье [28] отводит Украине – между Западом и Востоком (в случае с Эльзасом – между Францией и Германией).

Эльзас – регион с официальным франко-германским двуязычием. С функциональной точки зрения можно было бы говорить о несбалансированности языковой ситуации, поскольку французский язык, наряду со статусом официального языка региона, обладает статусом национального языка Франции. Тем не менее, не следует недооценивать роль немецкого языка в жизни эльзасского социума: немецко-французское двуязычие является порой необходимым условием при устройстве на работу, либо поступлении в университет (например, некоторые факультеты Université Louis Pasteur (университет им. Луи Пастера). В данной ситуации, представители национальных меньшинств, являющиеся носителями турецкого, арабского, идиша для социальной ассимиляции вынуждены овладевать не одним, а сразу двумя языками. Это осуществили эльзасские евреи, 85% которых владеет в равной степени идишем, немецким и французским языками. Турецкие и арабские иммигранты, в общей массе не владеющие немецким языком (за исключением тех турок, которые попадают во Францию через Германию), обладают минимальной возможностью ассимилироваться с местным населением. Именно франко-немецкий билингвизм и является основным показателем принадлежности к автохтонной эльзасской этнической общности.

Феномен билингвизма в Эльзасе требует более детального рассмотрения. В первую очередь, необходимо отметить, что двуязычие может определять принадлежность носителей сразу к двум этническим (социальным) группам. В условиях «смешанного» билингвизма носитель постоянно переходит от одного языка к другому и употребляет то один, то другой язык в зависимости от социальной обусловленности ситуации. В тех случаях, когда люди свободно владеют двумя языками и регулярно переключаются с одного на другой, у них, по мнению Л. В. Щербы, «создается своеобразная форма языка. При этом каждая идея имеет два способа выражения: получается, в сущности, единый язык, но с двумя формами, образовавшийся в результате иногда взаимного, иногда одностороннего приспособления двух языков друг к другу» [34]. Для обозначения такого единого языка Л. В. Щерба использует термин «*langue mixte à deux termes*» («смешанный язык с двумя терминами»). Смешение языков, существующих в индивиде, происходит на всех уровнях – синтаксическом, семантическом, фонологическом. В условиях фонологического смешения двух языков в один «с двумя терминами» считается, что речь принадлежит тому языку, на котором выра-

жены грамматические связи, примером чему может служить анекдотическая фраза на «петербургском» немецком языке «bring die банка mit варенье von der полка im чулан, которая ощущается как немецкий язык» [35].

Говоря о координативном билингвизме в Эльзасе, не следует упускать из внимания явление диглоссии, характерное для немецкого языка данного региона. Десять процентов жителей Эльзаса, постоянно работающих в Германии, используют и немецкий литературный язык (как способ коммуникации в немецкоязычной среде), и один из указанных ранее немецких диалектов (преимущественно эльзасский) (как показатель этнической принадлежности). В то время как «оседлое» население Эльзаса владеет лишь одним из диалектов немецкого языка. Таким образом, феномен франко-немецкого билингвизма в Эльзасе заключается в его коллективном, горизонтальном и координативном характере, что достигается достаточно редко.

В целом, языковая ситуация на территории Эльзаса является экзогlossной, несбалансированной с элементами диглоссии, характеризуется наличием генетически неродственных языков, а также франко-германского билингвизма, как особой формы самовыражения автохтонного населения – одного языка «с двумя терминами».

Перспектива дальнейшей разработки затрагиваемой проблематики связана с изучением фоностилистических особенностей феномена билингвизма в Эльзасе, как единого языкового кода «с двумя терминами», выработанного в процессе исторически обусловленного, перманентного развития немецкого и французского языков с обоюдосторонним влиянием.

2. Изучение функционально и социально обусловленных вариантов языка в немецкоязычных странах

С точки зрения функциональной стратификации развитые национальные языки всегда рассматривались в качестве организованных систем различных форм существования. Традиционно к ним относят литературный (стандартный) язык, разновидности обиходно-разговорного языка и диалекты. Подобная дифференциация опирается не только на исторический опыт развития языков, но и полностью отражает реальную языковую ситуацию в большинстве регионов мира. Как отмечает О. Е. Семенец, «любой язык обслуживает конкретное языковое сообщество, которое представляет собой совокупность людей, владеющих в той или иной мере данным языком» [26, с. 18].

Очевидно, что осуществляя в процессе коммуникации разные функции, формы существования языка находятся в его функциональной системе в отношении взаимодополнения. Как полагает Н. И. Филичева, «данные формы исследуются в качестве отдельных моносистем в известной абстрагированности от макросистемы в целом» [29, с. 7]. Как известно, «современный немецкий язык функционирует в нескольких государствах, имеет полинациональный характер и используется в виде нескольких национальных вариантов. Поэтому структура функциональной системы немецкого языка в основных странах его распространения, состав и характер объединяемых ею форм существования языка, а также социальный статус последних обнаруживают четкую дифференциацию» [29, с. 7], обусловленную рядом факторов.

При описании коммуникативных норм использования форм существования языка и языковой ситуации в Германии также используется понятие диглоссии, введенное впервые Ч. Фергюсоном. Под этим понятием рассматривается функциональ-

ная дистрибуция форм существования, из которых одна занимает верхний, а другая низший страт в коммуникативной системе определенной языковой общности. Как отмечает У. Аммон, «функциональная дистрибуция форм существования в странах немецкого языка обнаруживает различия, проявляющиеся в разной профилированности и в разной стабильности» [37, с. 55].

Языковую ситуацию в немецком ареале характеризует расширение социальной базы литературного языка. Тем не менее, вряд ли можно утверждать, что в использовании других форм существования немецкого языка проявляется «коммуникативная несостоятельность». Действительно, во многих социальных сферах диалект не может выступать в качестве единственного коммуникативного средства, хотя и используется многими носителями языка. За последние десятилетия подвергся существенному уточнению базовый термин – «литературный язык», который длительное время отождествлялся с понятием «национальный язык». Многие немецкие лингвисты для обозначения литературного языка эпохи становления нации пользовались терминами «письменно–литературный язык» (*Schriftsprache*), «единый язык» (*Einheitssprache*), «литературная языковая норма» (*Hochsprache, Kultursprache*) и т. п. С начала 70-х годов XX-го столетия между этими двумя понятиями и обозначаемыми ими явлениями проводится все более четкое различие. Впервые это было сделано в работе М. М. Гухман «Литературный язык» [8].

В отличие от литературного языка «национальный язык представляет собой не одну из форм существования языка, а определенный исторический этап в развитии всех форм его существования. Национальный язык характеризуется иерархической структурой: ядро образует национальный литературный язык, периферию составляют территориальные диалекты, а в большую промежуточную зону между ними входят разнообразные наддиалектные формы языка, например, разговорный язык» [9].

Таким образом, двумя полюсами ряда вариаций являются *диалект* и стандартная вариация – *литературный язык*. Без сомнения, литературный язык является одной из форм существования языка наряду с территориальными диалектами, полудиалектами и разновидностями обиходно-разговорного языка. В основе системы немецкого языка располагаются территориальные диалекты, разновидность которых представляет собой на сегодняшний день довольно широкую палитру. Диалекты могут использоваться говорящими и за пределами зоны своего распространения. Как подчеркивает А. И. Домашнев, чем шире лингвосоциум, обслуживаемый диалектом, тем он более неоднороден и тем многообразнее прагматические задачи, которые решаются коммуникантами в процессе речевой деятельности. Следствием этого является появление новых вариаций – полудиалектов (*Verkehrssprachen*), обиходно-разговорных языков (*Alltagssprachen*) и т. д., вплоть до литературного языка [9, с. 143].

Понятие разговорного языка (*Umgangssprache*) не раз подвергалось систематизации в немецкой лингвистической литературе. Так, например, Й. Радтке приводит 20 терминов, которые используются для определения этого явления. Нетрудно заметить, что все трактовки разговорного языка связаны, прежде всего, с различными дефиниционными подходами. С одной стороны, это критерии социолингвистического характера: *Geschäftssprache, Arbeitssprache, gemeinsame Verkehrssprache, gebildete Umgangssprache, Durchschnittssprache, landschaftliche Umgangssprache, regionale Gemeinsprache, Gegendssprache* [48, с. 128].

Важной особенностью языковой ситуации в немецкоговорящих странах является значительное расширение употребления обиходно-разговорного языка во всех его разновидностях, от сближающихся с диалектом до приближающихся к литературному языку. Региональный вариант обиходно-разговорного языка в процессе коммуникации нередко приобретает особую функциональную нагрузку. Действие регионального фактора носит в языке четко выраженный дивергентный характер. Однако это препятствует осуществлению его главной функции – коммуникативной, поскольку противоречит тенденции к интеграции общества по мере развития его социальных, культурных, экономических и политических структур. Социолингвистические исследования последних десятилетий значительно обогатили представления о зависимости языковых структур от региона их распространения. Опыт показывает, что региональный фактор неотделим от социального и является вместе с диахроническим аспектом «источником лингвистической вариативности, которая служит базой для «социализации» языкового варьирования» [7, с. 61].

Изучение, так называемых, групповых языков свидетельствует о тесном переплетении (*Ineingreifung*) территориальных и социальных факторов при формировании таких языковых образований, как местные и городские языки. Это наблюдение можно считать отражением принятого в социологии положения о том, что социальные группы, классы, слои нельзя описать без учета их регионального положения, которое в значительной степени определяет специфику социального структурирования.

Социальная стратификация языка представляет собой, наряду с социальной дифференциацией общества, многомерное образование, функционирующее в различных измерениях. Как уже часто отмечалось в исследованиях по социолингвистике (У. Аммон, У. Лабов, А. Петренко и др.), для данной структуры характерно противопоставление двух плоскостей социально обусловленной вариативности языка – *стратификационной* и *ситуативной* [37; 43; 20].

В качестве основных единиц стратификационной вариативности языка рассматривают *языковые коллективы*, представляющие собой совокупность социально взаимодействующих индивидов, которые обнаруживают определенное единство языковых признаков. Впервые эта точка зрения получила системное развитие в трудах Е. Д. Поливанова о фонетических признаках социально-классовых диалектов и, в частности, русского стандартного языка; В. М. Жирмунского о роли национального языка и социальных диалектов, а также В. Д. Бондалетова об условно-профессиональных языках русских ремесленников и торговцев. Свое дальнейшее развитие данные проблемы нашли в трудах Ю. А. Жлуктенко, А. И. Домашнева, В. М. Бухарова, О. Е. Семенца, А. И. Чердниченко, Н. И. Филичевой, О. Б. Ткаченко, А. Д. Петренко, Л. И. Прокоповой, М. П. Дворжецкой, Э. Ш. Исаева, Е. А. Устиновича, С. Е. Перепечкиной, Д. М. Храбсковой, Т. В. Бридко, А. В. Пономаревой, Д. С. Бородиной, Л. С. Бор и других лингвистов.

Исследования вариантов современного немецкого языка, связанных с действием социальных факторов, требуют принимать во внимание региональные маркеры, проявляющиеся в речевом поведении носителя языка. Данные факторы могут фиксироваться как при анализе разговорных форм, так и стандартных. Региональные особенности говорящих сказываются прежде всего в рамках ситуативной вариативности. В зависимости от ситуации общения, говорящие допускают большее или меньшее число

диалектных реализаций. Для установления и идентификации подобных фактов целесообразно использовать различные источники диалектных вариантов, включающих в себя не только исследования по диалектологии немецкого языка, но и имеющиеся в распоряжении лингвистов атласы немецких диалектов – *Deutscher Sprachatlas*. – 23 Lieferungen. – Marburg, 1927–1956; L. F. Weifert, *Deutsche Mundarten*. – J. F. Lehmanns-Verlag. – München, 1964–1965; Н.- Н. Wängler, *Atlas deutscher Sprachlaute*. – Akademie-Verlag. – Berlin, 1974.

Функционально-типологическая характеристика диалекта также включает социолингвистический признак взаимодействия диалекта с определенными социальными и возрастными слоями общества. По мнению М. М. Гухман, «социальная база диалекта, как и социальная база литературного языка, – категории исторические, причем широта первой обратно пропорциональна широте второй» [8, с. 81]. Поэтому, вопрос о принадлежности носителей диалекта к определенному социальному слою требует конкретно-исторического рассмотрения. Вряд ли можно говорить, отмечает В. М. Бухаров, об однозначном и прямолинейном соответствии между носителем диалекта и социальным слоем общества. Функционирование как литературного языка, так и диалекта в малой степени связано с теми или иными слоями общества [5, с. 138].

В исследованиях языковой ситуации в немецкоговорящих странах часто отмечается, что диалектами пользуются низшие слои общества – крестьяне, фермеры, производственные рабочие, мелкие ремесленники и служащие, обладающие низким культурно-образовательным уровнем, тогда как к числу носителей литературного языка относят средние и высшие слои общества – чиновников, политических и государственных деятелей, отличающихся высоким уровнем образования. Сомнительность подобных утверждений не раз подвергалась критике в лингвистической литературе. Так, например, Г. Леффлер подчеркивал, «что в Швейцарии и Австрии диалект употребляется представителями средних и высших слоев в качестве основного средства общения в сфере общественной жизни» [45, с. 56]. Социально-коммуникативный статус местных диалектов в Швейцарии заметно отличается от его роли в других немецкоговорящих странах. Распространенные в Швейцарии диалекты представляют собой поддиалекты единого аллеманского диалекта. В силу относительной целостности своей структуры аллеманский диалект выполняет функции обиходно-разговорного языка (*Schwyzertütsch*) и используется всеми жителями государства без каких-либо социальных и возрастных ограничений.

Сравнивая степень распространения и статус диалектов в Швейцарии и в Германии, В. Шенкер отмечает, что если в Германии местный диалект может явиться препятствием в социальном продвижении, то в Швейцарии, напротив, незнание диалекта может привести к социальным затруднениям [50, с. 98]. Подобное можно отнести и к характеристике языковой ситуации в Австрии. Так, например, П. Визингер подчеркивает, что языковая ситуация в этой стране имеет заметное сходство с южнонемецким субареалом, поскольку в Австрии также наблюдается расслоение устной речи в зависимости от социальных и ситуативных факторов, выделение в ней нескольких пластов, имеющих разное коммуникативное назначение и разную степень престижности [52, с. 193]. Тем не менее, сфера употребления диалекта в процессе общественной коммуникации не всегда ограничивается рамками повседневно-бытового общения.

Диалекту принадлежит важная роль и как средству публичной речи: он используется в федеральных (Германия) и кантональных (Швейцария) советах, различных союзах, клубах. К диалектизмам часто прибегают и политики в целях установления коммуникативного контакта и создания соответствующей психологической атмосферы с аудиторией.

Ряд исследователей обращает также внимание на тот факт, что степень использования литературного языка или диалекта может быть дифференцирована и по признаку пола. И. Тэлдеманн было установлено, например, что во Фландрии женщины стремятся больше соблюдать нормы стандартного языка в области произношения, чем мужчины [51, с. 52].

Л. Якобс провел опрос среди 400 молодых фламандцев, студентов государственного университета в Генте, с целью выяснения факта использования в обиходном общении дома местного диалекта. 50,5% мужчин и лишь около 30% информантов-женщин ответили на этот вопрос утвердительно. При этом 49% женщин заявили, что не стали бы использовать местный диалект даже в быту. У мужчин количество ответивших таким образом составило 28%. Автор указывает на парадокс, при котором родители вынуждены общаться на литературном языке больше с дочерьми, чем с сыновьями [42, с. 22]. Во Фландрии (города Ронс, Мол, Асснед) и в Нидерландах (города Валкенсворд и Вестдорп) был проведен анализ речевого поведения информантов-мужчин и женщин в плане использования ими местного диалекта в различных ситуациях общения с разными партнерами. Это касалось, прежде всего, таких регионов, в которых употребление местного диалекта довольно распространено. Кроме этого, учитывалась ситуация общения информантов при постепенном переходе от непринужденной речи к более корректной (*«ranging from informal to formal»*). В итоге авторы сделали вывод о том, что мужчины в большей степени используют в речи формы местного диалекта, чем женщины [42].

Как свидетельствует анализ лингвистической литературы по проблеме функциональной и социальной дифференциации современного немецкого языка, данные вопросы далеко не полно изучены в современном языкознании. Лингвистами отмечался также тот факт, что использование диалекта и литературного языка может быть связано с возрастом говорящих. Я. Госсенс отмечает, например, что процент говорящих, использующих в повседневном общении литературный язык, более высок в среде младшего и среднего поколений, а среди людей старшего возраста в этой же сфере выше процент говорящих на диалекте [41, с. 146]. При этом в пределах того или иного социального слоя отмечается дифференциация в зависимости от возрастной группы населения. Согласно наблюдениям автора, в нижненемецких регионах Германии подавляющая часть носителей языка, принадлежащих к старшему поколению, пользуется в обиходно-бытовом общении диалектом, в то время как молодые люди используют в качестве средства общения обиходно-разговорный язык. Во многих немецких городах население практически не пользуется местными диалектами, предпочитая им соответствующую форму городского обиходно-разговорного языка. Это связано с процессами миграции и смешения населения, обусловленными поисками работы или учебой в университетах, что приводит к необходимости пользоваться в обиходном общении такой универсальной формой языка, которая в большей степени соответствует требованиям современной жизни.

ВЫВОДЫ

В заключении можно констатировать, что проблема трактовки признака «общности территории» в так называемой теории нации до сих пор остается нерешенной. Вопрос об этнической роли государственности (с учетом территориальных факторов), в свою очередь, заслуживает дальнейшего рассмотрения. Нельзя забывать, что государство возникло значительно позже ранних форм этнической общности и что прокладывание государственно-политической границы само по себе нарушает этнические связи, но не целостность этнической территории, а государственное объединение удаленных друг от друга областей не приводит к их территориальной общности. Целостность, непрерывность этнической территории важна, главным образом, как условие формирования этнической общности; для устойчивого же существования уже сформировавшегося этноса достаточно наличие более или менее значительного, целостного и компактного «этно-территориального ядра», соотносясь или сообщаясь с которым отделившиеся части этноса, живя в среде других этносов, могут длительное время сохранять свою языково-культурную специфику и свое самосознание. Другое дело – каковыми становятся последствия такого сосуществования для разных этносов, языков и культур.

Список литературы

1. Бор Л. С. Социолингвистические особенности произношения производственных рабочих Рурского промышленного региона Германии: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. С. Бор. – Донецк, 2013. – 217 с.
2. Борисов В. А. Население мира: демографический справочник / В. А. Борисов. – М.: Мысль, 1989. – 478 с.
3. Бородин Д. С. Фоностилистические особенности английской речи датско-английских билингвов (на материале студенческого социолекта): Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Д. С. Бородин. – Донецк, 2008. – 231 с.
4. Бридко Т. В. Социолингвистические особенности немецкого произношения переселенцев из бывшего СССР: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. В. Бридко. – Донецк, 2011. – 245 с.
5. Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка / В. М. Бухаров – Н. Новгород: Изд-во НГЛИ, 1995. – 132 с.
6. Гамперц Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений / Дж. Гамперц // Новое в лингвистике, вып. VII. – Социолингвистика. – М., 1975. – С. 299–319.
7. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2001. – 488 с.
8. Гухман М. М. Литературный язык. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / М. М. Гухман. – М.: Наука, 1970. – С. 502–548.
9. Домашнев А. И. Концепция национального варианта литературного языка / А. И. Домашнев // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. – Киев: Довіра, 1995. – 270 с.
10. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология / В. М. Жирмунский. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 635 с.
11. Исаев Э. Ш. Тенденции развития произношения старшеклассников Германии: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Э. Ш. Исаев. – Киев, 1998. – 220 с.
12. Кваша А. Я., Меликьян Г. Г. Народонаселение. Энциклопедический словарь / А. Я. Кваша, Г. Г. Меликьян. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 639 с.
13. Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации / В. И. Козлов // Вопросы истории. – №1 – М.: Изд-во АН СССР, 1967. – С. 88–99.
14. Крысин Л. П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии / Л. П. Крысин // Социально-лингвистические исследования. (Под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева.) – М.: Наука, 1976. – С. 62–69.

15. Михальченко В. Ю. О статусе русского языка на постсоветском пространстве / В. Ю. Михальченко // Диалог украинской и русской культур в Украине. – Материалы II-й Международной научно-практической конференции (30–31 октября 1997 г., Киев). – Киев, 1998. – С. 42–48.
16. Перепечкина С. Е. Социолект преподавателя Германии: понятие и фоностилистические особенности / С. Е. Перепечкина // Культура народов Причерноморья. – № 19. – Симферополь, 2001. – С. 55–59.
17. Петренко А. Д. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации / А. Д. Петренко. – Симферополь, 2011. – 273 с.
18. Петренко А. Д. Социальные проблемы языковой вариативности / А. Д. Петренко. – Симферополь, 2013. – 275 с.
19. Петренко О. Д. Роль німецької мови в процесах соціальної консолідації / О. Д. Петренко // Сб. наук. праць КНУ ім. Тараса Шевченка. – Київ: Изд-во КНУ, 2001. – С.165–170.
20. Петренко А. Д. Социолінгвістическіе проблемы вариативности языка как целостной структуры / А. Д. Петренко. – М.: Перо, 2015. – 282 с.
21. Петренко Д. А. Социофонетическая вариативность произношения политических деятелей Германии: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Д. А. Петренко. – Киев, 2003. – 282 с.
22. Пономарева А. В. Социальная гетерогенность речи жителей г.Эссен (Германия): Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. В. Пономарева. – Донецк, 2013. – 265 с.
23. Прокопова Л. И. Соціолект школярів і німецька літературна вимова / Л. И. Прокопова // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. – Київ, 1995. – С.163–168.
24. Прокопова Л. И. Стилiстичні синоніми як основа для нової класифікації стилів літературної і розмовної мови / Л. И. Прокопова // Культура народов Причерноморья. – № 138. – Симферополь, 2008. – С. 10–11.
25. Социолінгвістическіе проблемы в разных регионах мира. Материалы международной конференции (Москва, 22-25 октября 1996). – М.: Наука, Институт языкознания РАН, – 1996. – 480 с.
26. Семенець О. Є. Соціолінгвістична типологія варіантів поліетнічної мови / О. Є. Семенець // Мовознавство. – №3. – Киев: – 1986. – С. 8–14.
27. Сорокин Ю. А. Этнопсихолінгвістика / Ю. А. Сорокин. – М.: Наука, 1988. – 190 с.
28. Ткаченко О. Б. Особенности истории Украины и формирования украинского языка в их основных чертах / О. Б. Ткаченко // – (Цитируется рукопись).
29. Филичева Н. И. Немецкий литературный язык / Н. И. Филичева. – М.: Высшая школа, 1992. – 177 с.
30. Храбскова Д. М. Фонетическая эволюция французской речи этнических француско-немецких билингвов: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Д. М. Храбскова. – Киев, 2007. – 263 с.
31. Устинович Е. А. Социофонетическая вариативность сегментного состава английского языка бурско-английских билингвов: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. А. Устинович. – Донецк, 2008. – 249 с.
32. Чердниченко О. І. Мови і переклад у сучасному світі / О. І. Чердниченко // Мовні і концептуальні картини світу. – К.: Изд-во КНУ имени Тараса Шевченко, 2001. – С. 130.
33. Чердниченко А. И. Язык и общество в развивающихся странах Африки: Проблемы функционирования западноевропейского языка / А. И. Чердниченко. – К.: Вища школа, 1983. – С. 17.
34. Щерба Л. В. К вопросу о двуязычии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 313–318.
35. Щерба Л.В. О понятии смешения языков / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 60–74.
36. Якобсон Р. О теории фонологических союзов между языками / Р. Якобсон // Избранные работы. – М.: Наука, 1985. – С.92–104.
37. Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten / U. Ammon. – Berlin: Walter de Gruyter, 1995. – 575 S.
38. Annuaire statistique de la France. – Paris: INSEE, 2001. – 819 p.
39. Bibliographisches Handlexikon in zwei Bänden. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 1375 S.

40. France, portrait social. – Paris: INSEE, 1999. – 218 p.
41. Goossens J. Deutsche Dialektologie / Jan Goossens. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1977. – 147 S.
42. Jacobs L. Kennis en gebruik van de Nederlandse taalvariëteiten bij R. U. G.-studenten / Liesbet Jacobs. – Antwerpen, 1990. – 200 S.
43. Labov W. The social stratification of English in New York city / William Labov. – Washington D. C.: Center for Applied Linguistics, xii, 1966. – 655 pp.
44. Le monde d'aujourd'hui. THEMA Larousse. – Paris., 2000, V.2. – 543 p.
45. Löffler H. Dialektologie. Eine Einführung / Heinrich Löffler. – Darmstadt: Gunter Narr Verlag, 2003. – 158 S.
46. Petrenko A. D. Stilistische Varianten der Aussprache im Fremdsprachenunterricht / A. D. Petrenko // Deutsch als Fremdsprache. – №5. Leipzig, 1989. – S. 267–272.
47. Petrenko A. D., Petrenko D. A. Theorie und Praxis der sozial orientierten Phonetikforschung / A. D. Petrenko; D. A. Petrenko // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. – Frankfurt am Main, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang Edition, Intern. Verlag der Wissenschaften. – 2013 – S. 241–253.
48. Radtke I. Die Umgangssprache / Ingulf Radtke. – Berlin : Muttersprache. – Nr. 3., (83) 1973. – 161–171 S.
49. Scharnhorst J. Theorie der Literatursprache. Aspekte der Forschung / Jübgern Scharnhorst // – ZPSK, Nr. 4. – Leipzig: 1986. – S. 446–457.
50. Schenker W. Schweizerdeutsch als Model. Zum Terminus Dialekt / W. Schenker. – Bern: Wirkendes Wort. – H. 2, 1975. – S. 93–101.
51. Taeldeman J. Linguistic Sex Differentiation in Flanders / Johan Taeldeman // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – Stuttgart, Bamberg: – W. Viereck ed., 1995. – 11–22 p.
52. Wiesinger P. Die Entwicklung des Verhältnisses von Mundart und Standardsprache in Österreich / P. Wiesinger // Sprachgeschichte. – Berlin, New York: Hrsg. Von W. Besch, O. Reichmann, 1978. – S. 42–60.
53. <http://www.cr-alsace.fr>
54. <http://www.insee.fr>
55. <http://www.quid.fr>

Атласы немецких диалектов

1. Deutscher Sprachatlas. – 23 Lieferungen. – Marburg, 1927–1956.
2. Weifert L. F. Deutsche Mundarten / L. F. Weifert – J. F. Lehmanns-Verlag. – München, 1964–1965.
3. Wängler H.-H. Atlas deutscher Sprachlaute / H.-H. Wängler. – Akademie-Verlag. – Berlin, 1974.

SOCIAL VARIATION PROBLEMS IN AUTOCHTONOUS GERMAN-SPEAKING AREAS

Petrenko A., Khrabskova D., Petrenko D.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: aldpetrenko@mail.ru
danuta_simf@yandex.ru
daniil.petrenko@list.ru*

The geopolitical situation in the modern world is ambiguous. On the one hand, humankind is striving for establishing national unity. On the other hand, increasingly frequent inter-ethnic conflicts and upsurge in regional movements tend to enhance people's ethnic self-awareness. Linguists are therefore becoming increas-

ingly interested in how languages function in multiethnic sociocultural areas historically formed in near-border territories with interfering genetically non-closely related cultures.

The past decade can be regarded as a new stage in the development of sociolinguistics, requiring refinements in its theory, fieldwork methods and terminology. The subject scope of modern sociolinguistics includes such broad issues as bilingualism and multilingualism, language variation and social stratification of speakers, ongoing language change etc. Among the key drivers of this evolution are the social processes and phenomena which are happening right in front of our eyes. An essential feature of the language situation in most countries is the expanding use of vernacular in all its varieties ranging from those close to dialects to those approximating the standard literary language. In the process of communication, a regional vernacular language variety often takes on special functional load. The effects of the regional factor on a language have a markedly divergent character, which, however, prevents the language from fulfilling its primary function, that of communication, for it contradicts a society's tendency towards integration as its social, cultural, economic and political structures develop. Sociolinguistic studies conducted in the past decades provide some important insights into how language structures depend on the region where they are used. Experience shows that the regional factor is inseparable from the social one and, together with the diachronic aspect, is a "source of linguistic variation, which serves as a basis for the "socialization" of language variation".

A study of the language situation in any sociocultural area is a multistage process requiring synthesis of theoretical and statistical data obtained by different sciences such as sociolinguistics, ethnopsycholinguistics, ethnography and history with due account taken of the current geopolitical and ethnic situation as well as linguistic fieldwork findings. Emerging research objects include convergent language changes developing under bilingualism (multilingualism), language variation theory functioning under ethnicity based social stratification of speakers, to name but a few.

Of great interest is, among other things, studying communication matrix codes under convergent inter-ethnic interference in France (Alsace) and Germany. Such research should involve analysis of the ethnolinguistic situation in areas where different language forms and languages (serving as characteristic features of ethnicity) are interacting as well as provide sociolinguistic underpinnings of the phenomenon of bilingualism. Alsace is a region with official French-German bilingualism. Functionally speaking, the language situation in the region could be described as unbalanced since French, alongside its official regional language status, enjoys nationwide official language status in France. Modern German, in turn, is a multinational language used in several countries and having several national varieties. Therefore, the structure of the functional system of the German language in the key countries where it is used, the composition and character of the language forms as well as their social statuses all exhibit clear differentiation, due to a number of language and non-language factors.

Interpretation of "a common territory" as a characteristic feature of a nation by the so-called theory of the nation is a problem that remains unresolved. The ethnic role of statehood is another issue which deserves further examination (with due regard for territorial factors). The state is known to have emerged much later than the earliest forms of ethnic communities. However, creating political state borders can disrupt existing ethnic ties whereas uniting geographically remote regions within one state does not automatically lead to their territorial community.

Keywords: geopolitical situation, social unity, language interference, multiethnic sociocultural areas.

УДК 81.111'374(025.43)(004.087):371.3

ТЕРМИНОЛОГИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА КАК ОБЪЕКТ ТЕЗАУРУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Абдурахманова А. З.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: ab.aliye.8@gmail.com*

В статье анализируется терминосистема предметной области «Civil Engineering» (Строительство) на основе тезаурусного подхода. Представлена терминографическая концепция, на основе которой разработана микроструктура англо-русского словаря-тезауруса. Основу данной концепции составляет ориентация на существующие дефиниции терминов посредством формирования комплексной фрейм-овой схемы. Для выявления семантических отношений между терминами дефиниции последовательно подвергались декомпозиции с целью выявления концептуального признака. Ориентация на понятийные отношения, имманентно присущие данной терминосистеме, позволяет словарю успешно решать главную из поставленных задач – активному осознанному овладению профессиональным подязыком.

Ключевые слова: терминосистема, тезаурусный подход, микроструктура, тезаурус, фреймовая схема, концептуальный признак.

ВВЕДЕНИЕ

Моделирование представляет собой формирование и реализацию определенной модели с целью получения важной информации о реальной научной картине, что обусловлено трудностью или невозможностью его изучения напрямую. В настоящее время практика моделирования терминологических систем различных предметных областей приобретает все большее значение и становится актуальным методом в отечественном и зарубежном терминоведении [1, с. 61]. Одним из приоритетных направлений системного изучения лексики считается тезаурусный подход, позволяющий исследовать ее иерархическую организацию. Тезаурусная лексикография направлена на решение определенных задач, имеющих отношение к составлению идеографических словарей и тезаурусов. По утверждению С. Е. Никитиной, тезаурус является словарем с двумя обязательными независимыми признаками – концептуальным входом и установленными семантическими отношениями между его единицами [16, с. 112]. Так, в контексте настоящего исследования под тезаурусом подразумевается словарь терминологических единиц, в котором заданы парадигматические и логико-понятийные отношения между единицами [12, с. 27; 17, с. 120]. В лингвистике была высказана мысль, что тезаурус является непосредственным отражением ментального мира человека [11]. В современном терминоведении исследователи используют различные названия для обозначения словарей системного типа: словарь-тезаурус [16, с. 111-114], идеографический словарь [15; 8], понятийный словарь, словарь системного типа [6].

Целью исследования является определение принципов тезаурусного моделирование англоязычной строительной терминологии. Для достижения поставленной цели необходимо решить **задачу** определения базовых принципов построения тезауруса и его признаков.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Словарь-тезаурус является словарем системного типа. Первые упоминания понятий системный словарь, словарь системного типа, систематический словарь появились в лексикографии еще в XIX в. по отношению к идеографическим словарям. Описание общеупотребительной лексики на основе идеографического принципа осуществлялось в словарях «идеологического типа» (термин Л. В. Щербы), что эквивалентно современным тезаурусным или идеографическим словарям. Концепция данного типа словаря заключается в расположении лексики на основе какого-либо понятийного критерия: «сама природа слов-знаков допускает возможность двоякой их группировки: по близости звучания или по смысловой близости» [15, с. 27]. Однако следует отметить, что идеальный идеографический словарь сложно найти среди списка существующих словарей, в большей степени он фигурирует как один из типов словарей в классификациях. Это обусловлено тем, что «современные словари носят смешанный, синтетический характер, пытаясь отвечать требованиям универсальности» [29, с. 63]. Современные тезаурусные словари не разрабатываются по стандартному принципу – обычно словарная статья также содержит синонимы, антонимы, упорядоченные по формальному или алфавитному признаку. Распространены случаи совмещения признаков обычного словаря и тезауруса, что допускается в терминографии. Существует мнение, что успешная межъязыковая коммуникация обусловлена наличием комбинированных словарей, сочетающих в себе качества глоссария и конкорданса, идеографического и толкового словарей, энциклопедии. Подобным словарям применимо название справочных ресурсов, модифицирующим лексикографию в *reference science* – науку о составлении справочных изданий.

Одним из первых отечественных тезаурусов считается Тезаурус научно-технических терминов под редакцией Ю. И. Шемакина [21]. Также к словарям-тезаурусам можно отнести следующие широко используемые современные словари английского языка: Cambridge International Dictionary of English (CIDE); Collins Cobuild English Language Dictionary (CCELD); Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE); Longman Language Activator (LLA); Merriam Webster's Collegiate Dictionary (MWCD); Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (OALDCE); Webster's Dictionary of Synonyms (WDS).

В современном терминоведении исследователи используют различные названия для обозначения словарей системного типа: словарь-тезаурус, идеографический словарь, понятийный словарь, словарь системного типа.

Преимущества словарей тезаурусного типа отмечалось многими исследователями. Как утверждает Ю. Н. Караулов, в отличие от переводных словарей, они, увеличивая число входов, позволяют переходить как от понятия к слову, так и от слова к понятию. Кроме этого, словари-тезаурусы в силу своей открытости расширяют семантическое пространство и делают возможным охватить большой объем лексики и найти место каждой единице, а также обеспечивают пополнением словарными статьями без нарушения общей схемы, что подтверждает их легкую адаптируемость к потенциальным изменениям в определенной области знаний [8, с. 220]. Словарь тезаурусного типа также представляет собой дидактическую ценность и играет исключительную роль при формировании профессионально-коммуникативной компетенции. Об этом свидетельствуют работы сугубо педагогической направленности, в

которых ключевым понятием является «тезаурус» и «тезаурусное моделирование» [19; 14]. Психолингвистической и когнитивной основой применения словаря-тезауруса в практике обучения языку и профессиональной компетенции являются принципы категоризации и дополнительные принципы функциональности, интегративности и перцептивного опыта, а также принцип смысловой замены и субъективной эквивалентности [5].

Тезаурус может представлять собой лингвистический словарь или ресурс. Согласно С. Е. Никитиной, «форма тезаурусного описания очень емкая и гибкая: по отношению к толковому словарю, в частности, к терминологическому, тезаурус можно рассматривать, с одной стороны, как предварительное средство накопления материала для определения <...>, с другой стороны, как форму представления структуры науки, созданную на базе текстов толкового или энциклопедического словаря путем препарирования определений и пояснений, т.е. экспликации семантики терминологических систем» [16, с. 42].

Тезаурусный принцип восстанавливает семантические отношения и связи между языковыми единицами, теряющиеся в словарях по алфавитному принципу [4, с. 80]. Так, в контексте настоящего исследования под тезаурусом подразумевается словарь терминологических единиц, в котором заданы парадигматические и логико-понятийные отношения между единицами [12, с. 27].

Развитие тезаурусного направления в лингвистике началось в 1960-70 гг. XX в. и продолжается до настоящего времени, охватывая все новые тематические сферы – от науки до социальной практики (ср. открытие в 2000 г. Центра тезаурусологических исследований Международной академии наук педагогического образования в Москве [13, с. 5-6]).

Системное описание терминологии с помощью тезаурусного подхода рассматривается в работах российских исследователей С. Е. Никитиной, В. Д. Табанаковой, И. М. Гетмана, Ю. Н. Филипповича, А. В. Прохорова и других.

Прежде чем приступить к моделированию англоязычной строительной терминологии с помощью тезаурусного подхода, был пройден долгий период подготовительных исследований и экспериментов. Согласно алгоритму моделирования словаря С. В. Гринева-Гриневича, можно выделить следующие этапы [2, с. 220]:

- 1) определение области специальной лексики, проектируемой в словаре, установление хронологических и количественных пределов источников специальной лексики;
- 2) формулировка принципов отбора терминологических единиц, включаемых в словарь;
- 3) планирование объема словаря;
- 4) определение адресата словаря, его читательского адреса;
- 5) определение назначения словаря, т.е. его типа;
- 6) формулировка функции словаря, которая зависит от назначения словаря;
- 7) определение структурной организации словаря.

В основу тезаурусного моделирования строительной терминологии положены результаты лингвистического моделирования англоязычной строительной терминосистемы, суть которой заключалась в построении фреймовой схемы когнитивной карты

науки и объективации ее признаков путем выделения различных категорий. Для анализа были отобраны около 5500 английских терминологических единиц с дефинициями и переводом на русский язык, широко распространенные в профессиональном обиходе и раскрывающие суть основных строительных процессов. Источником послужили толковые и переводные словари по строительству и архитектуре [1]. Сформированная когнитивная модель концептосферы «Civil engineering» (строительство), наряду с общей совокупностью выделенных фреймов, представляет собой гиперо-гипонимическую иерархическую систему, состоящую из семи опорных фреймов. Фреймовый анализ концептосферы строительства позволил осуществить расшифровку и десемантизацию терминологических единиц, что способствовало уточнению дефиниции, природы понятий и создало, в свою очередь, основу для терминологической лексикографии. В результате проведенного анализа было выявлено, что вся строительная терминология может быть представлена семью парциальными терминосистемами: 1) строительные объекты (building projects); 2) геологические изыскания под строительство (engineering geology); 3) геодезические работы (geodetic surveying); 4) проектирование зданий (structural engineering); 5) строительное материаловедение (building materials and products); 6) строительные конструкции (building constructions); 7) технология строительных процессов (building processes).

В результате дальнейшего анализа посредством объективации признаков каждого опорного фрейма была сформирована полная иерархическая структура строительной терминосистемы. Лингвистическое моделирование позволило комплексно исследовать терминосистему изучаемой предметной области с целью создания системного словаря строительной сферы тезаурусного типа. Концепция данного двуязычного словаря заключается в расположении лексики на основе какого-либо понятийного критерия – «сама природа слов-знаков допускает возможность двоякой их группировки: по близости звучания или по смысловой близости» [15, с.27] и репрезентации строительной терминологии в виде единой логической системы, которая исходит из самого профессионального языка. Главное отличие моделируемого словаря-тезауруса заключается в репрезентации комплексной модели строительной отрасли, реализуемое благодаря разнообразию входов в словарь. Моделирование подобного словаря-тезауруса обусловлено необходимостью в систематизации процесса обучения и изучения профессиональной терминологии, и повышении эффективности данных процессов.

ВЫВОДЫ

Тезаурусный подход способствует точной репрезентации знаний любой предметной области, а также построению модели соответствующей концептуальной области, которая была когнитивно освоена субъектом или группой. Выявление тезаурусных функций терминологических единиц исследуемой предметной области помогло представить в полной степени всю необходимую информацию, важную для конкретно взятого термина. Следует отметить, что выделенные тезаурусные функции систематизируют информацию изучаемой предметной сферы по конкретному основанию, соотносясь с соответствующими объектами действительности, выстраиваются в определенную систему, в результате чего формируется иерархическая модель знаний. Именно систематизация информации и знаний считается первостепенной задачей многих

терминологических исследований. Существует теория, что систематизация информации в тезаурусе происходит в направлении «от своего к чужому», а не по типу традиционного метода – от общего к частному. «Свое» замещает общее, а реальное общее занимает место частного. Это обусловлено тем, что любой объект для вхождения в состав тезауруса должно быть изучен и постигнут и тем самым сделан «своим» [13].

Список литературы

1. Абдурахманова А. З. Методика лингвистического моделирования предметной области «Строительство» (на материале английских и русских терминов) / А. З. Абдурахманова // Вестник Южноуральского государственного ун-та. Сер. «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, №3. – С.61-68.
2. Гринёв-Гриневиц, С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
3. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка : учеб. пособие. – М. : Наука : Флинта, 2008. – 432 с.
4. Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография. – Вена-Харьков, 1998. – 160 с.
5. Залевская А. А. Введение в психолингвистику : учебн. пособие для филолог. специальностей / А. А. Залевская. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
6. Канделаки Т. Л. Опыт разработки принципов упорядочения терминологий / Т. Л. Канделаки // Современные проблемы русской терминологии. – М. : Наука, Академия наук СССР, Институт русского языка, 1986. – 198 с.
7. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.
8. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 363 с.
9. Кобрин Р. Ю., Антонова М. В. Терминологические системы и их когнитивные модели / Р. Ю. Кобрин, М. В. Антонова // Очерки научно-технической лексикографии / Под ред. А. С. Герда. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – С. 47-66.
10. Кокорина Ю. Г. Археологическое знание в лингвистических описаниях : автореф. ... докт. филолог. наук : 10.02.21 / Ю. Г. Кокорина. – М., 2014. – 48 с.
11. Костина А. В. Тезаурусный подход как новая парадигма гуманитарного знания / А. В. Костина // Обсерватория культуры. – 2008. – №5. – С.102-109.
12. Лавренова О. А. Методика разработки информационно-поискового тезауруса / О. А. Лавренова. – М., 2001. – С. 27.
13. Луков Вал. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков. – М. : Издательство национального института бизнеса, 2008. – 784 с.
14. Михалева Е. В., Малетина, Л. В. Тезаурусный подход к разработке учебного словаря [Электронный ресурс] / Е.В. Михалева, Л. В. Малетина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №. 3. – С. 1-8. – URL: <http://www.science-education.ru/117-13393> [578006-2014].
15. Морковкин В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – 71 с.
16. Никитина С. Е. О тезаурусном описании лексикографической терминологии / С. Е. Никитина. – М., 1988. – С. 111-114.
17. Никитина С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (автоматическая обработка текста) / С. Е. Никитина. – М. : Наука, 1978. – 375 с.
18. Никитина С. Е., Васильева Н. В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. – М. : Институт языкознания РАН, 1996. – 172 с.
19. Серова Т. С., Чайникова, Г. Р. Содержание поэтапной разработки учебного терминологического словаря тезаурусного типа / Т. С. Серова, Г. Р. Чайникова // Педагогическое образование в России. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2015. – С. 143-150.
20. Табанакова В. Д. Идеографическое описание научной терминологии / В. Д. Табанакова. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 198 с.

21. Шемакин Ю. И. Тезаурус научно-технических терминов / Ю. И. Шемакин. – М. : Военное издательство Министерства обороны СССР, 1972. – 672 с.

CIVIL ENGINEERING TERMINOLOGY AS AN OBJECT OF THESAURUS MODELING

Abdurakhmanova A. Z.

*Institute of Foreign Philology, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: ab.aliye.8@gmail.com*

The terminological system of the subject field «Civil Engineering» is analyzed by means of the thesaurus approach. The terminographical concept is represented upon which the microstructure of English-Russian thesaurus was developed. The fundamental principle of this concept is the terms' definition orientation by means of frame model. The definitions were subjected to the decomposition for the identification of the basic feature to reveal the conceptual feature. Orientation to the relations between concepts that are inherently attached to the term system, enable the dictionary to fulfill the main task as an active and conscious acquisition of the professional sublanguage.

The prototype thesaurus of subject field "Civil Engineering" is based on the results of the linguistic modeling of civil engineering term system, which deals with the formation of cognitive map framing scheme and objectification of its features by singling out different categories. 5500 terms with definitions and Russian translation which are widely used in professional context and representing the basic building processes were selected. Explanatory, bilingual and monolingual dictionaries on civil engineering were served as a source of terms.

Modeling is the formation and implementation of a particular model in order to obtain important information about the real scientific worldview due to the difficulty or impossibility of its direct study. Currently, the practice of terminological system modeling of different subject areas are getting more significant and becomes an actual area in domestic and foreign terminology. Thesaurus approach is considered to be one of the priority areas of the systematic study of terms making it possible to research the hierarchical organization of vocabulary. Thesaurus lexicography is aimed at solving specific problems related to the preparation of ideographic dictionaries and thesauruses.

Formed cognitive model of civil engineering sphere of concepts along with the scope of the defined frames is a hyper-hyponym hierarchical system consisting of seven main frames. Frame analysis of civil engineering sphere of concepts enabled decoding and desemantization of terminological units that helped to clarify the definitions, nature of concepts and created the basis for terminological lexicography. As a result of the analysis carried out it was defined that civil engineering terminology can be represented by seven partial term systems: 1) building projects; 2) engineering geology; 3) geodetic surveying; 4) building materials and products; 6) building constructions; 7) building processes.

The further analysis by means of the objectification of the features of each supporting frame favoured building of the complex hierarchical structure of a civil engineering term system. The linguistic modeling made it possible to study fully the terminological domain to create a systematic thesaurus-type dictionary of civil engineering field.

The frame scheme of CIVIL ENGINEERING subject area is the basis for the further analysis of terms and semantic relations with the application of thesaurus which serves as a practical goal of creation of a systematic thesaurus-type dictionary of English CIVIL ENGINEERING subject area for specialists and translators training field. Prior to proceeding the structural characteristics of the dictionary, it is worth focusing on the theoretical aspects of the thesaurus method. The main tasks of terminography at the present stage are not merely creation of dictionaries but also optimization of selection and sorting methods of terminographical information.

In other words, the priority of the applied terminography today is to present the terminological units in the dictionary as an ordered system with the semantic relations explication. The latter is achieved by means of thesaurus method.

The dictionary entry consists of two parts. The first part contains entry word that is English term. Then it is given the Russian equivalent which is followed by the definition in English. The thesaurus under construc-

tion has educational focus. Therefore, our task was above all to provide a definition that would be sufficiently clear and concise. This is possible because the second part of the entry is followed which takes over the function of additional information. The second part of the entry has thesaurus-like structure. It is a list of semantic relations (thesaurus functions by S. E. Nikitina). The semantic relations can be regarded as the items of the questionnaire applied to each terminological unit. For each area of knowledge a list of semantic relations, in addition to the most common ones (generic, specific, synonym), is specific due to ontological and epistemological features of the given knowledge field or activity. The thesaurus approach makes it possible to represent knowledge of any subject area in most accurate and authentic way, as well as the construction of a conceptual area model that was cognitively mastered by a person or a group of people. Identification of thesaurus functions of terminological units helped to present the full extent of all the necessary information important to each term. It should be noted that the selected thesaurus function systematize information of subject area studied for cause, correlated with the corresponding objects of reality, are arranged in a certain system, resulting in a hierarchical model of knowledge. That systematization of information and knowledge is considered to be of top priority of many terminological researches. The thesaurus is a systematic dictionary which can be represented by most popular modern dictionaries of the English language: Cambridge International Dictionary of English (CIDE); Collins Cobuild English Language Dictionary (CCELD); Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE); Longman Language Activator (LLA); Merriam Webster's Collegiate Dictionary (MWCD); Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (OALDCE); Webster's Dictionary of Synonyms (WDS). The thesaurus has also a didactic value and plays a crucial role in the formation of professional communicative competence. The thesaurus approach restores the principle of semantic relations and communication between the linguistic units that is lost in dictionaries of alphabetical type.

Keywords: terminological system, thesaurus approach, microstructure, thesaurus, thesaurus, frame model, conceptual feature.

УДК 81-115

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОММУНИКАНТОВ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ИХ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Агапова С. Г., Милькевич Е. С.

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: s-agapova@mail.ru

E-mail: yelenamilkevich@yandex.ru

Статья посвящена выявлению личностных характеристик коммуникантов, что является одним из важнейших аспектов изучения диалога. В статье выявляется каким образом происходит актуализация личностных качеств участников диалога в конкретной коммуникативной ситуации и как выбранные собеседниками речевые способы воздействия друг на друга способствуют этой актуализации. В результате проведенного исследования можно констатировать тот факт, что для успешного достижения своей коммуникативной цели участникам диалога необходимо не только учитывать все особенности конкретной коммуникативной ситуации, но и правильно оценивать пресуппозиционные свойства своего собеседника. Именно от коммуникантов зависит выбор речевых средств и определение тактики речевого поведения, что в свою очередь, даёт возможность судить об их личностных характеристиках.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, речевое поведение, пресуппозиция, личностные характеристики.

ВВЕДЕНИЕ

Диалог, как вид речевой деятельности, неотделим от общей прагматической деятельности человека и поэтому может рассматриваться как деятельностный акт, а не только как способ использования языковых средств для выражения мыслей. Характерными свойствами коммуникативной деятельности человека, обусловленными особенностями его психической и практической деятельности в обществе, можно, в первую очередь, назвать те, которые направлены на установление и поддержание связи между людьми, а также служат для сообщения информации. В этой связи следует отметить взаимодействие двух сторон: лингвистической и социальной, поскольку любое высказывание, произнесённое в конкретной коммуникативной ситуации, имеет за собой весьма обширный фон предварительных условий, влияющих на его организацию. Более того, коммуникативная деятельность, как и любая другая деятельность, имеет три стороны: мотивационную, целевую и исполнительную [4, с. 26].

Целью данной работы является анализ коммуникативных ситуаций, в которых происходит актуализация личностных качеств участников диалога. Для достижения поставленной цели, а именно: актуализации личностных качеств коммуникантов необходимо решить следующие **задачи**: выявить особенности каждой конкретной ситуации; определить как выбранные собеседниками речевые способы воздействия друг на друга способствуют этой актуализации.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Условия успешности коммуникации

Не вызывает сомнений, что любой диалог начинается с мотива, интенции говорящего, далее следует система конкретных речевых операций, способствующих реализации планируемой коммуникативной цели и завершается диалог определенным результатом, предполагающим – достижение или недостижение собеседниками цели коммуникации, намеченной ими в начале общения. Однако конкретные речевые действия, благодаря которым достигаются или не достигаются планируемые коммуникативные цели, совершаются в определенной коммуникативной ситуации. И поскольку «использование языка человеком происходит в реальной, жизненной обстановке», изучать «функционирование знаков» необходимо «в реальных процессах коммуникации с учетом условий, при которых происходит процесс коммуникации» [1, с. 3]. Другими словами, язык тесно связан с той ситуацией общения, в которой он употребляется. Именно в определённой коммуникативной ситуации проявляются личностные характеристики коммуникантов, исследование которых является одним из важнейших аспектов изучения диалога, который самым непосредственным образом способствует актуализации личностных характеристик его участников.

Поскольку личностные характеристики коммуникантов проявляются в их речевом общении для успешного достижения своей коммуникативной цели коммуникантам необходимо не только учитывать все особенности конкретной коммуникативной ситуации, но и правильно оценивать пресуппозиционные свойства своего собеседника. Для того, чтобы обеспечить успешность коммуникации необходима адекватная оценка собеседниками этих двух параметров еще докоммуникативного этапа речевого акта, именно от коммуниканта зависит выбор речевых средств и определение тактики своего речевого поведения на период коммуникативного этапа, что в свою очередь, даёт возможность судить об определенных личностных характеристиках данного коммуниканта.

Несомненно, что личностные характеристики участников определённого диалога представляют собой переплетение индивидуальных, общечеловеческих, социальных и национально-культурных особенностей. Здесь под личностными характеристиками мы понимаем, прежде всего, проявление присущих определённому индивидууму и свойственных ему черт характера, чувств и внутреннего состояния на момент протекания определённого речевого акта.

2. Выявление личностных характеристик диалога

Следует отметить, что тот факт, что в центре нашего внимания оказывается диалогическая речь персонажей художественных произведений, наиболее полно отвечает целям нашего исследования. Такой вывод нам позволяют сделать следующие соображения: личностные характеристики находят свое отражение как в речи самих персонажей, так и в авторских комментариях, в которых прямо или опосредованно выражается оценка их речевых поступков; язык художественного диалога выступает единственной субстанцией, в которой существует персонаж художественного произведения. И в той степени, в какой произведение отражает речь персонажей, оно может служить «источником для воссоздания речевых характеристик прототипов» [3, с. 8].

Таким образом, мы считаем вполне допустимым рассматривать дискурс в ткани художественного произведения как основу для моделирования типичных речевых средств, способствующих актуализации личностных характеристик коммуникантов.

В целях обеспечения достаточной степени объективности нашего исследования мы сочли целесообразным прокомментировать ряд диалогов, поскольку это даст нам возможность проследить, как в разных коммуникативных ситуациях в речевой деятельности персонажей определенного произведения проявляются их личностные характеристики.

В следующих трех диалогах в качестве инициатора диалогического общения выступает один и тот же персонаж – репортер одной из американских газет, издательство которой находится в Париже.

Прокомментируем первый диалог:

(1) 'Are there any clues', the man was saying, 'as to who might have done it or what the motives were?'

'We are working on the case with diligence', the *chef* said. 'Twenty-four hours a day'.

'Do you have any leads?'

The *chef* hesitated for a moment. In the movies reporters were always finding clues the police overlooked. The American seemed like an intelligent man and there was the possibility that he might come up with something useful. 'On the night of his wedding', the *chef* said, 'Monsieur Jordache was involved in an argument, a very brutal argument. I have been told by his sister-in-law – in a bar in Cannes called La Porte Rose – with a man who is known to the police. A foreigner. Yugoslav. By name Danovic. We have interrogated him. He was a perfect alibi, but we would like to question him again. Unfortunately, he seems to have disappeared. We are at the moment looking for him'.

'A brutal argument', Hubbell said. 'You mean a fight'.

The *chef* nodded. 'Of extreme brutality, I have been told by the sister-in-law'.

'Do you know what it was about?'

'The sister-in-law claims that the foreigner was about to commit rape on her when Monsieur Jordache intervened'.

'I see', Hubbell said. 'Was Jordache in the habit of getting into fights in bars?'

'Not in my knowledge', the *chef* said. 'I knew Monsieur Jordache. In fact, we occasionally had a glass together. It was with great sorrow that I learned of his death. I knew him as a peaceful man. He was very well liked...'

'How would you describe him, then?' Hubbell persisted, out of force of habit.

The *chef* shrugged. 'A decent workingman. A good type' ... 'Honest, as far as anyone knew' ... (BT, 14-15).

Отдыхая с супругой в отеле в одном из французских курортных городков, журналист прочитал в городской газете об убийстве некоего американца по фамилии Джордах. Это сообщение заставило его вспомнить некий скандальный случай из жизни одного из десяти многообещающих молодых политиков, живущих в различных городах Соединенных Штатов. Этот политик, мэр маленького городка Уитби, носил такую же фамилию, как и убитый. Подобное совпадение заинтересовало его, а такие профессиональные и в то же время личностные качества, как любознательность, которая в данном случае граничит с любопытством, а также любовь к приключениям,

привели его в полицейскую префектуру. Долгая работа в газете научила его мгновенно оценивать ситуацию, а именно: в префектуре, не смотря на совершенное не так давно преступление, было сонно и скучно, так как явных улик того, кто совершил убийство, не было, и местные французские журналисты отнеслись к этому делу спокойно, как к обычному сведению счетов в порту. Опытный репортёр по поведению, как простого полицейского, так и шефа полиции, заметил, что они были рады ему, как пришедшему к ним за сведениями по делу об этом убийстве корреспонденту известной американской газеты. В репликах журналиста явно актуализируются такие его личностные характеристики, как настойчивость и умение логично мыслить:

Однако настойчивость и умение логично мыслить являются также профессиональными качествами шефа полиции, что позволяет данному диалогу протекать как совместная речевая деятельность двух людей, заинтересованных в успешности своего общения. Шеф полиции, отвечая на вопросы молодого человека, выражает свои мысли пространными репликами, состоящими, в основном, из структурно полносоставных предложений: простых, сложноподчиненных и сложносочиненных. Тем не менее встречающиеся в его речи эллиптические, например: 'Twenty-four hours a day', и односоставные предложения, такие, как: 'A foreigner. Yugoslav', служат основной коммуникативной цели этого диалога, что важно, совпадающей у обоих коммуникантов – выявить как можно больше подробностей этого дела, заполнить информационную лакуну. В данном диалоге можно проследить такие профессиональные и личностные характеристики шефа полиции, как интерес к людям, умение их адекватно оценивать. Что касается присущих только ему как индивидууму таких личностных свойств, как доброта, сострадание, человечность, например: '... had a glass together', '... with great sogtow...' и др., они в полной мере реализуются в его репликах.

В тот момент, когда собеседники дошли до выяснения деталей прежней жизни убитого американца, шеф полиции внезапно понял насколько полезны вопросы журналиста и у него возникла мысль, которая, как ему показалось, была важной для разгадки тайны убийства. Охваченный нетерпеливым желанием поскорее подтвердить свои догадки, он тем не менее продолжал четко и точно отвечать на вопросы настойчивого молодого человека, стараясь переключить его интерес на свояченицу, брата и других родственников покойного. Поскольку интересы обоих коммуникантов были удовлетворены, они расстались вполне довольные результатами беседы друг с другом.

(1) '... Thank you for your interest, monsieur. I trust I haven't wasted your time'. He put out his hand.

Hubbell said, 'Merci bien, monsieur'. He had gotten all the information he was going to get, and left (BT, 17).

Те же самые, отмеченные в первом диалоге такие личностные качества журналиста, как настойчивость, умение логично мыслить и добиваться цели, не получают своей реализации, если ситуация не располагает собеседников к заинтересованному обмену мнениями, о чем и свидетельствуют следующие два диалога.

Рассмотрим один из них:

(2) 'Bonjour', he said, 'Good afternoon'... the woman on the bench said nothing...

'Mrs Jordache?' he said.

'Yes?' Her voice was flat and toneless. She looked up at him dully.

'I'm from *Time* magazine'. He was an honorable man and would not pretend to be a

friend of her husband's or of the murdered man... 'I've been sent down to do a story on your brother-in-law'. A white lie, but permissible within his code...

Still the woman said nothing, just stared at him with those lifeless eyes.

'The chief of police said you might be able to give me some information about the affair. Background information...'

'Have you talked to my husband?' Jean asked.

'I haven't met him yet'.

'Haven't met him yet', Jean repeated. 'I wish I hadn't. And I bet *he* wishes I hadn't'...

'Did the policeman tell you why I could give you information?' the woman demanded, her voice harsh and rasping now.

'No', Hubbell lied.

Jean stood up abruptly. 'Ask my husband', she said, 'ask the whole goddam family. Just leave me alone'.

'Just one question, Mrs Jordache, if I may', Hubbell said, his throat constricted. 'Would you be prepared to lay criminal charges against the man who attacked you?'

'What difference would it make?' she said dully... 'Go away. Go away. Please' (BT, 23).

Все настойчивые попытки репортера, стремящегося получить как можно больше информации об этом таинственном деле, чтобы как можно скорее передать в свою газету сенсационные новости натываются на раздражение женщины и ее нежелание отвечать. Но напористые вопросы журналиста вывели женщину из неподвижного, почти безжизненного состояния, в котором она находилась. Затем наступил момент, когда она сумела перехватить инициативу и начала сама задавать вопросы, за которыми последовала ее реплика 'I wish I hadn't. And I bet he wishes I hadn't', смысл которой выражен имплицитно и требует от партнера по коммуникации определенных пресуппозитивных знаний. За игрой слов в этой реплике явно проступают тревога, боль и умение понять чувства другого человека, чувства своего мужа.

Следует обратить внимание на тот факт, что фрагменты диалогов, которые мы выбрали для того, чтобы посредством прагмалингвистического анализа выявить личностные характеристики коммуникантов, как части микроконтекстов входят в макроконтекст, которым является структура всего художественного произведения. И в ряде случаев, как это видно уже из примера (2), чтобы понять часть – отдельный фрагмент диалога, нам может потребоваться обращение к целому тексту – всему художественному произведению поскольку понятие структуры можно понимать как «способ, закон связи элементов целого» [5, с. 18], в то время как авторский комментарий к репликам диалога, по нашему мнению, можно понимать как связующее звено между диалогом (частью) и текстом художественного произведения (целым). С одной стороны, авторский текст, в виде комментария к репликам коммуникантов, относится к микроконтексту – диалогическому фрагменту, с другой стороны, в виде авторских отступлений, предваряющих или комментирующих речевое общение персонажей, относится к макроконтексту, т.е. тексту всего художественного произведения. Не оспаривая значения и важности для понимания глубинного смысла произведения авторского текста, как комментария к репликам, следует подчеркнуть, что речевая деятельность персонажей предоставляет больше возможностей для выявления их личностных характеристик. В этой связи стоит обратить внимание на следующие

слова-приказания, произносимые, вернее выкрикиваемые женщиной из комментируемого нами фрагмента диалога (2):

‘Ask my husband, ... ask the whole goddam family. Just leave me alone’.

Речевой акт, в котором реализуются эти слова, относится к директивам, директивам категоричным, требующим от партнера по коммуникации немедленной реакции, необязательно речевой. Не получив никакого сигнала о том, что незнакомый мужчина, задающий ей неприятные вопросы, готов выполнить ее волю – оставить ее одну, а, напротив, услышав его очередной вопрос, тогда вслед за категоричным ‘Go away. Go away’ (повтор здесь значительно усиливает эмоциональную сторону директива), миссис Джордах произнесла: ‘Please’. Использование в целях усиления эффекта воздействия на собеседника такого вида мотивации, как просьба, способствует, как росту иллюкутивной силы высказывания [2, с. 113], так и более яркой манифестации чувств миссис Джордах, ее состояния страха, отчаяния и внутренней боли.

Рассмотрим третий диалог, в котором в качестве адресанта выступает всё тот же репортер журнала *Time*, всё с той же коммуникативной целью – узнать более подробную информацию об убийстве гражданина Америки, которое произошло в маленьком курортном французском городке, а главное – узнать, каковы же истинные мотивы этого убийства.

(3) ‘Yes?’ Rudolph came over to the head of the gangplank.

‘Mr Rudolph Jordache?’

‘Yes’. The tone was short.

‘I’m from *Time* magazine...’ Hubbell saw the man’s face set. ‘I’m very sorry about what happened...’

‘Yes?’ Impatiently, questioning.

‘I don’t like to intrude on you at a moment like this...’ Hubbell felt foolish, talking at a distance, blocked off by the invisible wall of the boy’s hostility, and now the man’s. ‘But I wonder if I could ask you a few questions about...’

‘Talk to the chief of police. It’s his business now.’

‘I have talked to him.’

‘Then you know as much as I do, sir,’ Rudolph said and turned away...

Hubbell stood there another moment, feeling that perhaps he had been wrong in his choice of a profession, then said, ‘I’m sorry,’ ... turned around and walked toward the entrance to the port (BT, 24).

Приведенный диалог является иллюстрацией явной коммуникативной неудачи адресанта. Причины этой неудачи, как нам представляется, следует искать прежде всего в личностных характеристиках обоих коммуникантов. Одной из самых главных здесь можно назвать некоторую неопытность молодого репортера, его недостаточно большой жизненный опыт, что не позволило ему с первого взгляда оценить новую, не похожую на две предыдущих, коммуникативную ситуацию, и с первых реплик понять волевой, жесткий характер своего собеседника, которому он пытался навязать свою линию поведения. Эти ошибки на докоммуникативном и начальном этапе коммуникации привели к тому, что несмотря на ту же тактику речевого поведения, коммуникативный эффект третьего диалога – диалога с мистером Джордахом – равен нулю. Если в первом диалоге с шефом полиции, журналист узнал много интересующих его фактов; во втором – с миссис Джордах – несмотря на ее явное нежелание отвечать по

существо заданных вопросов, он сумел получить от нее определённую имплицитно выраженную информацию, которая всё же дала ему материал для размышлений и ряда выводов по сути дела, то в третьем – мистер Джордах, не дослушав до конца ни одной его реплики, не дав никакой информации, резко оборвал процесс общения. Те речевые средства, которые репортёр выбрал для выражения сочувствия и сострадания: *I don't like to intrude...*, *But I wonder if I could ask...*, не содержат ни одного прямо выраженного вопроса, содержат только вежливый, косвенный способ уточнения информации. Однако эта уловка не помогает, потому что адресант абсолютно не учел фактор адресата – его ум, проницательность, волю, сильный характер, а также большой жизненный опыт поведения в подобных ситуациях с репортёрами, опыт политика. В этом примере личностные характеристики коммуникантов тесно переплетаются с социальными. Все перечисленные качества мистера Джордаха реализуются в короткой реплике, состоящей всего из одного слова – *Yes*. В первый раз *Yes?* – произносится безразлично, вежливо, второе *Yes* – отрывисто, коротко, третье *Yes?* своей вопросительной интонацией уже пытающееся показать молодому человеку всю бестактность его поведения. И хотя речевое поведение мистера Джордаха было корректно с языковой точки зрения, сила его характера, актуализированная в его односложных репликах, оказалась намного выше, чем у журналиста, в результате чего, уходя, молодой человек расстроено подумал о том, что, возможно, ошибся, выбрав профессию журналиста.

ВЫВОДЫ

Результаты анализа, проведенного в данной статье, позволяют нам сделать следующие выводы:

* актуализация личностных характеристик коммуникантов происходит в процессе их речевой деятельности – в диалогическом общении;

* речевая деятельность протекает в конкретной коммуникативной ситуации, которая обуславливает речевые действия коммуникантов и способствует актуализации их, как явных, так и скрытых личностных характеристик;

* личностные характеристики коммуникантов влияют на выбор ими адекватных конкретной ситуации речевых средств и тактики речевого поведения, от чего и зависит, в целом, успех коммуникации, поскольку правильный выбор предполагает оценку пресуппозитивных свойств партнера по коммуникации, продумывание его предполагаемой реакции, соблюдение определенных принципов речевого общения и другие факторы, напрямую зависящие от личности участника диалога.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16. – М., 1985. – С. 3.
2. Еремеев Я. Н. Директивные высказывания с точки зрения диалогического подхода / Я. Н. Еремеев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. – Воронеж, 2000. – С. 113.
3. Красильникова Е. В. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Е. В. Красильникова // Язык и личность. – М., 1989. – С. 8.
4. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М., 1969. – С. 26.
5. Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании / В. И. Свидерский. – М., 1962. – С. 18.

Список сокращений источников фактического материала

1. BT – Shaw I. Beggarman, Thief. New English Library, 1989.

**THE SPEECH BEHAVIOUR OF INTERLOCUTORS AS A WAY
TO ACTUALISE THEIR INDIVIDUAL FEATURES**

Agapova S. G., Milkevich Ye. S.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: s-agapova@mail.ru, yelenamilkevich@yandex.ru

The article studies the means to single out personal characteristics of interlocutors, which can be considered as one of the main aspects in dialogues studies. The article shows how the actualization of speakers' individuality occurs if we take into consideration a definite communication situation as well as the chosen language means to affect the interlocutor. The carried out linguistic analysis proves that to make communication successful and to achieve a particular communicative intention the participants of a dialogue should pay attention to the peculiarities of a speech situation and presuppositions of the interlocutors. Moreover, in order to facilitate the positive results of the communication the participants should assess the above mentioned criteria before the actual speech act happens. This can dictate the choice of linguistic means and determine the speech behaviour tactics during the dialogue. For the researcher however it gives an opportunity to speak about speech personalities as reflected in a dialogue.

Dialogue is a speech activity and it is closely connected with the general pragmatic activity of a person. We should view the dialogue as a speech act, but not only as a means to express thoughts. Communicative activity is specific and individual as it is determined by peculiarities of a person's psychic and social activity. Communicative activity aims at facilitating interconnection between people and conveying information. Thus we can speak about two types of language communication: linguistic and social, as any utterance in a particular situation has a wide background of preliminary conditions which structure the further communication. Communicative activity like any other type of human activity has three aspects: motivation, intention and performance [4, c. 26].

The aim of the article is to analyse communicative situations and single out ways to actualize interlocutors' personal features. This aim is achieved through fulfilling the following objectives: to state the peculiarities of a definite situation; to specify what chosen language means facilitate the process of speech influence or speech manipulation. For providing sufficient degree of objectivity of the research a certain number of different dialogues in which in different communicative situations one and the same character – the reporter of one of the American newspapers - acts as the initiator of dialogical communication is commented on. It's obvious that personal characteristics find the reflection both in the speech of characters, and in the author's comments in which the assessment of their speech acts is directly or indirectly expressed. Personal characteristics of participants of a certain dialogue represent an interlacing of specific, universal, social, national and cultural features. So personal characteristics, first of all, may be called manifestation inherent to a certain individual specific traits of character, peculiar to his internal state at the time of a certain speech act.

The analysis shows that actualization of personal characteristics of interlocutors occurs during the process of their communicative activity, i.e. in a dialogue.

Communicative activity is always placed within the framework of a definite communicative situation, which determines the speech behaviour of communicators and thus assists the actualization of people's both explicit and implicit individual features.

People's personality dictates their choice of appropriate language means and speech tactics which facilitate successful communication. The correctly made linguistic choice means that the interlocutors have made valid estimations of presuppositional characteristics of their communicative partner, they can prognose his speech response and follow the maxims of speech behavior in accordance with the individual features of interlocutors within the social dimensions of conversation.

Keywords: communicative situation, speech behaviour, personal characteristics, presupposition.

УДК 81'23

**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ
ФРАНКОФОННОГО ЯЗЫКОВОГО СООБЩЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ БУРУНДИ, НЬЮ-БРАНСУИКА
И СЕВЕРНОГО РЕГИОНА ФРАНЦИИ)**

Албанский В. В., Храбскова Д. М.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация*

E-mail: V.Albansky@gmail.com

E-mail: danuta.simf@yandex.ru

Статья посвящена социолингвистической типологизации франкофонного сообщества. Исследование строится на разграничении таких опорных терминов, как диалект, региолект и социолект. Типологизация основана на научной парадигме, в которой определённый региолект соответствует конкретному типу франкофонного сообщества, что выражается в присущих ему специфических особенностях в рамках данного региолекта. Также в границах данного типа выделяются подтипы языкового сообщества, которые соотносятся с ареалом распространения диалектов и/или социолектов.

В качестве примера для проведения исследования были выбраны три франкофонных региона, а именно: единственная официально двуязычная канадская провинция Нью-Брансуик, где наблюдается высокий уровень французского унILINGВИЗМА; небольшое четырёхязычное государство в Центральной Африке – Бурунди; а также северная Франция с ареалом распространения языка «ойль».

Ключевые слова: Акадийский французский язык, Бурунди, Нью-Брансуик, социолингвистика, Франция, языковая ситуация.

ВВЕДЕНИЕ

В современной социолингвистике широко изучаются проблемы языковой вариативности (Ф. Гаде, Т. И. Ерофеева, Т. Б. Крючкова, Н. С. Найдёнова, А. Д. Петренко, Д. Таннен, Д. Уотт). Начало XX в. в лингвистике ознаменовано активным развитием социального направления, основанного на положении о том, что речь людей различается в зависимости от их принадлежности к различным социальным группам. На гетерогенную природу языка, в частности, указывает французский лингвист А. Мейе: «Внутри данного языка, определяемого единством произношения и, в особенности, единством грамматических форм, в действительности существует столько особых словарей, сколько имеется социальных групп, обладающих автономией в пределах общества, говорящего на этом языке» [цит. по: 2].

Одним из актуальных направлений изучения романских языков в социолингвистическом аспекте является определение процессов, обуславливающих формирование их территориальных разновидностей за пределами Европы. Французский язык вне зоны метрополии даёт богатый материал для наблюдений. Например, ещё ненормированный французский язык, привнесённый в Канаду, пошёл собственным путём развития, представляя собой на сегодняшний день другой тип родного языка франкофонного носителя, в отличие от парижского варианта. В свою очередь, в странах Африки, особенно Тропической, французский язык адаптировался к местным этно-

лингвистическим условиям и социальным реалиям, он интегрировал те особенности, которые чужды языку метрополии. Также актуальным в эпоху глобализации является определение функционального и структурного состояния французского языка в северной Франции за пределами региона Иль-де-Франс.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Теоретические параметры исследования

Исследование строится на разграничении таких опорных терминов, как диалект, региолект и социолект. Под термином «региолект» понимается исторически сложившаяся языковая формация, разновидность языка, распространённая на обширной территории и имеющая ряд собственных специфических черт; «диалект» рассматривается как разновидность языка, распространённая на сравнительно небольшой территории и имеющая ряд собственных исторически специфических черт, но в то же время и сходства с региолектом; социолект – разновидность языка, присущая индивидам, обусловленная языковым поведением говорящих (социальные, экономические, культурные особенности среды, возраст, пол, уровень образования индивида).

Таким образом, социолингвистическая типологизация основана на научной парадигме, в которой определённый региолект соответствует конкретному типу франкофонного сообщества, что выражается в присущих ему специфических особенностях в рамках данного региолекта. Также в границах определённого типа можно выделить подтипы языкового сообщества, которые соотносятся с ареалом распространения диалектов и/или социолектов.

Ввиду обозначенной тематики, к региолекту относится акадийский французский язык, распространённый на территории четырёх Приморских провинций Канады: Новой Шотландии, Нью-Брансуика, Ньюфаундленда и Лабрадора, Острова Принца Эдуарда, а также в штате США Мэн. В свою очередь, данный региолект распадается на ряд диалектов, например, диалект акадийского французского языка в Новой Шотландии или диалект Острова Принца Эдуарда, которым присущи те или иные местные особенности. В исследовании уделяется особое внимание акадийскому французскому языку в Нью-Брансуике, так как эта провинция представляет собой интерес с точки зрения высокого уровня французского унилингвизма в сравнении с другими Приморскими провинциями.

На территории Африканского континента следует выделить два региолекта: французский язык в странах Магриба и французский язык в странах Тропической Африки. Каждый из этих двух региолектов обладает своими специфическими особенностями в сравнении с французским языком метрополии, в частности, в области фонетики. Каждое отдельное государство (Габон, Кот-д'Ивуар, Сенегал и др.) имеет, в свою очередь, особый диалект французского языка с присущими ему местными особенностями. В качестве примера подобного диалекта рассматривается функционирование французского языка в Бурунди, как наименее изученном регионе с социолингвистической точки зрения.

Применительно к языковой ситуации во Франции в исследовании предлагается разграничивать понятия «региолект» и «региональный язык». Под термином «региональный язык» понимается язык/диалект национального меньшинства, компактно

проживающего на территории данного государства, имеющий определённые права в области культуры, образования, СМИ и т.п. наряду с официальным языком государства и отличный от последнего. Во Франции выделяются следующие семь региональных языков: баскский, бретонский, каталанский, корсиканский диалект итальянского языка, фламандский, франкский диалект немецкого языка и эльзасский диалект немецкого языка.

К региолекту относится совокупность диалектов Северной Франции, сгруппированных вокруг региона Иль-де-Франс, говор которого представляет собой кодифицированную норму французского языка. К региолекту также относится совокупность диалектов Южной Франции, образующих отдельное языковое поле на фоне социолингвистической ситуации государства, а именно окситанский язык, не имеющий единой нормы. В восточной части Франции распространён франкопровансальский язык – общее название группы говоров, исследования которых в последние годы подтвердили обособленность данного ареала. Таким образом, на территории Франции выделяется три исторически сложившихся региолекта: северный – язык «ойль», южный – язык «ок», восточный – франкопровансальский.

2. Типы франкофонного сообщества в Нью-Брансуике

Следуя вышеуказанной парадигме исследования был выделен акадийский тип, характерными чертами которого являются:

1. На фонологическом уровне акадийская система гласных приближена к среднефранцузскому языку, в частности фонема /h/, которая служит для различения таких пар слов, как, например, *haler* (*tirer*) и *aller*. Палатализация задненёбных звуков /k/ и /g/, зубных звуков /t/ и /d/ составляет важное отличие акадийского французского языка, например, «*tchuré*» вместо «*suré*» или «*djable*» вместо «*diable*». В отличие от квебекского французского языка, в акадийском отсутствуют зубные аффрикаты: /d/ ≠ /dz/, /t/ ≠ /ts/. В системе гласных следует отметить тенденцию к замене /o/ и /ɔ/ на /u/: «*rommier*» становится «*roummier*» /*pumje/*, «*homard*» – «*houmard*» /*humar/*. Также фонологические оппозиции *o/ɔ*, *e/ɛ*, *a/ɑ*, *ø/œ* сохраняются в акадийском французском языке, тогда как в стандартном французском они постепенно исчезают [13, с. 161-162].

2. Лексика акадийцев состоит в основном из архаизмов в сравнении с современным французским языком Франции. Языковой консерватизм акадийских регионов позволил сохранить лексемы, характерные для диалектов метрополии. Например: *abrier* (*couvrir*) – покрывать, *hardes* (*vêtements*) – одежда, *asteure* (*maintenant*) – сейчас, *bailler* (*donner*) – давать, *espérer* (*attendre*) – ждать, *amarrer* (*attacher*) – прикреплять и др. [13, с. 161-162];

3. Среди особенностей глагольной системы выделяются следующие: в сложных временах все акадийские глаголы (кроме *mourir*) спрягаются со вспомогательным глаголом *avoir*, обозначая свершившееся действие: *il a sorti* (*du bureau à midi*) (он вышел (из офиса в полдень), а в том случае, когда выражается результат действия, используется нормативный для этих глаголов вспомогательный глагол *être* – *il est sorti* (его уже нет). Глагол *mourir* употребляется и с *avoir*, и с *être*; обозначает свершившийся факт, но имеет две формы причастия прошедшего времени – *mouri*, *mort*. Выбор ка-

ждой из них предопределён выбором глагола: *Le mal a passé, pis la dent a mougi* – «Боль прошла, и зуб умер»; *Vétôt, alle est mort* – «Вскоре она умерла». Глагол *venir* спрягается равным образом с обоими вспомогательными глаголами. Отмечается, что подобные употребления встречаются в просторечии и местных говорах Франции – это можно увидеть в «Лингвистическом атласе Франции» [1, с.74];

4. Также выделяется особый язык жителей Нью-Брансуика «шияк», являющийся вариантом французского языка и имеющий в своей основе английские лексические, синтаксические, морфологические и фонетические формы, например, *je viendrai back, c'est right intéressant, je te phonerai à soir, j'irai te driver chez vous*. «Шияк» используют в основном франкофоны на юго-востоке провинции. Данный вид языка ассоциируется у говорящих с урбанизацией, символизирует ассимиляцию и аккультурацию, а также проникает в традиционную речь, что приводит к потере языковых и культурных ориентиров [4, с.64]. В последние десятилетия «шияк» является частью СМИ и литературного пространства, а также участвует в формировании новой языковой формации по отношению к признанию единственной легитимной стандартной нормы языка [13, с. 168-169].

Юго-восточный подтип, маркированный языковыми контактами, характеризуется обесцениванием со стороны говорящих, тогда как северо-восточный (с преобладанием франкофонов) признаётся носителями в качестве лучшего варианта французского языка в Нью-Брансуике. Однако у франкофонов Нью-Брансуика есть склонность к уничижительному суждению о своём языке, так как его сравнивают с французским языком Квебека и Франции. Этот сдвиг к тому же наглядно показывает, что понятия «центр» и «периферия» находятся в подвижном положении. Вместе с диглоссией язык и/или вариант недооценённого языка маркированы дискредитацией и идеализацией [13, с. 167].

3. Геосоциолингвистические особенности французского языка в Бурунди

Среди особенностей бурундийского подтипа следует указать такие, как:

1. Фонема [R] нормативного французского языка метрополии, реализуется как вибрирующий звук средний между [r] и [l]; в языке рунди все слова заканчиваются гласными звуками, которые произносятся настолько слабо, что качественно приближаются к «шва». Это приводит к семантической недодифференциации французских слов с фиксированным конечным ударением. Таким образом, в синтагматике достаточно часто наблюдается редукция *de, des, deux, dont* и пр.; фонематические смещения влияют и на письменный язык, следовательно, являются причиной формирования устойчивых отклонений от нормы, например, *minitieux* вместо *minutieux* или *disparution* вместо *disparition* и т.д.; также отмечается влияние бельгийского французского языка в следующих случаях: *WC* [wese], *VW* [vewe], *wagon* [wagɔ̃]; интонация в предложениях рунди резко отличается от интонации во французской фразе. Язык рунди не знает деления на ритмические группы, таким образом, большая часть бурундийцев не соблюдает их [11, с. 26-27];

2. Французский язык в Бурунди характеризуется наличием специфической лексики, обозначающей виды растений, которые произрастают в регионе Великих Озёр, фауну, местные гастрономические продукты, музыкальные инструменты, факты повседневной и культурной жизни жителей страны: *éleusine* – зерновая восточноаф-

риканская культура Eleusine согасана, приспособленная к произрастанию на высотах; *ensete* – ложное банановое дерево; *koué ou kouhé* – рыба *Bulengerochromis microlepi* семейства Цихлиды, которая водится в озере Танганьика; *bugali* (из кирунди *ubugali* или *ubugari*) – тесто; *michopo* (из суахили *чоро*) – еда; *soko* (из араб. посредством суахили и рунди – *isoko* < *soko* < *souk*) – рынок; *capita* (из порт. посредством киконго) – бригадир; *agasimbo* (из рунди *agasimbo* или *udusimbo*) – традиционный акробатический танец; *igisoro* (из рунди *igisoro* или *ibisoro*) – игра на двух игроков, использующих деревянную дощечку с 32 углублениями, в которые перемещаются шарики и др.; наблюдается большое количество сложных имён существительных, не свойственных языку метрополии: *borne-fontaine* – общественный фонтан; *caféiculteur* – фермер, специализирующийся на выращивании кофе; *devin-guérisseur* – медиум (посредник между миром живых и мёртвых) и др.; многие термины могут иметь отличный от стандартного языка смысл: *bock* – бутылка тёмного пива (33 сантিলитра); *bureau* (*deuxième, troisième bureau*) – любовница; *divisionniste* – сторонник социальной практики, который учитывает этническое или социальное происхождение индивидов; *maquisard* – студент, который не имеет права на комнату в общежитии и остался жить с другом; также отмечаются заимствования из французского языка Бельгии: *avant-plan* – передний план; *entièreté* – совокупность; *reciproquer* – обеспечивать вежливость; *académique* – университетский; *agrégation* – официальное утверждение административного акта; *athénée* – атенеум (среднее учебное заведение); *avant-midi* – утренняя пора и др. [10];

3. Среди морфосинтаксических особенностей отмечается переходность / непереходность прямых / косвенных глаголов: *accoucher un enfant* (*accoucher de*), *téléphoner qn* (*téléphoner à*), а также их номинализация / деноминализация: *se sympathiser* (*sympathiser*), *terminer* (*se terminer*), *doucher* (*se doucher*); особенности, касающиеся грамматического рода: *personne, quelqu'une, quelque chose* (неопр. мест., согл. в ж.р.: *La reduplication suggère l'idée de quelque chose dépourvue de l'essentiel*), *combi* (ж.р.); особенности, касающиеся числа: *qui* (вопр. мест., согл. во мн.ч.: *Qui soutiennent Jonas Savimbi ?*), *toilette* (ед.ч.) [9, с.19-20].

Таким образом, французский язык в Бурунди адаптируется к реалиям африканского континента, специфике формирования социокультурных общностей, образу мысли и восприятию мира его носителями. Исходя из вышеизложенного можно заключить, что отличительные его черты связаны с существованием в новой социальной среде и в новых географических условиях.

4. Типологизация французского языка в северной Франции (на примере анжуйского и пикардийского языка/диалекта)

Северофранцузский регион характеризуется как зона разветвленного диалектного континуума. Среди наиболее устоявшихся диалектов можно выделить пикардийский, валлонский, нормандский. Чувство языковой неуверенности у большинства французов эволюционирует из-за воздействия общефранцузского пуризма, по которому в языке всё, что не соответствует парижской норме – неправильно, однако для отдалённых от столицы регионов подражание стандарту не является обязательным и абсолютным.

Анжуйский диалект представляет собой сложный конгломерат классического французского языка, галло и отчасти нормандского [12]. Практически исчезнувший, этот диалект встречается лишь в так называемых римьо (*rimiaux*), стихотворениях, написанных на нём и в некоторых повседневных выражениях [3]. Основные особенности диалекта:

1. На фонетическом уровне – звук [a] трансформируется в долгий [a:] в конце слова: где он иногда замещает [ɛ] (-aie, -ais), например, *chênâ, hâ* вместо *chênaie* (дубовая роща), *haie* (изгородь); [a] иногда переходит в [o] (*omouère* = *armoîre* (шкаф) или в [ɛ] (*chaircutier* = *charcutier* (торговец свининой)); [ɛ] часто трансформируется в [e]: *mésôn – maison* (дом); буквосочетание «oi» произносится как [we], также как и в старофранцузском; [er] расширяется до [ar]: *aubarge – auberge* (постоялый двор), *harbe – herbe* (травы) и др. [8];

2. Лексика анжуйского диалекта насчитывает около 20 000 слов, большая часть из которых происходит из старофранцузского языка и близка по произношению к современному французскому. Однако имеются случаи отличной от стандарта лексики, например, *à c't'heure – maintenant* (сейчас), *an'huit* или *anhui – aujourd'hui* (сегодня), *vanqué – peut-être* (может быть), *abernaudir – se couvrir* (надевать на себя), *pouille ton fâite – mettre ses vêtements* (изорвать одежду) и др. [8];

3. В анжуйском диалекте отсутствует буквосочетание -ien, вместо него употребляется -in: *rien, bientôt, bien – rin, bintôt, bin*; «gu» произносится как «qu»: *fatiguer, la fatigue – fatiqué, la fatigue*; буквосочетание «sa» часто произносится как «ga»: *un camion, un canard – un gamion, un ganard* [12].

Современный пикардийский диалект не является унифицированным: взаимопонимание между носителями севера и юга пикардийского ареала в большинстве случаев достигается за счет использования нормативного французского языка [6, с. 51]. Сегодня трудно определить точное количество говорящих на пикардийском диалекте. В связи с тем, что данные основываются на добровольной самоидентификации носителей, цифра варьирует от 500 тыс. до 2 млн. во всём пикардийском ареале, включая бельгийский регион Эно [7, с. 4].

Пикардийский диалект сохраняет дистанцию со стандартным языком, особенно это прослеживается в фонетике:

согласные характеризуются:

1) палатализацией, отличной от французского языка: пик. *catcher /kaʃe/* = фр. *chasser* (охотиться), пик. *douche* = фр. *douce* (нежная); частыми аффрикатами: пик. *djèrre /dʒer/* = фр. *guerre* (война); депалатализацией: пик. *file /fil/* = фр. *fille /fij/* (дочь); 2) частым отсутствием эпентезы переходного согласного: пик. *prin.ne /prɛn/* = фр. *prendre* (брать), пик. *i varo* = фр. *il viendra* (он придёт); 3) сохранением германского велярного [w]: пик. *warder /warde/* = фр. *garder* (хранить); 4) оглушением согласных в конце слова: пик. *rouche* = фр. *rouge* (красный);

гласные характеризуются: 1) дифтонгизацией, отличной от французского языка: пик. *cachie /kaʃi/* = фр. *chassée* (гонимая), пик. *bos /bo/* = фр. *bois* (лес), пик. *euge /ɛʒ/* = фр. *auge* (кормушка), пик. *poévis /pweʃi/* = фр. *pays* (страна); 2) назализацией, отличной от французского: пик. *veint /vɛ̃/* = фр. *vent* (ветер);

3) специфичным воздействием плавных звуков, характерных для латыни: пик. *mius /mjy/* = фр. *mieux* (лучший), пик. *fius /fjy/* = фр. *fiis* (сын), пик. *capieu /karjø/* = фр. *chapeau* (шляпа) [7, с. 1].

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ
ФРАНКОФОННОГО ЯЗЫКОВОГО СООБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ БУРУНДИ,
НЬЮ-БРАНСУИКА И СЕВЕРНОГО РЕГИОНА ФРАНЦИИ)

Также на фоне французского языка выделяется специфика пикардийской лексики. Например, *acater* (Si te fréquentes avec mi, j't'acatrai des biaux soulis) – acheter (покупать); *alambic* (Dins ch'Nord, y'a toudis eun'alambic sus ch'fû) – cafetière (кофейник); *coco* (Ravise eul'coco comme i'est bieu) – garçon (мальчик); *o* или *on* (лич. мест. – *On* sommes arrivés sus l'coup d'dix heures éd'd'mi Él'premier truc à faire i'm dit, ch'est d'aller boire un d'm) – nous, on; *ù* (наречие – D'ù qu'ch'est t'as incore trainé?) – où; *zis* (им. суш., м.р., мн.ч. – J'jette mes zis sur eune petite boteusse, i'm prind l'invie eud'li faire la cour) – уеих и др. [5]

В плане синтаксиса характерной чертой пикардийского диалекта является грамматизация многих черт, схожих с устным народным французским языком (частое использование косвенной связи – *que*, повтор подлежащего, тематизация, предлоги без дополнения и др.). Также отмечается: 1) устойчивость прямого родительного падежа в ограниченном количестве выражений – пик. *à l'mon Roger* /a l mɔ̃ roze/ – фр. *à la maison de Roger*; 2) отличный от французского языка порядок слов – пик. *du fin sé* = фр. *du sel fin*, пик. *il o foait keud assé* – фр. *il a fait assez chaud*; 3) выражение подлежащего в инфинитивных конструкциях – пик. *vlo in.ne pème pour ti l'mier* – фр. лит. форма *voici une pomme pour toi la manger* [7, с.1].

Анжуйский подтип характеризуется бóльшим уровнем языковой интеграции в регион Иль-де-Франс и идентификацией себя, прежде всего, с французской культурой. Пикардийский же регион дистанцирован от столицы, что выражается в «языковой неуверенности» говорящих при оценке собственной французской речи.

ВЫВОДЫ

Изучение лингвистической типологии франкофонного языкового сообщества позволяет выделить в естественной франкофонной коммуникативной зоне три основных речевых типа, не относящихся к национальной стратификации, но качественно отличных от французского языка метрополии:

I. Акадский тип (в границах провинции Нью-Брансуик) –

1) юго-восточный подтип;

2) северо-восточный подтип;

II. Африканский тропический тип –

- Бурундийский подтип;

III. Северофранцузский тип –

1) анжуйский подтип;

2) пикардийский подтип.

Общие тенденции в специфике синтагматической реализации французского языка, обозначенных подтипов, указывают на устойчивость системы французского языка в условиях языкового контакта (вплоть до агрессивного уровня), что подтверждается диапазоном модификаций, ограничивающимся диахронической шкалой.

Данная типологизация представляет собой базовое основание для продолжения исследований в области мировой франкофонной зоны как на естественном, так и на искусственном уровнях владения языком.

Список литературы:

1. Голубева-Монаткина Н. И. Французский язык в Канаде и США: Социолингвистические очерки / Н. И. Голубева-Монаткина. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 192 с.
2. Серебrenников Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка / Б. А. Серебrenников // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – С. 451-50.
3. Angevin [Электронный ресурс] / Wikipédia – l'encyclopédie libre. – Режим доступа: <https://fr.wikipedia.org/wiki/Angevin#EncycloBonne> (дата обращения: 29.04.2016).
4. Boudreau A. Le français parlé en Acadie: idéologies, représentations et pratiques [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spl.gouv.qc.ca/fileadmin/medias/pdf/actes_colloque_langue_francaise_2008.pdf (дата обращения: 29.04.2016).
5. Dictionnaire chti-français [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20121223022613/http://www.paroledecthi.com/dico.pdf> (дата обращения: 29.04.2016).
6. Eloy J.-M. Historiographie d'une langue minoritaire, le picard, et problématique générale de la langue [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.u-picardie.fr/LESCLaP/IMG/pdf/historiographie_cle013611.pdf (дата обращения: 29.04.2016).
7. Eloy J.-M. Le picard, langue d'oïl [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.u-picardie.fr/LESCLaP/IMG/pdf/picard_pour_catalan_3_cle46265f.pdf (дата обращения: 29.04.2016).
8. Encyclopédie Bonneteau: Anjou, Maine-et-Loire, avril 2010, 320 p.
9. Frey C. Le français au Burundi. Lexicographie et culture / C. Frey. – Vanves: EDICEF, 1996. – 35 p.
10. Kadlec J. Particularités lexicales du français au Burundi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eer.cz/files/6-2-Kadlec.pdf> (дата обращения: 29.04.2016).
11. Кноп-Костковá М. La position et les particularités du français dans les anciennes colonies belges [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theses.cz/id/64he4m/00144585-875226856.pdf> (дата обращения: 29.04.2016).
12. Parler l'angevin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://andegave49.free.fr/parler_V2.htm (дата обращения: 29.04.2016).
13. Violette I. Immigration francophone en Acadie du Nouveau-Brunswick: langues et identités (Une approche sociolinguistique de parcours d'immigrants francophones à Moncton) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.applis.univ-tours.fr/theses/2010/isabelle.violette_3083.pdf (дата обращения: 29.04.2016).

**SOCIOLINGUISTIC TYPOLOGIZATION
OF THE FRANCOPHONE COMMUNITY
(ON THE EXAMPLE OF BURUNDI, NEW BRUNSWICK
AND THE NORTH REGION OF FRANCE)**

Albansky V. V., Khrabskova D. M.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: V.Albansky@gmail.com
E-mail: danuta.simf@yandex.ru*

The article deals with the sociolinguistic typologization of the francophone community. The authors investigate the role and co-existence of French in new geosociolinguistic conditions in the regions. French's degree of adaptation is emphasized and researched. The problem of the French language functioning in former Belgian and Canadian colonies region (Burundi and New Brunswick province) is outlined. French's position identification outside the region of Ile-de-France is analysed on the example of the Picard and Angevin language/dialect.

The research dwells upon the principles of language variability in the context of social and historical living conditions of native speakers pointing out the last changes in the foreign aspect. The analysis is made on

*СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ
ФРАНКОФОННОГО ЯЗЫКОВОГО СООБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ БУРУНДИ,
НЬЮ-БРАНСУИКА И СЕВЕРНОГО РЕГИОНА ФРАНЦИИ)*

inductive-deductive and descriptive methods. The former identifies theoretical and practical basis for the linguistic research. The later reveals specific character and language peculiarities in the given area.

The research is based on interpretation of terms dialect, regiolect and sociolect. Regiolect is a historically developed language formation, the kind of language extended in the vast area and having a number of own peculiar features. Dialect is the kind of language extended in rather small area and having a number of own peculiar features, but at the same time similarities with regiolect. Sociolect is the kind of language inherent in individuals caused by language behavior speaking (social, economic, cultural features of the environment, age, sex, education level of the individual).

Sociolinguistic typologization is based on theoretical frameworks in which the defined regiolect corresponds to concrete type of the francophone community that is expressed in its inherent specifics within this regiolect. Also within the limits of this type it is possible to allocate subtypes of the language personality which correspond to an area of distribution of dialects and/or sociolect.

The study of the linguistic typology of the Francophone linguistic community allows to select three main speech of the type not related to national stratification, but qualitatively different from the French language metropolis in a natural communicative French-speaking area:

I. Acadian type (in the borders of the province of new Brunswick) – 1) South-East subtype; 2) North-Eastern subtype;

II. The African tropical type – Burundian subtype;

III. Northern French type – 1) the subtype of Anjou; 2) Picardy subtype.

General trends in the specific syntagmatic realization of the French language, the designated subtypes, indicate the stability of the system of the French language in terms of language contact (up to an aggressive level), as evidenced by the range of modifications is limited to the diachronic scale.

This typology provides a basic foundation for further research in the field of world Francophone zones as natural and artificial levels of proficiency.

Keywords: Acadian French, Burundi, New Brunswick, French, sociolinguistic situation, typologization.

УДК 81'373:811.111-26:811.161.2

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ В АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Ананченко Е. С.

Донецкий национальный университет (ДНР)

E-mail: lileina.l@gmail.com

В статье выявлены общие и национально-специфические характеристики семантики и структуры лексем, объективирующих содержательный узел «Религиозные праздники», описаны основные частеречные характеристики лексем узла, установлены его главные когнитивные признаки. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в обоих сопоставляемых языках наиболее объективированными являются дни и события, связанные празднованием Пасхи, Господские и Богороднические праздники. Специфическим для английского языка является более продуктивная вербализация католических праздников и праздников, посвященных христианским святым.

Ключевые слова: религиозный праздник, лингвокультурный концепт, концептуальная сфера, содержательный узел, когнитивный признак.

Религиозные праздники отражают веру и традиции народа, представляя собой часть духовной культуры нации. В данной работе рассматриваются особенности структуры и семантики лексических единиц (далее ЛЕ) английского и украинского языков, номинирующих религиозные праздники. Лексемы, обозначающие дни, периоды, которые согласно христианской традиции принято считать торжественными, знаменательными, а также действия, связанные с этими днями, вербализуют содержательный узел «Религиозные праздники» концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК лингвокультурного концепта РЕЛИГИЯ (далее ЛКК РЕЛИГИЯ).

До сих пор анализ наименований религиозных праздников, в том числе сопоставительный, в основном проводился на материале фольклорной лирики, а также религиозные праздники рассматривались с позиций философско-социологического подхода в системе празднично-обрядового комплекса социума [1; 2; 3]. Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к проблемам сопоставительного изучения вопросов вербализации лингвокультурных, духовных концептов, необходимостью дальнейшей систематизации знаний в этой области и недостаточным уровнем изученности специфики языковой объективации традиционных христианских праздников в разноструктурных языках.

Содержательный узел «Религиозные праздники» вербализован 103 ЛЕ в английском языке и 48 ЛЕ – в украинском. В толковании лексем, объективирующих узел «Религиозные праздники», присутствует компонент, указывающий на значение ЛЕ: англ. *festival* ‘праздник’ и укр. *свято* ‘праздник’. Ср., англ. *festival* «a special occasion when people celebrate something such as a religious event, and there is often a public holiday» ‘особое событие, когда люди празднуют что-то, как например, религиозное событие, часто этот день является официальным выходным’; *свято* «день або дні,

коли урочисто відзначають видатні події, знаменні дати. Відзначуваний звичаєм або церквою день на честь якої-небудь події чи святого» ‘день или дни, когда торжественно отмечают выдающиеся события, знаменательные даты. День в честь какого-либо события или святого, отмечаемый церковью либо являющийся традиционным’.

Поскольку главным праздником всех христиан является Пасха, в обоих языках можно выделить лексемы, обозначающие дни и события, связанные с этим праздником. Ср., англ. *Easter, Shrove Tuesday, Ash-Wednesday, Great week, Holy week*; укр. *пасха, Великдень, Вербна субота, Вербна неділя*. Также в обоих языках можно выделить группу лексем, вербализующих праздники, связанные с Богородицей. Например, англ. *Candlemas, Chandry, Assumption*; укр. *благовіщення, Різдво Богородиці, успіння, покров*.

Анализируя содержательный узел «Религиозные праздники», особое внимание следует обратить на особенности праздников в разных христианских деноминациях. В православии Пасха открывает богослужебный год и является первым из 12 самых важных праздников, которые получили название двенадцатые (от числительного «12»). Они связаны, с одной стороны, с освящением реальных или легендарных событий христианской истории. С другой стороны, время празднования и обрядовый комплекс, применяемый в этих праздниках, отразили особенности годового круга языческих аграрных культов. Среди двенадцатых праздников выделяются непереходящие праздники (с фиксированными датами празднования). Они вербализованы в украинском языке ЛЕ *Різдво* ‘Рождество’, *Водохреща* ‘Крещение’, *Успіння* ‘Успение’ и др. Другая группа двенадцатых праздников – переходящие, дата которых связана с празднованием христианской пасхи (поэтому они еще называются пасхальные). Эта группа реализована такими ЛЕ, как *Вознесіння* ‘Вознесение’, *Трійця* ‘Троица’.

У католиков в основном такие же Господские и Богороднические праздники, как и у православных, но отмечают их по григорианскому календарю, поэтому отличаются даты праздников, что отражено в толковании лексем. Например, англ. *Christmas* «the annual commemoration by Christians of the birth of Jesus Christ on Dec. 25» ‘Рождество «ежегодное празднование христианами рождения Иисуса Христа 25 декабря»»; укр. *Різдво Богородиці* «свято на честь народження Діви Марії – матері Христа. Відзначається 8 (21) вересня». ‘Рождество Богородицы «праздник в честь рождения Девы Марии – матери Христа. Отмечается 8 (21) сентября’.

Один из главных праздников в честь Богородицы – Успение находит свою реализацию в обоих сопоставляемых языках. Ср., англ. *assumption* ‘Успение (Богородицы)’; в толковании датой этого праздника указано 15 августа – день празднования у католиков; укр. *успіння* ‘успение’ – «*успіння Пресвятої Богородиці – свято в пам’ять кончини Діви Марії – матері Христа. Відзначається 15 (28) серпня*». ‘успение Пресвятой Богородицы – праздник в память кончины Девы Марии – матери Христа. Отмечается 15 (28) августа’.

Как видно из примеров, в английской лингвокультуре приводится дата празднования у католиков, в то время как в украинской – у католиков и православных, что тесно связано с религиозной картиной мира изучаемых лингвосоциумов. Более высокая номинативная плотность узла в английском языке объясняется наличием ряда лексем, объективирующих католические праздники, которые, в свою очередь, не были зафиксированы в толковом словаре украинского языка. Например, англ. *All souls / All Souls’ Day* «the festival on which the Church of Rome makes supplications on their behalf; a day of prayer (Nov. 2) for the dead in purgatory» – день поминовения усопших (2 ноября), установленный в

память об умерших. По католическому учению молитва за них сокращает срок пребывания и страдания душ в чистилище.

Высокая номинативная плотность узла в английском языке также объясняется наличием ЛЕ, обозначающих праздники, посвященные святым. Например, англ. *St. Martin's day*, *St. Martin's eve*, *Martinmas*, обозначающими Мартынов день, который празднуется католиками и англиканцами 11 ноября, а православными 25 октября. Аналогичными примерами служат такие ЛЕ, как *Michael's day*, *M's eve*, *Barnaby-day*, *St. George's day*. В украинском языке зафиксировано две ЛЕ, номинирующие праздник Маковея (14 августа) – *маковій* и *спас*. В церковном календаре этот день называется Днем мучеников Маккавеев и Праздником Вынесения честных древ Животворящего Креста Господня.

Анализ частеречных характеристик свидетельствует, что в обоих сопоставляемых языках преобладают имена существительные (англ. 64 ЛО / 62% ; русск. 27 ЛО / 56%), причем в английском языке подавляющее большинство составляют сложные существительные, образованные из двух существительных, первое из которых содержит название святого, в честь которого назван праздник или торжественное событие, а второй компонент выражен темпоральным словом (35 ЛО). Например, *Christmas-day* 'Рождество', *Christmas-eve* 'канун Рождества', *Ash-Wednesday* 'Пепельная среда, День покаяния (первый день Великого поста у католиков и англиканцев)'. В украинском языке доминируют производные отглагольные существительные, образованные с помощью суффиксации (17 ЛО: *введення* 'введение', *успіння* 'успение', *різдвування* 'різдвування'). Следующей по продуктивности группой в обоих языках выступают словосочетания (ср. англ. *Holy Thursday* 'Вознесение', *Shrove Sunday* 'прощенное воскресенье', *St. George's Day* 'День святого Георгия'; укр. *Вербна неділя* 'Вербное воскресенье', *Вербний тиждень* 'Вербная неделя', *Переплавна середа* 'Переплавная среда'. Примечательно, что как в английском, так и в украинском языке в структуре словосочетаний, объективирующих содержательный узел «Религиозные праздники», главным словом является лексема со значением темпоральности, а зависимым, как правило, имя святого или название религиозного события.

В ходе исследования было выявлено, что содержательный узел «Религиозные праздники» является важной составляющей концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК ЛКК РЕЛИГИЯ в картинах мира сопоставляемых языковых сообществ, что подтверждается его довольно высокой номинативной плотностью. Анализ словарных толкований лексем, вербализирующих узел «Религиозные праздники», свидетельствует о реализации таких когнитивных признаков ЛКК РЕЛИГИЯ, как 1) почитание бога и его помощников; 2) вера в сверхъестественные силы, 3) система взглядов, церемоний, традиций с превалированием последней в двух языках. Изучение семантики единиц исследования позволяет сделать вывод о том, что в обоих сопоставляемых языках объективированным является главный христианский праздник – Пасха, а также Господские и Богороднические праздники, праздники в честь святых. Особенности развития религиозной мысли в сопоставляемых лингвосоциумах находят свое отражение в изучаемых языках. Так в английском языке анализируемый содержательный узел характеризуется значительно более высокой номинативной плотностью за счет вербализации праздников католической и англиканской церкви и праздников, посвя-

щенных христианским святым. В свою очередь, меньшее количество лексем, объективирующих анализируемый содержательный узел в украинском языке, объясняется доминированием православия, а также особенностями лексикографической практики с отпечатками атеистического советского прошлого.

Перспективным является сопоставительное изучение особенностей вербализации ЛКК *РЕЛИГИЯ* в разных типах дискурса, а также типологическое исследование структурно-семантических характеристик лексем, объективирующих представления о религии на материале большего количества языков.

Список литературы

1. Великий тлумачний словник української мови / [уклад. і гол. ред. В. Т. Бусел]. – К., 2004. – 1440 с.
2. Святой дух праздников Христовых / [сост. О. Гончаренко]. – Ростов н/Д : Проф-Пресс, 1996. – 416 с.
3. Сапіга В. К. Релігійна й світська сфери святково-обрядового комплексу : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 09.00.11 „Релігієзнавство»/ В. К. Сапіга. – К. : Ін-т філософії НАН України, 1996. – 22с.
4. Воронцова С. С. Христианский праздник в фольклорной традиции (на примере русских, английских и немецких народных песен <http://il-ic.kursksu.ru/pdf/003-04.pdf>)
5. The Shorter Oxford English Dictionary: [2 volumes / W. Little, H. W. Fowler, J. Coulson]. – Oxford: Clarendon Press Oxford, 1983.

SEMANTICS AND STRUCTURE OF LEXICAL UNITS DENOTING RELIGIOUS HOLIDAYS IN ENGLISH AND UKRAINIAN

Ananchenko Ye. S.

Donetsk national university (DPR)

E-mail: lileina.l@gmail.com

The article concerns itself with the linguistic cultural analysis of the semantic and structural peculiarities of the lexical means representing the conceptual unit “Religious holidays” of the concept *RELIGION* in English and Ukrainian. The lexical means representing the unit under study in English and Ukrainian have been identified.

The unit under study verbalized by the lexical units denoting days and periods significant in Christianity proves to belong to the sphere *PERSON* of the linguistic cultural concept *RELIGION*. In the course of the research the common and peculiar features of semantics of the lexical units of the concept have been described, the basic structural characteristics have been pointed out and the main cognitive features of the conceptual unit have been determined.

On the basis of the classification of the lexical units under study the following groups reflecting the content of the conceptual unit have been singled out in both languages: Christians holidays connected with life of Jesus Christ, especially His resurrection, and His mother Virgin Mary. A larger number of English lexemes denoting specific Anglican and Catholic holidays and holidays celebrating saints can be explained by the peculiarities of Christian denominations in Britain.

The productivity of the structural types of the lexical means representing the conceptual unit “Religious holidays” has been determined. The parts of speech classification of the lexemes under analysis proves that nouns prevail in both languages. However English names of Christian holidays are mainly verbalized with the help of compound nouns, whereas in Ukrainian nouns derived from verbs are predominant ones, second productive group in both contrasted languages appears to be word combinations.

The conceptual unit “Religious holidays” in English and Ukrainian is determined as an important part of the sphere *PERSON* of the linguistic cultural concept *RELIGION* and it is characterised by the following cognitive features: 1) worship of god and his assistants, 2) belief in superficial, 3) system of views, ceremonies, traditions.

The study of semantics units of study leads to the conclusion that in both compared languages objectified is the main Christian holiday – Easter, as well as holidays of God and virgin Mary, holidays in honor of saints. Features of development of religious thought in the compared language communities is reflected in the studied languages. So in English the analyzed site meaningful is much more high nominative density due to the verbalization of the festivals of the Catholic and Anglican churches and festivals dedicated to Christian saints. In turn, a smaller number of tokens analyzed objectivise informative node in the Ukrainian language, due to the dominance of Orthodoxy, as well as peculiarities of lexicographic practice, with traces of atheistic Soviet past.

Perspective is a comparative study of the peculiarities of verbalization of the concept RELIGION in different types of discourse, and typological research of structural-semantic characteristics of the lexemes, objectivise the idea of religion on the material in more languages.

Keywords: religious holiday, linguistic cultural concept, sphere of the concept, conceptual unit, cognitive feature.

УДК 81:316.776

К ВОПРОСУ О МЕТАКОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Бабушкина М. А.

*Филологический факультет, Национальный исследовательский Мордовский государствен-
ный университет им. Н. П. Огарёва, Республика Мордовия, г. Саранск
E-mail: fairysky@yandex.ru*

В статье обозначена проблема трактовки метакоммуникативной функции, что связано с пониманием процесса метакоммуникации в целом. Метакоммуникативная функция является разновидностью прагматической функции в аспекте регуляции речи в процессе общения. Цель метакоммуникативной функции – не только установление акта коммуникации, но и способность адресанта сообщения наиболее полно реализовать своё коммуникативное намерение.

Ключевые слова: метакоммуникация, метакоммуникативная функция, метакоммуникативные высказывания.

В современной лингвистике актуальными вопросами для исследования являются проблемы метакоммуникации, в частности прагматика метакоммуникативных высказываний, особенности реализации метакоммуникативной функции. Это объясняется необходимой потребностью строить результативное общение; посредством метакоммуникативных средств языка находить способы предотвращения недопонимания коммуникантами друг друга и разрыва коммуникации. «Если участники коммуникации разделяют культурные ценности друг друга, то обладают знанием метакоммуникативных оттенков данной культуры или культуры в общем, в этом случае можно говорить об успешности коммуникации и достижении взаимопонимания, – писал Ю. Руеш [4, с. 6]. Именно психиатром Ю. Руешем и философом Г. Бейтсоном был введен в научный оборот термин *метакоммуникация*, понимаемая как инструкция по интерпретации сообщения, т. е. сообщение об отношениях между собеседниками и о толковании сообщения.

В аспекте взаимоотношений участников общения метакоммуникация – это непрерывная последовательность взаимообменов высказываниями, способствующими установлению положительных взаимоотношений между коммуникантами. Метакоммуникация определяется как обратная связь, которая свидетельствует о реакции адресата посредством его сигнальных реплик. Метакоммуникация может рассматриваться как метатекст, представляющий в виде авторских комментариев.

Все определения так или иначе сводят понимание метакоммуникации к общению на тему общения посредством языковых средств. Однако от того, как понимается процесс метакоммуникации, во многом зависит трактовка метакоммуникативной функции. Поэтому целесообразно детализировать определение метакоммуникации как эксплицирования говорящим иллокутивного потенциала речевого акта в случае его неверной интерпретации слушающим; комментария к сообщению (его элементам); любого проявления, проясняющего коммуникативные намерения общающихся

субъектов; явления, эксплицирующего содержание и форму тех или иных языковых единиц, составляющих процесса интеракции; феномена, связанного с общей организацией речевого взаимодействия, регулирующего и контролирующего процесс общения [2, с. 53].

Исходя из этого, метакоммуникативную функцию языка можно представить как функцию, регулирующую этапы общения на фазе установления контакта, реализации процесса общения и размыкания контакта. Поэтому метакоммуникативную функцию нередко связывают или отождествляют с фатической функцией языка. Как отмечает И.В. Грабовская, очевидно, что метакоммуникация реализует фатическую функцию, что позволило исследователям выделить фатическую метакоммуникативную функцию языка, направленную на включение / переключение внимания адресата на сообщение, поддержание на необходимом уровне внимания адресата в период передачи сообщения и завершение речевого контакта [1, с. 79].

Установление контакта можно проследить в таких нейтральных метакоммуникативных высказываниях с побудительной семантикой, как:

– *Поговори со мной.*

Маня пожала плечами. Двигатель урчал.

Она знала, что он так может промолчать и час, и два, или до завтра, и в конце концов повторила с неприязнью, что ей нужно ехать [6, с. 111].

Констатация необходимости разговора или начала разговора – это косвенное побуждение к установлению контакта:

– *Маня, мы должны поговорить. И я не хочу откладывать это на завтра или на вечер!.. [6, с. 112]*

– *Ну, начинаем разговор, – деловито сказал Колян и присел перед ней на корточки. – Сама отдашь или как? [6, с. 195]*

Косвенное побуждение к установлению вербального контакта может быть выражено и вопросом о речевом поведении адресата, как в последующем примере (*Чего молчишь? = Говори*):

– *Немая, что ли? – Да не-е! Говорливая, сам слышал. – Второй громко высморкался, поискал глазами и вытер пальцы о льняную занавесочку на двери в кабинет. – Слышь, ты! Чего молчишь?.. [6, с. 193]*

Реализация намерения коммуникантов может выразиться в высказываниях, отражающих полную уверенность в сказанном:

– *Володька не виноват! Я точно вам говорю, не виноват! Его кто-то по крупному подставил, понимаете? Ну он же не кретин, чтобы убить, а потом самому приехать сдаваться, да еще с трупом! – горячился Столетов [6, с. 224].*

Размыкание контакта между собеседниками происходит различными способами, в числе которых может быть и достаточно грубое требование прекратить разговор или сменить тему:

– *Или заткнись, или смени пластинку [6, с. 112].*

Желание прекратить общение может быть выражено адресантом в форме косвенного побуждения: в данном примере – это не столько вопрос, сколько требование перестать задавать вопросы и обсуждать увиденное:

– *Господи, какие еще вопросы? Какие тут могут быть вопросы, когда вы сами только что все видели! Это же просто... невыносимо! [6, с. 136]*

Категоричность размыкания контакта может быть подчеркнута апелляцией адресанта к своим же словам, посредством чего усиливается степень настойчивого воздействия:

– *Выметайся, я сказал. Барахло свое не забудь* [6, с. 45].

Однако целью метакоммуникативной функции является не только установление акта коммуникации, но и способность адресанта сообщения «наиболее полно реализовать своё коммуникативное намерение – представление о способе объединения запланированных говорящим заранее логических ходов и реализуемых в ходе коммуникативного акта лингвистических средств, достичь своей цели наиболее быстро и экономно путём умелого воздействия на адресата [5]. Поэтому регулирование процесса общения в метакоммуникативном аспекте связано не столько с обозначением фазы установления или размыкания контакта, сколько с экспликацией способов установления или поддержания контакта, оформления этапов интеракции:

– *Але, – нетерпеливо сказал ему в ухо телефон голосом лучшего друга Столетова. Голос был приглушенный, словно из под стола. – Чего тебе? Говори быстрее, я на совещалове!* [6, с. 196]

Внимание может быть акцентировано на оценочно-интерпретационном плане речи или коммуникативной ситуации:

– *Да ладно те, Колян! Слышь, она по ходу не понимает. – Так я объясняю! Я ведь объясняю, да, зайнька? Где конвертик-то?* [6, с. 196]

– *Это все никуда не годится. Бред и чепуха на постном масле. В этом нужно разбираться. Прямо сейчас* [6, с. 53].

– *Денис, – сказала она специальным сержантским тоном, – если вам известно что-то о Марине Покровской... – Да я тебе сейчас все расскажу, не злись, – перебил Дэн* [6, с. 243]. – В данном примере условия протекания диалога характеризуются метакоммуникативным комментарием в интерпретирующем контексте. Указание на особый тон говорящего воспроизводит эмоциональное состояние участника диалога, которое впоследствии эксплицируется в ответной реплике адресата (*не злись*).

Регулируются интерперсональные отношения коммуникантов (интимизация общения, смягчение категоричности суждений и под.):

– *Алекс, душа моя, не смею настаивать, знаю, что вы с самолета, но не могли бы вы подъехать прямо сейчас?* [6, с. 85]

– *И тебе советую – не лезь ты в это дело, – громко, перекрикивая уличный шум, сказала Митрофанова в сторону открытой двери. – Ты все равно помочь ничем не сможешь, а только...* [6, с. 45]

– *А почему ты шепчешь? – Не знаю, – прошептала Митрофанова...* [6, с. 166]

Фактический материал дает основание выделить метакоммуникативную контактоустанавливающую и метакоммуникативную контакторегулирующую функции, которые, в свою очередь, также могут быть детализированы посредством выделения подфункций, акцентирующих ввод новых тем и нормы общения:

– *У меня... достаточно серьезный и безотлагательный разговор* [6, с. 85].

– *Не кричите, Катя, – морщась, попросил Алекс, – я же вас попросил. Не мешайте ей, она пишет* [6, с. 344].

Процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации:

– **Вы меня слышите?! Але! Але!!!** Володьку в милицию забрали [6, с 38].

Так, Н.П. Михайлова выстраивает иерархию функций метакommunikативных речевых актов и в качестве основных функций выделяет управление разными составляющими процесса общения и характеристику процесса речевого взаимодействия; в качестве периферийных функций – уточнение, организацию высказывания, заполнение пауз; вступление в разговор; завершение общения [3].

– **Вы мне толком объясните.**

– **Да я вам объясняю!**

– **Как вы объясняете, ничего не понятно!**

– **Да говорю же!** – Дэн выкрутил руль. – Я брал интервью у...

– У одного перца, – подсказала Митрофанова. – У кого именно?

– Он с телевидения, Сергей Балашов его зовут [6, с. 40].

Данный пример ярко иллюстрирует ситуацию просьбы об уточнении речевого взаимодействия с целью добиться положительного коммуникативного эффекта. Реплику адресата, в которой речевое действие адресата характеризуется как непонятное, можно расценивать как косвенное побуждение к повторному изложению, на что и реагирует адресат.

Стремление говорящего организовать развитие коммуникативной ситуации в свою пользу может быть оформлено адресантом как метакommunikативный комментарий-рекомендация его дальнейшего речевого поведения. Как правило, это косвенное побуждение к тому, что надо или не надо говорить:

– Алекс, **если ты сейчас спросишь, как мои дела, я перееду тебя машиной.**

– А как твои дела?..

Как следует из примера, псевдоугроза, на которую не реагирует адресат, поскольку она не будет выполнена, заключает косвенное требование-запрет задавать определенные вопросы (*если ты сейчас спросишь = не спрашивай*).

Отметим, что метакommunikативная функция относится к разновидностям прагматической функции языка, если следовать иерархической системе базовых функций и функций более низких уровней (подробнее см.: [7]). Главнейшим базовым функциям первого уровня – коммуникативной и когнитивной – соответствуют функции второго уровня: прагматическая (эмоционально-регулятивная) и интеллектуально-информативная функции; на третьем уровне прагматической функции соответствуют: фатическая (контактная, контактоустанавливающая), эмотивная, экспрессивная (самовыражение), волюнтаривная, эстетическая и др.; с интеллектуально-информативной функцией связаны номинативная, дейктивная, регулятивная функции.

Список литературы

1. Грабовская И. В. Теоретические основания изучения метакommunikативных вопросов в англоязычном диалогическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – № 7 (25): в 2-х ч. – Ч.2. – 2013. – С. 78-82.

2. Гурочкина А. Г. Метаязык, метакommunikация, метатекст (к объему содержания понятий) // Исследование познавательных процессов в языке. Серия «Когнитивные исследования языка». – 2009. – Вып.5. С. 52–57.

3. Михайлова И. Н. Иерархия функций метакommunikативных речевых актов [Электронный ресурс] // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы): материалы

III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г. : в 2 ч. – Минск : РИВШ, 2006. – Ч. 1. – С. 94–97. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/25755>

4. Скат Т. Н. Метакоммуникация как средство организации дискурса (на материале оппозитивного диалога): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 18 с.

5. Стрибижев В. В. Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция: дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2005. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://31f.ru/dissertation/154-dissertaciya-rechevye-klishe-v-sovremennom-anglijskom-yazyke-metakommunikativnaya-funkciya.html>

6. Устинова Т. Неразрезанные страницы. – М.: Эксмо, 2014. 352 с.

7. Шевченко И. С. Соотношение информативной и фатичекой функций как проблема эколоингвистики [Электронный ресурс] // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2015. – №10. – С. 114 – 132. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no10-2015/sevcenko-i-s>

ON THE ISSUE OF THE METACOMMUNICATIVE FUNCTION AND ITS REALIZATION

Babushkina M. A.

*Philology Department, Mordovia State University N. P. Ogareva, Republic of Mordovia, Saransk
E-mail: fairysky@yandex.ru*

In the article the problem of interpretation of metacommunicative function is designated, which is associated with the understanding of the process of metacommunication in whole. Metacommunicative function is a kind of pragmatic functions in the aspect of the regulation of speech in the communicative process. The purpose of metacommunicative function is not only the establishment of the act of communication, but it is also the ability of the addressant of message to realize his intent more fully.

In modern linguistics current issues for research are the problems of metacommunication, in particular pragmatics metacommunicative statements, features of the implementation metacommunicative functions.

In the aspect of relations between participants of communication metacommunicate is a continuous sequence of exchange of statements that contribute to the establishment of positive relationships between communicants. Metacommunicate is defined as a feedback that indicates the reaction of the addressee by means of its signal lines. Metacommunicate can be seen as a metatext as a copyright review.

However, the aim metacommunicative function is not only the establishment of the act of communication, but also the ability of the sender of the message «most fully realize their communicative intention – the idea of the process of unification intended by the speaker in advance of logical moves and implemented in the course of a communicative act, a linguistic means to achieve their goals most quickly and economically by a skilled impact on the recipient. Therefore, the regulation of the process of communication in metacommunicative aspect is connected not so much with the designation of phases of establishing or breaking contact, but with the explication of ways of establishing or maintaining contact, design stages of interaction.

Actual material gives the basis to allocate metacommunicative cotacotani and metacommunicative contactgevens functions, which, in turn, can also be detailed through the allocation of sub-functions, emphasizing the introduction of new topics and the norms of communication.

So, N. P. Mikhailov builds a hierarchy of functions metacommunicative speech acts as the basic functions of management allocates the different components of the communication process and characteristics of verbal interaction; as peripheral functions – clarification, organization of speech, filling the pauses; join the conversation; completion of communication.

The desire of the speaker to organize the development of communicative situation in their favor may be issued by the sender as metacommunicative review-recommendation further verbal behavior. Usually it is an indirect inducement to what should or should not say.

Note that metacommunicative function refers to varieties of the pragmatic functions of the language, if you follow the hierarchical system of the core features and functions of lower levels. The main basic functions of the first level – communicative and cognitive – functions correspond to the second level: the pragmatic (emotional-regulatory), intellectual and informative function; the third level correspond to pragmatic functions:

phatic (contact, contact-establishing), emotive, expressive (personal expression), in, aesthetic etc.; with intellectually-informative function connected nominative, deictic, regulatory functions.

Keywords: metacommunication, metacommunicative function, metacommunicative expressions.

УДК 811.111'367.62.11

АНГЛИЙСКИЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ КАК ЛЕКСИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО НЕЧЕТКОЙ НОМИНАЦИИ

Беловенцева М. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: krum2003@mail.ru*

Статья посвящена изучению явления нечеткой номинации лица посредством языковых единиц лексического уровня. Рассматриваются лексико-семантические особенности употребления имен существительных со значением «рядовой гражданин» и «неизвестный» на материале корпусных данных британского и американского вариантов английского языка.

Ключевые слова: нечеткая номинация, имена существительные, корпус.

ВВЕДЕНИЕ

Иногда в процессе речи говорящий может столкнуться с невозможностью точно назвать объект или явление и необходимостью осуществить его нечеткую номинацию. Такая проблемная ситуация может возникнуть, если говорящий испытывает временные затруднения при подборе подходящего слова или его использование по какой-то причине нежелательно. В этом случае говорящий может прибегнуть к лексическим, синтаксическим и просодическим средствам нечеткой номинации с целью успешного завершения коммуникативного акта.

Целью данной статьи является исследование семантических и лингвокультурных особенностей применения имен существительных для нечеткого наименования лица в британском и американском вариантах английского языка.

Проблема нечеткой номинации и средств ее выражения получила освещение в работах Т. М. Пристинской, С. В. Ионовой, Е. С. Бочаровой, Н. Н. Болдырева. Наиболее исследованной областью приблизительной номинации выступает количественная аппроксимация, в то время как нечеткая номинация лица остается недостаточно изученной, в чем и состоит **актуальность** данной работы.

Методологической основой исследования стала совокупность **методов** корпусного, контекстного, семантического и этимологического анализа.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В. И. Подлесская отмечает, что, применяя средства нечеткой номинации, говорящий может следовать стратегии замещения или стратегии совмещения. Стратегия замещения состоит в использовании более размытого или обобщенного выражения вместо точного наименования. Стратегия замещения предполагает использование маркера совместно с приемлемой формой именованного с целью сообщить слушателю о неполном совпадении референциальных значений [1, с. 27].

Joanna Channel в работе «Vague Language» называет маркеры первого типа 'placeholders' [2, с. 164]. В русскоязычной специализированной литературе нет устояв-

шегоса аналога для данного термина и мы, вслед за В. И. Подлесской, будем называть их маркерами-заместителями.

Маркеры-заместители чаще функционируют как имена существительные и используются для наименования людей, предметов материального мира, животных, географических объектов, организаций.

Данная статья посвящена изучению маркеров-заместителей, применяемых для обозначения человека. Примеры сочетаемости исследуемых номинаций приводятся с опорой на данные Корпуса современного американского варианта английского языка (Corpus of Contemporary American English) [3] и Британского национального корпуса (British National Corpus) [4].

В английском языке существует ряд антропонимов, которые утратили свою первичную соотношенность с единичным конкретным объектом и функционируют как маркеры-заместители, например, Joe Doe, Tommy Atkins, John Smith и др.

John Doe – имя, используемое в американской и канадской юридической системе для обозначения лица мужского пола, чье настоящее имя неизвестно или по какой-то причине не должно разглашаться. Такое применение имени восходит корнями к английской судебной системе 17 века. Подавая иск о восстановлении нарушенного владения недвижимостью, землевладельцы использовали вымышленные имена истца и ответчика – John Doe и Richard Roe. В ходе разбирательства суд устанавливал право собственности и приходил к выводу, что ни одна из сторон не имеет прав на спорное землевладение, поскольку оно принадлежит третьему лицу, тому лендлорду, который и подал иск.

В настоящее время имя **John Doe**, его эквиваленты для лиц женского пола и несовершеннолетних – **Jane Doe**, **Jonie Doe** и **Janie Doe**, используются не только в материалах судебных дел вместо имен пострадавших, если они хотят избежать огласки, но и при выдаче ордера на арест подозреваемого, чье имя неустановленно: *The plaintiff, John Doe, says in the suit that he was unfairly suspended for two years because the one night of sexual activity in question was consensual and at Jane Doe's invitation* [5].

Они также получили применение в более широком контексте для обозначения любого анонимного или неизвестного лица, например, для обозначения неопознанного тела или пациента, установить личность которого не представляется возможным: *I knew the patient only as John Doe, the assigned name for anyone who came in the ER without an established identity* [3]. *The unidentified body ended up in a Tampa cemetery—in the Potter's field section, in an unmarked grave known only as Jane Doe 82120* [3].

При наличии в судебном разбирательстве двух анонимных сторон, чтобы избежать путаницы, используют фамилии Doe и Roe, например, *John Doe v. Jane Roe*. Если сторон больше двух, их могут просто нумеровать или использовать созвучные имена, например, *John Doe No.1, John Doe No.2, John Doe No.3* или *John Doe, Richard Roe, Peter Poe, Mary Moe* и т.д.: *John Doe No. 2, of course, was the second person who the FBI were looking for in the aftermath of the bombing* [3].

Согласно словарному определению, **John Doe** также означает обычного человека, рядового обывателя. Изучив корпусные данные, мы пришли к выводу, что частотность использования данной единицы в вышеназванном значении мала. Более часто для обозначения обычного человека в американском варианте английского языка применяются такие лексические единицы, как **John (Jane) Q. Public**, **Average Joe (Joe Average)**

и **Joe Blow**. В статье, озаглавленной «*How do you compare with the average American?*», автор спрашивает читателя: «*Want to take a peek into the wallets, bank accounts, credit card bills and brokerage statements of Average Joe and Jane Q. Public?*» [6]

John Q. Public используется для наименования типичного представителя общества, носителя общественного мнения, а также всего американского общества в целом: *In the meantime, they [Hollywood script writers] seem to rely on guns, knives, violent fights, crude language and computer-generated explosions to make up most of today's scripts. The end result is that too much of John Q. Public has been desensitized to violence* [3]. «*But we are the American people. We are John Q. Public, so to speak*» – говорит телеведущий в утреннем телевизионном шоу *Good Morning, America* [3].

John Q. Public «родился» в 1922 году. Его придумал карикатурист Чикаго Дейли Ньюз Вон Шумейкер (Vaughn Shoemaker), чтобы высмеять то, как «налоги и недалекие чиновники» усложняют жизнь обычного американца. В 50-е годы John Q. Public появился на страницах газеты Оклахоман, получив фетровую шляпу, очки и усы благодаря другому карикатуристу, Джиму Ленджу (Jim Lange), и олицетворив собой «обычного гражданина, который силится понять политические маневры сильных мира сего» [7].

При анализе корпусных данных было выявлено, что выражение **John Q. Public** часто используется в контексте взаимодействия гражданина с государственными и коммерческими структурами, например, в роли налогоплательщика, и нередко несет коннотацию «финансовые тяготы», «обманутость»: *DeSano and others view the NYSE as a kind of Tammany Hall, a clubby operation that generates mountains of money for its members and employees at the expense of John Q. Public* [8]. *Worst of all, the proponents of these measures have succeeded in fooling John Q. Public once again into believing that this tax will solve the transportation problem when in reality a good portion of the money will be going to education (teachers' salaries) and elsewhere* [9, с. A22]. *The Cuomo administration has to decide, will the Department of Insurance stand up for the little guy, John Q. Public, or let the insurance companies get away with this nonsense?*[10, с. 1].

Существует ряд вариантов данной лексической единицы, построенных по тому же образцу – **Joe Q. Public, Jane Q. Public, John (Joe, Jane) Q. Citizen, John (Joe, Jane) Q. Taxpayer, John (Joe, Jane) Q. Voter** – которые указывают на отдельные аспекты жизни человека как члена общества (гражданин, налогоплательщик, избиратель): *There are fewer column inches and fewer minutes on the nightly news related to environmental issues. And John Q. Citizen, in order to be responsibly engaged in civic decision-making, needs that kind of information or the environment will lose* [11, с. 22]. Более низкая частотность производных единиц по сравнению с частотностью использования *John Q. Public* связана с тем, что исходное выражение способно передавать вышеназванные значения в соответствующем контексте.

Если John Q. Public ассоциируется с нравственностью и твердой гражданской позицией, пусть даже и во власти несовершенного правительства, то к **Joe Blow** относятся со снисхождением, жалостью и некоторой долей презрения. John Q. Public обнадеживает своей ординарностью, являясь антиподом асоциальной личности, в то время как Joe Blow зауряден и являет собой противоположность кому-то выдающемуся: «*We probably underestimated the impact of celebrity on the jury,*» he says. «*Anybody*

would tell you that if this had been **Joe Blow**, the jury would have been back in four hours with a guilty verdict» [12, с. 58]. *Whether the problem is infidelity, gambling or not enough intimacy, it comes down to communication, whether you are a celebrity or **Joe Blow** on the corner* [13, с. 116].

Согласно словарному определению, слово *Joe* означает «мужчина», «парень», то есть перешло в разряд нарицательных имен существительных. Данное личное имя часто используется в значении «рядовой гражданин» в сочетании с прилагательным *average* в препозиции или постпозиции, причем оба слова могут писаться как с заглавной, так и со строчной буквы: *But as the top Republican on the Senate Intelligence Committee, he is privy to more information than the **average Joe**, as well as the average senator; and says he is making the right call for the country* [14, с. 1A]. *Though lawyers do get paid more than the **Average Joe*** [15, с. 20]. «*I don't think I have a snowball's chance. I'm **Joe Average**. I'm a mechanic, not a politician,*» Eagan said [16, с. B-03].

Антропоним *Joe* выступает стержневым компонентом нескольких единиц со значением «обычный человек»: **Joe Sixpack**, **Joe Lunchbucket**, **Joe Schmo**, **Joe Zilch**. Предпосылкой к этому явился тот факт, что имя *Joseph* и его уменьшительная форма *Joe* с 20-х по 70-е годы XX века удерживало позиции в десятке самых популярных мужских имен в Соединенных Штатах. **Joe Sixpack** и **Joe Lunchbucket** означают человека рабочей профессии, принадлежащего, согласно принятой в США социальной стратификации, к низшему среднему или низшему классу (lower middle or lower class): *Think of **Joe Sixpack** with a hard hat and lunch bucket, sleeves rolled up, going off to fix America* [17, с. D01]. Они покупают пиво, стереотипный напиток рабочего класса, упаковками по шесть банок (*sixpack*) и берут с собой на работу обед в контейнерах (*lunch bucket*). Как и *Joe Blow*, они противопоставлены богатым, знаменитым и талантливым. В рецензии на книгу под названием «*Creating Minds: An Anatomy of Creativity Seen Through the Lives of Freud, Einstein, Picasso, Stravinsky, Eliot, Graham, and Ghandi*» автор сообщает, что «*For all who have wondered how great artists, writers, musicians, scientists, and other extremely creative people differ from **Joe Lunchbucket** and **Jack Sixpack**, from Sally Soap-opera and Tina Talkshow, *Creating Minds* is illuminating» [18, с. 42].*

Этимология фраз **Joe Schmo** (и его орфографических вариантов **Joe Schmo** и **Joe Shmo**) и **Joe Zilch** неясна. По одной из версий, слово *schmo* было заимствовано американским сленгом из языка идиш и означает глупого, надоедливого человека [19, с. 132]. Значение слова *zilch* («ноль», «ничто», «ничтожный человек»), вероятно, связано с карикатурным персонажем по имени Mr. Zilch, который появился на страницах юмористического журнала *Vallyhoo* в 1931 году. Из значений вышеназванных слов можно было бы сделать вывод о пейоративной окрашенности фраз **Joe Schmo** и **Joe Zilch**, однако при анализе данных корпуса таковой не выявлено: *And the idea is for people – any **Joe Schmo** can go up and play the piano and then later those pianos will be donated to charity* [3].

В британском варианте английского языка антропоним *Joe* также может выступать элементом фраз, означающих «обычный, среднестатистический человек», таких как **Joe Public** и **Joe Bloggs**. **Joe Public** означает общество целиком или его представителя: *Is safety being sacrificed for profit? Of course it is – at work, on the road, in the air, at recreation, in the home. In the UK in the year to come, **Joe Public** will continue to pay the price (perhaps with his life) until he is a better citizen and stands up and protests enough*

about it [4]. *I'm dead easy to scare. Honest. One of my more cynical film critic friends uses me as his personal 'shriekometer' to gauge how freaked out **Joe Public** is going to be by some of the grizzlier horror movies we have to sit through [4].*

Выражение **Joe** (или **Fred**) **Bloggs**, а также **Mr Bloggs** и **Mrs Bloggs** используется в значении «некто» в педагогике, программировании, экономике, когда говорящему необходимо имя для персонажа, фигурирующего в инструкции или гипотетической, приведенной в пример, ситуации: *Suppose **Mrs Bloggs** is ill-treated by **Mr Bloggs** but decides to put up with this situation because of the children [4].* В учебнике по бухгалтерскому учету задание к задаче гласит: ***Joe Bloggs** decides to start a small import – export business. His financial transactions during the start-up period are listed below in the first column and are identified by capital letters. Place a sheet of paper across the page under row A and post the transaction in the second column as described in Chapter 3 [4].* В этом же контексте **Bloggs** используется для создания названий вымышленных компаний, например **Joe Bloggs and Company**, **Bloggs International** и т.п.: *Names of imaginary companies called **Bloggs & Co**, and discussions of VAT returns and ledger cards left him panicking, loosening his tie and fidgeting [4].*

Помимо вышеназванных антропонимов, для обозначения рядового англичанина используется фразеологический оборот **the man on the Clapham omnibus**: *Not riveting stuff, but at least understandable to, you know, **the man on the Clapham omnibus**, and it probably tells him enough to say to his, his child, you know, for heaven's sake take that Sony Walkman off [4].* Примечательно, что данная фраза часто ассоциируется с разумным, здравомыслящим человеком, из чего можно сделать вывод, что способность рассуждать здраво рассматривается как характерная черта типичного англичанина: *How are those concerned with the law to ascertain society's moral judgements? In answer, he uses the idea of the 'right-minded man', the 'reasonable man' or '**the man on the Clapham omnibus**' [4].*

Фраза применяется в английской юридической системе, например, при рассмотрении дел о халатности в части гражданского иска. Действия подзащитного соизмеряют с тем, что предпринял бы любой здравомыслящий человек, **the man on the Clapham omnibus**, в подобной ситуации, и таким образом устанавливают виновность или невиновность обвиняемого.

ВЫВОДЫ

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что английский язык располагает большим арсеналом средств нечеткой номинации лица, в частности, со значением «рядовой гражданин» и «неизвестный». Функционирование этих языковых единиц отличается в британском и американском национальных вариантах английского языка. Характерной чертой исследованных маркеров-заместителей является выраженная социально-оценочная и национально-культурная коннотация.

Список литературы

1. Подлеская В. И. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи / В. И. Подлеская, А. В. Стародубцева // Вопросы языкознания. – 2013. – № 3. – С. 25-41.
2. Channel, Joanna. Vague Language / Joanna Channel. – Oxford University Press, 1994. – 226 p.

3. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс] / Brigham Young University. – Режим доступа : <http://corpus.byu.edu/coca>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 20.04.2016.
4. British National Corpus [Электронный ресурс] / Brigham Young University. – Режим доступа : <http://corpus.byu.edu/bnc>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 20.04.2016.
5. Khadaroo S.T. In battle to stop sexual assault, young men emerge as allies / Stacy Teicher Khadaroo [Электронный ресурс] // Christian Science Monitor. – 2014. – 06 November. – Режим доступа : <http://www.csmonitor.com/USA/Education/2014/1106/In-battle-to-stop-sexual-assault-young-men-emerge-as-allies-video>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 20.04.2016.
6. Yochim D. How Do You Compare With the Average American? / Dayana Yochim [Электронный ресурс] // The Motley Fool. – 2015. – 15 April. – Режим доступа : <http://www.fool.com/investing/general/2015/04/15/how-do-you-compare-with-the-average-american.aspx>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 20.04.2016.
7. Waldman Katy. Are You a John Q. Public or a Joe Blow? / Katy Waldman [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.slate.com/blogs/lexicon_valley/2015/03/20/john_q_public_or_joe_blow_the_history_and_use_of_words_for_the_common_man.html. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 20.04.2016.
8. Farrell G. Critics say human frailties taint NYSE / Greg Farrell [Электронный ресурс] // USA Today. – 2003. – 15 October. – Режим доступа : http://usatoday30.usatoday.com/money/markets/us/2003-10-14-nyse_x.htm. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 20.04.2016.
9. Lombardi L. John Q. Public Fooled / Laurel Lombardi // San Francisco Chronicle. – 1990. – 13 June. – P. A22.
10. Abelson R. Health Insurers Push Premiums Sharply Higher / Reed Abelson, Nina Bernstein // New York Times. – 2011. – 28 September. – P. 1.
11. Izakson O. The write stuff / Orna Izakson // E: the Environmental Magazine. – 2001. – Mar/Apr. – Vol. 12. – Iss. 2. – P. 21-23.
12. Hewitt B. Beating the Rap / Bill Hewitt // People. – 2005. – June. – Vol. 63. – Iss. 25. – P. 58-61.
13. Henderson S. The Hollywood Shuffle / Shirley Henderson // Ebony. – 2006. – June. – Vol. 61. – Iss. 8. – P. 116-118.
14. Malloy D. Inside intel on chemical use bolsters Chambliss support of attack on Syria / Daniel Malloy // Atlanta Journal Constitution. – 2013. – 06 September. – P. 1A.
15. Steinberg N. Raise the bar on lawyer pay / Neil Steinberg // Chicago Sun-Times. – 2007. – 27 July. – P. 20.
16. Baca S. Adams races driven Novice up against Thornton mayor / Stacey Baca, Judith Wyatt // Denver Post. – 1995. – 25 September. – P. B-03.
17. Mufson S. The Green Machine / Steven Mufson // Washington Post. – 2008. – 09 December. – P. D01.
18. Coltrane J. Books for Christmas / John Coltrane // American Spectator. – 1996. – December. – Vol. 29. – Issue 12. – P. 38-46.
19. Cerutti Steven M. The Words of the Day: The Unlikely Evolution of Common English / Steven M. Cerutti. – Rampant Techpress, 2006. – 216 p.

ENGLISH NOUNS AS LEXICAL MEANS OF VAGUE REFERENCE

Beloventseva M. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: krum2003@mail.ru*

Sometimes the speaker may be faced with impossibility of precise identification of an object or a phenomenon and a need for vague reference to it. The issue might occur if the speaker experiences temporary difficulties while selecting an appropriate word or its usage is undesirable for some reason. If the case occurs, the speaker may apply lexical, syntactic and prosodic means of vague reference.

The article is devoted to studying the phenomenon of vague reference to a person by virtue of lexical units. It aims at studying lexico-semantic and linguocultural peculiarities of usage of nouns denoting “an ordinary person” and an “unidentified person” as exemplified in British English and American English corpora.

A number of English anthroponyms have lost their original reference to a particular object and function as placeholders. *John Doe* is a placeholder name used in American law to signify a male whose identity is unknown or should not be revealed. Apart from being used in court case documents for the names of plaintiffs who intend to avoid publicity and in arrest warrants, it is also used in a wider context to denote any anonymous person, for example, an unidentified body or patient.

American English possesses a wide range of lexical units which denote an ordinary person. *John Q. Public* is used to refer to a typical representative of the society, a bearer of public opinion, as well as the American society as a whole. *John Q. Public* is often used in the context of dealing with various government and commercial institutions and connotes financial difficulties and being deceived by them. A number of variants of the given lexical unit follow a similar pattern and emphasize particular aspects of a person’s social life – *John Q. Citizen*, *John Q. Taxpayer*, *John Q. Voter*.

While *John Q. Public* is associated with moral values, righteousness and citizenship, though under imperfect government, *Joe Blow* is treated with condescension and mild contempt. Ordinarity of *John Q. Public* is reassuring as opposed to antisocial behaviour, whereas *Joe Blow* is ordinary as opposed to somebody prominent.

Personal name *Joe* has acquired the meaning of “fellow, guy” and become a common noun. It frequently collocates with the adjective *average* to mean “an ordinary person”. The adjective can both precede and follow the noun and both words can be spelled with initial upper or lower case letters.

Anthroponym *Joe* acts as the keyword of several units denoting an ordinary person. *Joe Sixpack* and *Joe Lunchbucket* refer to a manual worker who belongs to lower middle or lower class. They buy beer, stereotypical drink of working class, in six-can packages, and bring their lunch to work. As well as *Joe Blow*, they are the opposite of the wealthy, the talented and the famous.

In British English *Joe Public* stands for the society as a whole or its representative. *Joe Bloggs*, as well as *Mr. Bloggs* and *Mrs. Bloggs*, indicates “somebody” in teaching, programming and economics, when the speaker requires a name for an imaginary character featured in instructions or a hypothetical situation. In the same context *Bloggs* may function as a constituent of imaginary company names, e.g. *Joe Bloggs and Company*, *Bloggs International*, *Bloggs & Co.*

The meaning “an average Englishman” can be conveyed by the idiom “*the man on the Clapham omnibus*”. It should be noted that the phrase is associated with a reasonable, sensible person, which implies that the quality is deemed a characteristic feature of a typical Englishman. The phrase is applied in English law, for example, in negligence cases. The actions the defendant took are measured against what any reasonable person, the man on the Clapham omnibus, would have taken under the circumstances, thus determining whether the defendant is guilty.

In conclusion it should be said that the English language possesses a wide variety of means of vague reference to an ordinary or unidentified person. Functioning of these units differs in British and American national varieties of English. The characteristic feature of studied placeholders is evident socio-evaluative and cultural connotation.

Keywords: vague reference, nouns, placeholder, corpus.

УДК 811.112.2'27

РЕПЕРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ГЕНДЕРА В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛОВ

Бридко Т. В., Казакова Е. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: tbridko@yahoo.com*

В работе рассматривается проблема гендерных исследований в лингвистике, начиная с периода Античности. Сравниваются и анализируются концепты «пол» и «гендер», уточняются области интересов различных направлений гендерологии. В практической части статьи проводится анализ лексико-стилистических особенностей рекламных текстов в глянцевах журналах для различных гендерных аудиторий.

Ключевые слова: гендер, пол, гендерные исследования, маскулинность, фемининность.

ВВЕДЕНИЕ

В истории гендерных исследований понятие «пол» рассматривается с различных точек зрения. Ученых интересуют всевозможные аспекты формирования гендера в несмежных областях научной мысли: биологической, исторической, культурной, социальной.

Целью данной работы является выявление и анализ лексико-стилистических особенностей представления рекламы в глянцевах журналах для различных целевых аудиторий.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие **задачи**: проанализировать научную литературу, связанную с гендерными исследованиями; сравнить теоретическое представление понятий «пол» и «гендер» в научной мысли; выявить частотность употребления разнообразных рекламных тематик в глянцевах журналах, предназначенных для аудиторий с различными типами гендера; проанализировать выявленные стилистические приемы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Зарождение гендерных исследований

В современной лингвистике вопросы гендерологии являются одними из наиболее актуальных. Начало гендерных штудий следует искать в XX веке, когда после введения общего избирательного права женское феминистское движение стало активно развиваться, что способствовало новому взгляду на общепринятые в то время нормы, касающиеся гендерного неравенства.

Первые научные исследования, посвященные анализу несоответствий между речевым поведением мужчин и женщин, начались в 1960-х–1970-х годах. Однако истоки вопроса об отличиях между мужчиной и женщиной лежат в глубокой Античности, в эпоху зарождения грамматики и уточнения природы появления грамматического рода.

Говоря о периоде Античности, ученые обращают пристальное внимание на труды Платона Афинского (427-347 гг. до н. э.) и Аристотеля Стагирита (384-322 гг.

до н. э.). Именно Платон впервые ввел новое понятие «андрогин» в своих работах. «Андрогином» Платон называл человека, в котором совмещалось мужское и женское начало. Именно таких людей он считал идеальными [1, с. 11]. Кроме того, этот философ ввел понятие дополнительности полов, а анализируя семейно-бытовые и социальные отношения, пришел к мысли о равенстве полов между собой. Вследствие этого его считают первым античным «феминистом» [1, с. 11]. Т. В. Бендас заявляет в своей работе, что Аристотель отличается от Платона во взглядах на равенство полов. В его трудах роль мужа приравнивается к статусу господина, а жены – к статусу раба; мужчина олицетворяет собой норму, а «женщина – отклонение от нее» [1, с. 12]. Такое воззрение Аристотеля объясняется тем фактом, что в его времена подобный семейный образ жизни считался нормой, но именно благодаря этому высказыванию некоторые историки называют Аристотеля «антифеминистом» [1, с. 12].

В эпоху Возрождения проблема взаимоотношения полов находит отражение в произведении Томаса Мора «Утопия», в которой показано, что в идеальном государстве мужчины и женщины могут быть равны в своих социальных ролях [3, с. 94-100]. Через столетие эта высказанная идея об изначальном равенстве полов находит отражение в трудах Томмазо Кампанеллы. Однако здесь социальные роли мужчин и женщин строго регламентированы [3, с. 175-220]. Впоследствии представления о гендерных различиях упоминаются в работах Жан-Жака Руссо, Иммануила Канта, Франсуа Фурье, Фридриха Шлегеля, Артура Шопенгауэра и других известных мыслителей.

Первые попытки установления официального равноправия мужчин и женщин появляются уже в 19 веке. Сначала это происходит во Франции (Олимпия де Гуж с «Декларацией прав женщин»), затем в Англии (движение суфражисток), а потом в США и России. Со временем эти идеи воплотились в феминистской критике языка или феминистской лингвистике, появившейся в США в 60-х годах прошлого века. Как известно, одним из первых трудов в данном направлении является книга Р. Лакофф «Язык и место женщины», в которой она описывала андроцентризм, подчеркивала стремление людей придерживаться исключительно языкового стандарта, встречаемого в речи мужчин, и ту неполноценность, которую женщина, по мнению мужчин, проявляет в языке [5, с. 45-80]. В дальнейшем эта идея была раскритикована многими учеными [2, с. 69].

С начала 1970-х годов происходит радикальное преобразование в разработке вопросов, связанных с гендером. Данный факт был обусловлен, с одной стороны, изменением научной парадигмы (переходом от структурализма к прагматике), а, с другой стороны, преобразованием в социальной сфере общества. Эти процессы повлияли на становление социолингвистики и на развитие феминистского движения в целом. Непосредственно в данный промежуток времени сложился ряд языковедческих школ, чьи воззрения на основную терминологию, методы изучения и характер материала для исследования варьируются. Однако, поскольку во многих гендерных исследованиях объекты изучения похожи, их разделяют только условно. Так, выделяются следующие направления гендерологии: социолингвистические гендерные исследования; феминистская лингвистика; гендерные исследования, изучающие оба пола; исследование маскулинности; психолингвистическое изучение пола; кросскультурные, лингвокультурологические исследования.

Важно отметить, что через несколько десятилетий после зарождения феминистской лингвистики в ответ на ее бурное развитие, в языкознании формируется новое

направление, касающееся исследования маскулинности. Мужчины начали смотреть на проблемы маскулинности таким же образом, как женщины на фемининность, и разработали область гендерных исследований под названием «men's studies». Повышенный интерес публики к проблемам гомосексуальных слоев общества обусловил развитие этого научного течения.

2. Соотношение понятий «пол» и «гендер»

Говоря о корреляции понятий «пол» и «гендер», можно утверждать, что в XX веке наука получила полное представление о биологической и социальной стороне пола, и наступила острая необходимость разграничить эти два понятия, несмотря на тот факт, что еще в начале XX века эти два термина считались синонимами.

Как известно, на протяжении значительного периода времени идея о половой принадлежности индивида представлялась единой и нерушимой. Однако в XX веке многие ученые пришли к выводу, что «пол» – многокомпонентный концепт, образующийся в разные периоды жизни человека и на различных стадиях его формирования.

Исследователям точно неизвестно, когда и где понятие гендера было первоначально использовано для обозначения социальных и культурных аспектов полового развития. Вероятно, самая первая попытка теоретически обосновать различия между полом и гендером принадлежит психологу и антропологу Р. Столлеру. Свои взгляды на проблему гендера он изложил в книге «Пол и гендер: развитие маскулинности и фемининности», которая была издана в 1968 году. Р. Столлер использует термин «гендер» для обозначения значительной области поведения человека, его чувств, мыслей и фантазий, которые связаны с полом, но не имеет первичных биологических коннотаций [6, с. 9].

Р. Столлер утверждал, что пол обозначает, в первую очередь, биологические различия между мужчиной и женщиной, а гендер предполагает культурный аспект, который создает мужчин и женщин [6, с. 9-10]. Э. Гоффман, известный американский социолог, не принял этот концепт. В свою очередь, он утверждал, что любое разделение полов является результатом применения языка [4, с. 301-331].

Современные теории гендера исследуют не только изменение гендерного поведения индивида в зависимости от ситуации общения или от его социального окружения, но и того факта, что люди сами активно участвуют в образовании своего собственного гендера.

Различие между полом и гендером на сегодняшний день, помимо социального, имеет политическое значение. Биологические характеристики социально установленных различий между мужчинами и женщинами обычно используются для того, чтобы обосновать мужские привилегии или восстановить традиционные семейные гендерные роли. Например, начиная с 80-х годов прошлого века, в связи с широким распространением феминистских течений, женщины стали отходить от своей, так называемой естественной роли, как матери и хранительницы домашнего очага. На данный момент, феминистское движение активно критикует естественные биологические различия. Более того, его ревностные представители уверены, что гендерные стереотипы, в конечном счете, только наносят определенный вред, как мужчинам, так и женщинам.

Таким образом, можно сделать вывод, что «пол» – это, прежде всего, биологическая категория, которая основывается на физиологических различиях между муж-

чиной и женщиной. «Гендер» – это социальный концепт, который проявляется в том, как индивид взаимодействует в социуме.

3. Отражение понятия «гендер» в рекламе на страницах глянцевого журнала

Для того чтобы определить, как именно гендерный фактор, с точки зрения лингвистики, проявляется в языке было проведено исследование четырех журналов, предназначенных для целевых аудиторий с различным типом гендера: «Cosmopolitan» – журнал для гетеросексуальных женщин, «Men's Health» – для гетеросексуальных мужчин, «Diva» – для гомосексуальных женщин и «Gay Times» – для гомосексуальных мужчин. В ходе исследования в каждом журнале были стилистически проанализированы рекламные слоганы и обозначена частотность употребления рекламных тематик, для того чтобы определить области интересов современных мужчин и женщин различных сексуальных ориентаций. После этого был проведен лексико-стилистический анализ отобранного материала.

Количество рекламных сообщений в периодических изданиях, нацеленных на определенный круг читателей, варьируются. Самый большой объем рекламных текстов в исследуемых журналах представлен в женском журнале «Cosmopolitan». В данном журнале находится 46 % рекламы от общего количества всех рекламных сообщений, выявленных во всех журналах. Наименьший процент рекламы встречается на страницах журнала для женщин с нетрадиционной ориентацией «Diva», который равняется 15 %. Процент рекламных сообщений в журналах для гетеросексуальных мужчин «Men's Health» и для гомосексуальных мужчин «Gay Times» составляет 19 % и 18 % соответственно. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что женщины традиционной сексуальной ориентации намного больше склонны к покупкам, чем остальные группы.

Основная область интересов гетеросексуальных женщин – косметика и парфюмерия. Рекламные сообщения, предлагающие подобные товары составляют 48 % от всех рекламных сообщений в этом журнале. Примечательным является тот факт, что в ходе анализа не было обнаружено ни одной рекламы, связанной с детьми или частично касающейся данной темы.

Среди наиболее употребляемых тематик в журнале для гомосексуальных женщин можно выделить одежду и предметы/объекты для проведения досуга (книги, фильмы, фестивали, курорты и др.). Примечательным является то, что декоративная и иная косметика почти не встречается в рекламных сообщениях этой категории. Исходя из этого факта, можно предположить, что у женщин нетрадиционной сексуальной ориентации нет устойчивого желания выглядеть моложе, красивее или более соблазнительно, чем они есть на самом деле.

Рекламные сообщения, предлагающие одежду в журналах для женщин нетрадиционной сексуальной ориентации, составляют 13 % от общего числа рекламы. При этом одежда четко разделена на две группы – это одежда подчеркивающая образ женственности и одежда, подчеркивающая образ мужественности. Причем, в процентном соотношении их число примерно равно между собой. Это позволяет утверждать, что часть женщин хотят быть похожими на мужчин внешне, т. е. им присущ образ маскулинности.

В журнале для женской аудитории нетрадиционной сексуальной ориентации присутствует реклама интимных товаров. Частотность употребления такой рекламы составляет 11 %. В журнале для гетеросексуальной женской аудитории также можно встретить подобные товары, но в незначительном количестве, примерно 0,9 % от всех рекламных сообщений.

Еще одной категорией, характерной исключительно для журналов с нетрадиционной женской аудиторией, является реклама услуг, связанных с репродукцией. Частотность употребления данной тематики составляет 11,1 %.

Анализируя тематику рекламных сообщений для традиционной мужской аудитории, можно заключить, что в них превалирует реклама спортивного питания. Частотность ее употребления составляет 24,4 % от общего числа рекламных сообщений в журнале «Men's Health».

При анализе гляцевых журналов для мужчин с нетрадиционной сексуальной ориентацией был выявлен ряд особенностей. Самой часто упоминаемой рекламной тематикой такого журнала являются предложения курортов, отелей и путешествий, с частотностью употребления 27 % от общего числа рекламных сообщений в журнале «Gay Times».

В ходе исследования журналов для различных типов гендера рекламные сообщения о косметологических услугах были обнаружены только в журнале для нетрадиционной мужской аудитории. Частотность употребления рекламы косметологических процедур в журнале «Gay Times» составляет 8,7 %.

Реклама недвижимости не часто представлена в журнале «Gay Times», частотность ее употребления колеблется от 1 % до 2 %. Однако данная тематика не встречается в других журналах, а предлагаемая недвижимость – элитная и дорогая.

Говоря о представлении рекламы с точки зрения наличия определенных лексико-стилистических средств, было выявлено, что в зависимости от гендера целевой аудитории, каждый исследуемый журнал имеет свои особенности.

Журнал для женщин с традиционной сексуальной ориентацией «Cosmopolitan» отличается стилистическим разнообразием. В этом журнале наиболее часто употребляемыми стилистическими приемами являются микродиалоги (вопрос – ответ) и риторический вопрос. Нередко фиксируется выделение текста крупным шрифтом. В ходе исследования были также отмечены другие стилистические приемы: метонимия, рифма, окказионализм, персонификация, игра слов.

Что касается журнала «Men's Health», то самые распространённые стилистические приемы встречаются на графическом уровне (крупный шрифт) и на синтаксическом (параллельные конструкции, повторения, односоставные предложения). К стилистическим приемам, которые мало употребляются в журнале «Men's Health», можно отнести зевгму, окказионализм, сравнение и риторические вопросы. Эти приемы были выявлены один или два раза среди всех рекламных сообщений журнала.

Характерной особенностью рекламы в журнале для женщин нетрадиционной ориентации «Diva» является то, что практически все рекламные сообщения этого журнала имели метафорическое значение. Также были отмечены явления персонификации и многочисленные вопросительные конструкции.

В ходе исследования журнала для гомосексуальных мужчин «Gay Times» не было выявлено такого стилистического приема, который превалировал бы над общим количеством слоганов. Каждый прием использовался примерно одинаковое количество раз. На синтаксическом уровне были выявлены параллельные или вопросительные конструкции, повторения, нераспространённые предложения. На графическом уровне замечено выделение текста крупным шрифтом. Стилистический уровень характеризуется наличием метафоры, эпитета, оксиморона, парадокса.

ВЫВОДЫ

Таким образом, гендерная лингвистика – молодая и активно развивающаяся наука. Гендер является социальным феноменом, который не всегда совпадает с полом (биологическими характеристиками индивида). Гендерные исследования, в основном, рассматривают этот феномен с социальной и психологической точек зрения.

Тематика рекламы глянцевого журналов, как и наличие лексико-стилистических приёмов в них, варьируется в зависимости от гендера целевой аудитории.

Список литературы

1. Бендас Т. В. Гендерная психология : Учебное пособие / Т. В. Бендас. – СПб.: Питер, 2006. – 431 с.
2. Вахтин Н. Б. Социоллингвистика и социология языка : Учебное пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», Из-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
3. Мор Т. Утопия. Город солнца / Т. Мор, Т. Кампанелла. – М. : Алгоритм, 2014. – 256 с.
4. Goffman E. The arrangement between the sexes / E. Goffman // *Theory and Society*. – Vol. 4, No. 3. – 1977. – P. 301-331.
5. Lakoff R. Language and Woman's Place / R. Lakoff // *Language in Society*. – 1973. – N. 2. – P. 45-80.
6. Stoller R. J. Sex and Gender: The Development of Masculinity and Femininity / R. J. Stoller. – London: Karnac Books, 1968. – P. 1-25.

REPRESENTATION OF GENDER IN ENGLISH MAGAZINE ADVERTISEMENTS

Bridko T. V., Kazakova E. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: tbridko@yahoo.com*

Sociolinguistics is one of the major areas in the present language studies that attracts a lot of attention from scholars. Problems of gender and age differences, language politics and second language acquisition are among those questions that are still of a great interest.

The present work examines the problems of gender studies. The concepts «gender» and «sex» are compared and analyzed. Moreover, the article presents different ideas of the given terms met in various philosophical and scientific works as well as the ways gender category is reflected in English-speaking magazines.

History of gender studies considers the concept “gender” from various points of view. This field investigates the aspects of gender formation in various scientific branches (biology, history, sociology, linguistics, etc.). As it is known the modern gender researches, first of all, focus their attention on behavioral distinctions between men and women.

The early scientific studies which examined discrepancies between men and women speech behavior began in 1960-1970s and it is possible to consider this time as the beginning of gender linguistics. This question although has been raised since the period of antiquity. Thus, the first ideas about the differences between men and

women are found in the works of Plato and Aristotle. The former assumes that social roles of men and women are somewhat equal and an ideal person has both male and female characteristic features. The latter, however, doubted it. Later other philosophers developed the ideas of these ancient Greeks. The first unsuccessful attempts to give women the equal political and social rights with men were made in France in the 19th century and then changes in this area were proposed in England, the USA and Russia.

The gender studies appeared due to development of feministic linguistics which has been developed in the USA in 1960s. As it has been stated above the term "gender studies" has been invented not long ago. It originated in 1980s when European and North American universities opened some departments for researching this problem. At the same time a number of associations and research centers were established in order to perform thorough studies on various gender problems. At the same time gender studies were imported to Soviet Union as a part of a big political problem.

Although some researches on various language systems have been periodically carried out by scientific community since 1660, there have been no systematic gender analyses or researches made on the presented languages. The only concept that existed was very simple: the language of a man was accepted as a norm, and the language of a woman was thought to be a discrepancy of the norm, i.e. a deviation.

As for a ratio of the concepts "sex" and "gender", it is possible to claim that in the twentieth century the science already had an idea about the difference between the biological and social views on the term of "sex", and therefore it was necessary to differentiate the concepts "sex" and "gender" although in the beginning of the twentieth century these two terms were considered to be synonyms.

Possibly, the very first attempt to prove theoretically distinctions between "sex" and "gender" belongs to a famous psychologist and anthropologist Robert Stoller. He presented his point of view on gender in his book "Sex and Gender: The Development of Masculinity and Femininity" which was published in 1968. R. Stoller claimed that "sex" designates, first of all, biological distinctions between a man and a woman, and "gender" assumes cultural aspect which creates men and women.

In order to define how exactly the gender is manifested in language from the linguistic point of view an analysis of twenty magazines was carried out. The analyzed magazines had different target audiences and were divided into four groups according to the gender of the readers. The research showed that each gender group had its own dominant theme in advertisements. Thus, heterosexual women were mainly concerned with perfume and cosmetic products, heterosexual men concentrated predominantly on sports nutrition. Homosexual men are interested in travelling and homosexual women pay a lot of attention to their appearance and pastime activities. As for the stylistic devices met in the advertisements, we can say that they also differ drastically according to the gender type of the magazine target audience. The biggest number of stylistic devices is found in the magazines aimed at heterosexual women, and the least number of stylistic devices is seen in the magazines for heterosexual men.

Thus, the study has shown that the main areas of interest for four gender types vary as well as the type of stylistic devices used in advertisements.

Keywords: gender, sex, gender researches, masculinity, femininity.

УДК 811.11; 81-119

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В АВСТРИИ

Воронцова Н. К.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: n_vorontsova@mail.ua*

Работа посвящена анализу языковой ситуации в Австрии с учетом общественных и исторических условий, сложившихся на территории этой страны. В статье исследуется формирование и развитие австрийского варианта немецкого языка и его современное состояние. Рассмотрены такие факторы как рост национального самосознания, кодификация и нормирование особенностей, присущих австрийскому варианту немецкого языка, языковая политика государства. Особое внимание уделяется исследованию венского диалекта и его основополагающей роли в формировании австрийского национального варианта немецкого языка.

Ключевые слова: языковая ситуация, полинациональный язык, национальный вариант, языковая политика, кодификация и нормирование, диалект.

ВВЕДЕНИЕ

Благодаря своему полинациональному характеру, структура функциональной макросистемы современного немецкого языка отличается значительной сложностью. Выступая в качестве средства коммуникации в нескольких немецкоязычных государствах, немецкий язык реально функционирует в виде коррелирующих друг с другом национальных вариантов макросистемы в целом.

Целью данной работы является анализ языковой ситуации в Австрии. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать особенности формирования и развития австрийского национального варианта немецкого языка, охарактеризовать его основные отличительные черты на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях, выяснить причины нарушения межкультурной коммуникации между носителями немецкого языка в Германии и Австрии.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Понятие языковой ситуации и национальной вариативности

Языковая ситуация – это «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административных образований» [3]. Уточняя указанное определение можно сказать, что языковая ситуация – это социально-коммуникативная система, применяемая в пределах определенной социальной системы, причем такой системой может быть не только целый этнос, но и несколько регионов проживания той или иной языковой общности. Более того, можно сказать, что существуют индивидуальные социально-коммуникативные системы, служащие средством социально-речевой адаптации, например, человек может владеть разными формами существования одного языка или же несколькими языками. Эти формы существования языков или разные языки яв-

ляются компонентами его социально- коммуникативной системы, которая помогает языковой личности включаться в различные речевые ситуации.

К важнейшим условиям, характеризующим языковую ситуацию, относят реальные социально-исторические условия. «Сферы жизнедеятельности народа, их набор и характер могут меняться вследствие исторических и социальных процессов. Все это немедленно отражается на характере форм существования языка и приводит к изменениям в языковой ситуации» [2].

Языковая ситуация в Австрии является монолингвальной, так как государственным является один язык – немецкий.

Немецкий язык относится к языкам, которые в лингвистике принято называть полинациональными, то есть язык, имеющий несколько центров развития, в которых формируются так называемые национальные варианты с собственными нормами, собственными языковыми процессами и с равноправным статусом.

Полинациональный язык мы понимаем как «вариант языка, национально-негомогенный, национально-неидентичный язык, то есть язык, используемый двумя и более нациями в качестве национального языка, государственного языка, официального языка и др. [3]. Согласно данным «Словаря социолингвистических терминов», «Полинациональный язык представляет собой особые формы функционирования единого языка, формы адаптации литературного языка к условиям, потребностям и традициям нации, специфические черты полинационального языка проявляются в кодификации языка и образования собственной для каждого государства нормы, то есть национального варианта языка» [3].

2. Особенности формирования и развития австрийского национального варианта немецкого языка

Если сравнивать истории возникновения национальных вариантов полинациональных языков, то можно выделить такую характерную особенность, что если национальные варианты английского, французского и испанского языков появились на литературных стандартах, которые были «вывезены» за пределы границ страны, то в истории формирования австрийского национального варианта немецкого языка необходимо учитывать, что в период с 14 по 16 вв. в языковой области немецкого языка существовали одновременно различные по территориальным особенностям варианты формировавшегося литературного языка.

Со временем образовались три основных надтерриториальных диалекта: северный (деловой язык Ганзы), восточнореднемецкий (das Geschäfts- und Verkehrssprache) и южнонемецкий (das Gemeine Deutsch). В формировании последнего большую роль сыграл австрийский элемент.

В начале 18 века наблюдается господство восточнореднемецкого типа, однако это не приводит к исчезновению австрийского элемента. Напротив, с ослаблением политических связей Австрии и Германии начинается новый этап в развитии австрийского варианта немецкого языка.

Этот процесс продолжается на протяжении всего 19 века, после образования Австрийской империи. В австрийский вариант проникают заимствования из итальянского, хорватского, чешского, сербского, словенского, венгерского и других языков

народов, входивших в состав империи. Предпринятые во время первой (1876 г.) и второй (1901 г.) орфографических конференций попытки нормирования правописания на основе верхненемецкого языка потерпели неудачу. Вместо этого в 1879 году типично австрийские письменные и устные обороты кодифицируются в единый список.

С 1920 года, после принятия Конституции Австрии, немецкий язык становится официальным государственным языком, однако не определяется как самостоятельный вариант.

В 1920-1930-е годы Австрия пережила глубокий политический и экономический кризис, и в марте 1938-го приняв ультиматум, предъявленный Берлином, превратилась в Ostmark – юго-восточную провинцию Германского рейха. Говорить о формировании новой национальной идентичности австрийцев можно лишь после 1955 г., когда был заключен Австрийский государственный договор. Именно после этого политического события австрийцы стали по-новому осознавать свою национальную идентичность и считать себя нацией, отличной от немцев.

Немаловажную роль в развитии австрийского варианта немецкого языка играет его нормирование и кодификация, которые были осуществлены в рамках «*Österreichisches Wörterbuch*» («Австрийского словаря»), первое издание которого вышло в 1951 г. Словарь содержит употребительную в Австрии лексику и предлагает орфографическую норму австрийского варианта. Так же большим достижением для австрийцев является «Список специфически австрийских слов и выражений, которые были внесены в Реестр Европейского Союза». Этот список состоит из 23 слов – названий блюд, овощей, фруктов, например: *Fisolen* (австр.) – *grüne Bohnen* (герм.), *Obers* (австр.) – *Sahne* (герм.), *Paradeiser* (австр.) – *Tomate* (герм.) [5]. Известный германист П. Велле утверждает, что «многие австрийские наименования являются более удачными, мотивированными, нежели соответствующие немецкие дублеты» [6, с. 23].

Структура австрийского национального варианта немецкого языка обладает всеми составными элементами: литературный язык, обиходно-разговорные формы, диалект. В основе лежат такие диалекты, как баварско-австрийские: среднеавстрийский, южноавстрийский и верхнеалеманнский диалект Форарльберга), над которыми располагаются городские диалекты и полудиалекты, в первую очередь венский диалект, всегда являвшийся своеобразной нормой и образующий определенную основу понятия австрийского варианта. В настоящее время венский диалект оказывает большое влияние на общество, являясь средством общения и неотъемлемой частью австрийской культуры, занимает престижное положение, оказывает влияние на все диалекты. Венский диалект – это основа австрийского разговорного языка. Значительное влияние венский диалект оказывает и на литературную норму. Такие слова, как, например, *der Schnürlregen* (нем. *der Dauerregen*), *der Haferlschuh* (нем. *der Sportschuh*), *der Hafner* (нем. *Töpfer, Offensetzer*), *der Fiaker* (нем. *Kutscher*), вошедшие в литературный язык, имеют диалектное происхождение.

Обиходно-разговорная форма (*österreichische Umgangssprache*), приближается по своей форме к литературному языку, но имеет специфические австрийские особенности в произношении, лексике и в выборе некоторых грамматических форм. Вершиной языковой парадигмы является литературный язык (*österreichisches Hochdeutsch*), австрийская норма немецкого литературного языка.

Австрийский вариант немецкого языка имеет лексические, грамматические, стилистические и фонетические особенности. Интересен тот факт, что Австрия при-

нимала участие в реформе правописания в 1996 году и изменения были включены в 41-е издание Австрийского словаря.

О статусе австрийского национального варианта немецкого языка все еще ведется полемика среди германистов, но большинство австрийских ученых считают, что австрийский вариант – это наддиалектная языковая форма.

Австрийский немецкий язык имеет некоторые различия в лексике, грамматике и фонетике, несмотря на то, что немецкий язык является официальным как в Германии, так и в Австрии.

Разговорный и официальный язык австрийцев существенно отличается от официального немецкого языка Германии. Диалекты Австрии во многом схожи с баварским диалектом Германии и швейцарским вариантом немецкого языка. В зависимости от речевой ситуации австрийцы используют как литературный язык (в СМИ, в общественных местах и учебных заведениях, с иностранцами), так и диалект (в неформальном общении). В орфографии присутствует небольшое расхождение в написании отдельных лексем.

Австрийский немецкий язык отличается лишь некоторыми выражениями и словами от языка в Германии, хотя и региональные различия там тоже заметны. Только 3 % австрийских слов являются подлинными «австрицизмами». В основном это немецкая лексика или южно-немецкая. Среди немцев Германии бытует мнение, что австрийский язык хуже, чем немецкий. Однако он и есть немецкий, но несколько другой. Например, в Австрии и Германии заметно различаются формы приветствия, что очень часто приводит к тому, что австриец неправильно понимает немца или же немец посчитает австрийца довольно странным. Австрийцы часто используют обращения и не считают это нелепым, в то время как в Германии обращения не используются. Например, в Австрии говорят «Guten Morgen, gnädige Frau», «Guten Morgen, Herr Professor», «Grüß Gott, Herr Lehrer», тогда как в Германии приветствие ограничивается собственно приветствием и обращением по фамилии – «Guten Morgen», «Guten Abend, Herr Müller».

У австрийцев свои названия блюд, продуктов питания, напитков, предметов быта, которые совсем не похожи на немецкие эквиваленты.

Австрийцы и немцы уверены и твердо убеждены, что именно они носители языка, который считается немецким. Оба народа очень обостренно и даже гордо реагируют на тонкие различия в их лексике, фонетике и стилистике. Отношение австрийцев к литературному немецкому языку неоднозначно. Лишь четверть австрийцев считает владение немецким литературным языком престижным.

В Австрии можно встретить местных жителей, которые используют «типично австрийские слова». Они обычно относятся к еде и напиткам: булочка у немца - Brötchen, а у австрийца - Semmel, варенье - Marmelade, - Konfitüre.

Кроме этого, существуют слова, которые обозначают блюда местной австрийской кухни. Всего в словарях австрийского национального варианта немецкого языка собрано 12-15 тысяч слов.

Австрийцы также полагают, что немецкий язык в Германии несколько грубее, чем немецкий язык в Австрии.

Предположительно, это происходит из-за того, что в австрийском варианте немецкого языка широко распространен звук [ɪ], который добавляет мелодичности языку, поэтому в Австрии часто слышна эта смягчающая буква в таких словах, как

например, Packerl, Hendl, Wurstel, Pfandel, Sackerl. А у немцев это было бы так: Pfand, Huhn, Würstchen, Packung, Sack.

Сохранение и утверждение отличительных национальных особенностей, важнейшей из которых является австрийский вариант немецкого языка, является перво-степенной задачей для австрийцев, отстаивающих свою национальную идентичность. Этому в большой степени способствует и языковая политика государства. Можно понять национальные чувства австрийцев, в их желании быть единственными в своем роде. Каждый народ имеет собственное представление о культуре речи.

ВЫВОДЫ

Таким образом, на формирование, становление и современное бытование австрийского национального варианта немецкого языка повлиял и продолжает оказывать влияние ряд факторов: языковая и внеязыковая ситуация в период становления и позже, рост национального самосознания и, как следствие, интерес к собственному языку, кодификация и нормирование особенностей, присущих австрийскому национальному варианту, языковая политика государства.

Список литературы

1. Вайсбергер И. Л. Родной язык и формирование духа / И. Л. Вайсбергер. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – С. 97 – 102.
2. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах: Учебн. пособие. – М. : Ленинград «НАУКА», 1983. – 232 с.
3. Словарь социолингвистических терминов // Под ред. В. Ю. Михальченко. – М., 2006.
4. Муравлева Н. В. Национально-культурное своеобразие немецкой лексики в Австрии / Н. В. Муравлева // Иностранные языки в школе. – М. – № 1. – С. 89 – 93.
5. EU-Liste der „spezifisch österreichischen Ausdrücke»[Электронный ресурс] : (Protokoll Nr. 10 „Über die Verwendung spezifisch österreichischer Ausdrücke der deutschen Sprache im Rahmen der Europäischen Union»). – Режим доступа: <http://members.chello.at/heinz.pohl/EU-Liste.htm> (дата обращения 01.03.2016).
6. Wehle P. Sprechen sie Wienerisch? Von Adaxl bis Zwutschkerl / P. Wehle. – Wien : Carl Ueberreuter, 1980. – 312 S.

LANGUAGE SITUATION IN AUSTRIA

Vorontsova N. K.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: n_vorontsova@mail.ua*

The paper analyzes the language situation in Austria in view of social and historical conditions prevailing in that country. The paper investigates the formation and development of Austrian German and its current status. We consider factors such as the growth of national consciousness, the codification and standardization of features inherent in Austrian German, the language policy of the state. Particular attention is given to the Viennese dialect and its fundamental role in the formation of the Austrian national variant of the German language.

The most important conditions that characterize the language situation include the real socio-historical conditions. Spheres of life of the people, and their set and character may change as a result of historical and social processes. All this is immediately reflected on the nature of the forms of language existence and leads to changes in the language situation.

The language situation in Austria is monolingual, because a single language – German – is used in the state. The German language refers to the polynational languages, namely it is a language, that has several development centers, which formed the so-called national variants with their own rules, their own language and processes with equal status. Comparing the history of the national variants of polynational languages, we can see, that national variants of English, French and Spanish have appeared on the literary standards, which have been “exported” outside the borders of the country, and speaking about the German Austrian, we must take into account that in the period from the 14th to the 16th century in the language area of the German language, there were several simultaneously developing variants, which had different geographical features. Inside the southgerman type of literary language Austrian element played a prominent role throughout the process of its formation. A new stage in the history of the literary language in Austria begins in the 19th century when the Austrian Empire was created.

In 1879, a typical Austrian written and oral phrases were codified into a single list. In 1920, with the adoption of the Constitution of Austria, German became the official state language along with minority languages, but was not defined as a separate variant.

An important role in the development of Austrian German plays its normalization and codification, which were implemented in the framework of “Österreichisches Wörterbuch” (“Austrian dictionary”), the first edition of which was published in 1951.

Austrian national variant of the German language has its own social and functional structure, and has all the constituent elements (literary language – colloquial form of the language - the dialect). Viennese dialect is the basis of Austrian national version of the modern German language and has a great impact on society, as a communication tool and an integral part of Austrian culture. Austrian language differs in vocabulary, grammatical features, style, and pronunciation. Colloquial and official language of the Austrians is significantly different from the official German language in Germany. It is close to Bavarian dialect and German in Switzerland. The Austrians speak literary language and dialect. They speak Hochdeutsch only in the «official» situations: in the media, in public places and educational institutions. Only 3% of Austrian words are true Austrian. The main part is German vocabulary or South-German. Austrians and Germans confidently and firmly believe that they are native speakers, which is considered to be German. The attitude of the Austrians to the literary German language is ambiguous. According to a survey conducted by the Public Opinion Research Institute, the question is whether the ownership of the prestigious literary German language, a positive response, only a quarter of Austrians answered the question positive if literary German language skills are prestigious for them. Saving and approval of the distinctive national characteristics in Austria is an important task of the Austrian people, defending their national character. The important role in that process also plays the language policy of the state.

Keywords: language situation, polynational language, national variant, language policy, codification and standardization, dialect.

УДК 82'04:81'3737

ГОТСКО-НЕМЕЦКО-АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Дьякова Н. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: nad.diakowa@yandex.ru*

В статье рассматривается одна из наиболее актуальных и сложных проблем исторической фразеологии германских языков, фразеологические соответствия устойчивых словосочетаний в таких германских языках как готский, немецкий и английский на ранних этапах их развития на материале письменных памятников в основном религиозного характера.

Ключевые слова: фразеологическая единица, устойчивое словосочетание, семантическое соответствие, этимология, прототип.

ВВЕДЕНИЕ

Исторический аспект изучения фразеологии значительно уступает описательному даже в русском языкознании, добившемся наиболее заметных результатов в диахроническом исследовании фразеологии. Что касается германских языков, то здесь работы исторического плана редки. Односторонний описательный характер исследования фразеологии мало способствует успешному осмыслению ее сложных проблем ибо «как бы важна ни была синхрония, она не исчерпывает лингвистики» [3, с. 461]. Развитие фразеологии обусловлено общим развитием языка и науки о языке. Поскольку историческое изучение языка не всегда считалось актуальным, ставился под сомнение его научный характер. Фразеология испытала влияние существующих лингвистических течений, что и отразилось в ее одностороннем развитии. Диахроническое изучение фразеологии способствует выявлению закономерностей ее развития в наши дни, так как «для понимания современного языка совершенно необходимо знать, какие исторические тенденции языка вызывают то или иное современное языковое явление» [2, с. 28]. Примечательно, что в работах последних лет обнаруживается исторический подход и при изучении современного состояния фразеологии, поскольку принцип историзма всегда был отличительной чертой русской языковой традиции. Это позволяет считать историческое изучение фразеологии перспективным направлением в современном языкознании. Основой исторической фразеологии является положение о том, что фразеология, как и язык, находится в постоянном движении, динамика которого ощущается на любом этапе развития, в том числе и современном. Историческая фразеология понимается, как определенный методологический принцип, основанный на всестороннем подходе к фразеологическим явлениям и позволяющий изучать эти явления в процессе их развития, в их взаимосвязи, многообразии и противоречиях. Историческое изучение противопоставляется не столько современному ее изучению, сколько статическому, так как современное состояние языка – это часть его истории. Такое понимание опирается на один из основных тезисов нашего языкознания, по которому изучение языка на любом этапе является историческим, так как «каждое

данное состояние языка может быть понято только тогда, когда известна вся совокупность его состояний» [1, с. 272]. Необходимо отметить, что противопоставление синхронии и диахронии в отношении фразеологии особенно неправомерно, так как синхроническое изучение фразеологической единицы немыслимо без знания того историко-семантического процесса, который определяет образование и развитие этих единиц. Специфика данной единицы в том, что ее генетический источник – свободное словосочетание, от которого нельзя полностью абстрагироваться, почти всегда налицо. Употребление ФЕ и ее прототипа в языке высвечивает историческую природу фразеологической единицы. Изучение фразеологического состава языка на каждом этапе его развития позволяет установить истоки современной фразеологической системы, проследить пути и осмыслить законы ее образования. Главная цель данного исследования – установить соответствия фразеологического материала готского, немецкого и английского языков, провести сравнительно- сопоставительный анализ материала.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Сопоставление ранних этапов развития данных языков в различных планах ведется постоянно в исследованиях по истории языка. Однако изучения фразеологического материала в сопоставительном плане редки, что неразрывно связано как с недостаточной разработкой исторической фразеологии в целом, так и с отсутствием исследований устойчивых словосочетаний данных языков. В связи с поставленной целью выдвигаются следующие задачи: выявить лексико-семантические схождения и расхождения между готскими, немецкими и английскими устойчивыми словесными комплексами (УСК); выяснить, насколько соответствие между УСК связано с их принадлежностью к различным типам словосочетаний; определить, какова зависимость между семантической сферой употребления УСК и их соответствием друг другу.

Среди исследованных УСК удалось обнаружить полностью соответствующие друг другу в лексико-семантическом и грамматическом плане. Это перифрастические глагольно-субстантивные устойчивые словосочетания, состоящие из глаголов широкой семантики и абстрактных существительных, которые и определяют семантику всего комплекса. Например: *Jah auk ik manna in **haband ut waldufnja** mainama gadrauhhtins...*

... hi ofer ealle mihton **anweald habban**.

... daz **wilt havit** den sinin ganc, scone ist der vugelsanc....

Каждый компонент одного из выделенных словосочетаний имеет семантическое и этимологическое соответствие среди компонентов другого словосочетания; готск. *habban*, нем. *havit*, англ. *habban*; готск. *waldufni* – власть, нем. *wilt* – сила, власть; англ. *Anweald* – власть. В то же время между этими УСК есть различия – они построены по различным синтаксическим моделям: в английском и немецком сочетаниях падежное управление, а в готском – предложное. В данном случае лексико-семантическое соответствие можно понимать как свидетельство существования германской фразеологической общности, а синтаксические различия – как отражение некоторой специфичности фразеологического формообразования в конкретных германских языках. Лексико-семантическое соответствие УСК в данных языках может проявляться не столь полно: так готскому сочетанию **usfullnodedi thata worda** параллельны немецкое и английское сочетание **bibod ifuled** – «исполнить слово, исполнить завет».

Различие между УСК прежде всего лексическое. Хотя слова **waurd** и **bibod** близки по значению, этимологически они не связаны. Возникает вопрос, насколько существенно это различие, чтобы судить о соответствии данных словосочетаний друг другу. Можно указать на идентичность семантической структуры обоих УСК «исполнить слово божье, завет», что должно свидетельствовать в пользу их соответствия. Различие в лексическом наполнении УСК происходит за счет переменного компонента; вместо **waurd** может быть употреблено **gamelido** «написанное». Возможность замены говорит о необязательности данного конкретного компонента УСК и, следовательно, о несущественности этимологического расхождения между **bibod** – **waurd**. Компоненты **usfillnan** – **fullian** совпадают как семантически, так и этимологически. В данном случае этимологическая близость существенна для установления соответствия рассматриваемых УСК в виду важности этого компонента для построения устойчивого словосочетания. Таким образом, наряду с отмеченными различиями УСК связаны общностью происхождения основных компонентов, построены по сходной семантической модели, что позволяет говорить об их принадлежности к общегерманскому слою фразеологии. Иного рода соотношения между такими УСК, как готск. **gatairan witoþ** «нарушить закон», **brehhan bibot** «нарушить приказание», **bræcan bibode** «нарушили приказ» В этих устойчивых словосочетаниях различия более существенны, чем в предыдущих: ни один компонент в готском УСК не соответствует другим этимологически. Слова **witoþ** и **bibod(t)e** соотносятся подобно существительным в предыдущих сочетаниях, переменные компоненты УСК, этимологическое расхождение между которыми не существенно для установления сходства между фразеологизмами. Слова **gatairan**, **brehhan**, **bræcon** – инварианты устойчивого словосочетания. Кроме этимологического различия наблюдается различие между готскими и английскими и немецкими компонентами в семантической структуре. Хотя фразеологические значения глаголов и совпадают, их прямые значения различны; **gatairan** «разорвать», **bræcon**, **brehhan** «сломать» Это различие, а также отсутствие этимологической общности указывает на несоответствие данных словосочетаний друг другу. Причину этого можно было бы усмотреть в том, что готская фраза скалькирована с древнегреческой при переводе Евангелия. Однако, как выяснилось, готское словосочетание по своей семантической структуре должно быть отнесено к исконным фразеологизмам. Следовательно, в данном случае наблюдается независимое становление устойчивых словосочетаний в рассматриваемых языках, свидетельствующее о расхождении во фразеологии германских языков еще в древнюю эпоху, то есть о существовании автохтонных фразеологических моделей. Кроме упомянутых возможны и другие соотношения, например: готск. **ni waiht** – «ничто», нем. **niwihit**, **newihit** – «ничто», англ. **na with** – «ничто». Готскому словосочетанию в немецком и английском языках соответствуют отдельные слова. Очевидно, что готский вариант отражает более раннюю германскую стадию, что, собственно, известно из учебного курса истории языка. Для исторической фразеологии немецкого и английского языков этот случай представляет интерес с точки зрения фразеологической деривации. Кроме того, подобные соотношения могут быть рассмотрены в дальнейших исследованиях в более широком плане, с точки зрения развития общегерманской фразеологии. Все примеры относятся к словосочетаниям с частичным переосмыслением значения компонентов. Исследованный материал показал, что наибольшее соответствие наблюдается именно между подобными УСК. Что касается идиом, то в исследованном

материале нет ни одного случая полного их соответствия. В качестве примера можно привести устойчивые словосочетания с полным переосмыслением значения компонентов в готском и английском языках. Готск. ... **usliknoda than minth sis...jah tuggo is.** – раскрылся тогда рот его... и язык его, т.е. он заговорил.

Англ. **Him Andreas ...wordhord onleak.** – Ему Андреас открыл сокровищницу слов. – заговорил. В данных словосочетаниях есть как сходство, так и различия. При сходстве общего смысла идиом глагольные компоненты этимологически и семантически соответствуют друг другу: готск. **Usluknan** «открываться» и англ. **onleacan** «открывать, отпирать». Субстантивные компоненты полностью различны: готск. **minþs, tuggo** «рот», «язык»; англ. **wordhord** «сокровищница слов». В результате само построение образа не идентично: в готском словосочетании переосмысление метонимическое, а в английском – метафорическое. Несмотря на отмеченные сходство и различия между данными УСК, довольно трудно судить о степени их этимологической близости с фразеологической точки зрения. Для этого необходимо либо найти более ранние варианты данных фразеологизмов, что маловероятно, так как рассматриваются тексты, относящиеся к древнейшей эпохе, или разработать критерии соответствия древнегерманских идиом, что может служить задачей специального исследования.

ВЫВОДЫ

Проведено сопоставление корпуса устойчивых словосочетаний трех германских языков: готского, английского и немецкого. В результате выделяются УСК, лексико-семантический состав которых совпадает, то есть между компонентами словосочетаний наблюдается семантическое и этимологическое соответствие. В то же время они построены по разным синтаксическим моделям. Лексико-семантическое соответствие указывает на существование германской фразеологической общности, а различие синтаксических моделей – на некоторую специфичность фразообразования в конкретном германском языке.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Основы общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М., 1957. – С. 272.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М., 1955. – С. 28.
3. Мартине А. О книге «Основы лингвистической теории Луи Ельмслева» / А. Мартине. – В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960. – С. 461.

Материалы исследования

4. Die gotische Bibel/ hrsg. von Wilhelm Streitberg. – Band 1. Der gotische Text und Vorlage. – Winter, Heidelberg, 2000. – 524 p.
5. The New Jerusalem Bible. – 1463 p.

GOTHIC-GERMAN-ENGLISH PHRASOLOGICAL PARALLELS

Dyakova N. A.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: nad.diakowa@yandex.ru*

The historical aspect of phraseological studies yields to the descriptive one even in the Russian Linguistics which was very successful in the diachronic scrutiny of phraseology. As for the study of Germanic languages, the works in the historical aspect are quite rare. The diachronic study of phraseology contributes greatly to defining the main regularities of its development nowadays because it is of great importance to know which historical tendencies of the language provoke this or that modern linguistic phenomenon in order to understand the modern language. It is notable that the recent researches demonstrate the application of the historical approach to the study of modern phraseology as the historical principle has always been characteristic of the Russian linguistic tradition. This allows one to consider historical study of phraseology a perspective trend in Modern Linguistics. The basis for the historical phraseology is the proposition that phraseology as well as the language exists in constant dynamics which can be seen at any stage of its development including a modern one. Historical phraseology is understood as a definite methodological principle based on the comprehensive approach to phraseological phenomena and allowing scrutinizing these phenomena in the process of their development in their interconnection. Historical study is opposed not only to the modern one, but to the static one, as the modern state of the language is only the part of its history. This understanding is based on the main thesis of our Linguistics according to which the study of the language at a definite stage is historical as every given state of the language can be understood in case all its state totality is known. It is necessary to highlight that the opposition of synchronic and diachronic in respect of phraseology is especially wrongful as the study of the phraseological unit is impossible without knowing that historical and semantic process which determines the origin and the development of these units. The specifics of this unit is that its genetic source – a free word combination which fully cannot be abstracted from – is always evident. The use of the phraseological unit and its prototype in the language reveals the historical nature of the phraseological unit. The study of the phraseological stock of the language at every period of its development allows defining the sources of the modern phraseological system, to trace the roots and comprehend the laws of its origin. The main objective of this research is to find out the correspondence of phraseological material in Gothic, German and English and to carry out the comparative-contrastive analysis of the material under study.

Among the set phrases under scrutiny it was possible to find out the phrases that fully correspond to each other in the lexical semantic and grammatical aspect. They are periphrastic verbal-substantivized set phrases which consist of the verbs of wide semantics and abstract nouns, which determine the semantics of the whole complex. As for idioms, there is no case of full correspondence in the material under study. In spite of the highlighted similarities and differences between these idioms, it is difficult to judge the degree of their etymological proximity from the phraseological point of view. It is necessary to find the earlier variants of the given idioms, which seems improbable, as we scrutinize the texts referring to the ancient epoch. Otherwise it is necessary to elaborate the criteria of correspondence of ancient Germanic idioms which can be the task for a special research.

The contrastive analysis of the corpora of the set phrases of three Germanic languages, Gothic, English and German has been done. As a result, the set phrases which have the same lexical and semantic structures can be singled out. Their semantic structure reveals that it may coincide with the other ones and have a semantic or etymologic correspondence. At the same time they are constructed according to different syntactic models. Lexical and semantic correspondence shows the existence of Germanic Phraseological community, and the difference between many syntactic models highlights a certain specifics of phraseological formation in a definite Germanic language.

Keywords: phraseological unit, set phrase, semantical identity, etymology, prototype.

УДК 81'23

СМЫСЛОВАЯ АТТРАКТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С ВЫСОКИМ ИНДЕКСОМ ОБРАЗНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Зубкова О. С.

*Курский государственный университет, Курск, Российская Федерация
E-mail: olgaz4@rambler.ru*

В статье представлены некоторые результаты эмпирического психолингвистического исследования профессиональной метафоры и каламбура с использованием номотетической методики. Акцентируется внимание на смысловой аттрактивности языковых единиц с высоким индексом образности, являющейся неотъемлемым компонентом рефлексивных построений специалиста.

Ключевые слова: профессиональная метафора, каламбур, языковые единицы с высоким индексом образности, номотетическая методика.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема профессионального общения и манифестации профессионального знания посредством языковых единиц давно находится в центре внимания ученых самых различных школ и направлений. В качестве одного из новых путей исследования нами предлагается лингвосемиотический подход к тропеическим средствам языка, который предполагает их понимание как продукта естественного и искусственного семиозисов с учетом объективации результатов процесса метафоризации. Принципы семиотической логики позволяют, по нашему мнению, сформировать целостную картину пространства профессиональной коммуникации путем создания конструкций, «овеществляемых» определённой системой символов и выражаемых посредством тропеических единиц.

Целью данной статьи является представление некоторых эмпирических результатов лонгитюдного исследования тропеической лексики с акцентом на её смысловую аттрактивности, объективирующейся в профессиональном дискурсе.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Согласно развиваемой нами лингвосемиотической теории (см. подр. [1; 2; 3]), на формирование языковых единиц с высоким индексом образности в устной и письменной профессиональной коммуникации, влияет коллективное знание, обобщающее предшествующий опыт о явлениях и предметах окружающей действительности. Особо важно подчеркнуть, что опыт, значимый для общества и заключенный в рамках искусственного семиозиса, определяет выбор той или иной лексемы, и, вероятно, содержание тропеической лексики зависит в первую очередь от коллективной семантики этих слов.

Анализируя основные разновидности коммуникации, объективирующиеся в ходе проведения нами серии психолингвистических экспериментов (см. подр. [1; 2; 3]),

полагаем, что не только профессиональная метафора, как самый значительный троп, но и каламбур, метонимия и др. представляют собой описание профессионального феномена, функция которого – выразить в процессе коммуникации «заложенные» в ней профессиональные смыслы как эксплицитно, так и имплицитно. В этом случае, с одной стороны, тропеическая лексика выступает в качестве семантического экситона в профессионально насыщенном пространстве, а с другой – как средство коммуникации, представляемое в виде знака, вербализующего метафорический образ профессионального феномена и фиксирующего в устной или письменной форме факт корреляции когнитивных, культурных, лингвистических и профессионально обусловленных феноменов.

Важным представляется тот факт, что создаваемая человеком индивидуальная картина мира в значительной степени антропоцентрична: человек метафорически концептуализирует окружающую действительность (в том числе и профессиональную). Метафорические образы профессиональных понятий отражают мировосприятие индивида, формирующееся под влиянием чувств, ощущений, близких и понятных конкретному человеку (специалисту), что составляет основу для последующей смысловой аттрактивности лексики с высоким индексом образности. В данном аспекте можно констатировать особую интерференцию профессиональных факторов на варианты речеупотребления и, в частности, использование метафоры / каламбура как результат процесса метафоризации в профессиональном семиотическом континууме. Вместе с тем, сами тропеические единицы способны оказывать влияние на контекст, реализуя социальный и индивидуальный способ отношения к миру одновременно. Например: «*Depenser – Une femme a des pensées pour un homme jusqu'à ce qu'il ait dépensé pour elle*» (при обсуждении состояния клиента на приеме у психоаналитика – О.З.). Будучи ограниченными рамками доклада, мы остановимся лишь на отдельных теоретических и эмпирических аспектах представления этого феномена в профессиональной коммуникации.

Прежде всего, заметим, что наш эмпирический материал получен в результате проведения серии экспериментов с использованием методики субъективных дефиниций и лонгитюдного исследования, основанного на применении номотетической методики, разработанной нами (см. подр.: [1; 2; 3]). Общее количество участников эксперимента – 378 человек (далее – ии.) в возрасте от 34 до 56 лет. Качественный состав ии. следующий: врачи двух частных клиник Парижа и Лиона, двух частных клиник Бостона и Нью-Йорка и двух стационарных лечебных учреждений г. Курска; сотрудники секций математики, физики и интегративной биологии французской Академии наук. Социальный статус ии. – практикующие специалисты, имеющие высшее профессиональное образование и опыт работы по специальности не менее пяти лет для русскоговорящих участников эксперимента и трех лет для иностранных. В качестве экспертов были привлечены по три профессора филологии, три профессора биологии и три профессора физики. В качестве медицинских экспертов выступали практикующие специалисты, имеющие опыт работы по специальности не менее 10 лет (всего – 35 человек).

Анализ полученного материала привел нас к выводу о том, что смысловая аттрактивность тропеической лексики обусловлена объективацией в когнитивном поле специалиста ономаσιологических, семасиологических, концептуальных категорий

**СМЫСЛОВАЯ АТТРАКТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С ВЫСОКИМ
ИНДЕКСОМ ОБРАЗНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

в лингвистических единицах с высоким индексом образности. При этом рефлексивность языковой единицы, как результата метафоризации, связана с потенциалом действия выражаемой в ней мысли или интенции человека и согласуется с основной коммуникативной стратегией, находящейся в основе её создания – аппеляцией к чувственному восприятию индивида, сопряженной с эмоциональными переживаниями. Профессиональные константы влияют на создание единого образного ряда и общего ритма сообщения в социальной коммуникации посредством смены оценочного вектора или манипуляций с оценочными шкалами, использованием символов компьютерной и сетевой культуры, а также при помощи различных приемов семантической сочетаемости. Например: «PC» (*«pompage du cerveau»*) (перекачка мозга) – сложный клиент в психоаналитической практике – *переводы здесь и далее выполнены нами – О.З*); «*médecin-ball*» (медицинбол) – записи терапевта в карте пациента [1, с. 319].

Как нам представляется, языковая референция профессионального феномена связана синтенцией адресанта, направленной на формирование аттитудно-релевантной информации у адресата, формулирующего субъективные интерпретативные смыслы профессиональных феноменов, что позволяет рассматривать исследуемый феномен как инструмент профессионального консенсуса. Использование конвенциональных профессиональных значений приводит к тому, что информация, как правило, не верифицируется, поскольку значима опора на типичные прототипы, заданные конкретной специальностью. В рамках метафоризации универсальные понятия, касающиеся профессиональных детерминант, приобретают новые «условия» функционирования, что провоцирует манифестацию высокой степени смысловой аттрактивности тропеической лексики. Новая информация селективно отбирается и интерпретируется таким образом, чтобы «подтвердить» структуру существующих профессиональных констант для убеждения адресата в их обоснованности и правильности, «спроектировав» тем самым его дальнейшую реакцию. При этом значение подобных стереотипов определяется ситуацией или контекстом. Например: «*Если семеро одного не ждут, значит, он не их главврач*» (из беседы психиатров) или «*Курица не птица – стоматолог не врач*» (из беседы хирурга и анестезиолога) или «*Votre procédure - Quand on n'est pas pro c'est dur*» ((физ.) в ситуации обсуждения предложения о применении новой процедуры исследования), «*Fosse septique - La Dame Pipi est, sinon une vraie croyante, du moins une fausse sceptique*» ((биол.) в ситуации научной полемики со слушателями после публичной лекции), «*Formalité - Le mariage est une forme alitée à remplir*» (матем.) во время дискуссии с коллегами-теоретиками). Как нами было замечено, подобные каламбуры не имеют случайный характер и встречаются у представителей почти всех изучаемых технических и естественнонаучных специальностей.

Мы полагаем, что необходимость компактной подачи материала, а также особенность современных каналов связи и компрессия времени, являются одной из причин использования в профессиональной коммуникации метафорических единиц разнокодовой принадлежности. В результате реализации намерений индивида в профессиональном дискурсе постепенно расширяется содержание и понятие метафоризации, что влечет за собой неизбежное изменение референтной области тропеической лексики на уровне субъективных интерпретативных смыслов адресата. Например: «*Quelle*

est la différence entre un homme et Paris ? – Paris est Paris toujours!» (Какова разница между мужчиной и Парижем? – Париж всегда Париж!) (при обсуждении состояния клиентки на приеме у психоаналитика – О.З.).

Анализ специального дискурса и проведенное исследование подтверждают, что при употреблении профессиональной метафоры коммуниканты соединяют характерные признаки прецедентных имен с национально-детерминированными представлениями, которые стоят за ними. В профессиональном дискурсе создание нового значения, например, профессиональной метафоры как способа познания действительности происходит через «взаимодействие» увязываемых с конкретным или абстрактным её компонентом разных типов знаний. Герои и тексты, хорошо известные широкому кругу людей, значимые для того или иного индивида в познавательном и эмоциональном отношении, позволяют языковым личностям при общении легко понимать друг друга и соотносить с определенными текстами одинаковые образы и представления в процессе искусственного семиозиса. Например: «*syndrome de Chevalier*».- «*Retours de jeunesse qui se produise parfois chez les vieillards*»; «*Été de la Saint-Martin*».

ВЫВОДЫ

Резюмируя вышесказанное подчеркнём, что смысловая аттрактивность лексических единиц с высоким индексом образности в профессиональной коммуникации зависит от метафорической категоризации репрезентации информации и саморепрезентации индивида. Вместе с тем все большее значение в профессиональном языке приобретает «творческий» элемент как необходимая составляющая индивидуальной речевой деятельности профессионала.

Список литературы

1. Зубкова О. С. Метафора в профессиональной семиотике: монография / О. С. Зубкова. – Курск: Изд-во КГУ, 2011. – 334 с.
2. Зубкова О. С. Номотетическая методика vs. методика живой речи / О. С. Зубкова // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. 1 (11), Курск, 2012. <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/011-004.pdf> (дата обращения: 16.04.2016)
3. Зубкова О. С. Аккомодационная реконсолидация тропеических средств в семиотическом континууме профессиональных языков / О. С. Зубкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Научный рецензируемый журнал. – Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. – № 2 (15). – С. 57 – 61.

SEMANTIC ATTRACTIVENESS OF LINGUISTIC UNITS WITH HIGH FIGURATIVE INDEX IN PROFESSIONAL COMMUNICATION (SOME RESULTS OF A PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT)

Zubkova O. S.

*Doctor of Philology, Professor of Foreign Languages and Professional Communication
Department, Kursk State University, Kursk, Russian Federation
E-mail: olgaz4@rambler.ru*

The article presents some results of the empirical psycholinguistic research of professional metaphor and a pun based on nomothetic methods. The attention is focused on semantic attractiveness of linguistic units with a high index of figurativeness that is an integral component of a specialist's reflexive constructions.

**СМЫСЛОВАЯ АТТРАКТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С ВЫСОКИМ
ИНДЕКСОМ ОБРАЗНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

The problem of professional communication and demonstration of professional knowledge by linguistic means has been the focus of interest for scientists of different schools for a long time. We propose one of the new approaches to lingvosemiotic tropes considered as a product of natural and artificial semiosis based on the results of metaphor objectification processes. The principles of semiotic logic make it possible to form a holistic picture of professional communication space through the creation of structures, “embodied” through a certain system of symbols and expressed by tropes.

The purpose of this article is to present some empirical results of a longitudinal study of trope vocabulary with an emphasis on its semantic attractiveness, objectified in the professional discourse.

According to this theory, the formation of linguistic units with a high index of figurativeness in oral and written professional communication is affected by the collective knowledge, generalizing previous experience of environmental phenomena and objects of reality. It is especially important to emphasize that the experience meaningful for society and enclosed within artificial semiosis determines the choice of a spoken and written lexeme and, probably, the content of the trope vocabulary depends primarily on collective semantics of these words.

Having analyzed the main types of communications, objectified in the course of our series of psycholinguistic experiments, we have come to the conclusion that not only professional metaphor, the most significant figure of speech, but also a pun, metonymy, etc. represent a professional phenomenon, the function of which is to express its “enclosed” professional sense in the communication process both explicitly and implicitly. In this case, trope lexis serves, on the one hand, as a semantic exciton in professionally saturated space, and on the other hand, as a means of communication, represented in the form of a sign, verbalized metaphor professional phenomenon and fixed either orally or in written form, the fact of cognitive, cultural, linguistic and professionally specified phenomena correlation.

Most important is the fact that the picture of the world created by an individual is largely anthropocentric: a man conceptualizes the surrounding reality with the help of metaphor (including professional). Metaphorical images of professional concepts reflect the worldview of the individual, formed under the influence of feelings, sensations that are close and understandable to a specific person (specialist), which is the basis for the subsequent attractiveness of semantic vocabulary with a high index of figurativeness. To sum up, special professional interference to factors of speech creation options and, in particular, the use of metaphor / pun metaphor as a result of the process in a professional semiotic continuum are stated. At the same time, trope units are able to influence the context by implementing the social and individual way of world perception.

Keywords: professional metaphor, pun, language units with a high index of imagery, nomothetic methods.

УДК 811.11; 81-119

СОЦИАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ВАРИАТИВНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Исаев Э. Ш.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: isayev@crimea.edu*

Работа посвящена анализу проблем языковой вариативности с учетом общественных и исторических условий жизни носителей языка. Вопросы теории вариативности рассматриваются в тесной связи с понятием языковой нормы. Особый акцент делается на исследовании речевых вариантов представителей отдельных социальных групп. В качестве примера взаимосвязи вариантов речевой структуры с элементами социальной структуры приводится анализ тенденций развития произношения старшеклассников Германии.

Ключевые слова: вариативность, языковая норма, вариант, коммуникативная ситуация.

ВВЕДЕНИЕ

Язык развивается параллельно с обществом, и естественным следствием этого процесса является развитие разноуровневых вариантов языковой системы. Поэтому объективное рассмотрение вопроса вариативности невозможно без учета общественных и исторических условий жизни носителей языка. Кроме этого, вариативность – это незаменимое свойство любого литературного языка и возможность варьирования заложена в самой природе языка.

В 19-м веке Г. Пауль [4, с. 52] причину изменений искал в неких индивидуальных колебаниях, во второй половине 20-го века наметилась тенденция к поиску социальной природы языковых изменений. Так, Г. В. Степанов [10, с. 3] отмечает, что «в регулировании процесса создания вариантов, в закреплении или управлении вариантных форм, в использовании или неиспользовании их в коммуникативных целях главную и решающую роль играет фактор социальный». А. Д. Петренко [7, с. 6] главной целью лингвистических исследований называет углубленное изучение форм связи с реальной действительностью, «главным направлением социально-лингвистических исследований является установление общественно значимых вариантов языковых знаков и анализ употребления этих вариантов в социологически релевантных группах, в определенных ситуациях и при определенной целевой направленности речевой коммуникации».

Целью данной работы является анализ вопросов теории вариативности в аспекте изучения корреляций между языковыми/речевыми вариантами, ситуацией общения и социальной группой говорящих. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: проанализировать вопросы социальной вариативности речи, определить базисные единицы исследования, сформулировать основные методические принципы анализа речевых вариантов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Понятие языковой нормы как составляющая часть теории вариативности

С социолингвистической точки зрения особый интерес, по мнению К. Нарингс [17, с. 29], представляют социально обусловленные формы и способы употребления языка, характерные для определенных групп говорящих. Употребление носителем языка какого-либо варианта, отклоняющегося от нормы литературного языка, так же как и использование строго литературной формы, «сигнализирует» о его принадлежности к определенной социальной группе.

К. Нарингс подчеркивает, что постановка вопроса об истоках и причинах существования языковой вариативности неизбежно приводит к выяснению характера взаимосвязи языка и общества. В любом языковом сообществе существуют различные группы, которые, отличаются друг от друга не только по социальным признакам, но и по языковым маркерам. Кроме этого, характер коммуникативной ситуации и уровень взаимоотношений между коммуникантами также влияют на выбор языковых вариантов. Внутренняя дифференциация языка является следствием и выражением социальной структуры общества.

Вопросы теории вариативности необходимо рассматривать в тесной связи с понятием языковой нормы. В первой половине 20-го века вопрос о степени правильности или неправильности высказывания решался путем сравнения с нормами письменного языка, которые устанавливались писателями и лингвистами. К примеру, в первом словаре немецкого произношения, подготовленном под редакцией Т. Зибса [19], за основу немецкого литературного произношения было взято сценическое произношение. Создавая первые в истории Германии нормы произношения немецкого литературного языка, Т. Зибс ставил не только задачу унификации языка актеров, но и предлагал руководство для образцового немецкого произношения.

Литературный язык (кодифицированный стандарт) рассматривался Т. Зибсом и его последователями В. Кульманом [15] и Х. Винклером [22] не как форма проявления того или иного национального языка, а как искусственное образование, как идеал, не допускающий никаких отступлений.

Представители Пражского лингвистического кружка Б. Гавранек [8], А. Едличка [13] и др. впервые предложили разграничить понятие объективно существующей языковой нормы (общепринятое речевое употребление) и понятие кодификации (совокупность правил). Расширенное толкование термина «норма» дало возможность, по мнению С. М. Гайдучика [1, с. 64–65], «более тщательно изучить объективно существующие законы языка, однако не решило ряд вопросов, связанных с проблемой литературно-языковой нормы и с ее внутренним содержанием».

Понятие нормы неотделимо от понятия системы языка, существующего в данную историческую эпоху. В современной лингвистике одной из наиболее популярных является теория уровней Э. Косериу [2], в которой различаются три уровня: система – норма – речь. Под системой автор понимает схему, которая охватывает идеальные формы реализации определенного языка. Норма – это система обязательных реализаций тех возможностей, которые заложены в языке. Речь – это индивидуальная реализация нормы. Согласно этой схеме на уровне нормы происходит обязательная реализация, а на уровне речи – нетрадиционная.

Ю. С. Степанов [9, с. 169] относит к уровню нормы обе реализации (обязательную и необязательную), полагая, что все существующие реализации в совокупности образуют уровень нормы, те же реализации, которые самим обществом признаны как правильные, образуют норму в узком смысле этого слова.

А. Д. Петренко [5, с. 30–31] считает вполне очевидным утверждение, «что норма включает в себя различные формы языкового поведения, как на уровне предписания, так и на уровне употребления, и находится в тесной связи с комплексом экстралингвистических факторов, коммуникативной ситуацией общения, коллективом носителей языка, различающихся своим территориальным происхождением и социальным положением».

Отличительной чертой языкознания второй половины 20-го века является учет динамичности языка и признание того факта, что кодификация языковых норм всегда в какой-то степени не соответствует объективно существующей норме. Она обычно отстает от общепринятого речевого употребления, представляя собой норму прошедшего времени. И. Эрбен [12], Г. Крех [14], Г. Майнхольд [16] допускают существование общепризнанных отклонений от эталона, вариантов норм. Вариантность норм является, по их мнению, одним из основных признаков, из которых складывается понятие литературной нормы.

Х. Штегер [20] связывает понятие нормы с социальными факторами и отмечает, что каждая группа языкового коллектива обладает собственной языковой нормой, а во многообразии социально обусловленных вариантов ярко отражается социальная неоднородность общества. В предшествующие столетия, в эпоху становления немецкого литературного языка, проблема нормирования состояла в преодолении региональных различий. В настоящее время в языке наблюдается конкуренция социальных вариантов. И проблема нормирования на современном этапе состоит в достижении такого соотношения между вариантами, при котором все они самостоятельно, но в едином направлении способствовали бы повышению уровня языковой нормы.

Г. Виллигер [21, с. 42–46] предлагает следующую иерархию норм современного немецкого языка (Рис. 1):

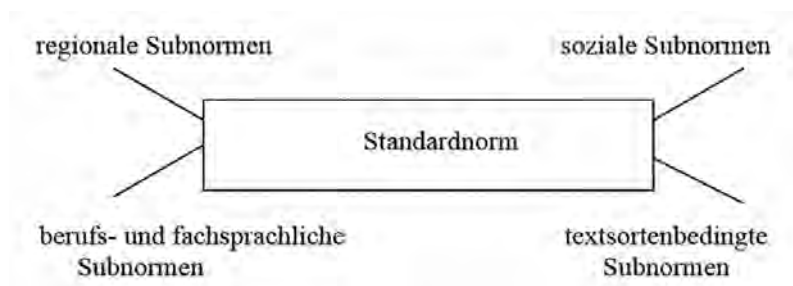

Рис.1. Normenbaum der modernen deutschen Sprache

На Standardnorm замыкаются т.н. Subnormen с ограниченными областями применения: regionale (Северная Германия, Южная Германия, Швейцария, Австрия, Люксембург, Лихтенштейн, Восточная Бельгия, Южный Тироль и т. д.), soziale und

standessprachliche (возвышенная, разговорная, вульгарная), berufs- und fachsprachliche (язык охотников, моряков и т. д.; языки науки: химии, медицины, психологии, языкознания и т. д.), а также textsortenbedingte (реклама; сообщения о свадьбе, о смерти и т. д.).

В рамках такого подхода, варианты, реализуемые в речи, определяются условиями общения и не трактуются как отклонения от нормы.

Е. Косериу [11, с. 232] полагает, что существуют два типа различий между языковыми вариантами: 1) географические (диатопические) различия; 2) социально-культурные (диастратные) различия. «В любом языковом ареале и на всех языковых уровнях существуют определенные географические и социально-культурные отличия. И в этом смысле язык представляет собой некую «сумму языковых систем» (eine Summe von Sprachsystemen)».

Дальнейшее развитие идея Е. Косериу получила в исследованиях Б. Шлибен-Ланге [18, с. 87–94], предложившей для анализа теорию о трех уровнях языковых отличий:

- 1) диатопические (региональные);
- 2) диастратные (социолектные);
- 3) диафазные (стилистические).

При этом особый акцент автор делает на отличиях, проявляющихся в языковых вариантах отдельных социальных групп. Социально маркированные варианты, в таких случаях, выступают не только в роли средства коммуникации, но и идентификации: специфические языковые знаки представляют собой средство распознавания «своих».

2. Изучение фонетико-фонологической вариативности национальных языков на примере научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко

В 90-е годы 20-го века на факультете иностранной филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь) под руководством профессора А. Д. Петренко начало формироваться новое направление лингвистических исследований – изучение социально обусловленной фонетико-фонологической вариативности национальных языков как целостной структуры. Основные положения данного направления изложены в автореферате диссертации А. Д. Петренко «Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии» [6] и паспорте научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко [3]. Детальный анализ разрабатываемой проблематики представлен в монографиях и публикациях А. Д. Петренко и представителей научной школы (Л. С. Бор, Д. С. Бородина, Т. В. Бридко, О. И. Гладких, Э. Ш. Исаев, К. А. Мележик, С. Е. Перепечкина, Д. А. Петренко, А. В. Пономарева, Е. А. Устинович, Ю. Б. Федотова, Д. М. Храбскова и др.). В рамках многоаспектного изучения социально обусловленной языковой вариативности исследуются актуальные проблемы социальной стратификации языка, социальные аспекты нормы, стиля и речевой ситуации, определяются базисные единицы фоностилистики и социофонетики, демонстрируется комплексная методика проведения социофонетических исследований.

Одним из иллюстративных примеров изучения взаимосвязи вариантов языковой структуры с элементами общественной структуры может служить анализ про-

изношения немецких школьников. В исследовании вариативности произношения немецких школьников практический материал собирался с помощью комплекса методов для получения информации об одних и тех же информантах при помощи нескольких способов. Такая методика сбора информации позволяет проверить адекватность, качество и репрезентативность данных практически сразу, еще на этапе их обработки.

Социолингвистическая информация о социолекте немецких школьников собиралась следующими методами: метод полустандартного интервью; метод анкетирования, как составная часть интервью; метод скрытой записи; метод «включенного наблюдения».

Особое внимание было уделено попытке смоделировать ситуацию общения таким образом, чтобы максимально уйти от официальной беседы и стимулировать говорящего к неофициальному общению, так как вариативность наиболее четко проявляется при смене степени официальности общения. Нормированное литературное произношение зафиксировано в словарях немецкого произношения. При анализе вариативности произносительных форм особый интерес представляет именно ситуация непринужденного общения, в которой повышается вероятность проявления социально обусловленных особенностей.

Целью анализа практического материала было определение средних индексов реализации для каждой фонологической переменной и ее вариантов в трех различных по степени официальности ситуациях общения, что дало возможность для выведения переменных правил реализации фонологических переменных и их вариантов в социолекте старшеклассников, которые могут рассматриваться в качестве нормативных для данного социолекта.

Одним из типичных является пример реализации гласных [i:] и [i]. При рассмотрении долгого закрытого нелабиализованного гласного высокого подъема переднего ряда [i:] и открытого краткого [i] особый интерес вызвали реализации в слабых формах в неофициальных ситуациях. В большей степени, как правило, выделяются важные для акта коммуникации слова. Малозначимые, не имеющие достаточного информативного веса слова (к которым обычно относят служебные части речи) реализуются в высказывании как безударные или слабоударные, следовательно, они в большей мере, чем другие слова, подвергаются фонетическим модификациям (качественной и количественной редукции, элизии и т.п.).

Долгий закрытый [i:] в речи немецких школьников в ситуациях непринужденного общения в слабых формах подвергался, как правило, количественной редукции [i:] → [i]:

viel – [fi], wie – [vi], sie – [zi].

В некоторых случаях зафиксировано смещение по степени подъема языка, преимущественно в неофициальных ситуациях и, как следствие, качественная редукция гласного [i:] → [ɛ]:

die – [dɛ], hier – [hɛα].

Краткий открытый [i] в неконтролируемых и спонтанных высказываниях при минимальном внимании к речи со стороны информантов подвергался элизии в слабых формах:

ich – [ʰç], ist – [ʰs],

в неофициальных ситуациях зафиксированы также случаи качественной редукции [i]→[э]:

in – [эн], nicht – [нэх(t)].

Безударность и малая смысловая нагрузка слабых форм являются, по-видимому, главными причинами редукции гласных [i:] и [i].

Ситуативно обусловленные варианты фонологических переменных [i:] и [i] представлены в таблице 1:

Таблица 1

Ситуативно обусловленные варианты
фонологических переменных [i:] и [i]
в произношении старшеклассников Германии

Фонологическая переменная	Вариант реализации	Примеры
[i:]	[i]	viel – [fi], wie – [vi], sie – [zi]
	[э]	die – [dэ], hier – [hэα]
[i]	«0» – форма	ich – [‘ç], ist – [‘s]
	[э]	in – [эн], nicht – [нэх(t)]

ВЫВОДЫ

Наиболее наглядно варианты произношения проявляются преимущественно в неофициальных ситуациях общения и выражаются в различных формах ассимиляции согласных, редукции гласных, выпадении и слиянии сегментов, в отсутствии твердого приступа в начале корневых гласных, а также в отсутствии придыхания у глухих смычных. Существенное отличие в распределении произносительных вариантов отмечено для двух ситуаций общения: официальной и неофициальной. Данный факт еще раз доказывает верность позиции, согласно которой, в исследованиях фоностилистической вариативности произношения достаточно ограничиться анализом речевого поведения в двух диаметрально противоположных типах ситуаций общения.

Полученные результаты служат доказательством возможности проведения социолингвистического исследования на фонетико-фонологическом уровне, т.е. с учетом специфики произношения представителей разных социальных групп в различных ситуациях общения. Определение социально значимых вариантов и исследование употребления данных вариантов в социологически релевантных группах, в заданных ситуациях речевой коммуникации является одним из перспективных направлений современных социолингвистических исследований.

Список литературы

1. Гайдучик С. М. Фоностилистический аспект устной речи: Дис... докт. филол. наук: 10.02.04 / С. М. Гайдучик. – Минск, 1973. – 292 с.
2. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история / Э.Косериу // Новое в лингвистике, вып.3. – М., 1963. – С. 175.

**СОЦИАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ
ВАРИАТИВНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ**

3. Научная школа социофонетики и фоностилистики профессора Петренко А.Д. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ta.cfuv.ru/struktura/institut-inostranoj-filologii/nauchnaya-shkola-sociofonetiki-i-fonostilistiki-professora-petrenko-a-d> (дата обращения: 03.03.2016)
4. Пауль Г. Принципы истории языка / Г.Пауль. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
5. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А. Д. Петренко. – К., 1998. – 254 с.
6. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии: Автореф. ... дис. д-ра филол. наук / А. Д. Петренко. – К., 1998. – 36 с.
7. Петренко А. Д. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации / Петренко А. Д., Петренко Д. А., Храбскова Д. М., Исаев Э. Ш. – Симферополь, 2011. – 274 с.
8. Пражский лингвистический кружок: Сб. науч. тр. – М.: Прогресс, 1967. – 558 с.
9. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М.: Просвещение, 1976. – 272 с.
10. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки / Г. В. Степанов. – М.: Наука, 2004. – 328 с.
11. Coseriu E. Structure lexicale et enseignement du vocabulaire / E.Coseriu // Actes du Premier Colloque International de Linguistique Appliquée. – Nancy, 1966. – P. 175–252.
12. Erben J. Gesetz und Freiheit in der deutschen Hochsprache der Gegenwart / J. Erben. – Stuttgart, 1961. – Н. 5.
13. Jedlicka A. Zur Prager Theorie der Schriftsprache / A. Jedlicka // Travaux Linguistiques de Prague. – 1964. – №1. – S. 47–58.
14. Krech H. Beiträge zur deutschen Ausspracheregung / H.Krech. – Berlin, 1961. – 133 S.
15. Kuhlmann W. Die Tonhöhenbewegung des Aussagesatzes / W. Kuhlmann. – Heidelberg, 1931. – 91 S.
16. Meinhold G. Deutsche Standardaussprache: Lautschwächungen und Formstufen / G. Meinhold. – Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1973. – 147 S.
17. Nahrings K. Sprachliche Varietäten / K. Nahrings. – Tübingen, 1981. – 281 S.
18. Schlieben-Lange B. Soziolinguistik: eine Einführung / B. Schlieben-Lange. – Stuttgart; Berlin; Köln: Kohlhammer, 1991. – 165 S.
19. Siebs Th. Deutsche Hochsprache (Bühnenaussprache) / Th. Siebs. – Bonn, 1915. – 252 S.
20. Steger H. Sprachverhalten-Sprachsystem-Sprachnorm / H. Steger // Bd.1. Soziolinguistik. Aufsätze zur soziolinguistischen Theoriebildung. – Darmstadt, 1982. – S. 353–372.
21. Villiger H. Sprachnorm und Sprachrealität / H. Villiger // Sprachspiegel. – Bern, 1997. – № 53 (Heft 2). – S. 42–45.
22. Winkler Chr. Die Klanggestalt des Satzes / Chr. Winkler // Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Mannheim, 1964. – S. 730–755.

**SOCIAL AND LANGUAGE RELATIONS IN THE ASPECT OF THE THEORY
OF NATIONAL LANGUAGES VARIABILITY**

Isayev E. Sh.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: isayev@crimea.edu*

The paper analyzes the problems of language variability in the context of social and historical living conditions of native speakers. The purpose of this paper is to analyze the problems of theory of variability in the aspect of the study of correlations between language / speech variants, the situations of communication and social group. To achieve this goal it is necessary to solve the following tasks: to analyze the issues of social variability of speech, to define the basic research units, to formulate the basic methodological principles of speech variants analysis. Language evolves with the development of society and the development of split-level variants of the

language system is the natural consequence of this process. Therefore, an impartial consideration of the variability is not possible without taking into account social and historical living conditions of native speakers. But, on the other hand, variability is an inherent property of a lively literary language and the possibility of variation is inherent in the very nature of language. Raising the question of the origins and causes of the language variability existence inevitably leads to the clarification of the nature of the language and society relationship. In each language community there are different groups, which, along with their social features, differ from each other in characteristic linguistic properties as well. In addition, different language variants are also used in different communicative situations and depending on the relationship between the participants of the communicative act. Internal language differentiation is the result and the expression of social hierarchy.

The problems of theory of variability are closely connected to the concept of language norm. At the beginning of the 20th century, the question of the grammaticalness or deviance of the speech act was solved by comparison with the written language standards that were established by writers and linguists. For example, in the first dictionary of German pronunciation, published under the editorship of Th. Siebs, stage pronunciation was taken as the basis of the German literary pronunciation. By minting the first-ever German pronunciation norms of the literary language, Th. Siebs did not only set the problem of the actors language unification, but also offered a guide to the German pronunciation pattern. The representatives of the Prague Linguistic Circle B. Havranek, A. Jedlicka and others were the first to propose to distinguish between the concept of entitative language norm (the common use of speech) and the concept of codification (set of rules). The theory of levels by E. Coseriu, which differentiate three levels: system – norm – speech, is one of the most popular in modern linguistics. The author thinks the system to be the scheme which covers ideal forms of the particular language realization. Norm is a system of mandatory implementations of the possibilities inherent in the language. Speech is an individual realization of norm. According to this scheme, mandatory implementation occurs at the level of norm and alternative implementation occurs at the level of speech. A. D. Petrenko considers the following statement to be obvious: norm includes various forms of linguistic behavior both at the level of requirements and at the level of use, and is closely related to the complex of extralinguistic factors, communicative speech situation, a team of native speakers with different territorial origin and social status.

In the 90th years of the twentieth century a new area of linguistic research began to form under the guidance of Professor A.D. Petrenko at the Faculty of Foreign Philology of Taurida National V.I. Vernadsky University (Simferopol) - the study of socially conditioned phonetic and phonological variation of national languages as an integral structure. The conceptual issues of the area are set out in the author's abstract by A. D. Petrenko "Sociophonetic variability of the modern German language in Germany" and in the descriptor of the professor A.D. Petrenko sociophonetics and phonostylistics scientific school. The analysis of development trends of high school students of Germany pronunciation can be one of the illustrative examples of studying the interrelation of speech structure with social structure elements. The object of investigation in this case is social-communicative system of speech body of German 14-18-aged high school students. The subject of research is the studying of a number of sociophonetic variables and the search of special aspects of further development of German students sociolect at the phonetic level. Sociolinguistic information about German students sociolect was collected with the help of following methods: method of semistandard interview; method of questioning as an integral part of the interview; method of "overt observation"; secret recording method.

Pronunciation varieties appear most vividly mainly in informal communication situations and are expressed in various forms of consonants assimilation, vowels reduction, segments loss and merging, the lack of rough glide at the beginning of the root vowel, as well as the lack of aspiration while pronouncing voiceless stops. The significant difference in the distribution of pronunciation variants was observed for two communication situations: formal and informal. This fact proves once again the faithfulness of the statement, according to which, in the studies of phonostylistic pronunciation variability it is sufficient to be limited to the analysis of verbal behavior in two diametrically opposed types of communication situations.

Identification of socially important variants and the study of these variants use in the sociologically relevant groups in certain situations and at specific targeting of verbal communication is one of the promising areas of the following sociolinguistic researches.

Keywords: variability, language norm, variant, communicative situation.

УДК 811.111'373: 811.161.1

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Кислицына Н. Н., Рак А. Н.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: nkislitsyn@rambler.ru, sandrarack512@gmail.com*

Работа посвящена освещению отдельных аспектов изучения туристического дискурса на материале английского и русского языков. Рассматривается значимость туристического дискурса. Особый акцент делается на взаимосвязи туристического дискурса с системой других институциональных видов дискурса, а также описан междисциплинарный характер туристического дискурса. Проводится формально-семантический анализ терминосистемы сферы туризма. Источниками языкового материала для данной работы послужили словари и тексты из специализированных журналов, рекламных проспектов, статей, брошюр, электронных изданий на английском и русском языках; материал исследования составили английские и русские туристические термины в объеме 200 единиц.

Ключевые слова: туристический дискурс, терминосистема сферы туризма, институциональные виды дискурса, коммуниканты.

ВВЕДЕНИЕ

Главной особенностью современной эпохи является значительно возросшая интенсивность человеческого общения, представляющего собой деятельность, направленную на передачу и получение определенной информации. В таком процессе текст служит источником информации для коммуниканта. Одной из сфер коммуникации, наряду с архитектурой, искусством и другими областями человеческой деятельности, широко распространенными в современном мире, является туризм. Энергичное развитие индустрии туризма послужило стимулом к активному исследованию особенностей туристического дискурса.

Актуальность исследования обусловлена тем, что туристическая индустрия продолжает развиваться: возникает всё больше туристических операторов, туристических компаний и туристических предложений, охватывающих всё больше новых стран и вовлекающих огромное количество людей, которые общаются друг с другом в устной и письменной формах. В связи с этим в современной лингвистике назрела необходимость изучения нового институционального вида дискурса – туристического. Туристический дискурс включает в себя текстовые компоненты, обладающие как лингвистическими, так и нелингвистическими параметрами, связанными между собой функционально. Исследование туристического дискурса носит функционально-семантический характер; по своей сути оно антропоцентрично и междисциплинарно.

Так, в русле дискурсологии термины туризма в английском и русском языках исследует О. П. Каребина [12], в лингвокультурном аспекте терминосистему туристического дискурса рассматривает Е. В. Мошняга [14], а страноведческая и лингвострановедческая значимость туристического дискурса представлена в работах А. В. Павловой и С. А. Погодаевой соответственно [15; 17]. Однако, многие вопросы, связан-

ные с туристическим дискурсом до сих пор не получили должного освещения, что также определяет актуальность изучения данной темы.

Целью исследования является изучение дискурса сферы туризма на материале английского и русского языков. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) дать определение понятию туристический дискурс (далее – ТД);
- 2) определить место туристического дискурса в системе других институциональных видов дискурса;
- 3) исследовать семантические особенности терминов «*tour*», «*tourism*», «*tourist*» в английском языке и соответственно «*тур*», «*туризм*», «*турист*» в русском языке;
- 4) рассмотреть основные словообразовательные особенности терминосистемы сферы туризма.

Источниками языкового материала для данной работы послужили тексты из специализированных словарей и журналов, рекламных проспектов, статей, брошюр, электронных специализированных изданий на английском и русском языках; материал исследования составили английские и русские туристические термины, отобранные методом сплошной выборки, в объеме 200 слов.

В работе используются: статистический метод; метод структурного анализа; метод системно-семантического описания; сравнительный метод; метод сплошной выборки.

Теоретической базой для проведения данного исследования послужили работы таких учёных как В. Д. Аракин, В. Г. Гак, Э. Т. Белан, Е. А. Боброва, З. Д. Попова, Е. И. Панченко, Л. Н. Чурилина, В. З. Демьянков, В. Н. Ярцева (лингвистическая и лексическая типология), а также Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, Е. В. Мошняга, Е. И. Маркова, А. А. Завтур, О. П. Каребина, Л. В. Виноградова (терминоведение, словообразование и лексическая семантика).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Определение понятия туристический дискурс

Дискурс – многозначный лингвистический термин, который употребляется некоторыми авторами в значениях, являющихся почти омонимичных. Важнейшие из них: «1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [21, с. 248].

В аспекте нашего исследования значимым является определение дискурса как «цельнооформленной единицы информации, характеризующейся связностью, обусловленной лингвистическими и экстралингвистическими параметрами и представляющей собой собрание текстов, обладающими схожими темами, принципами построения и одинаковыми прагматическими параметрами» [2, с. 136]. В лингвистической литературе существуют такие виды дискурса, как политический, юридический, спортивный, медицинский и др. Институциональный дискурс можно определить как «общение людей, принадлежащих к той или иной социальной группе, в типичной речеповеденческой ситуации» [11, с. 151]. В лингвистических исследованиях, посвященных изучению особенностей коммуникации в сфере туризма применяется термин «туристический дискурс», под этим термином понимается речь, которая реализуется в предметной области

туризма в институциональных ситуациях общения. «Туристический дискурс является особым подвидом рекламного дискурса, который объединяет различные виды рекламы туризма и является нацеленным на позиционирование и продвижение туристических услуг с помощью стратегий аргументации, которые имеют лингвокогнитивный характер» [16, с. 67]. Он может включать в себя как один, так и значительно большее количество текстовых компонентов, обладающих определенными нелингвистическими параметрами и являющихся функционально связанными между собой. Темой данного вида дискурса является организация туристических поездок, включающая в себя культуру, традиции, жильё, гостиницы, географическое описание местности, развлечения, экскурсии. Таким образом создается аттрактивный образ той или иной программы.

По утверждению В. И. Карасика, «любой институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: целей и участников общения» [11, с. 169]. Целью туристического дискурса является манипуляция мнением адресатов для того, чтобы сформировать у них «определенные намерения и установки, мотивировать вполне определенные реакции» [8, с. 117].

Основными участниками туристического дискурса являются туроператор, представитель принимающей стороны, потребитель туристических услуг (турист), экскурсовод и др.

2. Место туристического дискурса среди других институциональных видов дискурса

В основном туристический дискурс носит рекламный характер. Однако сравнив рекламный и туристический дискурс, можно найти определенные различия вербального и невербального характера. Так, например, стандартная реклама может предлагать не всегда достаточно подходящие иллюстрации, в туристическом же дискурсе зачастую используются проверенные временем аттрактивные объекты, как, например, фотографии замка Толедо или Собора Святого семейства в Барселоне. Вербально привлечение внимания адресата достигается, во-первых, броскими заголовками, названием туристической программы (*Скандинавская сказка, Великолепная Италия, Европейский фейерверк* и т.п.), во-вторых, лексико-стилистическими и гиперсинтаксическими средствами создания и организации специальных текстов.

Помимо рекламного дискурса туристический дискурс имеет связь с историческим дискурсом. Историческому дискурсу характерен строгий подбор фактов и учет хронологических данных. А это в свою очередь является частью стандартного путеводителя.

Туристический дискурс связан с искусствоведческим дискурсом, который «устойчив к неязыковым изменениям и обладает общим фондом концептуализации, общими стратегиями и лексико-грамматическими особенностями (терминологичность, книжность, обилие клишированных форм, обязательно большая степень пересечения с литературным языком...)» [9, с. 63]. В своей основе туристический дискурс несет признаки бытового дискурса.

Существующие лексические, структурные и тематические особенности текстов туристического дискурса позволяют рассматривать их как особый информационный жанр. Туристический дискурс осваивает все новые и новые территории. Так, Roberto A. Valdeon утверждает, что «Museums have become part of the modern concept of

tourism» [27, с. 363]. Таким образом, туристический дискурс, имея свою собственную лингвистическую основу, может лингвистически существовать отдельно.

Проведя исследование семантических особенностей терминов «*tour*», «*tourism*», «*tourist*» в английском языке и соответственно «*тур*», «*туризм*», «*турист*» в русском языке, можно сделать следующие выводы.

Определение термина «*tour*» согласно Oxford English Dictionary: «a going or traveling round from place to place, a round; an excursion or journey including the visiting of a number of places in a circuit or sequence; often qualified, as cycling, walking, wedding tour» [26, с. 1602]. «Словарь иностранных слов» дает следующее определение русской лексеме «тур»: «один круг танца, а также одно законченное движение вокруг чего-либо или туда и обратно». Согласно специализированным словарям это «комплексная туристская услуга, путешествие, поездка, организуемая на индивидуальной или коллективной основе по определенному маршруту и программе с предварительным бронированием и приобретением проездных билетов, гостиничных, транспортных, экскурсионных услуг и услуг питания, оформление виз, страховки и т.д.», «туристическое путешествие с заранее спланированными параметрами (маршрут, сроки, набор услуг); организуется фирмой-туроператором с реализацией по единой цене» [19, с. 142].

Термин «туризм» впервые ввёл французский писатель Анри Стендаль (1783 – 1843) [4, с. 27]. В английском языке термин «*tourism*» обладает более широким значением, чем параллельный ему в русском языке термин «туризм». Сравним: «*tourism* – the theory and practice of touring; traveling for pleasure. Also, the business of attracting tourists and providing for their accommodation and entertainment; the business of operating tours» [26, с. 1602]. Согласно «Словарю современного русского литературного языка»: «туризм является одним из видов активного отдыха, который представляет собой путешествия, совершаемые с познавательной целью и т.п.» [19, с. 144]. Тем не менее, термины «*tourist*» и «*турист*» можно считать эквивалентными. В английском языке лексема *tourist* имеет значение «one who makes a tour or tours; one, who does this for recreation; one, who travels for pleasure or culture, visiting a number of places for the objects of interest, scenery, or the like; a member of a touring sports team» [26, с. 1602]. В русском: «Турист является путешественником, совершающим поездку или пеший переход с познавательной целью или для отдыха» [20, с. 91].

3. Основные особенности терминосистемы сферы туризма

Терминосистема сферы туризма (ТСТ) постоянно обновляется и развивается. Первая характерная черта ТСТ – это заимствование терминов из других сфер деятельности, например, *carrousel* – ленточный конвейер в аэропорту, *animation* – анимация, *hospitality industry* – индустрия гостеприимства, *restricted goods* – товары, ограниченные в производстве или обращении, *standby* – резервный, *stopover* – остановка. Вторая – образование собственных терминов: например, *back-to-back charter* – чартер туда-и-обратно, *catering* – общественное питание, *concourse* – главный вестибюль вокзала, *consolidator* – консолидатор, объединитель, *inclusive tour* – туристическая поездка с оплатой всех услуг, *itinerary* – путеводитель, *open-jaw fare* – тариф на полёт туда-обратно, *redcar* – носильщик, *time-share* – форма собственности с ограниченным временем пользования, *tour package* – туристический пакет [14, с. 70]. Значительная часть туристических терминов появляется в национальных терминосистемах, в случае отсутствия

аналогов в национальных языках, путем заимствования англоязычных лексем или их отдельных лексико-семантических вариантов. Посредством транслитерации слово частично ассимилируется в системе принимающего языка и закрепляется в ней, часто в виде интернационализмов. Например, инклюзив тур – *inclusive tour*, туроперейтинг – *tour operating*, фам трип – *fam(iliarization) trip*, консолидатор – *consolidate*, кейтеринг – *catering*, пэкидж тур – *package tour*, коммитмент – *commitment*, овербукинг – *overbook*, аффинити – *affinity*. Одной из причин этого процесса, как уже отмечалось выше, является отсутствие термина-аналога в контактирующем языке. Например, *affinity* – группа сотрудников одного учреждения, учебного заведения, или организации, совершающих совместную поездку и пользующихся специальными льготными авиатарифами, *catering* – обслуживание массовых мероприятий блюдами и напитками предприятием питания на своей территории или выездное [14, с. 72]. Ряд терминов сохраняется без транслитерации в английском написании, например *bed & breakfast* – «гостиница со схемой обслуживания «размещение и завтрак». Ввиду трудности произношения такие понятия редко закрепляются в активном словаре пользователя [13, с. 683].

Таким образом, к основным особенностям терминосистемы сферы туризма можно отнести динамичность системы и её интернациональный характер, обусловленный значительным количеством заимствований.

4. Основные способы словообразования терминов сферы туризма

При комплексном изучении туристического дискурса следует также учитывать способы словообразования соответствующих терминов. Среди русских терминов простых лексем (*туризм; билет; гид; виза*) больше, чем аффиксных (*разговорник; высадка; носильщик; проводник*). В качестве примера наиболее распространенных сложносоставных лексем можно назвать *вагон-ресторан, бортпроводница, бизнес-класс*, а также термины, образованные путем аббревиации (*экономкласс; авиалиния; турагент*).

В отобранном языковом англоязычном материале наблюдается иная ситуация. Простые по составу лексемы (*track – путь; flight – рейс; steward – стюард*) преобладают над остальными типами терминов. Аффиксных лексем (*package – турпакет, administrator – администратор*) несколько меньше, чем сложных (*doorman – швейцар; railroad – железная дорога; airport – аэропорт; aircrew – летный состав*). Слов-аббревиаций (*eco-tourism – экотуризм; boatel – ботель*) оказалось меньше всего.

Для английских и русских туристических терминов преобладающим способом словообразования является синтаксический способ (*departure lounge, baggage storage, багажная квитанция, путь отправления, камера хранения; табло отправления*).

Двухкомпонентное атрибутивное словосочетание как в английском, так и в русском языках, является самым часто применяемым видом составных терминов, например: *flight attendant – стюардесса, entry visa – въездная виза, agency tour – рекламный тур, ручная кладь, познавательный тур, кругосветное путешествие*.

Наиболее продуктивным способом словообразования в английской терминологии сферы туризма является словосложение (*doorman (швейцар); air-hostess (стюардесса); campground (кемпинг)*).

В аспекте этимологического рассмотрения туристических терминов английского и русского языков следует отметить, что в основном в английский язык были

заимствованы французские лексемы – *route* (*маршрут*); *abolition* (*аннуляция*); *porter* (*проводник*); *quay* (*причал*); а также испанские (*cafeteria* – *кафетерий*); шведские (*smorgasbord* – «*шведский стол*») и голландские (*snack* – *легкая закуска*).

В русских терминах сферы туризма заимствований больше и спектр заимствований шире, чем в английской терминосистеме туристического дискурса. Это, например, английские слова – *джип-сафари*; *бизнес-класс*; *кемпинг*; *караванинг*; французские слова – *турист*; *экипаж*; *ресторан*; *трансфер*. Встречаются лексемы, заимствованные из испанского (*кафетерий*), латинского (*аннуляция*), голландского (*рейс*), польского (*квартира*), тюркского (*караван*), немецкого (*агент*) языков.

Формирование английской и русской терминосистем сферы туризма происходило разными путями, вследствие чего английскую систему можно считать сравнительно устоявшейся, а русскую – всё еще развивающейся и при этом англоориентированной.

ВЫВОДЫ

Туристический дискурс является отдельным подвидом институционального дискурса, обладающим собственной предметной областью. Туристический дискурс наиболее тесно связан с рекламным и историко-географическим дискурсом. Изучение туристического дискурса служит основой для разработки методов и способов популяризации культурной и разнообразной научной информации среди населения.

Сопоставительный анализ 200 терминов, функционирующих в сфере туризма английского и русского языков, показал, что среди способов словообразования чаще всего встречаются суффиксация (24,3% в русском языке; 26,9% в английском) и словосложение (35,4% в русском языке; 26,9% в английском). Учитывая, что сфера туризма является динамично развивающейся областью, в которую вовлечена масса коммуникантов, изучение туристического дискурса представляется перспективным направлением современной лингвистики.

Список литературы

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. – Л. : Просвещение, 1979. – 256 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
3. Белан Э. Т. Особенности формирования новых терминосистем (на материале английской и русской терминологий международного туризма) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Э. Т. Белан. – М., 2009. – Режим доступа: – <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/osobennosti-formirovanija-novyh-terminosistem.html> (дата обращения 23.04.16.)
4. Биржаков М. Б. Введение в туризм. Учебное пособие / М. Б. Биржаков. – СПб : Издательский дом Герда, 2004 г. – 37 с.
5. Боброва Е. А. Опыт лингвистического исследования эволюции концепта «путешествие» в англоязычной культуре : дисс. канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. А. Боброва. – Иркутск : БГУЭП, 2006. – 217 с.
6. Виноградова Л. В. Терминология туризма английского и русского языков в синхронном и диахронном аспектах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Великий Новгород, 2011. – Режим доступа : <http://www.infolex.ru/SMI1.htm> (дата обращения 29.04.16.)
7. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. – Л. : Просвещение, 1976. – 286 с.
8. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учебное пособие / отв. ред. М. Н. Володина. – М. : Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2003. – С.116-133. –

Режим доступа: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/terminologija-turizma-anglijskogo-i-russkogo-jazykov-v-sinhronnom-i-diahronnom.html> (дата обращения 28.04.16.)

9. Елина Е. А. Особенности синестезии в искусствоведческих текстах / Е. А. Елина // Вопросы психолингвистики. – М., 2003. – т. 1. – С.62 – 71.

10. Завтур, А. А., Крат М. В. Способы заимствования англоязычной терминологии в сфере туризма и сервиса / А. А. Завтур, М. В. Крат // Материалы V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». – URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/18/4702>.

11. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – 228 с.

12. Каребина О. П. Семантическая организация лингвистических и паралингвистических феноменов в текстах предметной области «Туризм» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. П. Каребина. – Краснодар, 2008. – 183 с.

13. Маркова Е. И., Маркова И. Д. Заимствованная лексика в сфере туризма / Е. И. Маркова, И. Д. Маркова // Молодой ученый. – 2014. – №1. – С. 682-684.

14. Мошняга. Е. В. Терминосистема международного туризма как лингвокультурное явление / Е. В. Мошняга // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2009. – № 1 (3). – С. 67-73.

15. Павловская А. В. Как иметь дело с русскими. Путеводитель по России для деловых людей / А. В. Павловская. – М. : МГУ, 2003. 96 с.

16. Панченко Е. И. К вопросу о лингвистическом статусе туристического дискурса / Панченко Е. И. // Лингвистика. Лингвокультурология. – 2014. – Т.7. – С. 66-72. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/lin_2014_7_10 (дата обращения 29.04.16.)

17. Погодаева С. А. Французский язык в сфере туризма. Учебное пособие / С. А. Погодаева. – Иркутск : ИГЛУ, 2010. – 56 с.

18. Попова З. Д. Об актуальных направлениях развития современного сопоставительного языкознания / З. Д. Попова // Актуальные вопросы развития науки. Сб. ст. Междунар. научно-практ. конференции. – Уфа. – 2014. – Ч. 4. – С. 98 –100.

19. Словарь современного русского языка : В 17 т. – М. ; Л., 1948-1965.

20. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П. Я. Черных. – 4-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 2001. – 560 с.

21. Чурилина Л. Н. Актуальные проблемы современной лингвистики. Учебное пособие / Л. Н. Чурилина – М. : Флинта : Наука, 2009. – 416 с.

22. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1981. – 112 с.

23. Di Pietro R. Language structures in contrast / R. Di Pietro – Rowley, Mass, 1971. – 230 p.

24. Lado B. Linguistics across cultures. Syntactic structures. (Applied linguistics for language teachers) / B. Lado. – Ann Arbor, 1957. – 141 p.

25. Nickel G. Contrastive linguistics and foreign language teaching / G. Nickel // Papers in contrastive linguistics, ed. by Gerhard Nickel. – Cambridge, 1971. – P. 1–16.

26. Simpson J. A. and Weiner E. S. C. Oxford English Dictionary. Second Edition. Clarendon Press. (Vol. 1-20). – Oxford, 2003. – 1791 p.

27. Valdeon R. A. Colonial Museums in the US (un)translated / R. A. Valdeon // Language and Intercultural Communication. – Vol. 15, No 3. – Routledge: Taylor & Francis Group, 2015. – p. 362-375.

SOME ASPECTS OF THE TOURISTIC DISCOURSE STUDY

Kislitsyna N., Rack A.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation*

E-mail: nkislitsyn@rambler.ru, sandrarack512@gmail.com

The modern era is considered to be the era of intense human interaction, which is directly connected with the sending/reporting and receiving/perceiving certain information. In this process, written and oral texts serve as a source of information for the communicants. One of the areas of communication widely spreading in the world today is tourism. Vigorous development of the tourism industry has become a reason for the active linguistic study of the touristic discourse.

Currently, the tourism industry continues to evolve: a number of travel agencies, tour operators are increasing daily, they cover new countries and corners of the globe; the level and diversity of tourist services are also growing rapidly. In this connection, in modern linguistics there is a strong need to learn a new institutional type of discourse defined as a touristic discourse.

The work deals with the analytical review of the touristic discourse study. Touristic discourse is a separate type of institutional discourse, which has its own subject area. Different approaches to the definition of touristic discourse are considered in the research. Special attention is drawn to the touristic discourse relevance to the system of other institutional types of discourse. Touristic discourse includes from one to several text components that are functionally related to each other and have certain extralinguistic parameters.

The aim of the research is to study the discourse of tourism on the material of English and Russian languages. To achieve this aim it is necessary to solve the following tasks:

- 1) define the concept of touristic discourse;
- 2) determine the place of touristic discourse in the system of other institutional types of discourse;
- 3) study the semantic peculiarities of the terms «tour», «tourism», «tourist» in the English language and, accordingly, «тур», «туризм», «турист» in the Russian language;
- 4) consider the main features of terminological sphere of tourism;

The main stages of the touristic discourse study are characterized and the analysis of basic terms is carried out. Comparative analysis of 200 English and Russian tourism terms showed that among the types of word formation the most common are suffixes (24.3% in Russian language; 26.9% in English) and compounding (35.4% in Russian; 26.9% in English). The research material is represented by the English and Russian texts dedicated to the sphere of tourism. These are the texts from the specialized dictionaries and magazines, brochures, articles and electronic publications. The English and Russian language examples are used to illustrate the theoretical statements of the work.

The study of touristic discourse is functional-semantic, interdisciplinary and anthropocentric. Touristic terms in English and Russian languages are explored by E. Mosneaga (cognitive approach), E. Belan (formal structure), O. Karebina (discursive approach). Texts related to the communication in the field of tourism are studied in linguistic, linguodidactic and linguocultural aspects, however, many issues related to the touristic discourse still have not adequate coverage.

Theoretical and methodological basis of the research are the works of such scientists as the V. Arakin, V. Gak, E. Belan, E. Bobrova, Z. Popova, E. Panchenko, L. Churilina, V. Demyankov, V. Yartseva (lexical and linguistic typology) and N. Arutyunova, V. Karasik, E. Moshneaga, E. Markova, A. Zavtur, O. Karebina, L. Vinogradova (terminology, word formation and lexical semantics).

Touristic discourse is most closely connected with the advertising discourse and historical-geographical discourse. The study of touristic discourse serves as a basis for the development of methods and ways of promoting intercultural, crosscultural and diverse scientific information. Taking into consideration that tourism is a fast growing area, the touristic discourse study is a promising area for the linguistic research.

Keywords: touristic discourse, terminological sphere of tourism, institutional types of discourse, communicant.

УДК 811.111'367

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АНГЛИЙСКИХ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Козлова А. Т.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: alevtina1650@list.ru*

В статье рассматриваются результаты исследования побудительных высказываний на синтаксическом уровне одного из аспектов изучения данного речевого феномена. Автором выявлены и описаны ядерные и периферийные синтаксические структуры побудительных высказываний.

Ключевые слова: побудительное высказывание, ядерные структуры, периферийные структуры, речевой феномен.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение синтаксической организации побудительных высказываний проводилось в рамках экспериментально-фонетического исследования просодии английского призыва, в котором данный речевой феномен определялся на разных языковых уровнях – синтаксическом, стилистическом и супraseгментном.

Цель и задачи данной статьи были обусловлены темой исследования, а именно: выявить и описать ядерные и периферийные синтаксические структуры экспликации призыва, вычислить их рекуррентность в речи.

Актуальность данного исследования определяется как в социальном аспекте – необходимостью расширения арсенала средств речевого воздействия, так и в лингвистическом плане – проблематикой социофонетического и психофонетического направления, охватывающего лексико-грамматические и просодические возможности побудительных высказываний. Такое исследование речевого феномена отвечает тенденции в современной лингвистике – рассматривать язык в более широком контексте – в синтезе лингвистических, социолингвистических и психолингвистических параметров. Подобный подход к изучению речевого акта способствует, так или иначе, созданию моделей речевого процесса, отображающих социальные факторы, влияющие на речевую коммуникацию.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Понятие призыва как акта коммуникативной интенции

В системе побуждений призывы характеризуются своей номенклатурой синтаксических конструкций, которые в разных его видах проявляют дифференцированную активность. Это обусловлено особенностями и назначением разных подвидов призывов. Подобные речевые высказывания рассматриваются с позиций «прагматического синтаксиса» [1, с. 267] поскольку побудительные высказывания осуществляют один из трех видов коммуникации, а именно: воздействие на волю, чувства, разум собеседника с целью убеждения его к изменению его деятельности. Призыв

относится к рекуррентной группе побуждений. Это предписывающая апелляция, подразумевающая свободное решение воли адресата. Призыв часто употребляется для осуществления какой-либо высокой цели в моральном отношении. Указание цели служит и мотивировкой призыва. «Именно цель высказывания задает многие его параметры» [3, с. 38].

Устный призыв типичен для общественных, публичных выступлений при обращении к большой аудитории. Его задача – разбудить активность людей в смысле добровольного осознанного порыва к действию. В известном смысле, призыв – это порыв человека к прогрессу.

Под призывом мы понимаем побудительное, прагматически ориентированное высказывание, относящееся к апеллятивному типу, реализующееся в публицистической речи, которое обладает своим интенционально-функциональным комплексом языковых средств, прежде всего синтаксических и просодических. Их иерархическая организация обуславливается целеустановкой для оптимизации процесса коммуникации.

2. Функциональные подвиды призыва

Проведенное исследование дало возможность выявить ядерные и периферийные синтаксические структуры экспликации призыва, которые в разных его подвидах проявляют дифференцированную активность. Это вызвано особенностями функционирования и назначения разных видов призывов. Несмотря на общность прагматической направленности призывов, нами было выявлено шесть его функциональных подвидов, различающихся по функциональной установке и отношением воли говорящего к действию: собственно призыв, призыв-лозунг, призыв-требование, призыв-воззвание, призыв-протест, призыв-вызов.

К наиболее рекуррентным синтаксическим конструкциям, зафиксированным в призывах, относятся императивные. Как отмечает ряд исследователей (В. Ю. Копров, 2010; Е. А. Филатова, 1997; Э. А. Нушикян, 1986; Я. И. Павлова, 1984; Н. А. Слюсарева, 2011; Ю. В. Ковалев, 2008 и др.), императив является одной из многочисленных реализаций целевой установки. Он обладает прямой коммуникативной направленностью, предписывая адресату активные действия. Кроме того, с помощью него говорящий наиболее ярко может выразить свое отношение к высказыванию. Часто такие фразы оформляются восклицанием.

В призывах императив эксплицируется следующими разновидностями:

1. Вербально-субстантивные конструкции часто с атрибутивными модификаторами в медиальной позиции в положительной и отрицательной реализации: *V imp + N*; например:

a) Save jobs! Stop nuclear race! Unite the party! Back the miners!

b) *don't + V imp + N*

Don't relax the pace! Don't buy war toys!

с) императивные структуры, в инициальной позиции которых употребляется частица «Let» с прономинальным модификатором «us»:

Let us + V imp + N(obj)

Let us increase our vigilance! Let us see teachers are paid like the top people they are!

Let's call the murderers – murderers!

2. Вербальные императивные конструкции с однородными членами, репрезентируемыми в положительной и отрицательной формах; часто глаголы соединены союзами: *V imp + V imp*:

a) Unite and reconcile! Come and join us!

b) (no) *V imp + (no) V imp*

Can't pay – won't pay!

Отрицательная форма подобных конструкций характеризуется низкой частотностью функционирования.

3. К другой группе относятся безымперативные субстантивные призывы, в которых отсутствуют оба главных члена (хотя они подразумеваются). Они эксплицируются следующими разновидностями:

a) прямое дополнение с однородными членами *N (obj) + N (obj)*, например:

Justice and Freedom! Peace! Democracy! Solidarity!

b) прямое дополнение с косвенным, часто их предваряют атрибутивные модификаторы:

(attr) + N(obj) + N(obj)

Direct actions for peace! All power to the people! Death to kidnapers!

c) субстантивные конструкции с частицами, имеющими отрицательное значение типа: *down, out, off* в препозиции к существительному, например:

Part. + N(obj):

Down with military terrorism! Down with strategy of nuclear madness!

d) в отдельную подгруппу выделяются отрицательные безымперативные субстантивные конструкции. В интерпозиции по отношению к «но» и существительному могут употребляться предлоги, либо атрибутивно-адъективные модификаторы:

adj.

no + attr. + n (obj)

prep.

No to star wars! No more war! No war toys!

e) К особой подгруппе подобных конструкций относятся субстантивные структуры, расчлененные отрицанием «но», где семантически одно существительное противопоставлено другому. Оба существительных могут определяться прилагательным, например:

N (obj) + not + N (obj)

Jobs not bombs! Human race not the arms race! Welfare not warfare!

Данные структуры характеризуются предельной лаконичностью, воплощая в себе «телеграфный» стиль, так как многие члены предложения опущены. В этих структурах эмоциональная насыщенность максимальна.

В следующую группу объединяются призывы, оформленные полными повествовательными предложениями, сходными по форме с сообщениями, имеющими имплицитно-прагматический смысл призыва. Эти высказывания содержат глагольное сказуемое в изъявительном наклонении, часто в будущем времени. Среди них есть группа с модальными глаголами (31,1%).

Подобные высказывания состоят, главным образом, из одного или более предложений и употребляются в речах, выступлениях, на диспутах, в докладах, то есть там, где говорящий не строго лимитирован временем, например:

a) $N(sub) + V(ped) + N(obj)$

TUC calls for peace and solidarity! We will hold hands and together we will change the country!

b) $N(sub) + V(mod) + V(inf)$

We should be cautious!

Our planet must not be allowed to become a target for nuclear mass murderers!

Итак, в итоге исследования синтаксической составляющей английского призыва можно сделать вывод о ядерных и периферийных признаках данного речевого феномена.

К первым относятся конструкции, константно выражающие апелляцию – побуждение, в околоядерную группу объединяются фразы с доминирующими признаками побудительных высказываний и побуждение здесь реализуется при наличии более ярко выраженных просодических характеристик в определенной экстралингвистической ситуации.

К периферии призывов относятся структуры, по форме не обладающие признаками побудительных высказываний. Они становятся побуждениями только в конкретных условиях общения при наличии призывной просодии.

ВЫВОДЫ

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что почти для всех подвидов призывов рекуррентной является императивная структура типа $V + N$, второй по частотности употребления выступает безимперативная субстантивная структура $N + N$ и ее разновидности, менее часто встречается полная индикативная конструкция $N(sub) + V(ind) + N(obj)$

Все языковые и неязыковые средства призыва объединяются единым комплексом ядерных и периферийных характеристик, благодаря которому обуславливается достижение главной цели – воздействие на слушателей и, как следствие, корректировка их внелингвистической деятельности.

Список литературы

1. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М. : Высш. школа, 1981. – 285 с.
2. Ковалев Ю. В. Прагматическая функция интонации в публичной политической речи : Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Ю.В. Ковалев. – Ангарск, 2008. – 271 с.
3. Копрров В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским / В. Ю. Копрров. – Воронеж, 2010. – 328 с.
4. Нушикян Э. А. Типология интонации эмоциональной речи / Э. А. Нушикян. – Киев : Вища школа, 1986. – 159 с.
5. Павлова Я. И. Роль просодии в выражении апеллятивного компонента информационной структуры текста (на материале английского языка) : Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Я. И. Павлова. – М., 1984. – 266 с.
6. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н. А. Слюсарева. – М. : Наука, 2013. – 206 с.
7. Филатова Е. А. Побудительное высказывание как речевой акт в современном русском языке : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. А. Филатова. – М., 1997. – 253 с.

SYNTACTIC COMPONENT OF THE ENGLISH INCENTIVE UTTERANCES

Kozlova A. T.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: alevtina1650@list.ru*

This paper deals with the syntactic aspect of the English incentive utterances, carried out within the framework of the experimental phonetic research, an English appeal taken as an example. The incentive utterances were being studied at the syntactic, stylistic and prosodic levels. Such investigation of a speech phenomenon meets the requirements in modern linguistics – to consider the language much wider – in the synthesis of linguistic, sociolinguistic and psycholinguistic parameters.

This scientific method favours the creation of the speech models reflecting social factors which influence speech communication. In the system of incentive utterances appeals are distinguished by their nomenclature of syntactic constructions, stipulated by the peculiarity and purpose of different types of appeals. An oral appeal is typical for public speeches when a speaker addresses a large number of people. Its task is to stimulate the activity of listeners, encouraging them to act.

An appeal is supposed to be an incentive, pragmatic, purposeful utterance. Explicated in the publicistic speech style, which has its own set of language features, syntactic and prosodic ones being the main components. As a result of this research the author has defined and described the nuclear and peripheral syntactic structures, as well as their frequency in speech. The defined structures are sure to be revealed in different ways in different speech styles. It is caused by the peculiarities in both functioning and purpose of various types of an appeal. So, the nuclear syntactic structures are represented in constructions with constant inducement, near-by there are the structures where incentive motive dominates, while the periphery of the incentive utterances is composed of structures having no visual signs of an appeal, but they become incentives only in certain conditions of communication, incentive prosody being the main constituent.

Here it should be noted that in real speech activity the language units of one level turn out to occupy the first place, while the significance of others decreases, i.e. violating the composition of the language units at various levels. The language units of incentive utterances while exercising one dominant communicative intention refer to one intentional and functional set. The latter represents a totality of means of different levels. They are to fulfill the pragmatic purpose of the utterance. Here one must take into account that the purpose of any incentive pragmatic utterance is not only to give intellectual information, but also, in much broader sense, to induce the listeners to take certain actions.

Here one must keep in mind that while making utterances the speaker is limited by strong frames – i.e. by the necessity to make up a speech action with accordance with the aim and the ethical limitation. The speaker has to be guided by the communicative intention, which is considered to be the main communicative factor, predetermining the selection and combination of the language means, adequate to the communicative situation.

This research is sure to contribute to creating the speech portrait of an English appeal.

In studying oral incentive utterances one must take into account a number of factors which have a great influence on comprehension, and in this way they facilitate the positive successful impact of a speech message, adequate to the intention of a speaker. These factors are as follows: functional purpose of an incentive utterance, the way of its interpretation, situational specific character, in which this speech phenomenon is represented, the factor of an addressee of a message, social role of a sender of a message, the last factor acquiring the paramount significance. Here the communicative competence of a message sender composed of the language and social competence is revealed and the psycho-social features of a speaker should be paid attention to. The communicative competence means that the speaker is a perfect orator, and it implies his capability to make a contact with the listeners and to maintain it during the whole speech. The orator must have a gift to affect the most vulnerable points of the recipients with the help of a diction, a speech tempo (changes in tempo depending on the importance of an utterance), a voice timber, the behaviour of a public speaker (the use of the extralinguistic methods: mimicry, gestures and so on), his outward appearance. Applying to the burning problems of the listeners and urging

them to solve them a speaker should be sincere, logical, friendly and influence with the whole totality of the linguistic, paralinguistic, kinetic methods, so that the recipients could reestimate their moral values.

The author hopes that the results of this investigation can be successfully applied in theoretical courses of the English phonetics as well as in studying incentive utterances.

Keywords: incentive utterance, nuclear, peripheral structure, speech phenomenon.

УДК 81'42, 81'255

ДИСКУРСИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Колесникова Н. Л.

*МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: marfundel@gmail.com*

В статье рассматриваются некоторые аспекты письменного перевода профессионально-ориентированных текстов, реализованных в политическом дискурсе СМИ. Проводится анализ влияния политического и лингвистического компонентов дискурса на выбор средств и единиц перевода, и приводятся его выводы. Даются рекомендации для работы на стадии подготовки к переводу текста.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс СМИ, дискурсивный анализ, предпереводческий анализ, письменный перевод.

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе внимание будет сосредоточено на некоторых аспектах письменного перевода текстов с английского языка на русский, изучаемых в разделе «Перевод профессионально-ориентированных текстов» курса «Профессиональный иностранный (английский) язык» на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, в частности, на текстах общественно-политического характера, публикуемых в средствах массовой информации и профессиональных изданиях.

Цель данной работы – раскрыть взаимное влияние политического и лингвистического компонентов дискурса на выбор средств и единиц перевода и дать рекомендации для работы над переводом профессионально-ориентированных текстов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: используя дискурсивный анализ, рассмотреть примеры общественно-политических текстов на английском языке и дать варианты их перевода на русский для иллюстрации тезиса о значении дискурса для передачи авторского замысла в переводе.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Параметры дискурса

Для исследования и однозначной интерпретации текстов в выбранной нами области важное значение имеет понятие «дискурс», активно используемое в современной лингвистике, но выходящее за рамки науки о языке и используемое во многих областях знания. Характерным в этом смысле является философское толкование термина «дискурс»: «Дискурс связывают с такой активностью в языке, которая соответствует специфической языковой сфере и обладает специфической лексикой. Кроме того, продуцирование дискурса осуществляется по определенным правилам (синтаксиса) и с определенной семантикой. Дискурс тем самым создается в определенном смысловом поле и призван передавать определенные смыслы, нацелен на коммуникативное действие со своей прагматикой. Решающим критерием дискурса оказывается особая языковая среда, в которой создаются языковые конструкции» [2].

Как мы видим, в данном определении сочетаются два компонента дискурса: 1) лингвистический – лексика, синтаксис, различные коммуникативные формы; 2) экстралингвистический – смысловое поле дискурса как отражение определенной сферы деятельности, имеющее определенную прагматическую функцию.

В одной из работ, посвященных лингвистике текста, В. Е. Чернявская говорит «о дискурсе как о языковом выражении (языковом корреляте) определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит социально, идеологически и исторически обусловленная ментальность. ... Дискурсивный анализ при этом рассматривается как средство социально-исторической и идеологической реконструкции «духа времени», проникновения в глубинную структуру текста, его смысл» [4, с.149].

Г. Я. Солганик отмечает, что предназначение политического дискурса заключается в побуждении адресата к политически правильным действиям и/или оценкам, а не просто информировании о положении дел [3]. Побуждающим средством при этом будет служить точка зрения автора информации, его видение ситуации и то, настолько он владеет искусством убеждения и манипуляции.

В анализе отобранных для перевода фрагментов общественно-политических текстов публикуемых в СМИ и профессиональных изданиях, мы руководствуемся перечисленными выше положениями о дискурсе и приходим к пониманию, что для достижения адекватного варианта перевода недостаточно опираться только на семантические значения лексических единиц и знание грамматических правил. Необходимо принимать во внимание семантику дискурса в целом и его реализацию в политическом дискурсе, в частности, в политическом дискурсе СМИ.

Исследование отобранного материала проводится в рамках дискурсивного анализа, причем основное внимание сосредоточено как на формальных характеристиках медиа-текста, так и на таких экстралингвистических факторах, как описываемые события и выражаемые политические взгляды автора. Такой подход раскрывает суть взаимоотношений языка и реальности, которую он отражает. Дискурс-анализ охватывает следующие микроструктуры текста: эксплицитные и имплицитные значения слов, выбор синтаксических моделей, когезию предложений, стилистические и риторические средства языка.

2. Реализация семантики политического дискурса в переводе

Особенностью политического дискурса СМИ является то, что он «формирует картины реальности, которые представляют собой отражения объективной реальности, и, поэтому, не равны ей. Проекция реальности создают информационную окружающую среду для каждого потребителя журналистского текста. Такая интерпретативная реальность существует наряду с объективной реальностью, и люди реагируют именно на эту субъективную реальность, сформированную СМИ» [1, с. 47].

Явным образом «интерпретативная реальность» прослеживается в публикациях СМИ, цель которых не просто информировать и излагать факты, но с определенных позиций объяснять, поддерживать или опровергать, давать положительные или отрицательные оценки принятию политических решений, развитию событий и совершению определенных действий, тем самым влияя на общественное мнение. При

этом адресатом становится широкая общественность не только в отдельной стране, но зачастую все международное сообщество.

Таким образом, в работе над интерпретацией и переводом общественно-политических текстов вне зависимости от жанра статьи (новостная, информационная, аналитическая, репортаж, комментарий) большое, а иногда и решающее значение имеют ее прагматический компонент и позиция автора. Это можно проиллюстрировать следующим примером:

But since 2013, when she took over as the Socialist government leader in Andalusia, Susana Díaz, 40, has vowed zero tolerance toward corruption [7].

Именно учет политического дискурса, в данном случае – знание поведения и риторики, которую использует любой политик в предвыборной борьбе, позволяет сконструировать языковой коррелят, отражающий конкретную ситуацию реальности и адекватно передать смысл происходящего, применив прием модуляции и расширив лексическую базу в переводе:

С 2013, когда Сусанна Диас пришла к власти во главе правительства социалистов Андалузии, она выполняет данное во время предвыборной кампании обещание бороться с коррупцией.

Знание политического контекста и языковой среды, порождающей соответствующие смыслы, позволяют преобразовать следующий текст, при этом адекватно передав в переводе смысл оригинала:

They worry that Britain's desire for "less Brussels" will now be echoed elsewhere, leading possibly to an unravelling of the EU as they know it or dream it could and should be [8].

Известно, что основные руководящие органы Евросоюза находятся в Брюсселе, поэтому замена метонимии «Brussels» на нейтральное по значению название «Евросоюз» в русском переводе будет оправдана. Кроме того, Великобритания не первый год говорит о необходимости реформирования Евросоюза в части большей самостоятельности его членов. Эта информация делает возможным использовать прием смыслового развития в комплексе с антонимическим переводом и добавлением словосочетания «большей независимости», чтобы выразить позицию британцев.

Они беспокоятся, что стремление Британии к большей независимости от Евросоюза распространится и на другие страны, и это приведет к ослаблению того Евросоюза, который они знают или хотели бы видеть.

В некоторых случаях знание политического дискурса, как в следующем примере, помогает преодолеть чисто языковые трудности перевода:

While Balkan countries have introduced the profiling restrictions, Sweden, traditionally a refugee haven has also announced it will tighten its border controls. It expects up to 190,000 asylum seekers to reach its borders this year and it says its reception system just can't cope [9].

Нормы сочетаемости русского языка потребуют трансформации словосочетания *profiling restrictions* в силу отсутствия в русском языке герундиальной конструкции. В словаре Macmillan [6] дается следующее определение значения слова *profiling*: *the process of collecting and examining information about someone or something in order to get an accurate idea of what they are like*, что можно перевести как «сбор и проверка анкетных данных». Однако описываемая ситуация отражает общую картину с регистрацией беженцев, что требует трансформации словосочетания *profiling restrictions*

посредством приема генерализации, чтобы адекватно передать смысл текста. Задачу облегчает знание миграционной политики Евросоюза, осложнившейся не поддающимся контролю наплывом беженцев, и связанным с этим ужесточением правил предоставления убежища переселенцам. Применяв комплекс переводческих приемов, можно перевести этот текст следующим образом:

В то время как балканские страны ужесточили правила регистрации беженцев, Швеция, традиционно служившая им убежищем, объявила о том, что усилит пограничный контроль. Ожидается, что в этом году на границе Швеции может скопиться до 190000 соискателей статуса беженца, и с таким количеством миграционная служба просто не справится.

Интересным примером использования в политическом дискурсе образных средств языка может служить следующий пример:

Hence, closer integration – as with the euro and the Schengen Area – has increasingly assumed a ‘variable geometry’ or ‘multi-speed’ pattern, with a subgroup of ‘avant-garde’ member states launching a project and (some or most of) the others subsequently acceding to it [10].

Новая политическая реальность Европы потребовала новых языковых средств выражения некоторых понятий. В европейском политическом лексиконе пространственно-временные метафоры ‘variable geometry’ or ‘multi-speed’ pattern получили статус терминов [11], объясняющих характер интеграционных процессов ЕС, и в специальной литературе на русском языке обычно обозначаются как «вариативная геометрия» и «многоскоростная модель»:

Таким образом, в основе более тесного объединения – как в случае с зонами евро и Шенгена – все чаще лежат модели «вариативной геометрии» или «многоскоростной Европы». Это значит, что группа передовых государств-членов ЕС начинает какой-то проект, а остальные (или большинство из них) впоследствии присоединяются к нему.

Обращение к политическому дискурсу, а именно, знание положения дел в Евросоюзе, вызванного миграционным кризисом, позволяет найти адекватную замену словосочетанию *voluntary enticements* в следующем примере:

Moreover, while the number of genuine refugees fleeing war and repression is substantial, many of them hope ultimately to return home. They could be convinced by more generous humanitarian assistance to stay in countries of first refuge, so long as they were assured of the right to work and send their children to school. Such voluntary enticements are far preferable to coercively blocking people’s right to flee [12].

В Новом большом англо-русском словаре онлайн [6] приводятся следующие варианты перевода существительного *enticement*: 1) заманивание; обольщение, искушение 2) приманка, соблазн 3) очарование, чары; соблазнительность. Ни один из этих вариантов в сочетании с *voluntary* не соответствует смыслу приведенного фрагмента текста. Более того, именно прилагательное *voluntary* определяет смысловой вектор словосочетания. Обратимся к политическому дискурсу: руководство ЕС принимает меры, чтобы разрядить обстановку и дать возможность беженцам остаться в странах, которые первыми их приняли. Именно об этом идут переговоры с Грецией, Италией и Турцией. Теперь становится понятно, что автор подразумевает альтернативу – или добровольное согласие беженцев отказаться от своей цели обосноваться в Центральной Европе, или принудительное ограничение их права на убежище:

Более того, хотя число подлинных беженцев, спасающихся от войны и репрессий значительно, многие из них надеются вернуться домой. С помощью более широких программ гуманитарной помощи беженцев можно было бы убедить остаться в странах, первыми их принявших, при условии, что им будет гарантирована работа и обучение их детей. Такая возможность самим сделать выбор, отказавшись от стремления обосноваться в Европе, гораздо привлекательнее, чем принудительное лишение переселенцев права на убежище.

Ярким примером реализации политического дискурса в средствах массовой информации может служить статья, посвященная предвыборной кампании лидера левых сил Греции Алексиса Ципраса, в которой приводятся фрагменты его публичной речи. Хорошо известно, что Греция в тот период была на грани дефолта и ее исключение из Евросоюза имело реальные очертания. Однако риторика Ципраса являет собой резкий контраст с реальным положением дел, распространяя оптимизм и уверенность в победе – и все это, чтобы убедить избирателей в своей правоте и заставить следовать за собой. Диапазон экспрессивной и оценочной лексики в его речи достигает как крайние положительные, так и крайне отрицательных значений:

«Greece leaves behinds catastrophic austerity, it leaves behind fear and authoritarianism, it leaves behind five years of humiliation and anguish,» Tsipras told thousands of cheering supporters gathered in Athens.

European leaders have said Greece must respect the terms of its 240 billion euro bailout deal, but Tsipras campaigned on a promise to renegotiate the country's huge debt, raising the possibility of a major conflict with euro zone partners [13].

О том, что это была обычная манипуляция общественным сознанием, свидетельствуют последующие события. Как известно, после победы на выборах Ципрасу все-таки пришлось принять условия программы финансовой помощи ЕС и МВФ и ужесточить внутреннюю политику для проведения социально-экономических реформ, как того требовали кредиторы. На этой почве конфликты между населением Греции и правительственными силами продолжаются до сих пор.

ВЫВОДЫ

На основе проведенного нами анализа медиа текстов можно сделать вывод о взаимной дискурсивной обусловленности политического и лингвистического компонентов в процессе перевода. Точное считывание и интерпретация заложенных автором смыслов а, следовательно, их адекватная передача в переводе на русский язык возможны, если учитываются оба фактора. Имея в виду специфику изучаемой темы, особое внимание необходимо уделять взаимосвязи политического дискурса (отражаемым в нем событиям), средств массовой информации и приемов перевода, используемых для достижения желаемого результата.

Поскольку речь идет о профессионально-ориентированных текстах, студенты знакомы с политическим дискурсом. Однако практика нашей работы показала, что на начальном этапе овладения практическим переводом эти знания не всегда используются студентами, чтобы найти в русском языке лексические единицы, соответствующие английскому оригиналу. Зачастую они подходят к переводу формально и используют словарные значения слов, не учитывая смысл описываемой ситуации в целом.

Кроме того, в переводах встречаются нарушения в грамматическом и стилистическом выборе языковых средств.

В связи с этим для выработки навыков письменного перевода предпереводческую работу следует начинать с всестороннего дискурсивного анализа текста:

1) внимательно изучить изложенные факты, ситуации, процессы и осмыслить причины их вызвавшие;

2) определить, содержит ли данная информация имплицитные смыслы, оценочные суждения автора;

3) определить коммуникативную интенцию автора – проинформировать, убедить в правильности своей позиции, вызвать эмоциональную реакцию адресата, изменить его мнение, манипулировать его сознанием;

4) обратить внимание на стиль и ретиорику текста, использование политического лексикона, терминологии;

5) проанализировать использованные языковые средства: лексику, синтаксические конструкции, стилистические приемы, фразеологию;

6) обратить внимание на композиционное оформление текста.

Таким образом, только декодируя политические и лингвистические смыслы текста можно будет выбрать соответствующие переводческие приемы и применить те лексические и грамматические трансформации, которые максимально сохранят авторский замысел и языковые характеристики оригинала.

Список литературы

1. Виноградова С. А. Политический медиадискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом: Мир науки, культуры, образования. – М. – № 4 (23) 201. – с. 45 – 47.
2. Гутнер Г. Б., Огурцов А. П. Дискурс. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/0982.html> (дата обращения 25.02.2016)
3. Солганик Г. Я. Язык СМИ и политика. – М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. – 952 с., 2012
4. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
5. Новый большой англо-русский словарь. Словари онлайн [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://eng-rus.slovaronline.com/>
6. Macmillan dictionary [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/ambition>
7. Minder R. Andalusia Election a Measure of Spain's Disillusionment [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.nytimes.com/2015/03/22/world/europe/andalusia-election-a-measure-of-spains-disillusionment.html?_r=0 (дата обращения 24.07.2015)
8. Adler K. UK 'political earthquake' rocks EU [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-europe-32660871> (дата обращения 08.05.2015)
9. News. UN condemns nationality profiling of refugees [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.euronews.com/2015/11/25/un-condemns-nationality-profiling-of-refugees/> (дата обращения 26.11.2015)
10. Webber D. How likely is it that the European Union will disintegrate? [Электронный ресурс] – режим доступа: http://politicsir.cass.anu.edu.au/sites/politicsir.anu.edu.au/files/documents/2011-3_Disintegration-of-the-EU-Webber.pdf (дата обращения 14.04.2015)
11. Glossary of summaries. EUR-Lex. Access to European Union law. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/variable_geometry_europe.html (дата обращения 14.04.2015)
12. Roth K. A way for Europe to remove chaos from the migration crisis [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2016/02/01/way-europe-remove-chaos-migration-crisis> (дата обращения 12.03.2015)

13. Maltezos R., Papadimas L. Greek leftist leader Tsipras scores victory over austerity [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.reuters.com/article/2015/01/26/us-greece-election-idUSKBN0KY00520150126> (дата обращения 06.03.2015)

THE ROLE OF DISCOURSE IN TRANSLATION OF PROFESSIONAL TEXTS

Kolesnikova N. L.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: marfundel@gmail.com

The article studies specific characteristics of translation in terms of political discourse including political media discourse. The assumption is that discourse is a complex phenomenon comprising two components: 1 - linguistic units, such as lexis, syntax, stylistic devices, various communicative constructions, and 2 - extralinguistic factor, namely, discourse semantics in political sphere having a certain pragmatic function. Such approach makes it clear that good knowledge of English grammar and lexis is not enough to achieve an adequate translation of social and political media reports into Russian. It is the dual nature of discourse that should be taken into account when translating social and political media texts.

The purpose of the research is to reveal the influence of discourse in general and its political and linguistic components in particular on the choice of specific language units for translation. For this end discourse analysis was used to study examples in English taken from social and political texts of different genres (news, information, analysis, report, commentary) published in quality mass media and professional publications so as to demonstrate the importance of discourse in interpreting the author's intention and offer its possible equivalent translation into Russian.

In discourse analysis of the selected examples we focus attention both on the formal features of the text and such extralinguistic aspects as the described events, social and political views the author conveys. This approach discloses the nature of relationship between the language and the reality it communicates. Discourse analysis is held on level of the text microstructures, namely: the study of the abstracts of media texts involves analysis of explicit and implicit meanings of the words, choice of sentence patterns, sentence cohesion, stylistic and rhetoric units.

Independent of the genre of media texts they do not just inform but influence or manipulate the reader explaining or disproving facts from a certain point of view, positively or negatively evaluating events or actions. Analysis of the selected examples in English and their equivalents in Russian shows that both translation and interpreting of the original texts should be taken into consideration to produce an adequate text in Russian. Due to the specifics of the texts under study particular attention is paid to the role of relationships between political discourse (the events reflected), media and transformations implemented to achieve a desirable result in translation.

The results of the given analysis show mutual dependence of political and linguistic components of discourse as well as their importance in the process of decoding the text. Accurate understanding and interpretation of the author's idea of the text and its adequate translation are possible if both discourse components are rendered.

The topic under research has a practical meaning for building translation skills in the course of teaching English for specific purposes to the students of the School of World Politics of Moscow State University. In this connection on the basis of the research deductions we have made certain recommendations for the discourse analysis of the text preceding its translation. Students should start their work on translation of the text by studying the facts and causes underlying them, finding out the author's communicative intention, taking in the implicit meanings the author wants to convey, analysing the style, rhetoric, linguistic units, such as common lexis and political terminology, stylistic devices, and phraseology the author uses. Such analysis will enable the translator to decode both political and linguistic implications of the text to select proper translation methods and use lexical and grammatical transformations to preserve both the author's message and linguistic features of the original text.

Keywords: discourse, political media discourse, discourse analysis, preliminary text analysis, translation.

УДК 811.11; 81'373.46

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Колянда Д. Н.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: dkolyanda@gmail.com*

В статье приводится анализ и характеристика отдельных аспектов юридических текстов и документов на английском языке, а также рассматриваются особенности перевода англоязычной юридической документации.

Ключевые слова: юридический текст, слой лексики, фразовые глаголы, стилистика языка, особенности перевода.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время язык юриспруденции важен не только для работников юридической отрасли, но также и для обывателей. Перевод юридических текстов обладает высокой значимостью в рамках общения представителей различных национальностей и языковых культур. Фактически, важность языка обусловлена процессом глобализации, и в этом контексте взаимоотношения между странами должны юридически оформляться на глобальном уровне. Мы видим, что процесс нашего общения выходит за пределы территориальных и языковых границ, и поэтому к качеству перевода юридических текстов в наши дни предъявляются высокие требования. Но необходимо учитывать, что история языка права своими корнями уходит в глубь тысячелетий. Базируясь на языке повседневного общения, правовой английский представляет собой жаргон, которому присуща сложная специализированная лексика, а для ее понимания необходима надлежащая интерпретация. Обилие терминов приводит к тому, что юридические тексты и речь становятся недоступными для понимания непрофессионала, и для того, чтобы максимально точно, без искажений, передать смысл таких текстов, переводчик должен обладать историческими, культурными и лингвистическими знаниями.

Целью настоящей работы является сопоставительный анализ вариантов перевода юридических терминов и конструкций в английском и русском языках. Для достижения вышеуказанной цели выдвигаются следующие **задачи:** проанализировать употребление юридических терминов в русскоязычных и англоязычных юридических документах с точки зрения семантики и стилистики английского и русского языков, выявить особенности употребления этих терминов в русскоязычных и англоязычных текстах.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Основная концепция настоящей работы заключается в том, что юридический английский – это язык для особых целей, правовой документации и работников правосудия. Его основными функциональными единицами являются правоведческие термины, которые официально признаются и употребляются в юридических учреждениях.

Терминология является основой, а также основной отличительной характеристикой любого языка для особых целей. Юридический английский обладает своим пластом юридических терминов, которые главным образом представлены классическими терминами, имеющими свои аналоги в других языках («respondent», «defendant» – обвиняемый, ответчик, «plaintiff» – истец), а также терминами, которые имеют семантические и структурные эквиваленты в других языках, являясь интернациональными («justice» – юстиция, «contract» – контракт, «act» – акт и т.д.). Для юридической терминологии характерны слова и выражения латинского происхождения («de facto» – фактически, «de jure» – по закону, «versus» – напротив, «status quo» – существующие положение).

Обилие правоведческих терминов – это основная отличительная черта *legalese*, представляющий собой консервативный язык юристов, которому присущи громоздкие структуры, использование архаичной лексики и конструкций.

Legalese отличается от обиходных английских конструкций также благодаря тому факту, что после Норманнского завоевания Англии в 1066 году вершить правосудие стали люди, говорящие на англо-нормандском и французском, в то время как основная часть населения продолжала говорить по-английски. И латынь в большей степени повлияла на юридический английский, чем современный английский язык. Так, в юридическом английском употребляется термин «terminate» – завершить, расторгнуть, а в обиходном английском употребляется слово «finish». К 17 веку много французских и латинских слов и выражений устоялись в юридическом английском, например, «tort» – деликт, гражданское правонарушение. Обиходный английский с легкостью ассимилируется с другими языками, подвержен их влиянию, характеризуется заимствованиями, в то время как *legalese* очень традиционен. Многие юридические выражения, такие, как «hereto», «to whom» были присущи разговорному английскому несколько столетий назад, но в современном английском вместо них употребляются другие выражения.

С точки зрения грамматики, важным элементом *legalese* является употребление модальных глаголов «shall» и «to be to» для выражения долженствования:

«... the contractor shall execute the regulations...»

Обилие конструкций в страдательном залоге – еще одна важная черта *legalese*.

Тем не менее, несмотря на громоздкость и тяжеловесность конструкций, *legalese* обладает рядом положительных характеристик, полезных для юристов, которые перечислены ниже:

- на протяжении вековой истории развития *legalese* была сформирована база юридических терминов и конструкций, практически полностью исключая вероятность ошибки в трактовке юридических бумаг;

- точность формулировок *legalese* и недвусмысленность толкования терминов позволяет свести к минимуму количество «legal loopholes» – лазеек в трактовке юридических документов;

- немаловажная характеристика *legalese* связана с традиционным характером британского правосудия – огромное количество материалов, составленных с применением *legalese*, сегодня составляет основу британской юриспруденции.

Вот почему юристами часто используются такие термины, которые имеют узкоспециальное значение и которые непонятны для обывателя («jeopardize» – ставить

под угрозу срыва, «stipulator» – договаривающаяся сторона; лицо, оговаривающее условия, «voidance» – аннулирование, признание недействительным). Тем не менее, в юридическом английском также используется терминология, которая является общепотребительной в обиходном языке («lawyer» – юрист; «bribery» – взяточничество; «penalty» – наказание).

Существует ряд слов, которые имеют различные значения в юридическом и обиходном языках. Например, слово «dictate» обозначает навязываемый контракт, договор. В разговорной речи это слово обозначает «предписание, повеление, приказ» (АВВУ Lingvo 16.2.2.64). Слово «dissolution» как единица юридической терминологии обозначает расторжение договора, в разговорном английском языке обозначает «таяние снега, льда; переход из твёрдого состояния в жидкое» (АВВУ Lingvo 16.2.2.64).

История перевода и интерпретации юридических текстов уходит почти также далеко в глубь веков, как и сам язык права. На протяжении своего развития «язык следовал за флагом», в частности, впоследствии войн и завоеваний. В результате местные языки вытеснялись, и переводчики играли важную роль для того, чтобы и победители, и побежденные одинаково понимали новые стандарты, регламенты и правила, включая юридические нормы. Но исторические и культурные реалии победителей и побежденных часто значительно разнились, точный перевод не всегда был возможен. В результате в случае недопонимания переводчики часто становились «козлами отпущения».

Разница правовых систем сохранилась и по сей день, поэтому перевод некоторых терминов часто представляет собой вызов для переводчика.

Еще один вызов – это многозначность. Хотя в идеале юридические термины не должны быть многозначными, на практике это не всегда так. Рассмотрим пример, где в двух юридических текстах слово «minor», являясь омонимом, имеет разные значения:

1. ACKNOWLEDGMENT OF HEALTH PROBLEM(S) OF ADOPTED CHILD

If an adopted child has any kind of health problems (defect, disability or disease), however minor, the U.S. law requires that both adopting parents sign acknowledgments that they are aware of the child's health problem and are willing to adopt the child regardless.

2. The petitioners John Smith and Sarah Smith addressed the court with a petition to adopt minor Ivan Petrovich Sidorov, born on January 01, 2000, and to introduce changes into registry entry of the child's birth including putting their names in the "mother" and father" sections, changing the last name from "Sidorov" to "Smith", the first name from "Ivan" to "Keith", and excluding the patronymic "Petrovich", with reference to articles 207, 208, 211, 214, 218, 219, 222, of the Family Code of Ukraine, articles 6-8, 57-66, 208-218 of the Civil Procedural Code of Ukraine.

Таким образом, многозначность – это одна из особенностей юридического английского.

Еще одной особенностью юридического английского языка является его экстенсивный словарный состав. Одно слово в юридическом английском может иметь несколько значений и определений в словаре. Это можно объяснить тем, что английский язык представляет собой смесь различных языковых традиций. Например, слово «lawful» – законный, допустимый с юридической точки зрения – древнескандинавского происхождения. Слово латинского происхождения – «legitimate», является синонимом

«lawful». Еще один синоним, древнеанглийское слово «right», более коннотативен и эмоционален. Необходимо учитывать, что только небольшая группа слов может иметь сходное значение как в разговорном, так и в юридическом английском. Можно перечислить ряд таких слов, которые употребляются в контрактах: «implementation» – выполнение, «condition» – условие, оговорка, «disclosure» – обнаружение, «indemnification» – возмещение ущерба, вреда; «date» – дата, срок, раскрытие, осуществление.

Также необходимо учитывать, что стилистически к юридическому английскому предъявляются менее жесткие требования, что позволяет использовать некоторые фразеологические единицы; например, такие выражения, как «catch someone red-handed» или «catch someone flat-footed» обозначают «уличить кого-либо в совершении незаконных действий», другие выражения, такие, как «on all fours» или «Philadelphia lawyer» могут означать соответственно «факты текущего дела точно соответствуют фактам предшествующего дела» и «находчивый, ловкий адвокат». Существует ряд выражений, которые не внесены в современные английские словари и их перевод требует комментариев с учетом культуры страны. Например, такие выражения, как «three strikes law», «three strikes justice», «three strikes offender», где «three strikes» – тройное совершение тяжких правонарушений, которые караются либо пожизненным заключением, либо другим наказанием, сопоставимым по строгости. Фразеологические выражения и идиомы нечасто используются в юридическом английском, но при переводе их необходимо знать, чтобы обеспечить адекватную интерпретацию.

Следующая особенность юридического английского – использование фразовых глаголов. В настоящее время заметна тенденция более частого их употребления в юридических документах. Фразовые глаголы составляют значимый слой юридического словаря, подобная терминология повсеместно и часто используются, в результате стиль языка юридической документации становится более точным, четким и конкретным. Например, такие словосочетания, как «to take part» или «to participate» синонимичны фразовому глаголу «to opt in» – принимать участие, вместо «to demand» или «to require» можно употребить «to press for» – требовать. Необходимо учитывать, что для таких комбинаций глаголов и предлогов не имеется строгих грамматических правил.

Проблема полисемии не обходит стороной и английские фразовые глаголы. Даже в юридическом английском приходится подбирать правильный перевод из нескольких возможных вариантов.

ВЫВОДЫ

Учитывая вышесказанное, можно прийти к следующему выводу: юридический английский характеризуется использованием специализированной лексики, а также особой стилистикой юридических документов. Можно выделить четыре основных элемента, характеризующие юридический английский: юридическая терминология, экстенсивный словарь, использование идиом и функциональное использование фразовых глаголов. Юридический английский – это язык для специальных целей, и переводчики, которые работают в этой области, должны соответствовать высоким стандартам норм перевода. Работа в области перевода юридических текстов требует от переводчика чувства ответственности, всестороннего образования и тщательной подготовки.

Список литературы

1. Rupert Haigh. Legal English, second edition /Haigh Rupert. – Routledge-Cavendish, London, 2009. – 344 p.
2. Ivanova L. I., Sheberstova T. B. The Peculiarities of the English Legal Term and Their Reflection in Translation / L. I. Ivanova, T. B. Sheberstova // The Problems of Intercultural Communication (international conference materials). – Ivanovo : ISUCT Press, 2000.
3. Dictionary of Law. Teddington : Peter Collin Publishing, 1995.
4. Dictionary of Modern Legal Usage. Bryan A. Garden, 1987.
5. Oxford Advanced Learners Dictionary / Oxford University Press, 2011. – 1296 p.

PECULIARITIES OF LEGAL TEXT TRANSLATION

Kolyanda D. N.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: dkolyanda@gmail.com*

The article provides comparative analysis and description of some distinguishing features of legal texts and documents in English, and it also exposes some peculiarities of English legal documents translation.

It states, that the main challenges translators and interpreters face with while translating authentic legal text of Russian – English pair are: legal terminology, extensive vocabulary, phrasal verbs and idioms usage. Another issue is difference between colloquial and legal English. Legal English can be characterized with the use of peculiar terminology of lawyers, various linguistic means and stylistic devices. Judicial English is the language for specific purposes, and translators and interpreters, working with legal documents or providing translation service at various legal meetings and court sessions, must be guided with the highest translation norms and standards, because activity in this sphere imposes great responsibility on everybody who is engaged in it. High sense of responsibility, comprehensive education, expanded knowledge and horizons of personal training and self-education are only a few features amidst a huge scope a good interpreter should comply with. All diversity of English legal terminology should be taken in consideration on translating English and Russian legal texts, and one should be guided with utmost precision and avoid any inconsistency, because any faults in translation might provoke serious legal and international consequences.

It has also been mentioned in the article, that judicial English is gaining its importance among general audience and has become essential part of people's everyday life. Its usage indicates high levels of globalization and language assimilation processes. One of essential provisions of the article states that there is special set of terms in legal language used by lawyers and people engaged in judicial sphere, and the terms are recognized officially with all international legal bodies and authorities.

The article suggests classification of legal terms according to their origin, some shifts in their meaning has also been considered here. Semantic and stylistic differences are specified too. Another layer of terms, which are out of general use and comprehension of ordinary public, is also mentioned.

There are some examples of terms and clichés, representing different phenomena and peculiarities on different aspects of their application.

The first section of the article surveys some peculiarities in translation of legal texts, both: oral and written, with the account of stylistic devices, business language specificity, usage of phraseological units and phrasal verbs, which can be typical for one language and be banned in another.

Such important feature, as polysemy, has not been ignored in the survey. To summarize the main point, such distinguishing moment, as difference in meaning and usage in different contexts, situations and environments, has been analyzed.

According to current study translators and interpreters of English legal texts enjoy freedom in interpretation at some extent, i.e. they can use legal English terms of different origin, either Greek, Latin, or Saxon or Norman. Sometimes there are variations and combinations, which might serve for various connotative purposes.

The second part of the article provides comprehensive analysis of translation, emphasizing on use of phraseological units and phrasal verbs. Cultural aspect is another contribution in spotlight within the current research.

And in conclusion the article states, that another challenge for a good translator is to pick up the right translation of a set of different meaning variations which phrasal verbs might have. The translation must be coherent and precise at its utmost, because quality of translation sometimes is the crucial criterion influencing on court decree or on success of any legal case or agreement.

Keywords: legalese, legal English, legal documents, justice, difficulties of translation, official representative, translation.

УДК 81'27

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В КАНАДЕ

Короткова М. О.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: Mariya_HarryM@mail.ru*

В данной работе представлен анализ языковой ситуации в Канаде, составленный с учетом количественных и качественных признаков, лежащих в основе социолингвистической типологии языков. Определены сферы употребления официальных языков, их распространение на территории государства, юридический и фактический статус, коммуникативная мощность, степень генетической близости, особенности взаимодействия с языками автохтонного населения и языками аллофонов. Отдельное внимание уделяется вопросам исторических условий возникновения и распространения языков на территории Канады, истории англо-французского конфликта и становления национальной идентичности канадцев как фактора, оказывающего непосредственное влияние на формирование актуальной языковой ситуации в государстве.

Ключевые слова: социолингвистика, социолингвистическая типология, Канада, языковая ситуация, языковая политика.

ВВЕДЕНИЕ

Всестороннее исследование языковой ситуации является одной из наиболее актуальных задач социолингвистики. Согласно мнению В. А. Аврорина, при изучении языковой ситуации следует обращать внимание на социальные условия, в которых функционирует язык, на формы его существования, сферы употребления и функции [1, с. 120].

Целью данного исследования является определение особенностей языковой ситуации Канады и ее описание в рамках социолингвистического подхода.

В соответствии с поставленной целью было предусмотрено решение следующих **задач**: определение понятия языковой ситуации, исследование исторической динамики взаимодействия языков-компонентов языковой ситуации, изучение вопроса о статусе языков в полиэтничном обществе, определение основных особенностей билингвизма, анализ особенностей государственной языковой политики, установление типологических параметров языковой ситуации в Канаде.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Понятие языковой ситуации и особенности ее изучения в социолингвистическом аспекте

Социолингвистический подход к интерпретации понятия языковой ситуации заключается в изучении данного явления как компонента одновременно и социальной, и языковой действительности.

Так, по мнению В. А. Аврорина, языковая ситуация является компонентом сложнейшей структуры общественных отношений в рамках того или иного сообще-

ства людей, важнейшей составляющей которой, как полагает ученый, следует считать социально-исторические условия жизни народа и его языка [1, с. 12]. Сложность данного понятия подчеркивает и А. Д. Петренко: «Языковая ситуация представляет собой сложнейшее образование, находящее свои истоки и свое объяснение в фактах социально-исторического развития, отражение данных фактов в структуре языка, формах его существования» [4, с. 83]. Согласно определению Н. Б. Мечковской, языковая ситуация представляет собой «совокупность языков и языковых образований, обслуживающих некоторый социум (этнос и политическую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства» [3, с. 101]. А. Д. Швейцер акцентирует внимание на том, что данное понятие подразумевает организованную совокупность языковых систем и подсистем, функционально распределенных и находящихся между собой в иерархических отношениях [5, с. 101].

В современной социалингвистике для описания языковой ситуации используется типология, составленная с учетом основных количественных и качественных признаков, характеризующих социально-коммуникативную систему, функционирующую в конкретном языковом сообществе.

2. Социалингвистическая характеристика языковой ситуации в Канаде

В Канаде сложилась многокомпонентная экзоглоссная языковая ситуация с двумя официальными языками – английским и французским. По демографическому весу языковая ситуация Канады не является равновесной. Английский язык превалирует почти на всей территории государства: так, в приморских провинциях Ньюфаундленд и Лабрадор, Остров Принца Эдуарда и Новая Шотландия количество англофонов достигает 90% населения, а в остальных провинциях за исключением Квебека, Нью-Брансуика и территории Нунавут англофоны составляют 70% от общего числа жителей. Наибольшее количество франкофонов сосредоточено в трех пограничных провинциях: Квебек, Онтарио и Нью-Брансуик, где их общее количество достигает 96,8% от всего числа франкоязычного населения страны [6].

Помимо двух официально признанных государственных языков, на территории Канады также функционируют языки автохтонного населения и языки иммигрантов. Языки автохтонного населения наиболее широко представлены на территории Нунавут (84,9%), на Северо-Западных территориях (50,2%) и Юкон (25,1%). Согласно данным 2006 года, 3,7% населения Канады составляют коренные жители. Конституцией Канады признаны 3 категории автохтонного населения: американские индейцы (59,5%), метисы (33,2%) и инуиты (4,3%). Среди более 50 языков коренных народов или «Языков Первых Наций» наибольшей демографической мощностью и стабильностью обладают языки кри (из 77 970 зарегистрированных носителей 46 760 используют его в повседневном общении), инуктитут (31 925 и 25 040 соответственно) и оджибве (24 025 и 11 005) [6]. Существование большинства языков коренного населения находятся под угрозой исчезновения, поскольку количество носителей в некоторых случаях составляет лишь несколько десятков человек, кроме того у некоторых народов прервалась традиция передачи языка от старших поколений к младшим [2, с. 25]. Кроме того, как отмечают многие исследователи, среди молодых поколений коренного населения наблюдается высокий уровень билингвизма, а в ряде случаев и предпочтение английского или французского языков родному языку, в особенности,

в городских условиях [2, с. 32]. Таким образом, можно отметить возрастающую тенденцию к лингвистической ассимиляции коренных народов, что связано с невысоким престижем языков коренного населения в обществе, а также снижением интереса к родному языку самих носителей.

Увеличение количества иммигрантов способствует распространению других языков и диалектов на территории Канады. Число так называемых аллофонов в настоящее время достигло более 5 миллионов человек. Федеральная перепись населения продемонстрировала, что первым по распространению родным языком для жителей Канады является китайский язык, второе место занимает итальянский, третье – немецкий, на четвертом расположен панджаби [6].

В современной Канаде английский и французский языки обладают неравной коммуникативной мощностью. Так, согласно переписи населения 2011 года, 17,5% населения Канады владеют двумя языками – французским и английским, 66% жителей страны используют английский язык в повседневном общении, 21% – французский. Из 33 476 688 канадцев для 18 858 975 английский является родным языком, французский – для 7 054 970 жителей [6]. Официальный статус двух государственных языков гарантирует населению Канады право получать услуги в федеральных административных учреждениях, судебных органах власти на любом из официальных языков. Тем не менее, услуги на двух языках не предоставляются в муниципалитетах и частных предприятиях, находящихся в англоязычных провинциях. Франкофоны, число которых составляет в таких провинциях менее 5%, вынуждены использовать в административных учреждениях английский язык. Следовательно, юридически закрепленный равный статус английского и французского языков фактически имеет силу в том случае, если он оправдан достаточным количеством языковых меньшинств. Государственные языки наравне используются в различных сферах жизни: на этикетках и упаковках выпускаемой продукции, на денежных единицах, на почтовых марках, в аэропортах, на радио. Однако следует отметить, что услуги, предоставляемые почтовыми отделениями, полицией и вооруженными силами, осуществляются в большей степени на английском языке [7].

Важным компонентом языковой ситуации Канады является билингвизм. Французский язык находится в непрерывном контакте с английским, вследствие чего в стране установилась ситуация двуязычия и диглоссии английского и французского языков. Количество жителей, владеющих двумя официальными языками, составляет 5 795 575 человек, при этом наиболее высокие показатели обнаруживаются в провинциях Квебек (40,8%), единственной официально двуязычной провинции Нью-Брансуик (34,2%), на Острове Принца Эдуарда (12,0%) и в Онтарио (11,7%) [6]. Среди особенностей билингвизма в Канаде следует подчеркнуть его одностороннюю направленность: в англоязычных провинциях наблюдается незначительный процент билингвизма среди населения, на всей территории страны двуязычие прослеживается в первую очередь среди франкофонов.

Касаясь вопроса о языках, функционирующих на территории Канады, следует отметить, что английский и французский языки являются родственными языками, являясь представителями соответственно западногерманской группы германской ветви и романской группы италийской ветви индоевропейской семьи языков. Языки автохтон-

ного населения, представленные в Канаде, принадлежат к ирокезской, на-дене, алгонкинской и эскимосско-алеутской семьям. Таким образом, языковую ситуацию Канады составляют как родственные, так и неродственные языки, а также ряд языков-изолятов.

Вопрос престижа официальных языков Канады связан с историей длительного англо-французского конфликта и становления национальной идентичности. Период с момента подписания Парижского договора, означавшего присоединение Канады Великобританией, до обретения Канадой независимости ознаменован непрерывной борьбой франкоканадцев за свободу, сохранение национальной культуры и родного языка. Принятие Квебекского Акта, а также Акта о Британской Северной Америке обеспечили право франкоязычного населения использовать родной язык в сферах государственного управления, экономики и гражданско-правовых отношений, а также позволили французскому языку занять более прочную позицию в обществе.

В настоящее время, несмотря на официально равный статус двух языков в государстве, английский язык занимает главенствующее положение в обществе и представляет собой серьезную угрозу для распространения французского языка и роста количества франкоязычного населения. В связи с этим правительством прилагаются значительные усилия для решения вопросов, связанных со статусом английского и французского языков, а также языковыми правами граждан. Развитие и распространение двуязычия и защита французского языка являются приоритетными направлениями внутренней политики государства, об этом свидетельствует и наличие значительного количества учреждений, деятельность которых связана с урегулированием межязыкового конфликта. Так, в 1963-1970 годах была создана Королевская комиссия по билингвизму и бикультурализму, важным результатом работы которой стал первый Закон об официальных языках, принятый парламентом в 1969 году, который закрепил за французским и английским языками равный статус официальных языков органов власти федерального значения. Кроме того, Закон направлен на развитие и поддержку англофонных и франкофонных сообществ в миноритарной ситуации, а также на обеспечение равенства двух языков в канадском обществе. Контроль исполнения вышеуказанных постановлений, а также соблюдение языковых прав граждан выполняет Комиссариат по официальным языкам Канады.

Относительно юридического статуса языков, он распределен в провинциях и территориях государства следующим образом: Альберта, Манитоба, Саскачеван – английский язык с двуязычной юридической системой, Британская Колумбия, Остров Принца Эдуарда, Ньюфаундленд и Лабрадор, Новая Шотландия – английский язык, Онтарио – английский язык с признанием двуязычия, Квебек – французский язык с признанием двуязычия, Юкон и Северо-Западные территории – английский и французский языки обладают равным статусом, Нью-Брансуик – юридически двуязычная провинция, Нунавут – английский и французский языки юридически признаны, фактически используются языки инуктитут и инуиннактун [7].

ВЫВОДЫ

Таким образом, языковая ситуация в Канаде характеризуется как многокомпонентная, экзогlossная, демографически неравновесная, коммуникативно несбалансированная, с различным юридическим статусом языков, сочетающая близкородственное и неблизкородственное двуязычие.

В заключение следует отметить, что уникальная языковая ситуация Канады требует более детального изучения, поскольку представляет собой совокупность под-ситуаций в отдельных провинциях, сформировавшихся под влиянием исторических, социально-демографических, культурных и политических факторов.

Список литературы

1. Аврорин В. А. Проблемы изучению функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин. – Л. : Наука, 1975. – 276 с.
2. Кожемякина В. А. Коренные народы Канады: этноязыковые и культурно-языковые проблемы [Электронный ресурс] / В. А. Кожемякина // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное издание. – М. : Институт языкознания РАН, 2009. – Вып. 1. – С.18-37. – Режим доступа: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2009_01/3.pdf (дата обращения: 06.05.2016).
3. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2е изд, испр. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
4. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А. Д. Петренко. – Монография. – Киев, 1998. – 254 с.
5. Швейцер А. Д. Введение в социолингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – Москва : Высшая школа, 1978. – 101 с.
6. Jacques Leclerc. Données démolinguistiques: Recensement 2011 [Электронный ресурс] / J. Leclerc. – Université Laval, 2016. – Режим доступа: <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/amnord/cnddemo.htm>, свободный (дата обращения: 06.05.2016).
7. Université d'Ottawa. Contexte juridique des langues officielles au Canada: Site de l'aménagement linguistique au Canada (SALIC) [Электронный ресурс]. – Université d'Ottawa, 2016. – Режим доступа: https://salic.uottawa.ca/?q=anglais_francais_juridique, свободный (дата обращения: 06.05.2016).

SOCIOLINGUISTIC PECULIARITIES OF THE LINGUISTIC SITUATION IN CANADA

Korotkova M. O.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: Mariya_HappyM@mail.ru*

The paper presents the analysis of the linguistic situation in Canada made taking into account quantitative and qualitative characteristics that lie in the foundation of the sociolinguistic typology of languages.

The aim of the research is to determine the peculiarities of the linguistic situation in Canada and to describe it within the sociolinguistic approach.

According to the aim set the following tasks were solved: definition of the notion “linguistic situation”, study of the historical dynamics of the interaction between the languages-components of the linguistic situation, consideration of the issue about the status of languages in the multiethnic society, definition of the main peculiarities of bilingualism, analysis of the language policy peculiarities of the state, determination of the typological parameters of the linguistic situation in Canada.

Nowadays to characterize linguistic situations in various regions topical research uses a common system of significant features for the sociolinguistic typology, both qualitative and quantitative. The group of quantitative features of the linguistic situation consists of the following parameters: the number of languages-components of the linguistic situation, the degree of ethnic and language variety of the linguistic situation, the demographical value and the communicative capacity of the languages-components. The degree of the genetic proximity, the level of the language prestige, as well as their legal status belong to the group of qualitative features.

The analysis of the linguistic situation in Canada considering the abovementioned features has shown the following results: the linguistic situation in Canada is characterized as multicomponent, exoglossic, demographically unbalanced, communicatively unbalanced, with a different legal status of the languages, combining closely-related and non-closely-related bilingualism.

The paper locates world and regional language formations represented on the territory of Canada. It is stated that the aspiration for self-identification of the representatives of various ethnic groups results in the situations of bilingualism, diglossia, and multilingualism. There have been determined the spheres of the official language use, their spread on the territory of the state, their de facto and de jure status, communicative capacity, the degree of the genetic proximity, peculiarities of interaction with the languages of the indigenous population and those of allophones. Special attention is drawn to the historical conditions of emergence and spread of languages on the territory of Canada, the history of the Anglo-French conflict and the making of the national identity of Canadians as a factor having a direct influence on the formation of the present linguistic situation in the country.

The research considers the topical issues of language policy and the activity of the institutions that deal with monitoring the observation of the citizens' language rights and the settlement of the interlingual conflict. The article provides statistical data that demonstrate the peculiarities of the current linguistic situation in Canada.

In conclusion it is argued that the linguistic situation in Canada is a combination of subsituations in definite provinces formed under the influence of historical, socio-demographical, cultural and political factors, which prompts a more detailed study of the local linguistic situations in the subsequent research of the author.

The results of the paper can be used in the teaching of subjects in sociolinguistics, linguocultural studies, linguistic geography, and in students' scientific research.

Keywords: sociolinguistics, sociolinguistic typology of languages, Canada, linguistic situation, language policy.

УДК 811.11; 81-119

ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Косова Л. Ю., Куриленко Е. Е., Принцева Н. Ю.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: lilyko@yandex.ru*

В статье ставится задача рассмотреть основные характеристики именного словообразования классического латинского языка и выявить его влияние на формирование современной медицинской терминологии. Именное словообразование рассматривается как главный источник заимствования не только отдельных слов, но целых словообразовательных моделей.

Ключевые слова: словообразование, морфема, терминологический элемент, словообразовательная модель.

ВВЕДЕНИЕ

Медицинская терминология в значительной части строится на базе именного словообразования латинского литературного языка. В этом уникальном случае живая система отдельно взятого языка используется в совершенно новом качестве, а сам латинский язык – мертвый язык – продолжает существовать искусственно в новой сфере. Такой переход от литературного латинского языка, с его морфологией и лексикой, словосложением и словообразованием к языку медицинской терминологии крайне интересен. Именное словообразование латинского языка выступает в качестве главного источника заимствования, но заимствования не только отдельных слов, но целых словообразовательных моделей, сочетаний слов, подвергшихся реконструкции, реинтерпретации, трансформации и переосмыслению. В процессе перехода к научной терминосистеме появляются новые словообразовательные модели и, как результат, образуются новые термины, не присутствующие в системе языка-источника.

Существует ряд работ, посвященных латинскому словообразованию, многие из них устарели и не соответствуют современным принципам словообразовательного анализа. При составлении грамматик латинского языка многие авторы, принимая во внимание особую роль словообразования, посвящали его описанию отдельный раздел. Но эти разделы были как правило краткими и мало информативными. Некоторые работы, имеющие неоспоримую ценность, освещают лишь отдельные виды, типы и модели именного словообразования. Системных исследований именного словообразования латинского языка и его функционирования в медицинской терминологии крайне мало. Этим объясняется актуальность выбора темы исследования. **Целью** данной работы является анализ способов именного словообразования в литературном латинском языке и изучение его роли в формировании медицинской терминологии.

Латинский язык в современном мире активно используется для дискурсивных практик разного рода, будь то озвучивание религиозных текстов или постоянное и непосредственное влияние на развитие терминосистем фундаментальных наук. Словоо-

бразовательный фонд латинского языка и вообще греко-латинская лексика выступают как порождающая среда для всей современной неологии.

Анализ существующих публикаций и монографий по данной проблематике показывает, что немало факторов препятствовало адекватному описанию словообразования в латинском языке. На момент создания лучших грамматик латинского языка еще не существовала методика словообразовательного анализа, т.е. не были сформулированы понятия словообразовательной структуры, словообразовательных морфем, словоизменяемых морфем, не были четко разграничены понятия словообразовательной структуры слова и его морфемного состава. В настоящее время существует ряд работ, в которых описаны теоретические основы словообразования, разработаны принципы морфологического и словообразовательного анализа на материале германских языков (А. И. Смирницкий, Е. С. Кубрякова, М. Д. Степанова и др.), славянских (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, И. С. Улукханов, Е. А. Земская, П. А. Соболева, Н. А. Тихонов, В. В. Лопатин и др.), романских (Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, В. Г. Гак, Е. А. Вольф и др.). В области латинского языка таких фундаментальных исследований крайне мало (В. Ф. Новодранова, И. А. Большаков и А. А. Дурново), поэтому свою **задачу** мы видим в попытке детального описания способов именного словообразования в латинском языке на материале лексики медицинской терминологии.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Классификация словообразовательных моделей латинского языка

Анализ материала именного словообразования в латинском языке базируется на понятиях словообразовательного и морфологического анализа, на принципах деривационной ономастологии, синтаксиса и принципах взаимодействия с другими уровнями языковой системы, например, фонологией. Одним из основополагающих мы считаем принцип, что морфологический анализ «направлен на выделение значащих частей слова и определение их иерархии, на обнаружение зависимостей между этими частями и вхождением слова в определенный парадигматический ряд, на обнаружение корреляций между строением слова и передаваемыми им грамматическими значениями» [5, с. 8]. Морфема является основной единицей морфологического анализа. В результате такого анализа слово представляется в виде цепочки морфем, которые являются конечными составляющими комплексных форм.

Словообразовательный анализ направлен на определение непосредственно составляющих элементов слова – производящей основы и словообразовательного аффикса – и на установление словообразовательной модели как стабильной типовой структуры слова, обладающей обобщенным лексико-категориальным значением и реализующейся при ее наполнении лексическим материалом [7, с. 57].

Е. С. Кубрякова [4, с. 39-40] называет системой словообразования «взаимосвязь и взаимодействие основных способов словопроизводства и словосложения, что находит отражение в распределении и функционировании главных словообразовательных моделей».

Следуя такому определению, необходимо описать словообразовательные модели латинского языка. Словообразовательные модели называются главными или системными, если они регулярно воспроизводятся в языке по аналогии и строятся с учетом фонетических законов, действующих в языке [10, с. 95].

Классификация словообразовательных моделей строится в нашей работе соответственно способу словообразования, который является организующим началом в формировании отдельных подсистем словообразования: префиксации, суффиксации и словосложения.

Основными способами словообразования классического латинского языка считаются аффиксальный и безаффиксный. Аффиксальный способ подразумевает образование производных путем присоединения словообразовательных аффиксов (префиксов, суффиксов) к производящим основам.

По определению С. А. Шведова аффиксацией называется присоединение к основе особых морфологических словообразующих элементов (аффиксов) – либо в начале (префиксы), либо в середине (инфиксы), либо в конце (суффиксы) [8, с. 7].

Безаффиксные способы используются преимущественно для образования сложных слов. Сложным является слово, состоящее более чем из одной производящей основы.

2. Префиксация. Основные характеристики префиксальных моделей

Префиксация, т. е. присоединение префиксальной морфемы (приставки) к корню, не меняет его значения, а лишь добавляет к этому значению некоторый компонент, указывающий на локализацию (выше, ниже, спереди, сзади), направление (приближение, отдаление), протекание во времени (прежде чего-либо, после чего-либо), на отсутствие или отрицание чего-либо.

Несомненно, истоки префиксации нужно искать в словосложении, когда предлоги, наречия и другие частицы стали одними из первых компонентов слова-композиита. Таким образом, к становлению префиксальной системы латинского языка привели семантические, функциональные и структурные изменения наречий и предлогов в препозитивном употреблении. Е. С. Кубрякова определяет префикс как деривационную морфему, которая имеет коррелят в виде служебного слова (предлога и/или наречия) и характеризуется обобщенным содержанием [4, с. 75].

Количественные показатели префиксов определяются длиной словообразовательного ряда, количеством соединенных с префиксом основ и, наконец, количеством содержащих префикс производных слов.

Проведенные исследования показывают, что наиболее частотными префиксами являются префиксы *con-*, *in-* (в, на), *ex-*, *in-* (отрицание), *de-*, *re-*, *sub*, *prae-*, *pro-*, *ob-*, *dis-*, *ad-*, *inter-*, *super-*, *ab-*, *circum-*, *trans-*, *ante-*, *se-*, *ne-*. Большинство из этих префиксов соотносятся с предлогами [1, с. 23]. Длина словообразовательного ряда префикса *con-* 2337 слов. Количество производных с префиксом *in-* насчитывает 2061 слово, с префиксом *ex-* – 1719.

Высокочастотные префиксальные морфемы латинского языка участвуют в образовании протяженных словообразовательных рядов, а также объемных словообразовательных гнезд с разными аффиксальными морфемами. Например, в словообразовательном гнезде «*lux, lucis, f*» – 68 однокорневых производных слов, из них 40 префиксальных (например, *col-luceo, il-luceo, perluceo, sub-lucidis, di-luculum* и др.) [6, с. 24].

Фонологическими характеристиками префиксов являются слитность, цельнооформленность. Ведь на них распространяются общие фонетические законы, которые действуют в пределах слова: ассимиляция, редукция гласного, элизия и другие.

Префиксальные модели в латинском языке характеризуются следующими чертами: 1) представлены во всех кардинальных частях речи, таких как существительное, прилагательное и глагол; 2) различные префиксы сочетаются с разными типами основ (вербальные, субстантивные и адъективные типы основ); 3) префиксация сочетается с суффиксацией, образуя парасинтетические модели: *dis-color-ius* (от *color* – цвет) – разноцветный, *sub-aqua-neus* (от *aqua* – вода) – подводный, *hypo-gastr-ium* (от греч. *hypogastrium*) – нижняя часть живота, *mes-enter-ium* (от греч. *mesenterion*) – брыжейка; 4) может сопровождаться сменой парадигматических характеристик слова: типа склонения, спряжения исходного слова: *carere* (гл. III спр.) – *anticipare* (гл. I спр.).

Обычно латинские приставки присоединяются к латинским корням, греческие – к греческим корням. Однако встречаются и исключения, так называемые гибриды. Например, в словах *epi-fascialis* – надфасциальный, *endo-cervicalis* – внутришейный приставки греческие, а производящие основы – латинские. При префиксации в качестве производящей основы выступает целое слово: *intra-articularis* – внутрисуставной.

Важную роль в формировании медицинских терминов также играют антонимичные приставки (Таб. 1) и дублетные приставки.

Таблица 1

Латинские антонимичные приставки

«вперед – сзади»	
/	\
<i>ante-, prae-, pro-</i>	<i>post-, retro-</i>
«вверх, вверху – вниз, внизу»	
/	\
<i>ex-, super-, supra-</i>	<i>de-, sub-, subter-, infra-</i>
«вовнутрь, внутри – изнутри, снаружи»	
/	\
<i>in-, intra-</i>	<i>ex-, extra-</i>
«приближение – удаление»	
/	\
<i>ad-</i>	<i>ab-, se-</i>
«по эту сторону – по ту сторону, за пределами»	
/	\
<i>cis-</i>	<i>trans-, ultra-</i>

3. Суффиксация. Основные характеристики суффиксальных моделей

Суффиксация это способ именного словообразования при котором к производящей (мотивирующей) основе присоединяется суффикс. Полученное этим способом производное называется суффиксальным.

**ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО
ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ
СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

Внутреннее количество и значительное разнообразие именных суффиксов требует ясной классификации суффиксальных моделей по функциям и распределению суффиксальных рядов по семантическим полям.

Суффиксы выполняют важную классифицирующую функцию.

Благодаря им слова распределяются по соответствующим классам понятий. Так, например, к классу так называемых деминутивов – слов с уменьшительным значением – принадлежат существительные с суффиксами *-ul-* (*-cul-*), *-ol-*. Например: *lobulus* – «долька», *foveola* – «ямочка», *tuberculum* – «бугорок».

По своим функциям суффиксы часто выступают в роли модификаторов – изменяя значение мотивирующего слова, не меняя его части речи. Например, *vas* – «судно» – *vasculum* – «судёнышко», *tuber* – «бугор» – *tuberculum* – «бугорок». Нередко суффиксы участвуют в транспозиции – переводят слово в другой лексико-грамматический разряд. *Facies* – «лицо, поверхность», *facialis* – «лицевой».

На границе основы и суффикса часто происходят фонетические изменения. Конечный гласный основы перед гласным исчезает или редуцируется: *gaudere* – *gaudium*, *imperare* – *imperium*. Присоединение окончания к суффиксу часто приводит к их тесному слиянию. А также, между основой, которая заканчивается на согласный и суффиксом, начинающимся с согласного вставляется соединительный гласный *-i* в латинских словах, и *-o-* в словах греческого происхождения. Например, лат. *cruc-i-formis* – «крестообразный», *tuberos-i-tas* – «бугристость»; греч. *bronch-o-genus* – «бронхогенный». Подобный соединительный гласный в словообразовании называется «интерфикс».

Продуктивность суффиксов очень высока. Так, например, суффикс *-ion-* имеет самый протяженный из словообразовательных рядов и насчитывает 3247 производных deverбальных существительных. Наглядно продуктивность латинских суффиксов представлена в таблице А. Кейе. [12, с. 156] (Таб. 2)

Таблица 2

Сравнительная таблица продуктивности суффиксов Кейе

Суффикс	Число производных	% от всех производных
<i>-tio, -sio, -xio</i>	3600	42,66
<i>-tus, -sus, -xus</i>	1200	14,22
<i>-tas</i>	1100	13,04
<i>-antia, -entia</i>	500	5,93
<i>-mentum</i>	450	5,33
<i>-tura, -sura, -xura</i>	400	4,74
<i>-men</i>	380	4,50
<i>-āgo, -īgo, -ūgo</i>	200	2,37
<i>-tudo</i>	180	2,13

-or	120	1,42
-ēdo, -īdo, -ūdo	100	1,18
-itia	60	0,71
-ities	50	0,59
-ēla	50	0,59
-monia, -monium	50	0,59
Всего	8440	100,0

4. Словосложение

Словосложение – это такой способ образования слов, при котором новые слова образуются соединением, как правило, двух лексически полнозначных основ или слов [2, с. 88]. Принято считать, что в классическом латинском языке словосложение является наименее продуктивным способом именного словообразования. Однако, такое мнение обусловлено недостаточной изученностью данного вопроса. В состав композита входят слова или основы, поэтому различают понятия словосложение и основосложение. Латинская система словосложения представлена преимущественно основосложением. Поэтому важным является наличие соединительного элемента между основами, а также оформление второго компонента или же слова в целом. При этом мы можем наблюдать либо чистое сложение основ, и тогда вторая основа выступает в роли опорной части, т.е. вводит производное в грамматический класс (прилагательных или существительных), либо сочетание чистого сложения с суффиксацией. Пример чистого сложения основ существительное *rhinencephalon*: 1-й компонент *rhin-* + 2-й, опорный, *encephalon* (существительное II склонения греческого происхождения на *-on*). Примером сочетания сложения основ с суффиксацией может быть слово *glossopharyngeus*: 1-й компонент сложения *gloss-* + 2-й, опорный, компонент *pharyngeus* (прилагательное 1-й группы). На этих же примерах мы можем наблюдать то, как латинский язык, являясь источником пополнения научной терминологии, выступает так же в качестве медиатора, т.е. проводника греческих заимствований.

Медицинская терминология пополняется не только за счет заимствований греческих лексических единиц, но и отдельных терминоэлементов, способов их соединения. Уже в литературном латинском языке нередким было явление словосложения латинских и греческих элементов в сложном слове. По своему происхождению словообразовательные модели на базе основосложения могут быть латино-латинскими, латино-греческими, греко-греческими и греко-латинскими. В медицинской терминологии проявляется двуязычие, которое впоследствии стало отличительной чертой всех научных терминосистем.

ВЫВОДЫ

Именное словообразование классического латинского языка является организующим началом в формировании подсистем медицинской терминологии. Каждая из этих подсистем базируется на одном из способов словообразования латинского языка: префиксации, суффиксации и словосложения. Большим разнообразием представлены префиксальные модели словообразования в медицинских терминах. Большинство

префиксальных моделей несут пространственное значение, в медицине крайне важно точное указание местоположения органа, являющегося объектом наблюдения или лечения (в нормальной, топографической анатомии и гистологии). В клинической терминологии префиксальные модели чаще имеют оценочное значение, часто негативное. Суффиксация классического латинского языка активно задействована в формировании медицинской терминологии, хотя подверглась значительной модификации. Суффиксы греческого происхождения участвуют в образовании интернациональной медицинской лексики. Суффиксы играют в терминологии классифицирующую роль. Система латинского словосложения нашла свое отражение в создании медицинской терминологии. Здесь характерным является образование терминов по аналогии с типичными образцами с частотными компонентами, использование терминоэлементов греческого происхождения, а также дублирование греческих и латинских словообразовательных элементов, конкуренция синонимических основ греческого и латинского языков. Можно утверждать, что система именного словообразования классического латинского языка при всем многообразии словообразовательных моделей, оказалась недостаточной для формирования терминологического аппарата медицинской науки. Терминообразование выходит за рамки именного словообразования латинского языка, используя греческие заимствования как на уровне отдельных словообразовательных элементов, так и на уровне целых словообразовательных моделей в рамках всех словообразовательных способов. Система именного словообразования классического латинского языка являясь закрытой и статичной, послужила базой для развития открытой, нуждающейся в постоянном обновлении, динамично развивающейся системы медицинского терминообразования, связанной с потребностью науки в наименовании новых понятий.

Список литературы

1. Актуальные вопросы упорядочения медицинской терминологии / под. ред. Лидова И. П. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 360 с.
2. Актуальные проблемы современного словообразования: Труды междунар. науч. конф. (г. Кемерово, 1-3 июля, 2005 г.). – Томск: Изд-во ТГУ, 2006. – 435 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
4. Кубрякова Е. С. Именное словообразование в германских языках // Сравнительная грамматика германских языков / Е.С. Кубрякова. – 1963. – Т. III. – С. 39-131.
5. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа: На материале германских языков. – 2-е изд. / Е. С. Кубрякова. – М.: ЛКИ, 2008. – 198 с.
6. Новодранова В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии: *Laterculi vocum Latinarum et terminogum* (Рос. академия наук; Ин-т языкознания, МГМСУ) / В. Ф. Новодранова. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 328 с.
7. Степанова М. Д. Вопросы моделирования в словообразовании и условия реализации моделей // *Вопр. Языкознания* / М. Д. Степанова. – 1975, № 4. – С. 53-63.
8. Шведов С. А. Словообразование в латинском языке: Учебное пособие для студентов отделения классической филологии университетов / С. А. Шведов. – Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2004. – 124 с.
9. Энциклопедический словарь медицинских терминов: Ок. 60000 терминов. – В 3-х т. / Гл. ред. Б. В. Петровский. – М.: Сов. энцикл., 1982-1984. – 1536 с.

10. Marchand H. Esquisse d'une description des principales alternances dérivatives dans le française de' aujourd de' aujourd ' hui // *Studia linguistica* / H. Marchand. – 1951. – Vol. 5, № 2. – P. 95.

11. Quellet H. Les dérivés latins en –or: Etude lexicographique, statistique, morphologique et semantique / H. Quellet. – Paris, 1969. – P. 199.

NOMINAL WORD-FORMATION OF CLASSIC LATIN AND ITS ROLE IN DEVELOPMENT OF MODERN MEDICAL TERMINOLOGY

Kosova L. U., Kurilenko Ye. Ye., Printseva N. U.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy named after V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: lilyko@yandex.ru*

In this article we gave characteristics of nominal word-formation of classic Latin, described the point of its influence on medical terminology development.

The main aim of this work is to analyze methods of nominal word-formation in literary Latin, to determine the notions of word-forming and morphological analysis, to reveal frequency of word-forming models of Latin and Greek languages in medical terminology system.

In the article we question about Latin language meaningfulness, its position in modern world as it's used actively even nowadays for different discourse practices and it also influences always and directly on the development of terminology systems of fundamental sciences.

Word-forming base of Latin and in general greek-latin lexics are as an originative sphere for all modern neology.

Analysis of the material of nominal word-formation in Latin is based on the terms of word-forming and morphological analysis, on principles of derivation onomasiology, synthesis and those of cooperation with other levels of language system, for example, phonology.

In our work classification of word-forming models is due to method of word-formation which is an organizing point in development of separate sub-systems of word-formation: prefixes, suffixes and word-compounding.

As a result of our research we found out that in medical terminology great variety is present in prefixes models of word-formation.

Most of prefix models give spatial meaning, in medicine the exact pointing of organ location is extremely important, as it is an object of treatment or medical observation.

In terms of clinical medicine prefix-models more often have evaluating meaning than a negative one.

Suffixation of classic Latin is also actively involved in formation of medical terminology, although it underwent considerable modification.

Suffixes of Greek origin take part in development of international foundation of medical lexics.

Latin suffixes perform an important classification function. Due to them all words are divided on corresponding classes of notions.

For example, nouns with suffixes –ul- (-cul-), -ol- belong to the class of so-called diminutives, words with diminutive meaning.

System of Latin word-formation reflected in development of medical terminology.

The most peculiar here is formation of terms by analogy to the typical examples with frequency components, using of term-elements of Greek origin, of duplicates of Greek and Latin word-formation elements, competition of synonymous bases of the Greek and Latin languages.

Having done this research, we can say that system of nominal word-formation of classic Latin with its varieties, majority of word-building models was insufficient for development and formation of terminological apparatus of medical science.

Term-formation is out of word-forming limits of Latin using Greek borrowings both on the level of some word-forming elements and on the level of complete word-forming elements at all word-forming methods.

*ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО
ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ
СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ*

Being static and a closed one, system of nominal word-formation of classic Latin was a basis for development of an open, necessary for constant updating, dynamically forming system of medical term-formation connected with scientific needs in naming new notions.

Keywords: word-formation, morpheme, term-element, word-forming model.

УДК – 811.14'04'373.43/44

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ И НЕОЛОГИЗМОВ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Лазариди С. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: sokratis-60@mail.ru*

Работа посвящена анализу заимствованных слов, проникших из других языков в греческий в разные исторические периоды. Рассматриваются также вопросы возникновения и функционирования заимствованных слов и неологизмов в новогреческом языке и проблемы излишнего их употребления.

Ключевые слова: заимствования, экзотизмы, неологизмы, ксеномания, новогреческий язык, greeklish.

ВВЕДЕНИЕ

Заимствования являются неотъемлемой частью словарного состава греческого языка, и их исследование представляет несомненный интерес для лингвистов, лексикологов, лексикографов, этимологов, занимающихся изучением развития и становления греческого языка.

Актуальность данной работы обусловлена интенсивным проникновением иноязычных слов в греческий язык, что вызвало обострение языковой ситуации, непримиримость и полемику среди лингвистов, а также представителей широкой греческой общественности, заявивших о необходимости очищения греческого языка от «чужих» слов и защите родного (греческого) языка от непрерывного вторжения иноязычных заимствований.

Целью данной работы является анализ лексических заимствований, вопросов их функционирования, а также проблем употребления неологизмов в письменной и устной речи в современный период. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- выявить специфику функционирования заимствованных слов в разговорной речи, в произведениях греческой художественной литературы и в периодических изданиях;
- выявить степень угрозы заимствованиями современного греческого языка;

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Три основных пласта греческой лексики

Словарный состав современного греческого языка прошёл длительный путь становления. Устаревшие, древние слова заменялись или дополнялись с течением времени другими словами, исконно греческими, или словами иностранного происхождения, пополняя и обогащая греческий язык на протяжении всего процесса его исторического развития.

Манолис Триандафиллидис определил три основные составляющие современной греческой лексики. Это: 1) древние слова исконно греческого происхождения или

же вошедшие в греческий язык еще в древности; 2) слова, вошедшие в язык после возникновения христианства и примерно до начала 19 века; 3) слова, появившиеся в языке с 19 в. и до наших дней.

1) В первый, наиболее древний пласт входят:

а) Слова первоначально греческие и индоевропейские. Многие древнегреческие слова относятся к языку, на котором говорили предки древних греков, обосновавшихся на территории, получившей впоследствии название Греция. Это слова (*ниже все слова приводятся в их современном виде*) представляющие: **родственные связи** – *πατέρας* (отец), *υιός* (сын), *θυγατέρα* (дочь); **животных, растений** – *αγελάδα* (корова), *έλατο* (ель); **общность людей** – *άντρας* (мужчина), *γυναιίκα* (женщина); **разные общие понятия** – *«ουρανός* (небо), *ημέρα* (день), *μέλι* (мед), *όνομα* (имя) и др.

б) Слова прагреческие, заимствованные у народов, заселяющих территорию Греции до появления самих греков. К ним относятся: **существительные**, связанные с **морем** – *θάλασσα* (море), *νησί* (остров); с **названиями растений** – *δάφνη* (лавровое дерево), *σύκο* (инжир); **металлов** – *μολύβι* (свинец), *χρυσάφι* (золото); **частной и общественной жизни** – *κιθάρα* (гитара), *βασιλιάς* (король); **топонимами, названиями городов и географических мест** – *Κόρινθος* (Коринф), *Λάρισα* (Лариса), *Παρνασσός* (Парнас) и др.

в) С народами Востока древние греки имели тесные торговые, духовные контакты и заимствовали у них следующую лексику: **персидские** – *«παράδεισος»* (рай), *«σατράπης»* (самодур, деспот, сатрап); **египетское**: *«πιραμίδα»* (пирамида); **сирийское** – *αβάς* (аббат); **финикийские (большинство букв алфавита)** – *άλφα* (альфа), *βήτα* (вита) и т.д.

г) Из **Еврейского и арамейского** в греческий язык вошли в основном слова **религиозные** – *αμήν* (аминь), *σατανάς* (сатана), *Πάσχα* (Пасха) и другие.

д) С появлением и распространением христианства в греческом языке появилось обилие новых понятий и новых слов греческого происхождения: *επίσκοπος* (епископ), *λειτουργία* (литургия), *μοναχός* (монах), *Χριστός* (Христос) и т.д.

е) **Латинизмы** относятся к различным отраслям частной и общественной жизни: **названия растений** – *σίκαλη* (рожь), *φασόλι* (фасоль); **предметы повседневной жизни** – *κάρβουνο* (уголь), *φούρνος* (печь); **армейская лексика** – *άρματα* (оружие), *καβαλάρης* (всадник); **календарь** – *κάλαντα* (ритуальные песни, колядки), *Ιανουάριος* (Январь), *Φεβρουάριος* (Февраль) и т.д.

2) В христианскую эпоху, в средние века и позже примерно до начала 19 века, в результате политических, торговых и культурных связей в частности, от народов, населяющих Балканский полуостров греческий язык обогащался новыми словами.

а) **Славянизмы**. В основном они обозначают предметы **повседневной сельской жизни**, а также **животных** – *βερβερίτσα* (белка), *κοτέτσι* (курятник), много **топонимов** – *Αράχοβα* (Арахова, букв. Ореховка), *Ζαγόρι* (Загори, букв. за горой). Слова из **русского языка** в своей массе приобретают значения чуждости используются как **варваризмы** – *ρούβλι* (рубль), *μπαλαλαίικα* (балалайка) и др.

б) **Албанизмы**: *βλάμης* (приятель, дружка), *λούτσα* (лужа) и др.

в) **Итальянизмы**. Торговое, политическое, культурное и влияние итальянского языка началось с крестовых походов и продолжалось до турецкого завоевания: из жизни **моряков** – *καπετάνιος* (капитан), *αβαρία* (авария); **одежда** – *παντελόни* (брюки),

φανέλα (майка); **музыка** – *όπερα* (опера), *τενόρος* (тенор); **растения** – *βανίλια* (ваниль), *γαρίφαλο* (гвоздика); **домашнее хозяйство** – *βάζο* (ваза), *καρέκλα* (стул), *λάμπα* (лампа); **кулинария** – *λαζάνια* (лазанья), *σαλάτα* (салат) и др.

г) Влияние **турецкого** языка усилилось с падения византийского государства и установлением турецкого владычества и стали обозначать предметы и явления повседневной и общественной жизни: **кулинария** – *γιαούρτι* (йогурт), *κεφτές* (котлета, биточек); **дом** – *ταβάνι* (потолок), *τζάκι* (камин); **профессии** – *μανάβης* (зеленщик), *τενεκετζής* (жестянщик); **общественная жизнь** – *βιλαέτι* (вилайет), *ιμάμης* (имам), *καδής* (кади, судья); **мебель, утварь** – *καζάνι* (котел), *κουβάς* (ведро); **разное** – *κέφι* (хорошее настроение), *varuylés* (кальян), *τενεκές* (жестянка) и др.

д) **Арабизмы** пришли в греческий через другие языки: турецкий, итальянский: «*άλγεβρα*» (алгебра), «*βεζίρης*» (визирь), «*ελιζίριο*» (эликсир), «*καραμέλα*» (карамель) [7, с. 95].

Нужно отметить, что слова, заимствованные до XIX века, имеют одну важную особенность. Эти слова приспособились к греческой фонетике, морфологии, то есть полностью приняли греческий «вид», они склоняются, спрягаются по правилам новогреческого языка: Например, глагол «*μπαγιατεύω*» (из турец. черстветь) в греческом языке спрягается как глагол «*μαζεύω*» (собирать), а существительное «*πασάς*» (паша) имеет такие же падежные окончания, как и слово «*ψαράς*» (рыбак).

3) Новейшие заимствования в последние двести лет происходят из языков Западной Европы, особенно из **французского** языка. Они часто не приспособлены к греческой фонетике и морфологии и вошли в греческий язык, в основном, через переводы художественных произведений и научных трудов XIX и первой половине XX вв. В основном это слова на –*άζ* (фр. -age): «*γκαράζ*» (гараж), «*μασάζ*» (массаж), «*μακιγιάζ*» (макияж) и т.п., а также многие другие, которые частично адаптировались к морфологии греческого языка: «*ζακέτα*» (жакет), «*μπλούζα*» (блуза), «*ρεκλάμα*» (реклама), «*ρομαντισμός*» (романтизм), «*αλτροуистής*» (альтруист).

Наиболее распространенный на сегодняшний день язык – **английский**. В Греции почти каждый грек в той или иной степени владеет английским языком, что приводит к огромному количеству заимствований. Некоторые из них «*βαγόνι*» (вагон), «*καμπίνα*» (кабина), «*πικνίκ*» (пикник) и др. вошли в греческий язык через французский в конце XIX в. [7, с. 97]. Подавляющее же большинство английских заимствований появились в греческом языке после середины XX и начале XXI вв.

Необходимо упомянуть и о грамматическом роде заимствований. Многие заимствования в греческом языке среднего рода и они не склоняются: то *ταξί* (такси), то *φίλμ* (фильм). Однако, некоторые заимствования, например, из французского языка, слова женского рода приобретают женский род и в греческом: *la plage* – *η πλαζ* (пляж), *η ντισкотέκ* (дискотека) и др.

В современном греческом языке есть заимствования также из множества других языков, почти из каждой части света (проникшие в греческий чаще всего через посредников): **венгерское**: «*ουσάρος*» (гусар); **кельтское через латынь**: «*σαπούνι*» (мыло); **индийские**: «*βεγγαλικά*» (бенгальские огни), «*ρύζι*» (рис), **мексиканские через испанский язык**: «*κακάο*» (какао), «*σοκολάτα*» (шоколад); **полинезийское через английский**: «*ταμπού*» (табу) и т.д.

Некоторые из иностранных слов были когда-то греческими, а потом снова вернулись в греческий язык уже в измененной форме и порой с изменённым значением. На греческом языке этот процесс называется *αντιδάνειο*, т.е. *антизаимствование*. Таким образом, древнегреческое слово «*καμάρα*» (комната) было заимствовано латинским языком, а потом вернулось в греческий в его современной форме и значениях «*κάμαρα, κάμαρη, κάμερα*» [7, с. 98]. Любопытно то, что в современном греческом языке есть слово – омоним древнегреческому «*καμάρα*», но с другой семантикой, и означает 1) в архитектуре *свод, арка* и 2) в анатомии *подъём ноги*. Таких слов-путешественников в греческом языке много: «*μπάνιο*» итал. *bagno* < лат. *balneum* < др. греч. «*βαλανείον*» (помещение, где человек моет своё тело, *ванна, баня*), «*πίτ(τ)α*» < итал. *pitta* < лат. *pikta* < др. греч. *πηκτή* или *πηχτή* (*студень, холодец; заливное; желе* или что-то густое из еды) и др. [5].

Неологизмы служат для обозначения тех новых понятий, которые появляются в связи с развитием социальных отношений, науки, культуры, техники, из области образования и искусства и т.д., например: *αστεροσκοπείο* – обсерватория, *αεροδρόμιο* – аэропорт, *δημοσιογράφος* – журналист, *ταχυδρομείο* – почта, *προσσελήνωση* – прилунение и т.п. По мере распространения обозначаемых ими явлений или предметов новые слова могут прочно войти во всеобщее употребление и потерять оттенок новизны: *τηλεόραση* – телевизор, *αστροναύτης* – астронавт, *διαστημόπλοιο* – космический корабль, *αεροπλάνο* – самолет, *αεροπόρος* – лётчик, *τηλέφωνο* – телефон, *φωτογραφία* – фотография и др., которые совсем недавно были неологизмами.

Кроме *заимствований*, специалисты выделяют ещё два основных способа: *изобретение* новых слов и терминов, и *создание* новых слов по имеющимся моделям на базе существующих.

Создание новых слов по имеющимся моделям на базе существующих в языке слов – очень продуктивный способ обновления словаря. Древние греки составили сложное слово *ιππόδρομος* (*ίππος* – лошадь, *δρόμος* – 1) дорога, путь, 2) бег) – место для бегов *ипподром*, по этой модели позднее были образованы другие слова, связанные с новыми средствами передвижения: *ποδηλατοδρόμος* – *велодром*, *αεροδρόμιο* – *аеродром* и т.п.

Успешность и продуктивность такого способа состоит в том, что новым оказывается только необычная комбинация известных элементов по известной модели, имеющей свое место в системе языка [2, с 473].

Некоторые неологизмы – это древнегреческие слова, вновь вошедшие в греческий язык, после того как они не употреблялись веками: «*κατάστημα*», «*μητρικός*», «*ξενοδοχείο*». Слова, создаваемые учеными, литераторами принято считать **книжными**, в отличие от **унаследованных, народных**.

Народные унаследованные слова часто сохраняют за собой свое древнее значение наряду с тем значением, что у них было или же было получено ими впоследствии. Так, например, «*χορός*» употребляется не только в общеизвестном значении («танец, хоровод»), но и в значении «хор, группа певцов».

Бывают случаи, когда используются параллельно два слова, имеющие одинаковое значение – одно унаследованное народное, а другое – книжное, отличающееся от народного по своему звучанию и измененным ударным слогом: «*εκκλησία*» и «*εκκλησιά*» (церковь). Это две параллельные фонетические формы.

Часто параллельные фонетические формы имеют разные значения. То есть, от одного древнего слова в современном языке получились два разных по значению и по форме: «*ρολό(γ)ι*» (часы) и «*ωρολόγιο*» (расписание) от древнегреческого «*ωρολόγιον*». В таких случаях фиксируются семантические пары. Например, «*γωνία*» (угол) – «*γωνία*» (угол в геометрии), «*νύφη*» (невеста) – «*νύμφη*» (нимфа).

Для Греции сегодня очень злободневным является вопрос о целесообразности употребления иностранных слов, их правильного использования и применения. В узких кругах филологов эта тема обсуждается уже давно, но никаких специальных политических программ еще не обнаружено.

Современный грек в своей речи употребляет очень много иностранных слов, порой даже предпочитая их своим родным: *το Ιντερνέτ* (internet) = *το Διαδίκτυο* (интернет); *το κομπιούτερ* (computer) = *ο ηλεκτρονικός υπολογιστής* (компьютер); *το φουτμπόλ* (football) = *το ποδόσφαιρο*, футбол.

Характерный вывод по данной проблеме сделал В. Белинский еще в позапрошлом веке: «Какое бы ни было слово, свое или чужое, лишь бы выражало заключенную в нем мысль, – и если чужое лучше выражает ее, чем свое, давайте чужое, а свое несите в кладовую старого хлама» [1, с. 107-108].

Новые слова – неологизмы – могут намеренно создаваться авторами в различных стилистических целях, для большей выразительности. Особенно часто такие индивидуально-авторские неологизмы встречаются в стиле художественной литературы, но бывают они и в публицистическом стиле – прежде всего как средство иронии. Как правило, подобные неологизмы остаются лишь в пределах данного произведения, являясь индивидуальной особенностью стиля автора. Однако в отдельных случаях они могут войти и в общий словарный состав литературного языка.

Языковые средства, присущие публицистическому стилю, – это общественно-политическая лексика и фразеология, эмоционально-оценочные слова, иногда – устаревшие слова, разговорно-просторечная лексика и, конечно же, заимствования.

В отличие от художественной прозы, в текстах публицистического стиля встречаются разные виды заимствований, среди которых есть и частично ассимилированные, неассимилированные, кальки, интернационализмы, варваризмы, экзотизмы. Большинство из них – английские, французские, итальянские, реже латинские, встречаются русские, немецкие, испанские и др. Например, из газеты «ΑΠΟΓΕΥΜΑΤΙΝΗ»: «*Η επιτροπή θα αποτελείται από εξειδικευμένο* (семантическая калька: фр. *spécialiser* – квалифицированный) *προσωπικό* (лексическая калька фр. *personnel* – персонал) *που θα κατέχει μεταπτυχιακούς* (лексическая калька: англ. *post-graduate* последипломный) *τίτλους με τριετή θητεία*» [6]. Вот другие примеры из разных СМИ: *ξενοφοβία* (интернационализм, ксенофобия), *ρατσισμός* (частично ассимилированное заимствование: англ. *racism* расизм). Встречаются также *экзотизмы*, например, в репортажах о какой-либо стране: *τσαντόρ* (<перс. *čador* паранджа, чадра)», «*σάμπο*» (<рус. *самбо* – вид борьбы, «самооборона без оружия»), *τσάρος* (<рус. царь). Неассимилированные заимствования отображают, в основном, явления из сферы музыки, кино, телевидения: *ριάλτι σόου* (<англ. *reality show* ток-шоу)», *βίντεο κλιπ* (<англ. *video clip* видеоклип) т.п. Также, в качестве названия рубрик греческие журналисты отдают предпочтение английским, например: CONTENTS, EDITORIAL, CINEMA, INFO LAND и т.п.

2. Языковая ситуация в связи с интенсивным проникновением иноязычных слов в новогреческий язык и проблема Greeklish

Наибольшее количество заимствованных лексических единиц было воспринято греческим языком в связи с необходимостью выразить новые понятия, возникающие в процессе развития общества, науки, техники, в результате расширяющихся культурных связей. Однако, интенсивное проникновение иноязычных слов в греческий язык, вызывает обострение языковой ситуации, непримиримость и полемику среди лингвистов, а также представителей широкой греческой общности, заявивших о необходимости очищения греческого языка от «чужих» слов и защите греческого языка от непрерывного вторжения иноязычных заимствований.

Распространение интернет-услуг и мобильной связи в последних десятилетиях XX и начале XXI века вызвало **латинизацию греческого письма**. Это явление известно как **Greeklish** (от «greek+english»), распространено не только в Греции и на Кипре, но и по всей греческой диаспоре. Греческие филологи бьют тревогу – повсеместное увлечение молодежью современными средствами коммуникаций влечет за собой повышенную малограмотность, о чем пишет один из пользователей социальных сетей и активистов движения против Greeklish – НЕТ Greeklish! Пишем и говорим по-гречески! – Теодорос Калабукас:

«Что нас ждёт после Greeklish?

Сегодня, я снова ощутил глубокое отчаяние и безнадёжность за свою страну. ... И вот, до чего мы докатились: случилось на днях послушать в утреннем шоу по каналу Skaі смешную ведущую передачи, которая сказала следующее:

*«... теперь мы должны сделать **break** (перерыв) и сразу после этого **team** (бригада, команда) передачи покажет вам новое **application** (приложение), которое производит впечатление среди **gadgets** (гаджетов), которые используются в **posts** (сообщениях) **blogs** (блогов)»*

Это результат, к которому мы пришли вместе с Greeklish!» [3].

Подобные варваризмы, неассимилированные заимствования с английского языка, очень часто встречаются также в молодёжных журналах и являются основным источником пополнения молодёжного жаргона, часто неграмотного: *«Прискорбно ... - пишет другой пользователь интернета – что студенты из России и Японии, которые выбрали в качестве второго иностранного – греческий, захотели переписываться со сверстниками из Греции, но испытали небольшой шок! Несмотря на то, что русская и японская молодёжь писала им в электронную почту по-гречески, своя же отвечала им на Greeklish!»* [3].

Но есть и оптимисты, которые считают, что не стоит паниковать по поводу интенсификации процесса заимствования. Не нужно забывать, что язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определёнными закономерностями. В частности, язык способен самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного.

ВЫВОДЫ

Современную греческую лексику можно рассматривать как целостность целого ряда эпох, сформировавшаяся постепенно под влиянием различных исторических

φакτοροβ, как за счет различных внутриязыковых средств (изобретение новых слов, звукоподражание, словообразование), так и при помощи воздействия внешних факто- ров, основным из которых является заимствование.

Несмотря на то, что греческий язык, являясь едва ли не главным источником лексических и терминологических заимствований для других языков (здесь основным его конкурентом является латынь), тем не менее, сам вобрал в себя огромное количество слов из других языков в процессе своего развития.

Основной причиной заимствования иноязычной лексики, как в греческом, так и в других языках признается отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора. Другие причины: необходимость выразить при помощи заим- ствованного слова многозначные греческие понятия, пополнить выразительные сред- ства языка и т. д.

Процесс освоения иноязычной лексики в греческом языке – это очень слож- ное взаимодействие фонетических, грамматических, семантических систем. В свя- зи с тем, что фонетические, грамматические и другие явления в системах разных языков не совпадают, при переходе в греческий язык иноязычные слова подверга- ются обработке, приспособляясь к его нормам и законам: заимствованные слова подвергаются графическому, фонетическому, морфологическому и семантическому освоению.

Разумеется, неумеренное и неуместное употребление иноязычных слов недопустимо, но запретами здесь ничего сделать нельзя. Нужна планомерная и кропотливая научно-просветительная работа, конечная цель которой – воспита- ние хорошего языкового вкуса. А хороший вкус – главное условие правильного и уместного использования языковых средств, как чужих, заимствованных, так и своих, исконных.

Список литературы

1. Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы / В. В. Одинцов. –М.: Просвеще- ние, 1988. – 171 с.
2. Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский – М.: Аспект-пресс, 2001. – 536 с.
3. «Greeklish» - головная боль греческих филологов [Электронный ресурс]. 2009. – Режим доступа: <http://www.greecetoday.ru/home/news/427/> (дата обращения: 31.03.2016)
4. Mackridge P. Η νεοελληνική γλώσσα / P. Mackridge. Μετάφραση Κ. Ν. Πετρόπουλος. – Αθήνα: Εκδόσεις Πατάκη, 2000. – 532 σ.
5. Μείζον ελληνικό λεξικό. Ορθογραφικό, Ερμηνευτικό, Ετυμολογικό, Συνωνύμων, Αντιθέτων, Αρκτικολέξων, Κυρίων ονομάτων. Δεύτερη έκδοση. Τεγόπουλος - Φυτράκης, Διεύθυνση σύνταξης Μαντάλα Μ. – Αθήνα: Εκδόσεις ΑΡΜΟΝΙΑ Α.Ε., 1999. – 1494 σ.
6. Παπαδημητρίου Ν. Παρελθόν το αργό ΔΙΚΑΤΣΑ, έρχεται ο γρήγορος ΟΑΤΑΠ / Ν. Παπαδημητρίου // ΑΠΟΓΕΥΜΑΤΙΝΗ – Αθήνα: Απογευματινή, 12.11.2004. – № 102. σ. 12
7. Τριανταφυλλίδης Μ. Νεοελληνική γραμματική. – Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών (Ιδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη) του Α.Π.Θ. Θεσσαλονίκη, 1993. – 455 σ.

THE FUNCTIONING OF BORROWINGS AND NEOLOGISMS IN MODERN GREEK

Lazaridi S. A.

*The Institute of Foreign Philology, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: sokratis-60@mail.ru*

The lexical stock of any language gradually changes and enriches due to new words denoting new things, phenomena, processes, while some other words fall out of use. The article considers the issues of appearing and functioning of the borrowed and newly coined words in Modern Greek, as well as the problems of their excessive use.

Modern Greek vocabulary can be considered as integrity of a number of eras, formed gradually under the influence of various historical factors, as due to various intra-language means (the invention of new words, onomatopoeia, word formation), and with the help of external factors, the main of which is borrowing.

Despite the fact that the Greek language, being almost the main source of lexical and terminological borrowing for other languages (Its main competitor is Latin here), nevertheless, he has absorbed a huge number of words from other languages in its development process.

The wordstock of the Modern Greek language has come a long way of its creation. The borrowings from other languages have been completing and enriching the Greek language throughout the whole process of its historical development. Some borrowings came in the ancient times, others - comparatively not long ago.

The largest number of the words were borrowed by the Greek language due to the necessity to denote new notions appearing in the process of social development, development of science, technology, as the result of increasing cross-cultural communication. However, a great number of words came to the Greek language as synonyms to already existing words of the ancient Greek origin. Some of the borrowed words have firmly rooted into the Greek language, assimilated and have no equivalents being the only nominations of the corresponding realia, ; some other words are still felt as alien elements.

New words – neologisms – can be created intentionally by the authors in various stylistic purposes, for greater expressiveness. Very often these individual-authorial neologisms are found in the belles-lettres style, but they may happen in a journalistic style, primarily as a means of irony. Usually these neologisms remain only within the limits of this work, as an individual peculiarity of the style of the author. However, in some cases they may enter and in General the vocabulary of the literary language.

Intensive penetration of foreign words into the Greek language results in complications in the language situation, fierce arguments and discussions among linguists as well as representatives of the Greek community who claimed the necessity to purify the Greek language from foreign words and to protect it from the constant intervention of foreign borrowings.

Expansion of the Internet services and mobile communications in the last decades of the XX and the beginning of the XXI century brought the latinization of the Greek writing. This phenomenon is known as Greeklish (from “Greek+English”), it is widespread not only in Greece and Cyprus, but throughout the whole Greek Diaspora. The Greek philologists are alarmed by the youth’s widespread fascination for modern communication means that leads to bad illiteracy.

They often mention the foreign language flood endangering the Greek language, the dominance of foreign culture under pressure of which the language can perish. The others consider that there is no point in panicing as to the intensification of the process of borrowing, that the language is able of self purifying, getting rid of the functionally redundant, unnecessary.

It goes without saying that excessive and irrelevant use of the foreign words should not be allowed, and no prohibitions can help the matter. Carefully planned and detailed research and dissemination are needed, the desired result is forming of a good language taste. A good taste is the main condition of correct and relevant use of the language means, foreign, borrowed as well as original ones.

Keywords: borrowings, exotisms, neologisms, xenomania, the Modern Greek language, Greeklish.

УДК 811.112.2:81'367.52

ВАРИАТИВНОСТЬ ПОРЯДКА СЛОВ В ПРИДАТОЧНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ ПРИЧИНЫ С СОЮЗОМ *WEIL*

Лихачёв Э. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: eduard_evp@rambler.ru*

Работа посвящена анализу синтаксических особенностей придаточных предложений причины с союзом *weil*. Особый акцент делается на исследовании предложений с прямым порядком слов, их семантики и синтаксиса. В результате исследования данная конструкция перестает рассматриваться как отклонение от нормы и утверждается как нормативная.

Ключевые слова: вариативность, порядок слов, придаточное предложение причины, прямой порядок слов, обратный порядок слов.

ВВЕДЕНИЕ

В статье исследуется вариативность порядка слов в придаточных предложениях причины с союзом *weil* в немецком языке. Недостаточная изученность феномена обусловила его негативную оценку в первых исследованиях. Дальнейшие работы в конце XX в. – начале XXI в. доказывали обоснованность такого языкового развития и предлагали его собственную трактовку.

Целью данной работы является исследование вариативности порядка слов в придаточных предложениях причины с союзом *weil*. Поставленная цель обусловила ряд **задач:** определить с помощью частотного анализа частоту придаточных предложений с *da*, *denn*, *weil* и предложений с глаголом на втором и последнем месте, исследовать семантические и синтаксические особенности придаточных предложений причины с прямым порядком слов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Вариативность порядка слов в придаточном предложении с *weil* в современном немецком языке предполагает наличие двух возможных позиций для спрягаемой части сказуемого:

Du bist müde, weil du wenig geschlafen hast. («Ты уставший, потому что мало спал»). *Ich bin müde, weil ich habe wenig geschlafen* («Ты уставший, (я так считаю), потому что ты мало спал).

Публикации, посвященные данному явлению, исследуют отношение новой конструкции к норме, отличия от стандартного размещения глагола в конце предложения, возможные источники такого изменения. С. Уманн пишет, что впервые такой порядок слов упоминается у Баумгартнера как характерная диалектная особенность [5].

У. Гауманн указывает на то, что такой порядок слов характерен устной речи и используется в художественной литературе как стилистическое средство (Б. Брехт,

Ф. Х. Крётц, У. Джонсон) для придания речи персонажей разговорных, диалектных или комических особенностей [2].

Частота такого порядка слов в устной речи делает эту тенденцию заметной для носителей языка. Первоначально она оценивалась как нарушение нормы, что привело к созданию гамбургского акционерного общества «Спасите придаточное предложение» для поддержания языковой нормы и борьбы с «неправильным» порядком слов. Негативные интерпретации феномена как отклонения от нормы можно разделить на три группы:

- диалектные варианты

По У. Гауманн, придаточные предложения с глаголом на втором месте исследуются в работах немецких лингвистов на протяжении XX в. на материале различных форм немецкого языка, что свидетельствует о его универсальном характере [6].

- интерференционные явления

Причиной изменения порядка слов в придаточном предложении может быть интерференция. Источниками интерференции называют языки, в которых не дифференцируется размещение глагола в придаточном предложении на втором и на последнем месте (сорбский, идиш, английский). Поскольку вариативность порядка слов в придаточном предложении засвидетельствована в средневерхненемецком и была типична для всех областей (в том числе и без интенсивных языковых контактов), она является характерным признаком немецкого языка и не была заимствована.

- спонтанная устная речь

Э. Ризель определяла такой порядок слов как «отклонение от нормы». Х. Бринкманн называет его «синтаксическим вариантом для образования придаточных предложений». По У. Гауманн, растущая спонтанность устной речи объясняется ослаблением внимания говорящего к форме высказывания [2].

С. Уманн указывает на различия в синтаксисе и семантике в придаточных предложениях с *weil* с прямым и обратным порядком слов [5]:

Придаточные предложение причины с обратным порядком слов могут располагаться перед, после и внутри главного предложения

Du kannst mich nicht verstehen, weil du mit mir meine Probleme nicht besprochen hast. Weil du mit mir meine Probleme nicht besprochen hast, kannst du mich nicht verstehen. Du kannst mich, weil du mit mir meine Probleme nicht besprochen hast, nicht verstehen. («Ты меня не можешь понять, потому что ты со мной не обсуждал мои проблемы. Поскольку ты не обсуждал со мной мои проблемы, ты не можешь меня понять. Ты не можешь, так как не обсуждал со мной мои проблемы, понять меня»).

Придаточные предложение причины с прямым порядком слов располагаются только после главного предложения:

Du kannst mich nicht verstehen, weil du hast mit mir meine Probleme nicht besprochen («Ты не можешь меня понять; я утверждаю это, потому что ты не обсуждал со мной мои проблемы»).

Исследователи по-разному объясняют данное ограничение. У. Гауманн пишет, что «следствием перестановки спрягаемой части глагола являются разрывы, которые создают трудности для понимания» [2]. По Х. Вегенер, придаточные предложения с прямым порядком слов подчиняются иконически обоснованному правилу постпозиции [7]. С. Уманн различает два союза *weil*: первый вводит придаточное предло-

жение с обратным порядком слов, «которое обладает синтаксическими свойствами придаточного предложения и в том числе может стоять перед, после и внутри другого предложения», а другой вводит предложение с прямым порядком слов, для которого существуют такие же ограничения, как для предложений с союзом *denn* [5].

Кроме того, в отличие от обычного придаточного предложения предложение с прямым порядком слов невозможно заменить адвербиальным предложением или ввести наречием *deshalb*.

Ich bin (deshalb) so müde, weil ich gestern nicht geschlafen habe («Я поэтому такой уставший, потому что не спал вчера»). *Wegen schlafloser Nacht bin ich so müde* («Из-за бессонной ночи я такой уставший»)

Придаточное предложение причины с обратным порядком слов указывает на причину событий, описанных в главном предложении и отвечает на вопрос «Почему?». Говорящий называет некоторый факт и его причину:

Die Heizungsrohre sind geplatzt, weil es Frost gegeben hat. («Трубы отопления лопнули, потому что был мороз»). Трубы отопления лопнули, причиной этому является мороз. *Die Straßen sind nass, weil es geregnet hat.* («Улицы мокрые, потому что шел дождь»). Улицы мокрые, причиной этому является дождь.

Придаточное предложение причины с прямым порядком слов ссылается не на факты, а на иллокутивный акт и отвечает на вопрос «Откуда это известно?». Говорящий обосновывает свое высказывание. С помощью такой конструкции обосновывается не факт, а сам акт говорения:

Es hat Frost gegeben, weil die Heizungsrohre sind geplatzt. («Был мороз; я так думаю, потому что лопнули трубы»). Говорящий предполагает, что был мороз, на что указывают лопнувшие трубы.

Es hat geregnet, weil die Straßen sind nass. («Шел дождь; я так говорю, поскольку улицы мокрые»). Говорящий предполагает, что был дождь, на что указывают мокрые улицы.

Согласно гипотезе С. Уманн, придаточное предложение причины с обратным порядком слов интегрировано в иллокутивный акт главного предложения, в то время как иллокутивный акт придаточного предложения причины с прямым порядком слов независим от иллокутивного акта главного предложения. Следствием этого являются отличия в вопросах и отрицаниях.

Дальнейшее исследование проблемы включает в себя следующие вопросы: отношение придаточных предложений причины с *weil* и предложений с *denn*, развитие придаточных и главных предложений причины.

ВЫВОДЫ

Для немецкого языка характерно три типа порядка слов в предложении (спрягаемая часть сказуемого на первом, втором и последнем месте). Сказуемое на последнем месте – это признак придаточного предложения, которое вводится союзом придаточного предложения; второе место оно занимает в повествовательном сложносочиненном предложении. В сложносочиненных предложениях причина может указываться после союза *denn*, в сложноподчиненных после союзов *da/weil*. В устной речи чаще всего используется предложения с союзом *weil*. Во второй половине XX в. немецкие

лингвисты исследовали предложения с *weil* с прямым порядком слов, определяя их как отклонение нормы и объясняя это диалектными, интерференционными и ситуативными причинами.

Эмпирические исследования на материале корпуса немецкого языка установили синтаксические и прагматические отличия между предложениями с *weil* с прямым и обратным порядком слов. Предложения с *weil* с обратным порядком слов содержат причину изложенных в главном предложении фактов и могут занимать позицию перед, после или внутри главного предложения. Предложения с прямым порядком слов стоят только после главного предложения и обосновывают сам иллокутивный акт. Под влиянием устной речи грамматическая норма немецкого языка восприняла данную конструкцию и различает фактический и эпистемический *weil*.

Список литературы

1. Петренко А. Д. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, Д. М. Храбскова, Э. Ш. Исаев. – Симферополь, 2011. – 274 с.
2. Gaumann U. Weil die machen jetzt bald zu. Angabe und Junktivsatz in der deutschen Gegenwartssprache / U. Gaumann. – Göppingen: Kümmerle Verlag. – 1983.
3. Günthner S. Weil – man kann es ja wissenschaftlich untersuchen – Diskurspragmatische Aspekte der Wortstellung in weil-Sätzen / S. Günther // Linguistische Berichte 143. Westdeutscher Verlag, 1993. – S.37-59.
4. Küper C. Geht die Nebensatzstellung im Deutschen verloren? Zur pragmatischen Funktion der Wortstellung in Haupt- und Nebensätzen / C. Küper // Deutsche Sprache, 19. 1991. – S. 133-158.
5. Uhmann S. Nur ein Sturm im Lexikonglas. Zur aktuellen Verbstellungsvariation in weil-Sätzen / S. Uhmann // Wuppertaler Arbeitspapiere zur Sprachwissenschaft, №13. – Wuppertal: Bergische Universität-Gesamthochschule Wuppertal, 1996.
6. Uhmann S. Verbstellungsvariation in weil-Sätzen. Lexikalische Differentiation mit grammatischen Folgen / S. Uhmann // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. – Vandenhoeck und Ruprecht, 1998. – S. 92-139.
7. Wegener H. Weil – das hat schon seinen Grund. Zur Verbstellung in Kausalsätzen mit weil im gegenwärtigen Deutsch / H. Wegener // Deutsche Sprache, №21. – Mannheim, 1993.
8. Wegener H. Da, denn, und weil – Kampf der Konjunktionen. Zur Grammatikalisierung im kausalen Bereich / H. Wegener // Deutsche Grammatik in Theorie und Praxis. – Tübingen: Nimeyer, 2000. – S. 69-81.

THE VARIABILITY OF THE WORD ORDER IN THE CAUSAL CLAUSE WITH THE CONJUNCTION WEIL

Likhachov E. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: eduard_ evp@rambler.ru*

The lack of studies on this issue resulted in its negative evaluation in the first works. The further studies at the end of the XX ct. and in the beginning of the XXI ct. proved the validity of such development and offered their own explanation for it. There are three word order models in German – with the finite verb on the first (VE), second (VZ) and last position (VL). The causal clause may be introduced with the conjunctions *weil/da* (VL) and *denn* (VZ), while *da* and *denn* being used mostly in the written language. In the Middle High German there was a conjunction *wande* which introduced clauses both with the finite verb on the second and the last position.

The issue of the *weil*-clauses with VZ has been being studied since the second half of the XX ct. At first, it was considered as deficient and non-standard. The different language variants of German, language interfer-

ence and the spontaneity of the spoken language were mentioned as possible reasons for that. The empirical studies of S. Günther, H. Wegener, U. Gaumann, S. Uhmann based on the spoken corpora found out the syntactical and pragmatic differences between both constructions. Weil-VL-clauses are introduced with factual weil, may contain the reason for the facts described in the main clause and go before, after or inside the main clause. Weil-VZ-clauses are introduced with the epistemic weil and they always are in the postposition and provide reasons of the speech act. As a result, these constructions are not always mutually interchangeable.

Because of the verb order variability in the spoken language the grammatical norm of the German is changing. In the early 90s there were the VZ word order was described by the grammarians as “not correct” and since the mid-nineties there were the first attempts to explain this phenomenon. The modern grammar guidebook describes such word order as the feature of the spoken language and distinguishes between factual and epistemic weil.

The treatment of this problem includes the issue of the status of epistemic weil and causal weil-VZ-clauses, the relation between weil and denn-VZ, the further development of the causal main and subordinate clauses. According to S. Günther, weil-VZ-clause is postposition. It is being discussed, whether weil-VZ is a substitution for denn. Due to the absence of denn a main clause, because it has such features of a paratactic clause linkage as not incorporated adverbial clause, the independent speech acts, the clause equivalence, the separated intonation contours of both clauses, obligatory in Austrian, Swiss and South German variants and its rare appearance in the spoken language it can be said that denn and weil-VZ-clause are stylistic variants. This question may be answered with the help of the empirical research of the communicative functions of these conjunctions.

H. Wegener mentions following possibilities of development of the system of the causal conjunctions:

1. Weil will enter the spoken language, there are already evidences in the monologue texts for it.

2. Weil will be substituted with a conjunction with a concrete meaning, probably again from temporal area. The liable candidate is nachdem.

3. There will appear one or more conjunctions next to weil to distinguish different meaning or functions.

The reason for such development of the grammatical norm is the language variety. It is always present in the speech of the language speakers; therefore, the norm changes are characteristic for all languages. Such changes may not be discriminated or be described as “non-correct”, if it originates from language use.

Keywords: variability, word order, subordinate causal clause, verb-second word order, verb-last word order.

УДК 81'42

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Логвина С. А., Сахно Е. М.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: yekaterina-s@yandex.ru*

Работа посвящена анализу прагмалингвистических особенностей в области психотерапевтического консультирования в Великобритании и России. Выявленные особенности коммуникативных стратегий отражают специфику речевой деятельности участников коммуникации исследуемой области и подтверждают положение о том, что западные методики неприменимы к русской народности.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, психотерапевтическое консультирование, коммуникативная стратегия, психоанализ, гипноз, медицинский дискурс.

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа представляет собой исследование коммуникативных стратегий в психотерапии. Актуальность данной работы определяется наличием широкого спектра коммуникативных стратегий и тактик, дифференцирующихся за счет языкового наполнения коммуникативных ходов, сформированного под влиянием социокультурных особенностей и конфигурации индивида. Манифестация коммуникативных стратегий в рамках лингвокультурного аспекта способствует образованию пространной аналитической базы ситуативных моделей дискурса, которая находит практическое отражение в прагмалингвистических исследованиях последних десятилетий.

Целью работы является анализ прагмалингвистических особенностей речевого поведения жителей двух стран с разным менталитетом (на примере психотерапевтического консультирования). Для достижения поставленной цели были выделены коммуникативные стратегии и тактики, используемые носителями в процессе коммуникации при решении психотерапевтических проблем.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Проблематика коммуникативных стратегий и тактик

Терминологическая база исследований коммуникативных стратегий и тактик имеет достаточно широкую вариативность, поскольку этими терминами пользуются как в лингвистике, так и в лингводидактике, и в социолингвистике. К. Робертс [9], рассматривая проблему коммуникативных стратегий как лингводидактическую, основным ее аспектом считает наличие коммуникативной компетенции, утверждая, что именно она корректирует разговор и влияет на его ход. Подобного мнения придерживается и исследователь Р. Тарон [10], выделяя такие признаки коммуникативной стратегии как: стремление говорящего сообщить информацию; пресуппозиции говорящего о наличии или отсутствии у слушателя необходимых для восприятия этой информации лингвистических или социолингвистических структур; выбор говорящим

одного из двух возможных вариантов речевого поведения: либо отказаться от попытки передать информацию слушателю, или попробовать передать эту информацию другим способом.

Своеобразный подход к истолкованию стратегий и тактик как неотъемлемых элементов дискурсивной деятельности наблюдаем в работах Т. А. Ван Дейка [1], в которых представлены эти понятия в контексте анализа ситуативных моделей дискурса, выделяя такие параметры, как индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции коммуникантов.

Анализируя коммуникативную стратегию в контексте проблемы языковой личности, М. Л. Макаров определяет это понятие как «цепочку решений говорящего, выбор им коммуникативных действий и языковых средств» или «реализацию набора целей в структуре общения» [6, с. 138].

О. Я. Гойхман соотносит стратегии с прагматикой общения, то есть достижением определенных коммуникативных целей, а тактики – с языковым наполнением коммуникативных ходов [3, с. 207]. Подобного мнения придерживается также Е. В. Клюев, рассматривая коммуникативные стратегии как совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта тактических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели, а коммуникативную тактику – как совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия. Коммуникативную тактику, в отличие от коммуникативной стратегии, ученый соотносит не с коммуникативной целью, а с набором коммуникативных намерений [5, с. 11].

В когнитивном аспекте рассматривает понятие «стратегия» А. С. Иссерс, истолковывая его как комплекс речевых действий, направленных на достижение определенной цели. Отмечается, что стратегия, как разновидность человеческой деятельности, имеет глубинную связь с ее мотивами и явную видимую связь с потребностями и желаниями [4, с. 57]. К наиболее существенным мотивам, управляющим человеческим поведением, исследователь относит желание быть эффективным (то есть уметь реализовать интенцию) и необходимость приспособиться к ситуации. Одной из важных задач научной методологии становится изучение и моделирование механизмов познавательной деятельности человека, интегрированных в повседневный опыт личности [2, с. 629].

Учитывая теоретический аспект проблемы становится очевидным, что согласованный диалогический дискурс строится с учетом реализации комплекса коммуникативных стратегий, которые, во-первых, непосредственно связаны с речевым поведением каждого из участников диалогической интеракции и вне его не рассматриваются собеседниками, а во-вторых, маркируются определенным образом с помощью соответствующих лингвистических показателей, которые способны отображать иерархическую организацию диалогического дискурса, представленного в виде речевых тактик (ходов, шагов, реплик, высказываний). Н. Б. Руженцева, делая акцент на коммуникативном успехе коммуникации, следующим образом определяет исследуемые понятия: «Коммуникативная стратегия – это основной путь, который должен привести к победе», а коммуникативная тактика – «конкретные приемы реализации стратегического замысла» [1, с. 27]. Стратегия общения ориентирует на развитие коммуникативных тактик, соблюдения тональности общения. Поэтому есть основания считать стратегию в профессиональном общении как своеобразный коммуникативный план,

предусматривающий соответствующую профессиональную компетентность. При этом следует учитывать, как способ коррекции речевого взаимодействия при передаче информации, так и структуру, и механизмы воздействия на партнера с целью решения профессионально-практических задач.

В этом смысле достаточно интересной выглядит проблема формирования коммуникативных стратегий и тактик в плоскости институционального дискурса, обусловленных направлением того социального института в сфере которого этот дискурс функционирует.

Ярким примером такой обусловленности может быть функционирование коммуникативных стратегий и тактик в структуре институционального медицинского дискурса, назначением которого является оказание квалифицированной помощи больному человеку.

2. Особенности медицинского дискурса

Медицинский дискурс объективно отличается в системе институционального дискурса с учетом социально-ролевых признаков, коммуникативных и структурно-семантических особенностей. Мы считаем, что определяющим фактором применения врачом соответствующих стратегий и тактик есть этапы его коммуникативного взаимодействия с пациентом.

Особое семантическое пространство медицинского дискурса возникло благодаря специфике структурной организации института медицины и требует определенной дискурсивной стратегии, которая позволит максимально оптимизировать процесс передачи информации.

В современных исследованиях стратегий различных дискурсов определилось два основных направления: описание, составление их универсальных типологий и анализ стратегий определенных типов дискурса. Особый интерес для нас представляет второе направление, в рамках которого стратегии медицинского дискурса рассматриваем, исходя из определения стратегии как «совокупности запланированных ... заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [7, с. 16].

Некоторые исследователи делят стратегии на когнитивные и коммуникативные. При условии такого деления считается, что когнитивные стратегии адресанта направлены на акцентирование его видения мира, особенности осмысления им предшествующего знания, раскрытие причин интеграции этих знаний в разрабатываемую научную концепцию. Коммуникативные стратегии актуализируются в момент текстового воплощения когнитивных стратегий и связаны со стремлением максимальной их реализации.

Медицинский дискурс (собственно научный, научно-популярный, научно-деловой) может реализовываться как в письменном (диссертация, монография, статья и т. д.), так и в устном тексте (доклад на конференции, профессиональный диалог и др.). Стратегии применительно к каждому из названных дискурсов будут различаться.

Если говорить о стратегиях дискурса, продуктом которого становится устный текст, то близким становится определение дискурсивной стратегии как «выбор определенной линии речевого поведения в конкретной ситуации в интересах достижения

целей коммуникации» [5, с. 4]. Стратегии такого типа медицинского дискурса определяются целью профессиональной коммуникации – оказать квалифицированную медицинскую помощь – и редко существуют «в чистом виде». Взаимопроникновение и слияние их является характерной особенностью медицинского дискурса.

В данной работе обратимся к анализу стратегической коммуникации такого направления как психотерапевтическое консультирование. Напряженный образ жизни, большая ответственность, чрезмерные эмоциональные нагрузки, длительный стресс приводят к психоэмоциональным дезадаптациям, депрессиям, ощущению постоянного утомления, невозможности расслабиться. Подобные состояния мешают работе, создают трудности в семейной жизни, а порой приводят к злоупотреблению алкоголем. Известно, что чем раньше будет оказана необходимая психотерапевтическая поддержка, тем меньше вероятность развития патологических реакций на стресс.

Для оказания помощи в стрессовых и кризисных ситуациях наиболее эффективным является подход, сочетающий в себе как специальные психотерапевтические методики, так и комплементарную медицину. Важен индивидуальный подход и индивидуально разработанные программы психоэмоциональной поддержки в зависимости от потребностей пациента. Существует множество методик по работе с пациентами, каждая из них имеет свои особенности свою степень эффективности, зависящей от конкретного случая. В разных странах преимущественно используются разные методики, однако мы подробнее рассмотрим те приёмы, которые наиболее активно применяются в западных странах.

3. Классификация стратегий психотерапевтического консультирования

К наиболее известным и распространенным стратегиям психотерапевтического консультирования относятся: НЛП, Психоанализ, Гештальтпсихология, Расстановки по Хеллингеру, Гипноз, Арт-терапия, Телесно-ориентированная терапия, Коучинг.

Нейролингвистическое программирование является одним из направлений в практической психологии и психотерапии, основанным на специальных техниках моделирования вербального и невербального поведения человека. В основе НЛП – сенсорное действие терапевта на клиента с целью создания у последнего новых, более рациональных программ поведения и действий, которые закрепляются на нейронном уровне и являются основой нового опыта индивида. Это своеобразная теория слова, которая способствует успешной деятельности человека при определенном наборе особых связей между памятью, движением глаз и формами речи.

Психоанализ представляет собой психотерапевтический метод, разработанный З. Фрейдом. Основопологающим понятием его является представление о бессознательных психических процессах и используемых для их анализа психотерапевтических методах. Психоанализ включает теории общего психического развития, психологического происхождения неврозов и психоаналитической терапии, будучи законченной и целостной системой.

Системно-семейные расстановки являются феноменологическим методом системной семейной терапии, основные важные открытия в котором были сделаны немецким философом, психотерапевтом и богословом Бертом Хеллингером. Сам метод предназначен для коррекции системных семейных травм, называемых системными динамиками, и устранения их последствий.

Одним из наиболее распространенных методов психотерапии является гипноз как временное состояние сознания, которое характеризуется сужением его объема и резкой фокусировкой на содержании внушения, что связано с изменением функции индивидуального контроля и самосознания. То есть гипноз – комплекс методик целенаправленного словесно-звукового воздействия на психику человека через заторможенное определенным способом сознание, приводящее к бессознательному выполнению различных команд и реакций, находясь при этом в искусственно вызванном состоянии заторможенности организма – дремоты или псевдосна.

Арт-терапия представляет собой особый вид психологической коррекции и психотерапии, который основывается на творчестве и искусстве. В более узком понимании арт-терапию можно назвать лечением посредством изобразительного творчества, целью которого является воздействие на психоэмоциональное состояние человека.

Телесно-ориентированная психотерапия является терапевтической практикой, которая позволяет работать с неврозами и проблемами людей посредством телесного контакта. Основателем этого направления считается ученик Зигмунда Фрейда американский и австрийский психолог Вильгельм Райх, отошедший в своё время от психоанализа и акцентировавший внимание на теле. В основе этой терапии лежит понятие «мышечного (характерологического) панциря», согласно которому мышечные зажимы формируются как защита от беспокойств, возникающих у детей на основе сексуальных желаний и сопровождающихся страхом быть наказанными.

Коучинг – это сравнительно недавно появившийся метод тренинга и консалтинга, отличающийся от традиционных тем, что в нём отсутствуют жёсткие рекомендации и советы, но присутствует совместный с клиентом поиск решения проблем. Основная идея коучинга состоит в том, чтобы переместить человека из области проблемы в область её эффективного решения, позволить ему увидеть новые способы и пути максимального раскрытия своего потенциала, а также помочь наладить дела в различных сферах своей жизнедеятельности.

4. Психологическое консультирование в Великобритании

Благодаря историческому развитию Британии, активной либерализации во второй половине XX века, у жителей сформировался особенный менталитет, который позволяет применить приемы психотерапевтического консультирования на максимуме. Из-за тенденций к глобализму в Британии все чаще стали появляться элементы критики консерватизма и просачиваться данные, не совместимые с былыми представлениями англичан об этике. Британцы стали более открыты к общению и, будучи практичными людьми, не утаивают подробностей от врачей. Потому, каждая методика достигает эффекта. Однако несмотря на это, нельзя сказать, что англичане открыты для равных себе людей. Типичная ситуация, про которую было создано немало анекдотов: при вопросе человеку с Запада про его дела, вы услышите ответ «я в порядке», в тоже время как при аналогичном вопросе человеку с русским менталитетом вы услышите долгую историю про его проведенную неделю. Четкое разграничение обязанностей и социальная иерархия в Британии, порождают убежденность, согласно которой человек без специального образования не может быть достаточно компетент-

ным в «душевных» вопросах. По этой причине, британцы доверяют психоаналитикам и нуждаются в психотерапевтических консультированиях.

5. Психологическое консультирование в России

Разница между тем, чему психологи обучают друг друга и тем, что психолог делает с человеком – огромная. А также это обусловлено особенностями культуры, в том числе нашей с вами культуры. «Нормальные люди» не ходят к психологу – это аксиома. Аксиома для нашей культуры. Это является следствием того, что в нашей культуре сострадание плотно вовлечено в повседневную жизнь, в общение. Мы не ходим к психологу, потому что мы не нуждаемся в сострадании. У нас есть друзья, подруги, определенный круг близких людей и, по сути, получить поддержку или помощь мы можем в любое время суток, будь то разговор или просто дружеское участие. А вот к психологу в нашей культуре люди ходят только тогда, когда они требуют лечения, профессиональной помощи. Точно так же как с зубной болью мы обращаемся к стоматологам, а при переломах – к травматологам и хирургам. К сожалению, не все специалисты чувствуют эту разницу настолько, насколько это необходимо и зачастую пытаются копировать западные образцы и примеры различных техник. Ведь это культура, где сопереживание и сострадание – поле деятельности психологов. Многие психологи и психиатры говорят о том, что представители западных стран, западной культуры когнитивно проще устроены. Русские люди в близком, «контактном» и очень конкретном общении куда более закрыты и насторожены. Почему же трудно работать с русскими?

Разница в начале общения психотерапевта и пациента заключается в степени «погруженности» и восприимчивости к личности. Также, ввиду различий менталитета, пациенты в странах Западной Европы и Северной Америки, приходя на прием, не «зажимаются», при изъяснении своей проблематики, а просто говорят о ней или о своем к ней отношении, в то время как человеку нашего с вами типа мышления свойственно отвечать на вопросы и соглашаться или опровергать, в частности, на начальных этапах терапии.

Рассматривая коннотативную семантику номинативной группы «свободен, лишен» или английский вариант «free», видим семное несоответствие. Например: на приеме у британского психотерапевта фраза: «Здесь нет видеокамер. Чувствуйте себя хорошо. Вы свободны», «Будьте максимально откровенны, я хочу помочь Вам». В английском языке слово «free» способствует позитивному течению коммуникации, так как выражает свободу действия и возможностей. И наоборот, русскоязычный человек не связывает значение слова «свободен» с наличием дополнительных возможностей и перспектив, и если на приеме он услышит выражение «Вы свободны», то прагматический эффект будет обратным предыдущему, а именно: если говорят «свободен» – значит, не нужен.

ВЫВОДЫ

Таким образом, проанализировав стратегии и тактики психотерапевтического консультирования в странах с различным менталитетом, ясно видны различия в культуре русского и британских народов, которые способствуют формированию лингво-семиотической дифференциации функционирования коммуникативных стратегий и

тактик в структуре психотерапевтического дискурса. Языковое наполнение коммуникативной базы при психотерапевтическом консультировании непосредственно отражает социально-этические нормы устройства общества, что влияет на изложение и перцепцию специализированной информации и демонстрирует неоднозначный прагматический эффект, обусловленный менталитетом и конфигурацией индивида. В связи с этим, анализ психотерапевтических ситуативных моделей дискурса представляет интерес для исследования с точки зрения создания успешной коммуникации, которая является целью психотерапевтического консультирования. Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что западные методики неприменимы к русской народности.

Список литературы

1. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк / [пер. с англ.]. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Грицанов, А. А. Методология // Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. – Минск, 2003. – С. 628–629.
3. Гойхман О. Я. Речевая коммуникация: учебник / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. – М.: ИНФРА, 2001. – 272 с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 285 с.
5. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для ун-тов и ин-тов / Е. В. Клюев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
6. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров. – Тверь: Изд-во Тверск. ун-та, 1998. – 200 с.
7. Формановская Н. И. Вы сказали: «Здравствуйте!»: Речевой этикет в нашем общении / Н. И. Формановская. – [2-е изд.]. – М.: Рус. яз., 1987. – 158 с.
8. Чхетиани Т. Д. Лингвистические аспекты фатической метакоммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Д. Чхетиани. – К., 1987. – 22 с.
9. Roberts C. A. The Art of Circumlocution: Teaching strategic competence / C. A. Roberts // Forum. – 1990. – Vol. 28, No. 4. – P. 338–359.
10. Tarone R. Communication Strategies in East–West Interactions / R. Tarone, G. Yule // Discourse Across Cultures: Strategies in World Englishes. – N. Y. London, 1987. – P. 187–205.

PRAGMALINGUISTIC PRINCIPLES OF PSYCHOTHERAPEUTIC COUNSELLING

Logvina S. A., Sakhno Ye. M.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: yekaterina-s@yandex.ru*

This paper presents a study of communicative strategies in psychotherapy. The relevance of this work is determined by the fact that psychotherapy is an important science and practice of complex therapeutic techniques having an effect on emotions, judgment and self-consciousness of patients with the purpose of psychological correction of the psyche of people with mental disorders and psychological care for mentally healthy people in solving their problems. Over the last decade the accelerated pace of life has led to an increase in the number of mental diseases and abnormalities in humans. In this regard, there has been increased interest in the therapy, including in terms of the theory of communication.

Analyzing communicative strategy in the context of the language personality, Makarov defines this concept as the “chain of speaker’s solutions, the choice of their communicative actions and language means” or “realization of the set of goals in the structure of communication”

So, considering the theoretical aspect of the problem it is evident that the agreed dialogic discourse can be built taking into account the implementation of complex communicative strategies, which, first, are directly related to the verbal behavior of each participant of dialogic interaction not considered interlocutors out of the dialogue, and second, are marked by the relevant linguistic indicators that display hierarchical organization of dialogic discourse which is presented in the form of verbal tactics (moves, steps, replicas, statements).

Medical discourse differs objectively in the system of institutional discourse based on social - role-playing features, communication and structural-semantic features. We believe that the usage of the appropriate strategies and tactics used by a doctor is correlated with the stages of their communicative interaction with the patient.

In our work, we pay attention to the analysis of strategic communication in the field of psychotherapeutic counseling. Stressful lifestyle, huge responsibility, excessive emotional stress, prolonged stress leads to psycho-emotional maladjustment and depression.

To assist in stress and crisis situations the most effective approach is the combination of both the specific psychotherapeutic techniques and complementary medicine. The most important is the individual approach and tailor-made program of psycho-emotional support, depending on the patient’s needs. There are many techniques for working with patients; each of them has own features and the degree of effectiveness, depending on the individual case. The most famous and common strategies for the psychotherapeutic counseling include: NLP, psychoanalysis, Gestalt, setup by Hellinger, hypnosis, art therapy, body-oriented therapy, coaching.

Having analyzed the psychotherapeutic counseling on the example of two countries with different mentality, we clearly see the differences between cultures of Russian and British peoples, that helps us to understand why the Western methods are not applicable in the Russia. Those methods of psychotherapy that are taught in higher education institutions, often untenable in practice, even in spite of the fact that they have high academic show affect and differ from others. This is probably due to the fact that the layer of Russian component in the science of psychotherapy is not represented, the American and German ones being dominating. It means that there are no basic components allowing to talk with the patient so that not only they understand a therapist, but also a therapist understands their suffering, and the cause of this suffering.

Nowadays, there arises indigenization (in search of the native), a tendency to look for the methods which would not involve peculiarities of different cultures but features congruous with one’s own culture. Such tendencies become obvious in India, Korea, China and Japan. This is peculiar and absolutely vital urge to understand what exactly can be found in psychotherapy and psychological support that could be “magic key” to the souls of our people. Of course, it can’t be something totally universal but still unique, characteristic of us and nobody else.

Keywords: communicative situation, psychotherapeutic counseling, communicative strategy, psychoanalysis, hypnosis, art therapy.

УДК 811.1.(2(477.75) «653»

ПРОЦЕССЫ ВЫТЕСНЕНИЯ И ЗАМЕЩЕНИЯ ИНДООЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ В КРЫМУ В XIII-XVIII ВВ.

Мазинов А. С.

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Крым, Российская Федерация

E-mail: ahtemmazinov@mail.ru

Формирование, взаимовлияние, замещение языков индоевропейской группы восточноевропейского региона – комплексная, многосторонняя проблема, связанная с контактами индоевропейских, тюркских и финно-угорских народов. Языковые процессы Крымского полуострова являются отражением общих процессов подобного типа в Восточной Европе. Вместе с тем в исследуемом регионе происходил ряд специфических процессов, связанных с особенностями доминирования западнокыпчакских языков и перераспределения систем влияния Византийской империи, Золотой орды и Генуэзской республики в корне изменивших языковую картину полуострова.

Ключевые слова: индоевропейские языки, тюркские языки, языковые контакты.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс первичного распространения доступных нам по реальным письменным источникам индоевропейских языков в Восточной Европе берёт начало в VI-V вв. до н. э. и продолжается в течение первого и второго тысячелетий н. э. В этот достаточно длительный (около двух с половиной тысяч лет) промежуток времени описываемые языки и их носители вступали в контакты с народами и языками других групп, прежде всего с тюркскими. При этом народы и этнические группы испытывали социальное, культурное, экономическое, конфессиональное влияние соседей и языки региона претерпевали процессы внутренней и внешней трансформации.

В наших работах были описаны контакты индоевропейского и тюркского суперэтнических образований, которые сформировали в Восточной Европе пограничную этноязыковую зону [5; 6]. С севера к этой зоне примыкают языки угро-финской группы, которые также сыграли определённую роль в формировании языковой картины региона. Процессы распространения тех или иных языковых групп по отдельности изучались учёными индоевропеистами, тюркологами, специалистами по угро-финским языкам [1; 3; 7]. Уделялось также внимание контактам отмеченных выше языков и языковых групп [2; 8]. **Цель** нашего исследования – описать основные языковые контакты, происходившие на территории Крымского полуострова (как части восточноевропейского региона), процессы и причины взаимовлияния, формирования, замещения языков индоевропейской группы. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: проанализировать процессы распространения индоевропейских и других языков в Восточной Европе, описать процессы их взаимовлияния и доминирования.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Общие процессы контактов и взаимовлияния языков в регионе

В ключевой для описываемых процессов период – великого переселения народов индоевропейские языки были распространены на юге и в центральной части Восточной Европы. Языки этой группы в описываемом регионе до V в. н. э. доминировали и были представлены наряду с греческим – готским, аланским, языками скифских племён Крымского полуострова. Чуть позже, с вытеснением гуннами готских и аланских племён с территории нынешних Украины и Польши, в процесс включаются славянские племена и племенные языки. Мы намеренно не уделяем внимания проблеме происхождения и принадлежности скифского и аланского языков и этносов, которая переосмысливается ныне некоторыми учёными-тюркологами, так как она не связана с основной проблемой нашей статьи.

С приходом конгломерата гуннских племён меняются многие характеристики распространения и функционирования индоевропейских языков. С V в. н. э. по XI век в болгаро-хазарский период тюркские языки начинают распространяться на Северном Кавказе, в Крыму и в степях юга нынешней Украины. Индоевропейские языки с доминирующих позиций переходят на параллельное существование, сосуществование с тюркскими языками, а, со временем, вытесняются или заменяются ими в Восточной Европе, в частности на Крымском полуострове. В дальнейшем доминирующее положение индоевропейских языков сохраняется в северной части Восточной Европы за счёт распространения в этом регионе славянских языков.

Распространение языков и отдельных языковых элементов – явление многостороннее, требующее изучения как ставшими уже традиционными методами ареальной лингвистики, так и относительно новыми методами этнологического и социолингвистического анализа. Наряду с сугубо языковыми процессами в зоне межязыкового и межэтнического соприкосновения существенную роль играют экстралингвистические, социальные факторы. Так древнегреческий, вначале выступающий как язык дисперсно распространяющихся городов-колоний, с V века становится государственным языком Византийской империи и языком распространения христианства (в частности, у южных и восточных славян).

Во второй (кыпчакский) период распространения тюркских языков (XI-XVIII вв.) также происходит перераспределение функций, сосуществующих в Восточной Европе языков. Греческий язык – язык Византийской империи постепенно утрачивает свои позиции. В примыкающем к описываемому региону районе Малой Азии греческий язык, конкурировавший ранее с другим индоевропейским языком – персидским, а также с языком семитской группы – арабским, с началом формирования Османского государства вытесняется тюркскими огузскими наречиями. С XI по XIII вв. на юге региона также доминируют западнокыпчакские языки (половецкий и др.). С XIII по XVIII вв. в Крыму, в районе Северного Кавказа, Поволжских степей распространяются восточнокыпчакские языки (ногайский и др.), определившие основную языковую составляющую Золотой орды.

Следует также обратить внимание на процессы взаимодействия и взаимовлияния собственно индоевропейских языков в Крыму. Зоны распространения описываемых языков сложились в разное время и ограничены южным берегом и горной частью полуострова. Первый из индоевропейских языков, закрепившийся и повлиявший на форми-

рование новых языков и диалектов в Крыму – древнегреческий. Позже в византийский период он выступает в качестве государственного языка, языка доминирующего эллинского большинства, как язык православия и в постримский период традиционно определяет на Южном берегу Крыма, а затем и в горной части полуострова, номинацию целых разделов реалий (бытовых, сельскохозяйственных, строительных). С закрепившимися в Горном Крыму готским и аланским языками греческий язык вступает в сложные отношения. Наиболее показательна история урумского языка, сформировавшегося на основе вышеуказанных языков. По мнению А. Н. Гаркавца урумский язык складывается в результате тюркизации языков народов, проживавших в горных районах Крыма (вероятно в болгаро-хазарский период – V-XI вв.), затем воздействию греческого языка, и, затем, ретюркизации [4]. Последние сведения о готском языке в Крыму исследователи находят в материалах, собранных в письме фламандского дипломата Авгиера Бусбека от 16 ноября 1562 года [9; 10]. В XIII веке с приходом генуэзцев и аннексии ими Южного берега Крыма горные районы полуострова оказываются отрезанными от Византии, и в XV-XVI веках происходит постепенная замена готского и аланского языков западнокыпчакскими говорами, сформировавшими средний диалект крымскотатарского языка. Именно противостояние «старого» византийского православного населения с католиками-генуэзцами, на наш взгляд, приводит к тому, что язык горной крымской народности, западнокыпчакский в большинстве горных районов, отличается от языка южнобережных крымских татар, у которых греческий язык был постепенно вытеснен огузскими диалектами турецкого языка. Генуэзская экспансия в некоторой степени являлась продолжением циклического чередования доминирования на юге Европы древнегреческого языка и различных этапов существования языка италийских племён (латинского языка, генуэзского, венецианского и др. наречий итальянского языка). Вытеснение греческого, готского, аланского языков западнокыпчакскими (половецко-кыпчакскими) говорами в горной части Крымского полуострова связано ещё и с основным направлением хозяйственных отношений этого района с доминирующими предгорным (татарским, половецко-кыпчакским) районом и южнобережным – с XV века – огузским, турецким регионом. Политическое управление, сбор налогов в большей части Горного Крыма, составлявшем с южнобережной частью санджак турецкого султана, осуществлялись представителями империи, тем не менее огузские говоры не получили существенного распространения в этом регионе. Огузированным говором крымскотатарского языка в центральной части Горного Крыма является говор сел Буюк-Озенбаш, Кучук-Озенбаш и, возможно, язык нескольких близлежащих сел. Также огузированные говоры существуют в крайних районах этого региона: в западной части Байдарской долины (огузо-кыпчакские говоры) и в восточной части, в горных сёлах Судакского района (Таракъташ, Ворун, Шелен и др.). Замену индоевропейских языков этого региона западнокыпчакскими говорами, вероятно следует объяснить тесными торгово-экономическими отношениями региона с предгорной зоной Крымского ханства, сложившееся ещё в период конфронтации с генуэзскими колониями с XIII по XV вв.

2. Проблема доминирования языков и факторы влияния

Важнейшим фактором распространения и влияния языков является тип хозяйственной деятельности того или иного народа. Виды ведения хозяйства, определяющие

основу жизнедеятельности племени (животноводство, земледелие и др.) во многом определяют тип лексики им используемой. Тематические группы слов непосредственно связаны с вышеуказанными факторами. Индоевропейские языки (в первую очередь дрене-, средне- и новогреческий) определили многие параметры сформировавшихся на Крымском полуострове языков и диалектов. Так, на Крымском полуострове земледельческая, строительная, бытовая, фитонимическая лексика в большинстве своём греческого происхождения: *чапа* 'мотыга, цапка', *синифтарлар* 'несущие балки крыши', *таван* 'потолок, чердак', *лахана* 'капуста' и др. Терминология скотоводства полностью основана на лексике тюркских языков: *ат* 'лошадь', *сыгыр* 'корова', *къой* 'овца, баран' и др. Также следует отметить наличие некоторого количества итализмов. Это названия некоторых инструментов, предметов быта: *пусла* 'компас', *къадран* 'циферблат', *маса* 'стол', наименования животных: *папагъан* 'попугай', названия кулинарных блюд: *макъарне* 'бантики' (разновидность мучных изделий) и др.

Проблема доминирования языков связана также с более общими циклическими процессами чередования доминантной роли (культурной, политической, религиозной) семито-хамитских и индоевропейских суперэтнических образований. Семитические в своей основе культуры Вавилона, Финикии предшествовали возникновению греческого и некоторых других алфавитов, передаче ряда религиозных и культурных традиций. Европейская античная эпоха, её культурные достижения, в свою очередь, оказала влияние на развитие культур Ближнего Востока. Следующий виток чередования – арабская средневековая территориальная, религиозная и культурная экспансия, положившая начало университетской традиции, новому, постантичному этапу развития Европы. Этот период особенно важен для описываемого региона. Культурная доминанта была также тесно связана с религиозным самоопределением. Часто, религиозная традиция определяла письменную. Греческая византийская языковая традиция в своём христианском проявлении бытовала в южной части полуострова до конца XVIII в. Принятие в XIII веке тюркскими племенами ислама привело к постепенному вытеснению греческого языкового и культурного наследия в горном и южнобережном Крыму. Полное вытеснение греческого языка у аборигенного населения происходит в конце XVIII века с выселением ромейского и урумского населения в Приазовье. Эти процессы прослеживаются на смене антропонимов у готской части горной крымской народности: готские имена, используемые в III-V веках н.э. (Аларих, Германарих и др.), сменяются в византийскую эпоху греческими (Кунстындын, Анастас, Фоти), а с XIII по XVIII вв. – тюркскими и арабскими, трансформированными в крымскотатарской орфографии (Амет, Мемет и др.). Произошла также замена терминов, описывающих некоторые обряды. Так, например, со сменой культурной традиции греческое по происхождению выражение *стефан этмек* 'венчать' было заменено на арабское *нишан этмек* 'венчать'. Арабская религиозная языковая составляющая привносилась в составе западнокыпчакских говоров в горном регионе, и в составе огузских (турецких) говоров в южнобережном.

ВЫВОДЫ

На Крымском полуострове в исследуемый период наряду с сохранением и усилением доминантного языка (греческий в V-XIII вв., крымскотатарский в XV-XVIII вв., русский XX в.) происходит замена или вытеснение языков малых этнических

групп, конгломеративно существующих на данной территории (готский, аланский языки, старые формы караимского языка). Доминантная роль языка часто бывает связана с его религиозной, конфессиональной значимостью. В исследуемом регионе с XIII по XVIII вв. происходило постепенное вытеснение и замена готского, аланского и других языков греческим языком византийского периода его существования, а затем западнокрыпчакскими говорами среднего диалекта крымскотатарского языка. Конкуренционное противостояние княжества Феодоро и генуэзской колонии привело к тесным торгово-экономическим связям Горного Крыма с предгорной частью крымского ханства и распространению в этом регионе западнокрыпчакских говоров.

Список литературы

1. Араджиони М. А. К вопросу об этнолингвистической ситуации в Крыму в XVI–XVIII вв. / М. А. Араджиони // Записки историко-филологического товарищества А. Белецкого. – Вып. 2. – 1998. – С. 70-86.
2. Баскаков Н. А. Тюркские языки. – Изд. 4-е / Н. А. Баскаков. – М.: ЛКИ, 2010. – 248 с.
3. Бахревский Е. В. Языковая ситуация в Крыму в середине 18 века: автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.06. «Тюркские языки» / Е. В. Бахревский. – М., 2000. – 35 с.
4. Гаркавец А. Н. Тюркские языки на Украине (развитие структуры) / А. Н. Гаркавец. – Киев: Наукова думка, 1988. – 176 с.
5. Мазинов А. С. Этнолингвистическое исследование контактных языковых зон / А. С. Мазинов // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 158. – С. 90-92.
6. Мазинов А. С. Индоевропейско-тюркские языковые контакты в Восточной Европе / А. С. Мазинов // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Том 26 [65], №1, ч. 1, филология, 2013. – С. 56-62.
7. Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка / А. М. Меметов. – Симферополь : Крымское учебно-педагогич. гос. изд-во, 2000. – 288 с.
8. Серебренников В. А. Восточные финно-угорские языки и их значение для истории тюркских языков Поволжья / В. А. Серебренников, Н. И. Исанбаев // Советская тюркология, 1979, №5. – С. 3-7.
9. Тищенко К. Н. Етномовна історія прадавньої України / К. Н. Тищенко. – Киев: «Аквилон-Плюс», 2008. – 480 с.
10. Tomaschek W. Die Gothen in Taurien (Etnologische Forschungen über Ost-Europa und Nord-Asien. I). / W. Tomaschek. – Wien: 1881. – 263 s.

THE PROCESS OF INDO-EUROPEAN LANGUAGES DISPLACEMENT AND SUBSTITUTION IN CRIMEA IN XIII - XVIII CENTURIES

Mazinov A. S.

*State budget institution of higher education of the Republic of Crimea «Crimean Engineering and Pedagogical University», Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail : ahtemmazinov@mail.ru*

The process of primary distribution of Indo-European languages in Eastern Europe began in the VI – V centuries BC and continued during the first and second millennia AD. In this period these languages come into contact with those of other groups, especially with the Turkic languages. The peoples and ethnic groups experienced social, cultural, economic, religious influence of its neighbors, and the languages of the region undergone internal and external transformation.

The aim of our study is to describe the main language contacts that occurred on the territory of the Crimean Peninsula, the processes of mutual interference, formation and substitution of languages of the Indo-European group.

In the period of great migration of peoples the Indo-European languages were widespread in the South and in the Central part of Eastern Europe. The languages of this group were presented by the Greek, Gothic, Alanian and Scythian languages of the Crimean Peninsula. Later, with the expulsion of the Huns, Goths and Alans from the territory of present-day Ukraine and Poland, the Slavic languages were involved in the process.

When the Hun tribes arrive, many characteristics of distribution of Indo-European languages changed. From V century AD to XI century the Turkic languages begin to spread in the North Caucasus, in the Crimea and in the steppes of the South Ukraine. Indo-European languages lose their dominant position moving to the parallel coexistence with Turkic languages, and, over time, they are replaced by them on the Crimean Peninsula.

First, the ancient Greek, as a language of the dispersed colonies, from the fifth century becomes the official language of the Byzantine Empire and the language of Christianity. Then there was a period of distribution of Turkic languages during XI-XVIII centuries. The Greek of the Byzantine Empire gradually lost its position. With the formation of the Ottoman state the Greek is replaced by the Turkic Oghuz dialects. The XI and the XIII centuries knew the domination of the Western Kipchak (Polovtsian, etc.). From the XIII to the XVIII centuries the Eastern Kipchak languages (Nogai, etc.) dominated in Crimea, Northern Caucasus, Volga steppes, and become the basic language component of the Golden Horde.

So, the first of the Indo-European languages that influenced the formation of new languages and dialects in the Crimea was the ancient Greek. Later in the Byzantine period it acted as the state language, the language of the dominant Greek majority, as the language of Orthodoxy in the post-Roman period. The Greek language entered into complicated relationship with the Gothic and Alanian languages. For example, the Urum language developed as a result of turkification of the languages of the peoples living in the mountainous regions of Crimea. In the XV-XVI centuries there was a gradual replacement of the Gothic and Alanian languages by the Western Kipchak dialects that formed the middle dialect of the Crimean Tatar language. The language of the Crimean mountain peoples was different from the language of the southern coast of the Crimean Tatars, where the Greek language was gradually supplanted by Oghuz dialects of the Turkish language. The displacement of Greek, Gothic, Alanian languages by the Western Kipchak dialects is connected with the main direction of economic relations of this area. The Oghuz dialect of the Crimean Tatar language is the dialect of the villages of Buyuk-Ozenbash, Kuchuk-Ozenbash and of several nearby villages. Also Oghuz dialects exist in the Western part of the Baydarskaya valley (Oguz-Kipchak dialects) and in the Eastern part, in Sudak district (Taraktash, Vorun, Shelen, etc.).

The most important factor in the spread and influence of languages is a type of economic activity of a nation. The types of farming that define the basis of life of the tribe (livestock, agriculture etc.) largely determine the type of vocabulary they used. Agricultural, building/constructing, domestic/household, phytonimic lexis in its major part is of Greek origin in the Crimean peninsula.

Keywords: Indo-European languages, Turkic languages, language contacts.

УДК 81.27; 81-119

ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛЬГИИ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Марченко Ю. М.

*Гуманитарно-педагогический институт Севастопольского государственного университета, Севастополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: ciel_84@mail.ru*

Работа посвящена изучению языковой ситуации в Бельгии в условиях национально-лингвистического кризиса, связанного с противостоянием двух главных этнических групп – фламандцев и валлонов. Изучение языковых ситуаций является одной из актуальных задач социолингвистики, имеет большое практическое значение, позволяя раскрыть основы и характер языковой политики государства, оценить перспективность того или иного курса в отношении языка, прогнозировать тенденции языковой жизни страны. На территории европейского континента «языковая проблема» является достаточно важной, растёт воздействие общественных институтов на функционирование, развитие и взаимодействие языков.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковая политика, этнические группы, лингвистический кризис.

ВВЕДЕНИЕ

При изучении крупных языковых сообществ, таких как страны, регионы или республики, часто применяется понятие «языковая ситуация». Исследованием этого вопроса занимались А. В. Аврорин, Э. Г. Туманян, Г. В. Степанов, Н. Б. Мечковская, А. Д. Швейцер, Л. П. Крысин, А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова и многие другие лингвисты. Научный интерес к изучению языковых ситуаций постоянно возрастает. Подобные исследования помогают установить закономерности и тенденции развития сложных процессов языковой жизни современного общества. Языки всегда взаимосвязаны в рамках сложной коммуникативной системы, они дополняют и компенсируют друг друга, обеспечивают коммуникативные и экспрессивные потребности общества [2].

Цель данной работы заключается в изучении языковой ситуации в Бельгии, связанной с противостоянием двух главных этнических групп – фламандцев и валлонов, а также рассмотрении национально-лингвистического кризиса в этой стране. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: изучить историческое развитие языковой ситуации на территории Бельгии и проанализировать современную языковую политику в стране.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. История языковой ситуации на территории Бельгии

Государство Бельгия сформировалось в 1830 году. С точки зрения международной политики образование Бельгии как самостоятельного государства было выгодным шагом. Однако, с точки зрения внутренней политики, это стало основой культурного конфликта между фламандцами и валлонами, который продолжает развиваться до сих пор. В 1847 г. возникло фламандское культурное движение, которое выступало за признание языкового равенства фламандского и французского языков. В 1898 г. был

принят закон, подтверждавший принцип «двуязычности», но не равенство языков. На двух языках стали писать тексты законов, надписи на почтовых и гербовых марках, денежных банкнотах и монетах. Позже, согласно законам 1920–1930-х гг. было установлено равенство фламандского и французского языков, а собственно фламандский язык стал языком управления во Фландрии [3].

Современное население Бельгии – это фламандцы, потомки франкских, фризских и саксонских племен, германский народ, близкородственный голландцам, и валлоны – потомки кельтов. Фламандцы проживают в основном на севере страны (в Восточной и Западной Фландрии). Валлоны живут преимущественно на юге. Пять южных провинций Бельгии, где наиболее распространённым является французский язык, традиционно объединяют под общим названием Валлония (валлон. *Walonreye*, фр. *Wallonie*, нидерл. *Wallonië*, нем. *Wallonien*) или Валлонский регион. Это субъект федерации наряду с Фламандским регионом и Брюссельским регионом. Что касается языка, то, согласно конституции, население Бельгии разделено на 3 лингвистических сообщества: французское, фламандское и германоязычное. Официальными языками являются французский (Валлония - 3,29 млн жителей (32,2%), нидерландский (фламандский) (Фландрия- 5,86 млн жит. (58%) и немецкий (регион, расположенный на востоке Валлонии, где проживает 67 тыс. человек). Население Брюсселя состоит 80% франкофонов и 20% фламандцев [7].

На территории современной Валлонии наблюдается возрождение интереса к языкам, которые долгое время считались диалектами французского языка и вплоть до начала XX века доминировали в обществе, в то время как французский был языком высших классов (буржуазии). Это такие языки как шампанский, лоренский, пикардский и валлонский. С 1990 года эти языки являются региональными. Валлонский преподаётся в качестве факультативного языка в школах, иногда его можно услышать по радио. Это язык романской группы, распространённый также во Франции (в департаменте Арденны и различных деревнях в департаменте Нор) и в северо-восточной части американского штата Висконсин. В настоящее время валлонским языком владеют около шестисот тысяч человек. Однако, валлонский язык практически полностью вытеснен французским языком, который имеет статус официального языка Бельгии и используется в образовании, прессе и всех сферах общественной жизни [4].

В районах, приграничных с государством Люксембург, распространён люксембургский язык. Данный язык является германским, хотя содержит много французских заимствований.

Бельгийский (фламандский) вариант нидерландского языка распространён в пяти провинциях Бельгии, отделившихся от Нидерландов в ходе Нидерландской буржуазной революции 1566-1609 годов и получивших название «Фландрия». Долгое время эта территория находилась под властью Испании, в последствии попеременно входила в состав Австрии, Франции, Нидерландов, и лишь в 1830 г., когда Бельгия сформировалась в качестве самостоятельного государства, Фландрия вошла её состав. До конца XIX в. единственным государственным языком в Бельгии был французский. Постановления, принятые в период с 1873 по 1883, придали фламандскому статус одного из двух государственных языков Бельгии, наряду с французским. Однако франкоязычные валлоны по-прежнему преобладали в правительстве, в банках страны и в двух основных отраслях ее промышленности – угольной и металлургической [5].

Так как географические границы проживания разных этнических групп не всегда совпадают с лингвистическими границами, то совместное проживание носителей разных языков на одной территории является причиной возникновения языковых контактов. Заимствования, языковая интерференция, билингвизм, новые языковые образования и т. д. являются результатом такого контактирования языков.

Функции, выполняемые языками на территории проживания их носителей, могут либо расширяться, либо сужаться, что нередко является причиной языковых конфликтов. Существование вышеупомянутых языков на территории Бельгии проходит в условиях непрекращающегося национально-лингвистического кризиса, который заставляет общество и СМИ задаться вопросом о будущем этой европейской страны как единого государства.

2. Современная языковая ситуация и языковая политика в Бельгии

Хотя фламандцы всегда составляли большинство населения Бельгии, государство долгое время было франкоориентированным, и единственным государственным языком был французский. После первой мировой войны в Бельгии возникло движение за эмансипацию нидерландскоязычного населения, а уже после Второй мировой войны, в результате развития современных отраслей промышленности во Фландрии, фламандцы, составлявшие 55% населения, проявили стремление к изменениям в политической и культурной областях, которые отразили бы новую ситуацию. В 1963 году был принят пакет законов, регламентирующий использование языков в официальной жизни. В 1967 впервые был осуществлён официальный перевод конституции Бельгии на нидерландский язык. В 1968 году в результате разногласий между двумя группами населения, говорящими на разных языках, возник серьёзный политический кризис, поставивший под угрозу существование Бельгии как единого государства, поскольку многие выступали за превращение Фландрии и Валлонии в автономные области. Согласно ряду законов в 1970-х годах была установлена четкая языковая граница, определяющая территорию, на которой фламандский язык должен использоваться в сфере образования, судопроизводства и во всех государственных учреждениях. Была изменена Конституция Бельгии. Результатом этого изменения стала расширенная регионально-языковая автономия.

С 1973 года язык бельгийских фламандцев стал именоваться нидерландским, а не фламандским. К 1980 оба главных языка страны были фактически уравнены в правах. Однако различия между желаниями франкофонной части населения, и частью, говорящей по-фламандски, по вопросам образования, политики в области культуры и медицины стали слишком велики, чтобы страна оставалась унитарным государством. В 1993 году было реализовано асимметричное федеральное устройство страны как результат обостряющихся культурных конфликтов. Бельгия была разделена на три округа, являющиеся субъектами федерации. Единственным официальным языком на территории Фламандского округа является нидерландский.

В 2010 году вице-премьер и министр финансов Бельгии Дидье Рейндерса, который возглавляет франкофонную партию «Реформаторское движение», высказал мнение, что пришло время спросить у нидерландофонов (55-58% населения Бельгии), хотят ли они жить в единой стране, каким видят ее территориально-административное

устройство и какую роль в нем отводят франкофонам [6]. Причиной такого шага послужило обострение ситуации в бельгийском парламенте вокруг разделения избирательного округа Брюссель-Халле-Вилвоорде, который объединяет столицу Брюссель с ее 19 двуязычными муниципалитетами и 35 соседними фламандскими муниципалитетами. В двуязычном округе Брюссель-Халле-Вилвоорде (ВНВ), крупнейшем в стране, жителям предоставлено право самим решать, к какому избирательному округу они принадлежат и, соответственно, по собственному выбору голосовать за фламандскую или валлонскую партию. Проблему разделения избирательного округа Брюссель-Халле-Вилвоорде бельгийским политикам не удается разрешить с 1980 года, когда были сделаны первые шаги по ее урегулированию. Фламандцы уже предлагали разделить округ, сохранив двуязычным Брюссель, а Халле и Вилвоорде передать в состав соседних фламандских округов. Валлоны, со своей стороны, отстаивали за франкоязычными жителями Халле и Вилвоорде право голосовать за франкоязычных кандидатов, с чем не соглашались фламандцы. Пока идут переговоры между политиками, общественность и СМИ предлагают различные варианты развития событий, так, например, Фландрия, Валлония и Брюссель станут отдельными государствами; Валлония объединится с Брюсселем; Валлония с Брюсселем войдут в состав Франции; Бельгия станет конфедерацией по швейцарской модели или останется федерацией, но без разделения по языковому принципу [6].

В целом в Бельгии родной язык является средством этнокультурной идентификации. В зависимости от региона и языкового сообщества это один из официальных языков страны. Степень владения вторым официальным языком страны варьируется. Однако, помимо официальных языков, практически все жители Бельгии свободно владеют английским языком вне зависимости от того, какой язык для них является родным и в какой части страны они живут.

Огромное значение для современной языковой ситуации в Бельгии имеет ряд европейских языков, но прежде всего английский язык. В процессе взаимодействия нидерландского и английского языков постепенно сформировался вариант английского языка, получивший название «Nederengels». Термин состоит из слов «Nederlands» (нидерландский язык) и «Engels» (английский язык), и означает употребление в нидерландском языке английских слов и конструкций, типичных для английского языка. В Большом словаре нидерландского языка Ван Дале (*Van Dale Groot woordenboek van de Nederlandse taal*) лексические единицы, заимствованные из английского языка или образованные с помощью морфем английского языка имеют пометку «Eng». Значительное влияние на распространение английского языка во Фландрии оказывают средства массовой информации. Английский язык можно встретить в рекламе, в названиях продуктов и фирм, в слоганах рекламных акций. Нельзя не учесть тот факт, что собственно в Нидерландах существует значительное количество телевизионных каналов, которые ведут трансляции на английском языке. Англоязычные фильмы и передачи не переводятся, используются лишь субтитры на нидерландском языке.

Схожие процессы заимствования из английского языка наблюдаются и во франкоговорящей части Бельгии. К внеязыковым факторам можно отнести в первую очередь политическое значение города Брюссель как столицы Европейского союза, места расположения офисов крупных компаний и корпораций, которые используют английский язык в качестве корпоративного. Нередко в лингвистических исследова-

ниях при анализе англицизмов авторы обращаются к французским публицистическим текстам, так как язык СМИ наиболее четко демонстрирует современное состояние французского языка. Среди тематических групп англицизмов в популярных современных франкофонных периодических изданиях Бельгии («DH (La Dernière Heure)», «La Libre Belgique», «L'Avenir», «L'Echo», «Le Soir», «Sudinfo (Sudpresse: «LaMeuse», «LaGazette», «LaProvince», «NordEclair» «LaCapitale») наибольшее количество английских заимствований наблюдается в следующих сферах:

1) «масс-медиа и шоу бизнес»: *vidéo, timing, superstar, mass-média, médias, magazine, cinéphile, clip, autobiographie, storytelling, star, slogan, prime time, interview, festival (n), festival (adj), film, fan, ciné, cinéma, club, casting, box-office, cinéaste;*

«*Celui-ci évoque un contexte qui a poussé le magazine à commettre une erreur de jugement*» [9].

2) «общественно-политическая жизнь»: *voter, manager, self-made-man, partenaire, partenariat, lobby, leadership, influencer, raid, compétitif, compétitivité, (big) boss, budget, bonus, budgétaire, dumping;*

«*Le problème, c'est que l'on trouve dans certaines organisations du monde de l'entreprise des groupes d'intérêts qui sont de puissants défenseurs du «business as usual»*» [11].

3) «наука и техника»: *Xbox, téléphone, téléphonie, téléphonique, télévision, micro, microphone, mp3, électricité, électrique, électrocuter, électrologue, caméra, vidéo, géne, flash-back, sms;*

«*Rihanna se souviendra probablement de son concert de lundi dernier à Birmingham... et le fan frappé à coup de micro aussi*» [10].

4) «спорт»: *touriste, handball, handballeur, foot, footballeur, footballeuse, score, record, football, challenge, coaching, performance, league, trip, hand-boll, rugby, beach-boll, handicap - гандикап, catch ketch - игра в мяч, free-style, boxer, tennis, auto-motto, basket-boll.* В связи с отсутствием французских эквивалентов большое количество англицизмов проникло во французский язык в данной сфере, так как многие спортивные направления пришли во Францию из Англии и Америки.

«*Les anciens responsables d'un club de foot de Molenbeek condamnés pour trafic de joueurs*» [10].

5) «транспорт»: *yacht, bulldozer, bus, skipper, scooter, métro, métropolitain, jockey, express, crash, break, parking, tunnel, auto-addict;*

«*Le conducteur du scooter, un jeune homme âgé entre 16 et 18 ans environ d'après les témoins de l'accident, a été blessé mais n'était pas dans un état grave*» [13].

«*Embarquement immédiat à bord d'un yacht pour une aventure au coeur du vivant*» [12]. 6) «человек, предметы и явления его повседневной жизни»: *gentleman, supermarché, week-end, stress, loser, stocker, chèque, stock, baby, gag, gay (n), gay (adj), pack, express (adj);*

7) «красота, мода, одежда»: *T-shirt, : jeans, top, top - model, mini - kilt, fashion, slip, kitch (n), kitch (adj), short, sexy, new-look (n), new-look (adj), dandy, eye-liner;*

«*Le Bois des Isles s'est transformé en temple du kitch, à Marbehan*» [11].

«*La place de la Monnaie «new look», qui relie la rue Neuve et la rue des Fripiers, vient compléter cette zone piétonne I»* [11].

8) «еда»: *fast-food, snack-bar, hot-dog, toast /tost/, sandwich, hamburger.*

«Ils nous ont offert un excellent biryani (du riz cuisiné avec de la viande) et du whisky», se rappelle-t-il avec nostalgie, évoquant ce repas organisé pour lui et d'autres électeurs par un grand parti » [11].

9) «компьютерные и интернет-технологии»: *blog, blogueur, hardware, webcam, tweet, google, site, post, net, Internaute, Internet (n), internet (adj), en ligne, e-mail, plateforme*. Однако английский термин «software» меньше чем за 10 лет был вытеснен французским словом «logiciel» (компьютерная программа), предложенным Филиппом Ренаром и утверждённым комиссией по информатике в 1970 году.

«Quelques dizaines de personnes ont manifesté samedi à Alger pour demander la libération d'un blogueur en détention préventive depuis janvier suite à la plainte d'un journaliste d'une chaîne de télévision privée, selon une journaliste de l'AFP » [12].

«Ces deux dernières années, SIP a particulièrement bien progressé grâce à son département software» [10].

При необходимости употребления в текстах иноязычного термина, он должен быть разъяснен по-французски ясно и подробно. Согласно существующему закону участники форумов (съездов, симпозиумов, собраний), проходящих на территории франкоязычной Бельгии, имеют право оформить свое выступление на французском языке. Тексты иноязычных выступлений должны быть снабжены аннотацией на французском языке. Экзаменационные, дипломные и диссертационные работы выполняются на французском языке. За нарушение закона предусмотрены жесткие санкции. В этот закон на протяжении последнего десятилетия вносятся дополнения, т.к. влияние английского языка на французский с принятием данного закона полностью не прекратилось, и правительство продолжает бороться за чистоту языка.

В двуязычной Бельгии правительство также нередко использует англицизмы, чтобы избежать использования нидерландских и французских терминов и не продемонстрировать приверженность одному из языковых сообществ. В пользу употребления англицизмов в Бельгии говорит тот факт, что некоторые министры, родным языком которых является либо французский, либо фламандский, сознательно не овладевают вторым государственным языком, поскольку английский, занимая нейтральное положение, позволяет им легче общаться в профессиональной деятельности.

ВЫВОДЫ

Основным выводом по результатам исследования может служить заключение о том, что в Бельгии сложилась экзоглоссная языковая ситуация, характеризующаяся функционированием двух официально признанных и юридически равноправных языков. Экономическое и политическое объединение Фландрии и Валлонии не привело к автоматической идентичности населения этих двух регионов, которая могла бы лечь в основу крепкого единого государства. Одна из главных причин этого – отсутствие таких консолидирующих факторов, как общая культура и общий язык. И хотя единый язык не гарантирует абсолютной консолидации граждан того или иного государства, он является условием объединения социальных низов против социальных верхов, а языковая разобщённость, наоборот, укрепляет силу власти. Сепаратизм фламандцев начинался с борьбы за язык, за языковую границу и уникальность, но постепенно стал перерастать в политический, который, в свою очередь, может привести к прекращению существования государства Бельгия.

**ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛЬГИИ
В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

Список литературы

1. Гуцул Е. Бельгия-тюрьма двух народов / Е. Гуцул // Аспекты 2000. – К.: Газетный комплекс «Интернет-медиа», 2011. – №9. – С.1,С.6.
2. Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы: Монография / Под редакцией доктора филологических наук М. И. Исаева / Т. Т. Камболов. – Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007. – 290 с.
3. Кризис в Бельгии // Киевский центр политических исследований и конфликтологии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.analitik.org.ua/ukr/current-comment/ext/473adf0b166f5> (дата обращения: 15.03.2016)
4. Новиков Ю. Мир французского языка / Ю. Новиков // French-World Info [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://french-world.info/valony-i-flamandcy> (дата обращения: 15.03.2016)
5. Шишло А. Король Бельгии назначил седьмого переговорщика по выводу из кризиса / А. Шишло // РИА Новости, Брюссель, 2011. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rian.ru/world/20110302/341411280.html> (дата обращения: 20.03.2016)
6. Шломо Г. Фламандский язык / Г. Шломо // Изучение языков в интернете [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.languages-study.com/nederlands-vlaams.html> (дата обращения: 20.03.2016)
7. Энциклопедия Вики-Линке [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://wiki-linki.ru/Citates/80770/4> (дата обращения: 20.03.2016)
8. A Report on Belgian Education with a Special Focus on Language Education and ICT / S. Debergh, Z. Teuwen // ODLAC Project. Antwerp: University of Antwerp, BE, 2006.
9. La Dernière Heure [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dhnet.be/> (дата обращения: 21.03.2016)
10. L'Avenir [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lavenir.net/> (дата обращения: 21.03.2016)
11. La Libre Belgique [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lalibre.be/actu/belgique> (дата обращения: 20.03.2016)
12. Le Soir [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lesoir.be/services> (дата обращения: 21.03.2016)
13. Sudinfo [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sudinfo.be/> (дата обращения: 21.03.2016)

**DESCRIPTION OF LANGUAGE SITUATION IN BELGIUM IN TERMS OF THE
NATIONAL-LINGUISTIC CRISIS**

Marchenko I.U. M.

*Institute of Humanities and Pedagogy of Sevastopol State University, Sevastopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: ciel_84@mail.ru*

The work is devoted to the study of the language situation in Belgium in terms of national - linguistic crisis of confrontation between the two main ethnic groups - the Flemish and the Walloons. The study of language situations is one of the urgent problems of sociolinguistics, it is of the great practical value, allowing to reveal the basis and nature of the language policy of the state, to evaluate the prospects of a rate in relation to language, to predict the trends of linguistic life. On the territory of the European continent “language problem” it is quite important, increasing the impact on the functioning of the public institutions, the development and interaction of languages.

The concept of “language situation” is usually applied to large linguistic communities - countries, regions, republics. The study of the issue involved A. V. Avrorin, E. G. Tumanyan, G. V. Stepanov, N. B. Mechkovskaya, A. D. Schweitzer, A. D. Petrenko, D. M. Khrabskova and many others. The ever-increasing scientific

interest in the study of language situations is associated with the understanding of the fact that without such a research it is difficult to establish patterns and trends in the development of complex processes of the language of modern life, in which languages are always interconnected through a complex communication system, often complementing and compensating each other, providing all communicative and expressive needs of the society in their functional distribution.

The purpose of this paper is to examine the linguistic situation in Belgium, related to the confrontation between the two main ethnic groups - the Flemish and the Walloons, as well as consideration of the national linguistic crisis in that country. To achieve this goal it is necessary to solve the following tasks: to examine the historical development of the language situation in Belgium and analyze contemporary language policy of Belgium. Belgium is a unique state formation that was formed in 1830. Although by the standards of international policy the formation of Belgium as an independent state seemed to be favorable in Europe in the middle of the 19th century, it became the basis for cultural conflict between the Flemish and the Walloons, which continues to evolve to this day.

It is known that the geographical boundaries of accommodation of different ethnic groups do not always coincide with linguistic boundaries. So, cohabitation of different languages in the same area is the cause of language contact and the language processes caused by the interaction of different kinds of languages. The result of the language contact is probably their interaction and mutual influence (borrowing, linguistic interference, bilingualism, new language education, etc.) The functions performed by the languages in the territory of residence of the carrier, can either expand or narrow, which often is the cause of linguistic conflicts. The coexistence of two languages on the territory of Belgium passes under the continued national linguistic crisis that makes society and the media to wonder about the future of this European country as a single state.

The main conclusion of the study can be the following: in Belgium there was Exoglossic language situation, characterized by the operation of the two officially recognized and legally equal languages. The economic and political union of Flanders and Wallonia did not lead to the automatic identity of the population of these two regions, which could form the basis of a strong unified state. One of the main reasons for this is the lack of such a consolidating factor as common culture and common language. And although one language does not guarantee the absolute consolidation of the citizens of a particular state, it is a condition of the lower classes against the unification of the upper classes, and linguistic disunity, on the contrary, it strengthens the power of government. Separatism of the Flemings began from the struggle for the language of the linguistic border and uniqueness, but gradually began to develop into a political, which in turn can lead to the termination of the state of existence of Belgium.

Keywords: language situation, language policy, ethnic groups, linguistic crisis.

УДК 81:811.16

ОСОБЕННОСТИ КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Маслова А. Ю.

*Филологический факультет, Национальный исследовательский Мордовский государствен-
ный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация
E-mail: al_mas@mail.ru*

В статье рассматривается проблема косвенного выражения побудительной интенции. Побуди-
тельные косвенные речевые акты являются наиболее яркой и наглядной иллюстрацией механизма скры-
того воздействия на коммуниканта с целью достижения акционального, ментального или эмоционально-
го перлокутивного эффекта. В статье на примере конвенциональных речевых актов в форме вопроса и
утверждения анализируются способы имплицитного побудительного воздействия в русском, сербском и
болгарском славянских языках в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, конвенциональный речевой акт, вопрос, утверждение.

ВВЕДЕНИЕ

Побудительные косвенные речевые акты (далее КРА) в терминологии прагма-
лингвистики являются одной из разновидностей непрямой коммуникации и составля-
ют значительный пласт коммуникативно-прагматического структурного компонента
категории побудительности.

Рассмотрение конвенциональных речевых актов (далее РА) требует разъясне-
ний терминологического характера, поскольку в исследованиях прагмалингвистиче-
ской направленности нередко отсутствует четкое разграничение явлений, подразуме-
ваемых под понятием «конвенция». В поле зрения исследователя могут находиться
языковые конвенции, конвенции языкового употребления, межличностные конвенции
(договоренность), социокультурные конвенции.

В настоящей статье предметом рассмотрения являются РА, конвенциональные
в отношении языкового употребления в русском, сербском и болгарском славянских
языках. Они не идиоматичны в грамматическом смысле, но узуальны; как отмечает
М. Л. Макаров, опривычены, обычны для употребления в повседневной речи, всегда
характеризующейся определенной долей ритуализации [2].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Типология вопросительных КРА

В русском языке типичным примером конвенциональных КРА является упо-
требление вопроса с отрицанием в качестве просьбы. Носителю русского языка впол-
не привычны формулы вежливой просьбы: – *У вас нет...?* – *Не могли бы вы...?* – *Вы
не скажете...?* – *Не будете ли вы так любезны...?*

Употребление отрицания отчасти объясняется правилами вежливости, отчасти
спецификой РА просьбы, в котором адресант стремится посредством отрицания обо-

значить свою зависимость от адресата, как бы оставляя за последним возможность отказа в выполнении просьбы.

Подобные конструкции не характерны для регулярного использования в южнославянских языках, хотя возможны: *Не бисте ли могли...* / *Не бихте ли могли...* Следует отметить, что если в русском языке вопросительно-отрицательная конструкция является выражением подчеркнуто вежливой просьбы, то в сербском языке отрицание в подобных конструкциях может подчеркивать дистанцию между коммуникантами или официальный характер их общения: *Не бисте ли затворили врата?* (наряду с более нейтральным вопросом *Да ли бисте затворили врата?*) (см. [1]).

В вопросах с отрицанием во 2-м л. глагол **мочь** маркирует конвенциональный КРА вежливой просьбы:

– *А ты не можешь ко мне заглянуть?... По старой памяти (Каверин).*

В 1-м л. глагол **мочь** с отрицанием используется, как правило, в КРА предложения:

– *Я приехал, чтобы спросить, не могу ли я чем-нибудь помочь вам? (Каверин).*

В славянских языках в подобной ситуации также функционируют вопросы с глаголом *моћи / мога*. Однако в соответствии с русскими отрицательными конструкциями предпочтение отдается конструкциям без отрицания:

Можете ли ми помоћи? / Можете ли да ми помогнете? / Да ли бисте могли да ми помогнете? (В статье примеры подаются в следующем порядке: на русском языке/ на сербском/ на болгарском.)

Можете ли да ми помогнете? / Бихте ли могли да ми помогнете?

В сербском языке при наличии в вопросительно-отрицательной конструкции модальных глаголов отрицание придает высказыванию фамильярный характер: (*Не бисте ли могли да померите часове? Не би ли то хтела да поновиш?*) (см. [4]). Если речь идет о просьбе, удовлетворение которой не отвечает интересам адресата, отрицание вносит дополнительный оттенок укора или упрёка: *Не би ли могло мало тише?*

Вопрос с глаголом **мочь** без отрицания в русском языке в большей степени ориентирует на запрос информации о возможности совершить действие, нежели на просьбу, тогда как в сербском и болгарском языках используемые конструкции с сослагательным наклонением или глаголом *моћи / мога* в личных формах настоящего времени изначально опознаются как просьбы. Сравним:

<i>Вы можете подвезти меня? (разг.).</i>	<i>Можете ли ме повести? (разг.).</i>
<i>Могли бы вы прислать мне механика? (разг.).</i>	<i>Можете ли да ми изпратите механик? (разг.).</i>

В вопросах, не содержащих отрицания, маркеры *Могу я? Можно?* ставят акцент на испрашивании разрешения:

– *Можно водички? Во рту что-то пересохло (Катериничев).*

– *Могу я поговорить с Марком Захаровичем? (Катериничев).*

Таким образом, в вопросах, не содержащих отрицания, маркеры *Могу я? Можно?* в сочетании с перформативным инфинитивом могут демонстрировать функциональный эквивалент перформативного высказывания:

– А знаете что... **Могу я вас попросить** посмотреть некоторые мои работы? (Катериничев).

Подобный тип вопроса, согласно терминологии И. Б. Шатуновского [5], можно трактовать как потенциально компрессированную цепочку РА, выражающих просьбу, причем конвенционального характера: – *Можно?* <Если можно, то **дайте**.> – *Можно поговорить?* <Если можно, то **пригласите**.>

В случае кооперативного общения адресат, как правило, реагирует на компрессированное звено и выполняет действие. Вернемся к рассмотренным примерам. Адресат согласен выполнить просьбу и предлагает лучший вариант:

– *Можно водички? Во рту что-то пересохло.* – *Может, лучше коньяку?* (Катериничев).

– *Можеш ли нам помоћи, куме, да направимо једну свадбу? **Направићемо свадбу** каква одавно није виђена!* (Ковачевић).

*Можеш ли да ми дадеш молива? **По-добре** вземи писалката, ето ја (разг.).*

В случае отказа адресат объясняет его причину, как правило, объективного характера: – *Могу я поговорить с Марком Захаровичем?* – *Вы не сможете с ним поговорить.* – *Он заболел?* – *Нет. Он умер* (Катериничев).

При конфликтном общении адресат реагирует на вопрос именно как на испрашивание разрешения:

– *Можно мне узнать, что случилось (= объясните, расскажите)?* – **Нельзя, освободите помещение** (разг.).

– *Молим вас, смем ли за тренутак да вас прекинем <...>* – **Само да завршим: ја немам две земље, ко ти** (Ковачевић).

Мога ли да ви попитам нешто? Нямам време за разговори (разг.).

К подобным потенциально компрессивным цепочкам РА конвенционального характера можно отнести этикетное использование императивов *Извините? Простите?* в форме вопроса. Именно вопрос является сигналом непонимания адресатом сообщаемой информации и одновременно косвенной просьбой пояснить посылаемое высказывание. Приблизительно это может означать следующее: «Простите, но я вас не понимаю. Не могли бы вы пояснить, что имеете в виду?»

– *О чем вы собираетесь разговаривать с сэром Джоном?* – *О птичках.* – **Простите?** – *Русская идиома. Я не знаю, о чем мы будем разговаривать с сэром Джоном* (Катериничев).

В сербском и болгарском языках в аналогичной ситуации используется глагол *молити* в форме 1-го л. наст. вр. (*Молим?*), а также в ситуации переспроса, уточнения услышанного.

*Карте на преглед, **молим!** Вашу карту, **молим!** Младићу, **молим Вас**, покажите возну карту! Возну карту, **молим! Молим! Нема шта да молиш**, покажи возну карту!* (Станишић) данная ситуация иллюстрирует разные функции перформатива *молим*: от этикетного маркера, эквивалентного русскому *пожалуйста*, перформативного высказывания, эквивалентного русскому *прошу Вас* в целях актуализации внимания собеседника на реализации интенции до неперформативного функционирования глагола *просить* в последней реплике. Ответная реакция молодого человека иллюстрирует этикетное употребление *молим* в целях переспроса и вежливой реакции. По-

следняя реакция контролера строится на обыгрывании употребления этикетного маркера в прямом смысле перформативного глагола, поскольку, употребляя этот маркер, молодой человек реагирует неадекватно.

Отчасти подобная ситуация воспроизводится в болгарской иллюстрации, когда адресант распознает неискреннюю реакцию адресата, прикрытую этикетным маркером переспроса. В последней реплике перформативный глагол субстантивируется, выполняя эмотивную функцию:

Ти пак ли почваш, ма? Моля? <...> Аз ще ти дам едно моля! креснала оная. На Богородица ще ми се правиш, урусия такава! (Топалов).

Напомним, что глагол *молити* / *моля* в сербском и болгарском языках буквально переводится *просить* и является перформативным:

<i>Веома Вас молим... (разг.).</i>	<i>Очень Вас прошу... (разг.).</i>
<i>Моля да проверите изправността на капака (разг.).</i>	<i>Прошу вас проверить работу капота (разг.).</i>

Вопрос как конвенциональный КРА возможен при выражении предложения. Легко опознаваемыми в таком значении являются вопросительные конструкции с модальным маркером *хотеть* / *хтети* / *искам*:

– *Хотите, я подарю вам эту пластинку? – О нет! – с удивлением воскликнул Коншин. <...> Не только это неожиданное предложение – многое в этот вечер показало Петру Андреевичу странным (Каверин).*

– *Хочешь, я сварю кофе? (Рыбаков).*

– *Хоћеш да те учим српски? (Лазаревић).*

– *Нека да говорим за нешто друго. Искате ли? (Ангелов).*

В русском языке, замещая побудительную частицу *давай(те)* (ср. *Давайте, я подарю... Давай, я сварю...*), глагол *хотеть* подчеркивает признание ролевого приоритета адресата в ситуации общения; адресант сигнализирует, что выступает инициатором действия в интересах адресата и при этом оставляет право выбора или явную возможность отказа за последним.

Форма этого глагола с отрицанием (в сослагательном или изъявительном наклонениях) в русском языке делает предложение более мягким и вежливым: *Не хотите (вы не хотели бы) пообедать с нами?*

В сербском языке отрицательные конструкции не функционируют, а глагол *хтети* в силу своей семантики и грамматической функции образовывать будущее время может служить причиной интерференции. Как вспомогательный глагол он используется в конструкциях, аналогичных русским:

<i>Хоћете ли нам се придружити? (разг.).</i>	<i>Не хотели бы пойти с нами? (букв.: Вы пойдете с нами?) (разг.).</i>
<i>Вечерас ћемо имати забаву. Хоћете ли доћи? (разг.).</i>	<i>У нас будет вечеринка. Вы не хотите прийти? (букв.: Вы придете?) (разг.).</i>

При восприятии подобных сербских конструкций носителями русского языка придание семантической значимости глаголу *хтети* не препятствует точной интерпретации речевой ситуации. В случае изменения грамматического лица воспроизведение глагола *хтети* как семантически значимого становится невозможным. В противном случае исказится смысл высказывания:

<i>Хоћемо ли вечерас попиту чашицу вина? (разг.).</i>	<i>Может, выпьем по стаканчику вина? / *Хотим мы выпить по стаканчику вина? (разг.).</i>
---	--

Незнание модели конвенционального РА вежливой просьбы, который также использует форму будущего времени, приводит к неверному пониманию намерения адресанта:

<i>Молим вас, хоћете ли нас сликати? (разг.).</i>	<i>Сфотографируйте нас, пожалуйста (разг.). / *Хотите нас сфотографировать? Не хотите ли нас сфотографировать?</i>
---	--

В русском языке посредством эллипсиса подобных конструкций оформляется конвенциональное косвенное предложение в случае экспликации предлагаемого объекта. Сравним: *Хочешь, я сварю тебе кофе?* – *Хочешь кофе?* – *Кофе?*

– *Приготовьте шерри и двойной бурбон. Кофе?* – спросил он Олега. – *Пожалуй (Катериничев).*

– *Очигледно да мој господин ових дана претерује у галантности <...> – Цигарету? (Капор).*

Однако в сербском языке подобные конструкции функционально не активны. Они заменяются конвенциональным для сербского языка КРА предложения *Жесте ли ви за кафу?* или вопросом-осведомлением о желании адресата *Желите ли кафу?*, который имеет эквивалент в русском языке, содержащий оттенок официальности при использовании глагола *желать* в ситуации предложения (*Не) желаете ли кофе?*

В болгарском языке наиболее употребительны конструкции с глаголом *искам*, обладающим широким интенциональным спектром: хотеть, желать, требовать, домогаться, которые функционально эквивалентны вышеуказанным русским и сербским конструкциям: (*Не) желаете ли кофе? / Желите ли кафу? / Искате ли кофе?*

– *Искате ли да потанцуваме? (Ангелов).*

– *Нека да говорим за нешто друго. Искате ли? (Ангелов).*

Такие конструкции также можно отнести к вышеописанным компрессивам *если желаете, то, пожалуйста, получите, возьмите* и т. п. В таком аспекте эти вопросы-предложения представляют собой конвенциональный побудительный КРА, поскольку очевидно намерение адресанта не только осведомиться у адресата о его желании, но и совершить действие в интересах последнего.

В русском языке в подобных ситуациях характерно использование деминутивов, которые являются коммуникативно мотивированными:

Олег выпил и набросился на еду. <...> – Теперь – медку? Под чаек? (Катериничев).

*– Или – бог с ними, с формальностями? **Стаканчик бренди** для храбрости? И – излагайте свое дело! (Катериничев).*

*– **Чайку?** – спросила Раиса <...> – **Кофейку?** Или сама поставишь? (Устинова).*

В силу своего богатого семантико-прагматического потенциала деминутивы легко приспособляются говорящим для реализации своих намерений, связанных с выражением эмотивного состояния. В данном случае говорящий заинтересован в доброжелательности и максимальной открытости адресата. Следовательно, передавая ему посредством деминутива информацию о своем доброжелательном отношении, говорящий пытается воздействовать на эмоциональное состояние адресата. КРА оказывается прагматически многослойным, в условиях которого на имплицитно выраженную интенцию директива накладывается когнитивная интенция эмоционально-оценочного дискурса.

Как конвенциональное косвенное предложение в русском языке опознается отрицательно-вопросительная конструкция **почему бы не + инфинитив глагола**, обозначающего рекомендуемое действие. Как отмечает Е. Н. Москаленко, использование наречия *почему* в таких моделях придает высказыванию особый оттенок: говорящий знает, что нет особых причин для невыполнения действия, просто собеседник воздерживается, не выполняет данное действие: – *Иногда у него возникали и свои собственные предложения. Я вот подумал... **почему бы тебе не разрисовать** стены школьного зала?* [3, с. 18].

Уточним, что адресат может не только просто воздерживаться от совершения действия, но (чаще) и не предполагать о возможности его совершения или заведомо исключать его из предполагаемых вариантов:

*– Знаете, береженого бог бережет. **Почему бы вам не уехать** к отцу или к дяде? Уехать? – удивился Саша. – Я не вижу причин (Рыбаков).* Этим отчасти объясняется использование формального вопроса о причине (*почему*) в сочетании с частицей *бы*, привносящей, наряду с оттенком вежливости, оттенок желаемой необходимости совершения действия в пользу адресата, которую осознает адресант. Кроме того, исполнителем не обязательно мыслится адресат, это может быть и сам адресант, инициирующий предложение. Его готовность совершить действие в пользу адресата активизирует дополнительную когнитивную интенцию просигнализировать о своей заинтересованности в позитивном настрое адресата или успешной организации положения вещей вокруг:

*– **Почему бы нам не устроить конференцию с вашим докладом?** В самом факте такого **предложения была невысказанная, но подразумеваемая поддержка** (Каверин).*

В сербском языке для выражения косвенного предложения, адекватного вышеуказанному типу в русском языке, функционирует вопросительно-отрицательная конструкция с вопросительным словом *што*: **Што не се прошетате?** (Равно как и конструкции **Што се не бисте прошетали?** и **Што се не прошетате?**) Причем использование вопросительного слова *што* (а не *за што / почему*), как и СВ глагола в конструкциях с таким значением оказывается принципиальным. Как отмечает Т. Батистич, именно СВ при использовании соответствующей интонации указывает на вежливую просьбу или предложение, тогда как конструкции с НСВ (если это не прямой

ОСОБЕННОСТИ КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ КОСВЕННЫХ
РЕЧЕВЫХ АКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

вопрос) могут выражать укор, упрек. Сравним: – *Што не скуваши кафу?* и – *Што не куваши кафу?* Вопрос о причине с использованием *што* практически неактуален, что переводит рассматриваемую конструкцию в разряд конвенциональных косвенных директивов [1].

В болгарском языке в аналогичной ситуации функционирует две модели: *защо* + глагол в форме настоящего времени с отрицанием:

– <i>Защо не се срещнете със Захаров или със Саваков? Да им обясните, да кажете мнението си ... (Ангелов).</i>	– В самом деле, почему бы вам не повидаться с Захаровым или с Саваковым? Объяснили бы им, сказали свое мнение (Ангелов).
--	---

Защо + да-конструкция с отрицанием, которая в большей степени отражает побудительную интенцию высказывания:

– <i>Защо да не си поговорим сега? (Ангелов).</i>	– <i>Почему бы не сделать это сейчас? (Ангелов).</i>
---	--

Вопрос также является типизированной формой конвенционального косвенного побуждения категорического типа – требования, запрета. Довольно категоричны конструкции с вопросительными словами *что (чего)*, *где* и носят риторический характер:

– **Что вы стоите?** – *закричал Солъц.* – *Идите отсюда (Рыбаков).*

У выхода из магазина их ждала серая от злости Ира. – **Где вы бродите?** <...> *Весь магазин 15 метров! А вы там целый час провели! (Экслер).*

– *Шта сте се разгаламили! <...> Они се мало ућуташе (Ћосић).*

– *Гдје си ти, бога ти творца, тражим те већ пола сата?! (Ћопић).*

– *Право! Защо спиращ, дяволе? Защо задръстваши движението? (Гуляшки).*

Такие модели являются эмотивными. Адресант подчеркивает отсутствие причины не совершать действие, сигнализирует о своем эмоциональном состоянии, как правило, негативном (раздражении, недовольстве) и имплицитно побуждает не только совершить действие, но сделать это немедленно.

Примером конвенционального косвенного требования, запрета может служить особый случай косвенного побуждения, когда в РА закрепляется лексический состав. По мнению И. Б. Шатуновского, такие РА представляют собой «идиому в квадрате и как модель, и с точки зрения лексического состава» [5, с. 263]:

Сколько можно?! Сколько раз тебе говорить! Какое ты имел право ...?! – Мы ждем вашего решения... – Повременить... – Вы отдаете себе отчет? (Катериничев).

А ко си ти, чачкалицо академска, да хапсиш мене, команданта Подгорине?! Хоћеш да хапсиш, је ли?! (Ћопић).

– <i>Ти кой си бе и къде се нами-раш? Иди командувай у твоето село! (Гуляшки).</i>	– <i>Да ты кто такой и где находишься? Поезжай в свое село, там и командуй! (Гуляшки).</i>
--	--

Конвенциональными КРА со значением предписания или требования совершить действие являются вопрос-переспрос и вопрос-уточнение. Ситуация воспроизводится абсолютно адекватно в сопоставляемых языках и, соответственно, имеет языковые эквиваленты.

Вопрос-переспрос, реализуемый посредством лексемы *слышать* и формально уточняющий, слышал ли адресат реплику говорящего, косвенно побуждает адресата к обязательному выполнению предписания, т.е. передает настоятельный характер побуждения:

Тебе необходимо завершить свою работу. Слышишь, что я тебе говорю? (разг.). – Имаш писмо, Павле! <...> – Павле, чујеш ли? (Ћосић).

– Ще останеш за цял ден, чуваш ли? (Ангелов).

Вопрос-уточнение направлен на выяснение адресантом, расшифрована ли адресатом косвенная интенция высказывания:

Завтра ты обязательно должен сходить к врачу. Ты понял меня? (разг.).

– Чекај, нисам све рекао! Још једном ти понављам: твоја болест је паника! Разумијеш ли? (Ћопић).

А отгоре на тоа ще арестувам жена ти и децата ти и ще ги мџча, както тебе мџчих. Разбра ли? (Ангелов).

Используя подобные модели, адресант явно рассчитывает на способность адресата «считывать» и первичные, и вторичные интенции в области имплицатур. Такие РА демонстрируют совмещение интенции несогласия адресанта с адресатом и интенции требования изменить адресатом линию поведения.

2. Типология утвердительных КРА

Утвердительные КРА так же, как и вопросительные, могут носить конвенциональный характер. Особенно явно это иллюстрируют этикетные РА в случае вежливого отказа / пресечения действия адресата:

– Вы мне разрешите, – начал он, прощаясь. Она перебила: – Извините. Я очень признательна Вам, но ... <...> – Извините, – снова сказала она и улыбнулась (Каверин).

– На жалост, мораћу да вас напустим, госпођо Еване! – прекида разговор војвода Вукашин... (Капор).

Извинявайте, трябва да тръгваме (разг.).

Однако вряд ли можно обозначить четкие границы между конвенциональными и неконвенциональными РА, поскольку конвенциализация происходит постепенно. Так, в ситуации косвенного совета, когда адресант апеллирует к собственному авторитету, определяя линию поведения адресата, вводится лексический компонент *Я (бы) на твоём месте*, который становится маркером именно этой побудительной ситуации:

– Ты знаешь, а я на твоём месте не стала бы переходить в другой институт (Каверин).

Да сам ја на вашем месту, дигао бих руке од тога (Нехай).

Ако искате, постојте оџе малко. Но аз на ваше място веднага бих си отишъл (Хикмет).

Конвенциональными КРА являются констатация положения вещей посредством моделей с закрепленным лексическим составом в определенных директивных ситуациях. Например, в ситуации разрешения-предписания совершить невербальные действия:

*В дверь постучали. – Да-да. Вошел проводник с чаем (Пелевин).
– Свободни сте! Идите кућама и више да се не сретнемо овако. – Павле за-
прети руком и пође у кућу (Госић).
– Благодаря ви, че проявихте готовност. Свободни сте (Чавдаров-Челкаш).*

ВЫВОДЫ

Выявление и описание наиболее типичных способов косвенного выражения побуждения способствует расширению и уточнению информации о типах речевого поведения, о речевых стратегиях; установлению лингвистических и экстралингвистических маркеров, которые позволяют адресату адекватно интерпретировать побудительное намерение адресанта.

Побудительные КРА являются наиболее яркой и наглядной иллюстрацией механизма скрытого воздействия на коммуниканта с целью достижения акционального, ментального или эмоционального перлокутивного эффекта. Этим диктуется целесообразность описания специфики побудительных КРА в соответствии с их иллюкутивной целью в сопоставительном аспекте, в частности на материале славянских языков.

Список литературы

1. Батистић Т. Усмјеравање језичког описа од граматике до комуникацијске компетенције / Т. Батистић // Наш језик. – Београд, 1986. Вр. 27/12. – С. 3-37.
2. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
3. Москаленко Е. Н. Функционально-семантическое поле побуждения в современном русском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. Н. Москаленко. – Таганрог, 1999. – 22 с.
4. Синтакса савременога српског језика. Проста реченица / П. Пипер и др. ; у ред. М. Ивић. Београд : Институт за српски језик САНУ : Београдска књига ; Нови Сад : Матица српска, 2005. – 1164 с.
5. Шатуновский И. Б. 6 способов косвенного выражения смысла: в т. ч. о феномене иллюкутивного самоубийства / И. Б. Шатуновский // Семантика и прагматика языковых единиц. – Калуга, 2004. – С. 262-274.

FEATURES OF CONVENTIONAL IMPERATIVE INDIRECT SPEECH ACTS (ON THE BASIS SLAVIC LANGUAGES)

Maslova A. Y.

*Philology Department, National Research Mordovia State University, Saransk, Republic of
Mordovia, Russian Federation
E-mail: al_mas@mail.ru*

The article surveys the issue of oblique expression of hortative intent. Hortative oblique speech acts prove to be an eloquent and vivid illustration of the mechanism of subtle influence on the communicant with the purpose of achieving accentual, mental or emotional perlocutionary effect.

In the compared Russian, Serbian and Bulgarian languages the methods of oblique expressing of hortative intent vary, which proves the fact of favouring oblique speech acts in the compared languages. The fact is explained by their meaningfulness, effectiveness, resultativeness in achieving a better politeness effect in conversation as well as their capacity of creating emotional effect.

The regularity of usage also provides for the process of conventionalizing of such oblique means. Set examples of speech and verbal behavior are repeated in the context and formed in speech practice, they mold into cultural stereotypes.

In the Russian, Serbian and Bulgarian languages oblique speech acts display their communicative and grammatical specifics expressing hortative meaning in the form of a question or statement. Both interrogative and affirmative speech acts may be of conventional or contextual character. This article presents the analysis of methods of implicit hortative influence in the Russian, Serbian and Bulgarian languages in comparative aspect through the example of conventional speech acts in the form of questions and statements.

The differences in forming the conventional oblique interrogative speech acts are well noticeable. In the Russian language the negative interrogative sentences in the meaning of polite request and offer are prevailing, which is none the same for the Serbian and Bulgarian languages.

The interrogative constructions with the modal components *хотеть/хтету/искаю* (hotet/hteti/iskam) have semantically and functionally different potential. While regularly realizing the meaning of 'offering performance of a certain action' in the compared languages, this construction has acquired a wider range of expressivity in the Serbian language as it may express either a polite request or request for the information concerning future action when the verb *хтету* (hteti) functions as an auxiliary one in the formation of the first future tense.

If compared to the Bulgarian and Serbian languages the Russian compressed constructions with diminutive explication of the object in offering an action strike as not quite typical. Such constructions are not characteristic of the Serbian and Bulgarian languages.

Affirmative oblique speech acts are also prone to conventionalizing. Nevertheless, if interrogative oblique speech acts are conventional in speech, the affirmative ones rather conventionalize in terms of usage. This is the assertion of a definite state of things through the models with set vocabulary.

Tracing and description of the most typical methods of oblique hortative speech acts provide for the detailed and broader studying of the types of verbal behavior and communicative strategies; setting linguistic and extralinguistic markers which allow the recipient to adequately interpret hortative intentions of the speaker.

Keywords: indirect speech acts, conventional speech acts, question, affirmation.

УДК 81

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Медведева Н. Е.

*Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Российская
Федерация*

E-mail: nemedvedeva@list.ru

В условиях повышения требований к иноязычной подготовке специалистов и сокращения объема аудиторных часов особую значимость приобретает воспитание ответственности у будущих специалистов за результат обучения. Студенческая научная конференция (СНК) как разновидность проектной работы является формой междисциплинарного обучения, позволяющим решить комплекс образовательных и дидактических задач, направленных на формирование творческой самостоятельности студентов. В статье представлено описание пошаговой организации научно-познавательной деятельности студентов над учебным проектом, выявлены навыки и умения, формируемые в процессе аудиторных занятий и внеучебных мероприятий. Так же анализируются роли преподавателя и студентов на каждом из этапов. В статье делается вывод о том, что организация и проведение СНК позволяет расширить возможности студентов в изучении иностранного языка и изменить их отношение к учебному процессу в целом.

Ключевые слова: рефлексия, критическое мышление, мотивация, дискурсивная стратегия, обратная связь, ситуации профессионального общения.

ВВЕДЕНИЕ

ФГОС третьего поколения в качестве основного требования к результатам освоения ООП выдвигают формирование общих и профессиональных компетенций [10, с. 6–8]. При обучении иностранному языку формирование профессиональных навыков и умений связано с обучением языку специальности и предполагает «сочетание овладения ИЯ с развитием личностных качеств обучающихся, знанием культуры страны изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях» П. И. Образцов, О. Ю. Иванова [7, с. 3]. Это естественным образом ведет к смещению акцента с теоретического изучения языка на его практическое применение, поиску и разработке новых или же модификации имеющихся подходов при обучении иностранному языку, которые способствуют изменению характера учебной деятельности студентов с репродуктивного на продуктивный и творческий.

Интегрирование обучения иностранному языку в учебный процесс широко используется в высших учебных заведениях различных стран мира. В Европе владение иностранным языком рассматривается как инструмент для изучения других предметов и «означает... интегрированный подход, как к обучению, так и изучению, что требует от преподавателей специальных размышлений не только по поводу того, как учить языкам, но и всего образовательного процесса в целом» [11, с. 7–8].

В России особое место среди активных методов обучения занимает метод проектов, который предоставляют студентам широкие возможности получить прагмати-

чески значимый результат в ходе научно-практического поиска решения профессиональной задачи с помощью иностранного языка. Проектная работа моделирует систему отношений, характерных для профессиональной деятельности студентов. Проекты различаются по типам, сложности и объему Е. С. Полат [9, с. 6], но их методическая функция остается неизменной: проектная работа предусматривает не просто достижение определенного результата, но и организацию процесса для достижения этого результата. Кроме того, проектный метод всегда основан на принципе партнерского сотрудничества студентов со студентами и преподавателя со студентами, при котором происходит смещение функции преподавателя иностранного языка с «учебного центра», транслирующего знания, к «организатору» процесса поиска и добывания знаний, что развивает академическую автономию студентов.

Целью настоящей статьи является показать, что учебный проект выполняет не только контролирующую функцию, но имеет обучающую и воспитательную направленность. В статье представлено описание пошаговой организации процесса подготовки и проведения научной конференции в курсе обучения иностранному языку на факультетах мировой политики и государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова; выявлены навыки и умения, формируемые в процессе аудиторных занятий и внеучебных мероприятий; анализируются роли преподавателя и студентов на каждом из этапов Н.Е.Медведева [6, с. 58-69].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. I этап – планирование деятельности

Успешная реализация проекта возможна лишь при наличии точно поставленной задачи. Поэтому работа по подготовке к научной конференции начинается с разъяснения особенностей данного вида дискурса и подробного описания модели конференции как формы научного общения, четкой формулировки задачи и функций участников процесса (докладчиков, оппонентов, председателя конференции, научного/организационного комитета). На этом этапе у учащихся должно сформироваться четкое представление о профессиональных навыках, которые они приобретут в результате работы над проектом, языковых умениях, которые они должны продемонстрировать во время презентации проекта. Так же им должны быть понятны критерии, по которым будет оцениваться их речевая деятельность и проектная работа в целом.

На этом этапе важно обговорить и организационные вопросы такие как: дата проведения конференции, сроки представления председателю конференции аннотаций выступлений (presentation abstracts) для составления программы, график промежуточной проверки для контроля хода работы над проектом со стороны преподавателя. Это поможет студентам организовать самостоятельную исследовательскую работу, планировать собственное время, чтобы не откладывать подготовку к проекту на последний день. Краткое описание функций преподавателя и студентов представлено в таблице 1.

Таблица 1

Цели I этапа	Обязанности преподавателя	Обязанности студентов	Время и место
1. Выбор темы конференции	<ul style="list-style-type: none"> - Предлагает темы; - Проводит совместное обсуждение тем; - Описывает модель научной конференции и состав участников; - Разъясняет функции участников конференции; - Знакомит с критериями оценивания 	<ul style="list-style-type: none"> - Обсуждают предложенные темы; - Задают вопросы; - Определяют собственное участие в конференции; 	Два часа аудиторной работы
2. Планирование деятельности	<ul style="list-style-type: none"> - Составление графика работы и промежуточной проверки хода проекта 	<ul style="list-style-type: none"> - Обсуждают график работы. - Определяются с формой собственного участия в проекте 	Час аудиторной работы

2. II этап – отбор материала

Данный этап работы представляет собой погружение в проект и имеет целью научить студентов адекватному речевому поведению в ситуациях профессионального общения. Как известно, профессиональное общение любого специалиста связано с дискурсивными стратегиями и тактиками, характерными для данной специальности. Эти особенности и следует учитывать при выборе методов обучения А. А. Вербицкий [2, с. 32–37]. Что касается научного дискурса, то основными требованиями к научной речи являются точность, доказательность и объективность изложения материала, исключающая возможность различного толкования смысла порождаемого высказывания. Однако овладение дискурсивными навыками – не единственная компетенция, которые студенты должны приобрести.

Определенной проблемой на данном этапе может быть снижение мотивации студентов, вызванное сложностью и объемом самостоятельной работы, затруднениями, связанными с неумением отделить главную информацию от второстепенной, разобраться в многообразии трактовок и неоднозначности интерпретации конкретных явлений, и т.д. Поэтому для успешной реализации проекта следует помочь студентам освоить технологии анализа и синтеза текстовой информации и обрести навыки научного исследования и работы с разнообразными по объему и характеру текстами на иностранном языке М. А. Лытаева, Е. В. Талалакина [5, с. 178-201]. Степень сложности можно понизить, если обучения навыкам чтения и говорения осуществлять во взаимосвязи. Поэтому роль преподавателя на данном этапе заключается в том, чтобы помочь студентам очертить общий перечень проблем, заслуживающих более глубокого изучения и организовать процесс. Мощным импульсом, стимулирующим желание учащегося поделиться своими соображениями или же сомнениями, безусловно, является

свободная дискуссия, когда словесное выражение мысли – не самоцель, а средство общения. Работу с источниками информации можно осуществлять в четыре этапа:

- **подготовка к чтению** текста предваряется устным обсуждением темы или проблемы с целью выдвижения гипотез/версий для активизации имеющиеся знаний и облегчения процесса понимания текста.

- **чтение и обсуждение** прочитанного необходимо для максимально глубокого и точного понимания проблем, затрагиваемых в текстах.

- **оценка и интерпретация** помогает критически осмыслить прочитанный текст с опорой на языковые и логические связи.

- **обмен мнениями/ дискуссия** по прочитанному тексту. Устное общение на этом этапе выполняет две основные функции: с одной стороны, это естественный способ подачи и усвоения новых знаний. С другой стороны, это способ развития у них навыков продуцировать собственную речь.

Подводя итог сказанному, следует повторить, что при совершенствовании навыков научного исследования особое внимание уделяется овладению основными коммуникативными стратегиями: **дискурсивной**, позволяющей говорящему управлять процессом общения Е. В. Пассов [8, с. 73 – 81] и **рефлексивной**, дающей возможность участникам общения анализировать и критически осмысливать как услышанное, так и собственное речевое произведение. Суммируя сказанное, приведем краткое описание функций преподавателя и студентов ниже в таблице 2.

Таблица 2

Цели II этапа	Обязанности преподавателя	Обязанности студентов	Время и место
<p>1. Подбор материалов по теме конференции</p> <p>- обоснование актуальности обсуждаемых проблем;</p>	<p>- Организация информационно-поисковой деятельности студентов;</p> <p>- Ознакомление студентов с поисковыми методами;</p> <p>- Разрабатывает вопросы для исследовательской деятельности;</p> <p>- Организация обсуждения прочитанного материала;</p> <p>- Определение трудностей.</p>	<p>- Работают с источниками информации и ИТ;</p> <p>- Учатся критически анализировать собранную информацию, выделяя главное и второстепенное с последующими обобщениями и выводами;</p> <p>- Формулируют собственную точку зрения.</p> <p>- Формулировка возникающих вопросов;</p>	<p>Восемь часов аудиторной работы</p>
<p>2. Обучение дискурсивным практикам</p>	<p>- Анализирует дискурсивную практику студентов, участвующих в дискуссиях с последующей корректировкой</p>	<p>- Принимают участие в свободной дискуссии;</p> <p>- Отрабатывают навыки дискурсивных стратегий и тактик</p>	

3. III этап – педагогический диалог

Подготовка к выступлению с докладом – это серьезная самостоятельная и творческая работа. Но, если предыдущий этап был посвящен анализу текстового материала и изучению дискурсивных практик, то на этапе педагогического диалога осуществляется работа над устным выступлением: обсуждается тема, проблема, структура презентации, устраняются возникающие трудности, касающиеся обобщения и иллюстрации собранного материала, совершенствуются отдельные аспекты языка. Студенты представляют результаты проведенного исследования в форме тезисов доклада председателю конференции.

На этом этапе проводится работа с научным/организационным комитетом, чтобы помочь студентам разработать критерии оценки докладов с точки зрения логичности, доступности, информативности, актуальности. Консультации с председателем конференции по правилам ведения мероприятия, регламенту конференции необходимы, потому что последний должен знать и владеть речевыми формулами и клише, которые косвенно задают модели и нормы общения, принятые в процедуре конференции.

Данный этап может проходить в виде очных консультаций с преподавателем или осуществляться в электронном формате. Из приведенной ниже таблицы 3 видно, что на данном этапе не только акцент смещается в сторону большего участия студентов в подготовке к конференции, но и подготовка осуществляется во внеаудиторное время.

Таблица 3

Цели III этапа	Обязанности преподавателя	Обязанности студентов	Время и место
1. Подготовка выступлений или докладов для конференции	- Знакомит с жанрово-стилистическими особенностями устной академической речи; - Подбирает образцы устной публичной и/или письменной академической речи; - Разрабатывает систему упражнений и заданий, направленных на отработку языковых и речевых навыков;	- Обобщают теоретический материал по теме проекта; - Работают над подготовкой выступлений на иностранном языке по теме конференции; - Формулируют цели и выводы исследования в письменном виде;	Два часа аудиторной работы, а также внеаудиторная работа, которая осуществляется в режиме on-line;

<p>2. Осуществление организации конференции</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Индивидуальная работа с председателем конференции; - Помощь научному комитету с разработкой критериев. 	<ul style="list-style-type: none"> - Закрепление дискурсивных практик - Разработка критериев оценивания и анализа выступлений; - Написание тезисов выступлений в заданном формате и представление их председателю; - Составление программы конференции и ознакомление участников с ней; - Подготовка к выступлениям 	<p>Внеаудиторная работа</p>
--	---	--	-----------------------------

4. IV этап – проведение конференции

Это кульминационный момент в работе над проектом, потому что демонстрирует то, насколько поставленная задача – научить студентов пользоваться иностранным языком в ситуации реального профессионального общения – была достигнута. Другими словами, на данном этапе проверяется степень сформированности речевых и профессиональных навыков. Во время проведения конференции студенты начинают более осознанно подходить к собственным образовательным потребностям, что меняет их отношение к процессу обучения вообще и к иностранному языку в частности. Возникающие трудности подводят к пониманию важности подготовительных этапов, да и «сам процесс обучения кажется не менее интересным, чем его финальные результаты» А. А. Зинченко [3, с. 77-84]. Вышеизложенное кратко сведено в таблице 4.

Таблица 4

Цели IV этапа	Обязанности преподавателя	Обязанности студентов	Время и место
<p>Проведение конференции</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Контролирует по общим направлениям; 	<ul style="list-style-type: none"> - Выступают с подготовленными докладами; - Председатель контролирует соблюдение временных рамок выступления; - Отрабатывают навыки постановки вопросов и ответов на вопросы; - Учатся логично излагать собственную точку зрения, аргументируя ее; - Научный комитет выбирает по разработанным критериям лучшее выступление; 	<p>Два часа аудиторной работы</p>

5. V этап – обратная связь

Для достижения значимых результатов при изучении иностранного языка процесс оценивания должен иметь систематический и регулярный характер и должен включать совместное обсуждение всех членов группы, занятых в проекте. Это можно назвать своего рода «метаобучением», когда члены группы учатся, анализируя собственный опыт. Чтобы процесс анализа не превратился в сумбурную дискуссию и обмен мнениями «нравится – не нравится», процесс обратной связи следует организовать, заранее обозначив направления, по которым будет проходить обсуждение. Можно выделить следующие направления:

1. Содержание проекта (конференции).
2. Форма проведения проекта (конференции) и форма выступлений.
3. Используемый язык и наиболее типичные ошибки.

Вышеизложенное в обобщенном виде представлено в таблице 5.

Таблица 5

Цели V этапа	Обязанности преподавателя	Обязанности студентов	Время и место
Анализ результатов конференции	<ul style="list-style-type: none"> - Организует процедуру оценки и обсуждения в группе по оценочным листам; - Оценивает собственную деятельность по руководству проектом. 	<ul style="list-style-type: none"> - Отбирают лучшее выступление на конференции; - Обсуждают результаты проекта по критериям преподавателя; - Анализируют собственные достижения по результатам конференции; 	Час аудиторной работы

ВЫВОДЫ

В условиях повышения требований к иноязычной подготовке специалистов в системе высшего образования и одновременного сокращения объема аудиторных часов особую значимость приобретает воспитание ответственности и самостоятельности Л. П. Качалова, Д. В. Качалов, А. В. Качалов [4, с. 52-53] у будущих специалистов. В этом плане работа по подготовке и проведению студенческой научной конференции (СНК) обладает большим образовательным и воспитательным потенциалом. Она способствует установлению межпредметных связей, соединяет теорию с практикой, интегрирует предметные и метапредметные компетенции, способствует увеличению объема знаний по профильным дисциплинам. Немаловажно и то, что принципиальное отличие студенческой конференции как разновидности проектных работ от обычных семинарских занятий состоит в том, что на занятии контекст общения создается преподавателем, и в соответствии с ним учащимся задается определенный формат участия в семинаре, то есть процесс общения органичен рамками «предлагаемых обстоятельств». В ходе подготовки к конференции контекст общения создается самими участниками проекта, и возникает более естественная среда для

речепроизводства и смыслопорождения, что, безусловно, повышает речевую активность учащихся.

Список литературы

1. Болонский процесс: Результаты обучения и компетентностный подход (книга-приложение 1) / под ред. В. И. Байденко. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. – 536 с.
2. Вербицкий А. А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования / А. А. Вербицкий // Высшее образование в России. – 2010. – № 5.
3. Зинченко А. А. Общество и образование / А. А. Зинченко. – М.: Эксперт, 2005. – № 9.
4. Качалова Л. П., Качалов Д. В., Качалов А. В. Технология формирования творческой самостоятельности у студентов педвуза / Л. П. Качалова, Д. В. Качалов, А. В. Качалов // Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс] 2009. – № 6. – Режим доступа: URL: www.science-education.ru/34-1317 (дата обращения: 11.02. 2016).
5. Лытаева М. А., Талалакина Е. В. Academic Skills: сущность, модель, практика / М. А. Лытаева, Е. В. Талалакина // Вопросы образования. – 2011. – № 4. – С. 178–201.
6. Медведева Н. Е. Учебный проект: от парадигмы знания к парадигме мышления / Н. Е. Медведева. – Вестник МГУ, Серия №19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2012. – № 1. – С. 8.
7. Образцов П. И., Иванова О. Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учеб. пособие / под ред. П. И. Образцова / П. И. Образцов, О. Ю. Иванова. – Орел : ОГУ, 2005. – 114 с.
8. Пасов Е. В. Коммуникативный метод обучения иностранному языку / Е. В. Пасов. – М. : Просвещение, 1985.
9. Полат Е. С. Метод проектов на уроках иностранного языка / Е. С. Пасов // Иностранные языки в школе / Под ред. Коваленко Л.В. – М., 2000. – № 2. – С. 6.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 035700 Лингвистика (квалификация (степень) «Бакалавр») (в ред. Приказа Минобрнауки РФ от 31.05.2011 № 1975) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fgosvo.ru/upload/les/fgos/3/20111115120152.pdf>. (дата обращения: 17.09. 2015).
11. Eurydice. Content and Language Integrated Learning (CLIL) at School in Europe. Eurydice. The information network on education in Europe. ISBN 92-79-00580-4. This document is also available on the Internet (<http://www.eurydice.org>). Text completed in November 2005. © Eurydice, 2006. Brussels. Printed in Belgium. [Электронный ресурс] Available: http://www.indire.it/lucabas/lkmw_file/eurydice/CLIL_EN.pdf. (дата обращения: 25.09. 2015).
12. Hutchinson T. Introduction to project work / T. Hutchinson. – Oxford : University Press, 1995.
13. Wallace M. J. Training foreign language teacher: A reflective approach / M. J. Wallace. – Cambridge : Cambridge University Press. 1998.

LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF STUDENTS' SCIENTIFIC CONFERENCE

Medvedeva N. E.

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
E-mail: nemedvedeva@list.ru*

The shift of the emphasis in language teaching from a teacher-centered approach to a learner-centered one has resulted in the challenging task for teachers nowadays, i.e. to find proper methodological approach that enables their students attain some general educational and research goals and prepare for real world interaction in a foreign language.

The necessity for and the means for achieving greater learners' involvement have been extensively analyzed and described over the last three decades or so. The possibility that the learner can make an effective

contribution to what happens in the classroom is certainly worth pursuing. There is a vast literature on the advantages of project methodology in English language teaching (ELT), that develops reflective activities and enables students improve critical thinking skills. The project methodology is widely used all over the world mainly because such method is an effective strategy for overcoming the limitations of the traditional one-way communication model typical of the modern education paradigm with its emphasis on science, cognition and reproduction of learned knowledge.

The article proceeds from the assumption that involving students into academic projects is one of the ways to create productive EFL learning environment and maximize students' achievements. Following E. Polat, the author views the project method as a didactic category, a unity of techniques and operations, aiming at mastering a defined field of practical or theoretical knowledge, or some skill. In other words a project work is a task which focuses on a topic of interest and integrates language skills through a number of activities. These activities include planning, gathering of information through reading, listening, interviewing, discussion of the information, problem solving, oral or written reporting, etc. The offered model of students' scientific conference is based on the idea that students need to take an active role in creating a social and cultural conditions for forming a common educational space, and the degree of their commitment is directly associated with the success of their learning. This model reflects several important principles of intensive language teaching and learning, including the principles of personal interaction, education through play, collective learning, and the importance of highly dense and multifunctional cognitive and language tasks

The article deals with project work as a means to create a truly inspiring and innovative learning environment to stimulate students' progress and raise the level of their academic achievement. It also attempts to contribute to the discussion by exploring linguo-didactic potential of students' scientific conference (SSC) and offers insights for teachers interested in using projects in their classrooms. By describing different stages involved in preparation and holding scientific conference the author reflects on the changing roles of both the teacher and students towards the acquisition of learners' independence in language study. The role of the teacher in promoting independent learning is that of a facilitator, organizer, instructor rather than knowledge provider and the subject of control for students. In effect, without a great deal of support and follow-up instructions from the teacher, it is unlikely that students would cope with the scientific conference project. The teacher may be confronted with the fact that students feel confused, discouraged or unmotivated by the shift of responsibility. Therefore a feedback on project topics and their progress is a must. A uniform system of students' progress control and evaluation being an integral part of the learner-centered approach ideally includes the following components:

traditional forms of control – tests, text writing and analysis, listening comprehension, translation, situational dialogues, etc. (such control is carried out by the teacher who delivered a particular course);

innovative forms of control – preparing and delivering a presentation on a topic related with the future profession followed by group discussion (including submitting a structured abstract for presentation);

Such unified control and assessment system ensures objectivity of students' progress evaluation since learners can be evaluated by their teacher as well as by their group-mates, which makes evaluation valid.

Involving students in project activity helps gain confidence in their ability to manage their learning and become independent language learner. Rather than memorizing and stringently practicing foreign language vocabulary and grammatical structures, students should learn and understand the language norms of a specific scientific environment, as well as the language behavior stereotypes.

The article concluded that a student-centered approach helps to increase students' learning autonomy and the portion of independent work within any foreign language course, which is an important condition for the development of higher education in modern Russia, according to the Bologna arrangements. These general views are based on the author's personal observations and experience. Also there is a hope on the author's side that her contribution to the subject of EFL teaching will give teachers some guidelines and an alternative perspective to consider.

Keywords: reflection; critical thinking; motivation; discourse strategy; feedback; professional communication settings.

УДК 811.11=138:316.775.2

СОЦИАЛЬНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мележик К. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: melezhik.karina@yandex.ru*

В статье рассматриваются инструменты создания социально-национальной вариативности межнациональной деловой коммуникации на контактном, предметно-ориентированном английском лингва франка (ПОАЛФ). Представлена классификация коммуникативных стратегий, способствующих деловому взаимодействию на ПОАЛФ русскоязычных и иностранных партнеров, разработанная на материале опросов двух групп информантов. Установлены основные типы коммуникативных стратегий, применяемых русскоязычными пользователями ПОАЛФ.

Ключевые слова: межнациональная деловая коммуникация, предметно-ориентированный английский лингва франка, коммуникативные стратегии.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации экономики, политики, культуры, науки и образования транснациональные сетевые организации, функционирующие в странах с различными языками, должны выбирать общий, как правило, предметно ориентированный английский язык, выполняющий функцию лингва франка (ПОАЛФ), что может создавать определенные проблемы в сфере внутренней и внешней коммуникации. Английский язык, используемый в качестве инструмента межнациональной и межкультурной коммуникации, осуществляемой в национальных и/или транснациональных сообществах практики, является разновидностью английского лингва франка, которая представляет собой предметно-ориентированный социолект, функционирующий в глобальном континууме английского языка и в значительной мере сохраняющий морфо-синтаксические, лексико-семантические и фонетические нормы стандартного английского языка, но отличающийся социально и национально обусловленными особенностями использования социолингвистических переменных.

Актуальность исследования определяется необходимостью концептуального переосмысления функционально-прагматической роли контактного языка межнациональной коммуникации как инструмента современного этапа глобализации, представленного совокупностью процессов, в ходе которых мир оказывается все более взаимосвязанным на местном, региональном и глобальном уровне.

Цель данного исследования – выявить факторы нарушения языкового взаимодействия, определяющие специфику реализации предметно-ориентированного английского лингва франка в межнациональной деловой коммуникации. Заявленная цель достигается путем решения следующих задач: а) установить принципы коммуникативно-прагматической вариативности ПОАЛФ деловой коммуникации; б) очертить диапазон социолингвистических переменных и коммуникативных стратегий,

характеризующих предметно-ориентированный АЛФ коммуникации в транснациональных организациях.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Ситуативный выбор языка общения в процессе дискурсивной практики транснациональных организаций

Вынесенный в заголовок статьи термин «деловая коммуникация» представляет процесс взаимодействия деловых партнеров, направленный на организацию и оптимизацию того или иного вида предметной деятельности, т.е. предметом делового общения является совместная деятельность, а партнеры всегда выступают как взаимосвязанные участники.

Отношения между участниками делового взаимодействия в тех или иных межнациональных профессиональных контекстах осуществляются представителями различных культур, и специфику такого взаимодействия определяют ключевые характеристики организационной структуры, в числе которых следование регламентации целей и мотивов общения.

По данным шведского исследователя Б.-Л. Гуннарсон, английский язык (АЯ) является естественным выбором для шведских, датских, норвежских и финских компаний в коммуникации с партнерами за пределами Скандинавии, но в некоторых норвежских или шведско-финских фирмах выбор языка общения может варьироваться [2, p.130].

Шведские исследователи англоязычной деловой коммуникации К. Лагерстром и М. Андерссон подчеркивают, что социальное взаимодействие обеспечивает эффективность координации деятельности всех участников и распространения организационной информации в межнациональных коллективах, однако межличностная коммуникация невозможна без общего языка [4, p. 94]. Они приводят слова менеджера одной из шведских компаний: «Мы все говорим на нашей собственной разновидности английского языка, а это означает, что нам надо общаться и проводить время вместе, чтобы узнать, кто как говорит. Поэтому мы должны быть заинтересованы в том, чтобы встречать и узнавать новых людей» [4, p. 91]. Выражение «наша собственная разновидность английского языка» иллюстрирует своего рода солидарность между пользователями АЯ и показывает, что это не только нейтральный контактный ПОАЛФ, но и основа для взаимопонимания.

Другие авторы указывают на реальную ценность АЯ как важной составляющей части корпоративных активов организации, утверждая, что языковой барьер, препятствующий социальному взаимодействию, не может быть преодолен с помощью письменного и устного перевода [1, p. 37], т.к. «основой любого бизнеса являются личные отношения непосредственно понимающих друг друга людей» [5, p. 36].

На практике ситуативный выбор языка общения означает следование принципу целесообразности: на уровне внутрикорпоративной переписки и устного общения между подразделениями транснациональной организации взаимодействие ведется, главным образом, на АЯ. Внешняя коммуникация между организацией и ее клиентами, например, в Германии, России или Центральной Азии может требовать использования, наряду с АЯ, и других языков, более приемлемых для партнеров транснациональной организации [3, p. 42], что способствует взаимной адаптации культурных и поведенческих норм коммуникантов.

Австрийский лингвист У. Шмит выражает позицию многих исследователей, утверждая, что участники взаимодействия на ПОАЛФ, по определению, должны участвовать также и в межкультурном общении, где смешиваются культурные и поведенческие нормы, связанные как с АЯ, так и с национальными языками [6, р. 41].

2. Стратегии регламентации социального взаимодействия в деловой межнациональной коммуникации

Межкультурное общение между участниками делового взаимодействия в транснациональных организациях не только регламентируется социально разделяемыми коммуникативными, поведенческими, текстообразующими и лексико-грамматическими правилами, но и подкрепляется соответствующими стратегиями. Задача конкретизации этих коммуникативных стратегий была, в частности, поставлена в ходе экспериментального исследования, проведенного автором с сентября 2012 г. по сентябрь 2014 г. Для данной статьи, отражающей один из этапов исследования, был отобран фактический материал, полученный в процессе интервью с российскими и иностранными специалистами, работавшими в различных крымских организациях и использовавшими ПОАЛФ в профессиональной коммуникации. Ввиду ограниченных рамок статьи не представляется возможным дать характеристику информантов. Интервью проводились на английском языке, путем межличностного вербального общения в условиях визуального контакта, а также с помощью разных служб Интернета – по скайпу, электронной почте, с использованием социальных сетей и технологии видеоконференций. Длительность отдельного интервью – 25-40 мин.

В процессе дискурсивной практики, когда постоянно кодируется/декодируется специальная информация, ментальная репрезентация опыта участников межнациональной деловой коммуникации имеет место не только на лексико-синтаксическом и семантическом, но и на речеповеденческом уровне. Так, например, побывавший в Крыму более 10 раз представитель компании Herbalife, отметил, что в процессе общения русскоязычных и иностранных собеседников обнаруживается определенный дисбаланс их коммуникативного поведения. Он рекомендует принимать во внимание стереотипы культурного аспекта общения с русскоязычными партнерами и использовать стратегии, помогающие им оптимизировать понимание деловой английской речи: *«I've found that these communication problems of Russian speakers are often arising from the cultural imbalance of behaviour. They can be fixed by simple things that you should try to employ in your speech».*

Эту точку зрения разделяют многие информанты, как носители АЯ, так и представители европейских стран. Они признают, что необходимо отказаться от привычной для них свободной или небрежной манеры речи, которая не отвечает культурным стереотипам коммуникации с русскоязычными пользователями ПОАЛФ: *«It is conventional for our casual talk to demonstrate parity by being kind of slipshod, which turns out quite different with Russian speakers».*

Сотрудник Швейцарского бюро сотрудничества считает необходимым говорить медленней, чем он обычно делает, поскольку для его русскоязычных собеседников более привычна несколько замедленная манера обсуждения: *«I always try to speak more slowly than I would normally because their mode of discussing things is somewhat lax».*

Консультант бельгийского банка также утверждает, что ему приходится следить за своим темпом речи даже во время неформальных встреч с русскоязычными партнерами: «*I naturally speak quickly so I take care to try to slow down even in informal meetings with Russian counterparts*». С ним соглашается представитель Немецкого бюро международного сотрудничества, который также считает, что следует разговаривать медленно и четко с теми, кто недостаточно бегло говорит по-английски, хотя такие переговоры требуют больше времени, чем планировалось: «*Yes, it's very important to speak slowly and distinctly for some who are less fluent in English though it always takes more time than you have planned*».

Анализ ответов иностранных и русскоязычных информантов позволяет зафиксировать систематические различия в применении коммуникативных стратегий. Прежде всего, иностранные участники коммуникации на ПОАЛФ более многословны, и этот факт следует отнести не столько на счет более высокого уровня владения АЯ, сколько на счет культурных стереотипов, принятых в их среде. Они предпочитают межличностные, интерактивные стратегии дискурса, которые способствуют поддержанию диалога и обратной связи в дискуссии. Это, например, ссылки на предшествующего собеседника, неофициальная манера общения, вопросы по ходу обсуждения, обращение по имени, уклонение от прямого ответа и т.п.

Русскоязычные коммуниканты предпочитают более прямой и сдержанный стиль дискурса – они менее многословны, концентрируются на непосредственном предмете обсуждения, меньше используют элементы межличностных, интерактивных стратегий, способствующих неформальной манере общения. При этом обе группы участников достаточно успешно строят деловую коммуникацию.

Для того, чтобы определить интерактивные стратегии, наиболее часто используемые русскоязычными коммуникантами, им было предложено заполнить опросный лист, целью которого было выяснить, имеется ли определенная зависимость между коммуникативным поведением информанта и опытом общения с иностранцами; насколько регулярны деловые контакты информанта с иностранными партнерами, и какие индивидуальные стратегии использует информант для повышения эффективности общения.

Опрос показал, что регулярные англоязычные контакты имеют 24 информанта из 73, т.е. даже не все руководящие работники организаций, связанных деловыми отношениями с зарубежными партнерами. Ограниченные контакты имеют 31 информант и случайные контакты – 18 информантов. Результаты опроса представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Коммуникативные стратегии русскоязычных пользователей ПОАЛФ

Регулярность контактов Стратегии	Регулярные контакты	Огранич. контакты	Случайные контакты
1. Охотно вступают в разговор	24	19	13
2. Не боятся делать какие-либо языковые ошибки	24	19	10

*СОЦИАЛЬНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ*

3. Продолжают разговор, даже если есть проблемы понимания	24	25	14
4. Просят собеседника подтвердить понимание	17	17	18
5. Просят собеседника пояснить смысл на примере	11	29	18
6. Отвечают собеседнику, даже если недостаточно поняли его высказывание	–	31	18
7. Способствуют продолжению разговора с помощью вербальных и невербальных сигналов	24	23	7
8. В ходе разговора пользуются электронными справочниками	–	17	14
9. Обращаются за помощью к другим участникам разговора	–	31	18
10. Наблюдают за жестами и выражением лица собеседника	24	31	18
11. Используют невербальные способы передачи информации	8	22	13
12. Стараются уловить главную мысль собеседника	24	31	18
13. Стараются понять тему сообщения на основе знакомой лексики	–	31	18
14. Стараются угадать общий смысл того, о чем говорит собеседник	–	31	18
15. Переключаются на родной язык, когда не могут выразить себя по-английски	–	9	18
16. Отвечают собеседнику, даже если недостаточно поняли его сообщение	13	31	18
17. Самостоятельно корректируют свои высказывания	24	17	14

18. Самостоятельно исправляют свои ошибки	24	17	14
19. Повторяют вслед за собеседником его слова и выражения	–	17	14
20. Говорят медленно, чтобы дать себе время подумать	24	31	18
21. Вспоминают выражения, которые встречали в профессиональной коммуникации и стараются использовать их в разговоре	–	17	14

Как видно из таблицы, треть всех информантов имеют регулярные англоязычные контакты, охотно вступают в разговор и способствуют его продолжению с помощью вербальных и невербальных сигналов. Они не боятся делать какие-либо языковые ошибки и исправляют свои высказывания, которые считают некорректными и несоответствующими, наблюдают за речевым поведением собеседника, говорят медленно, чтобы дать себе время подумать.

42% информантов имеют ограниченные англоязычные контакты, и только 2/3 из них охотно вступают в разговор и не боятся делать какие-либо языковые ошибки. Информанты этой категории восполняют недостатки понимания тем, что обращаются за помощью к другим участникам коммуникации, стараются уловить общий смысл разговора, опираясь на знакомую лексику и речевое поведение собеседника, отвечают собеседнику, даже если недостаточно поняли его сообщение, говорят медленно, чтобы дать себе время подумать.

Четверть всех информантов имеют случайные англоязычные контакты. Они менее охотно вступают в разговор и больше боятся делать языковые ошибки. Информанты этой группы практически всегда стараются угадать общий смысл того, о чем говорит собеседник, опираясь на знакомые слова, словосочетания. Они отвечают собеседнику, даже если недостаточно поняли вопрос, просят подтвердить понимание, пояснить смысл на примере, обращаются за помощью к другим участникам разговора, наблюдают за жестами и выражением лица собеседника, переключаются на родной язык, когда не могут выразить себя по-английски, говорят медленно, чтобы дать себе время подумать.

Таким образом, культурные стереотипы коммуникативного поведения информантов представлены на функционально-прагматическом уровне вербальными и невербальными коммуникативными стратегиями, которые, в свою очередь, базируются на культурно-прагматических стереотипах русскоязычной коммуникации. Иными словами, информанты используют общие для своей группы культурные стереотипы, определяемые как коммуникативные стратегии регулирования, посредством которых они адаптируют свои языковые ресурсы, перестраивают их, интегрируют в зависимости от постоянно меняющихся факторов англоязычного делового общения.

Среди общих для многих информантов стратегий регулирования следует выделить различные виды коммуникативных стратегий экспликации смысла и, в первую

очередь, стратегию согласования темы высказывания. Она реализуется: а) в виде обращений к собеседнику для подтверждения понимания, пояснения смысла на примере; б) в виде собственных усилий уловить главную мысль, угадать общий смысл того, о чем говорит собеседник, путем распознавания вербальной информации; в) в виде отправления своих вербальных и невербальных сигналов, подтверждающих понимание, и распознавания невербальных сигналов собеседника.

ВЫВОДЫ

Подводя итог обсуждению социально-национальной вариативности ПОАЛФ в деловой коммуникации, подчеркнем, что компенсация недостаточных вербальных средств достижения коммуникативных целей осуществляется с помощью таких культурно-обоснованных стратегий, как стратегия уклонения, стратегия повторения, необходимая для получения дополнительного времени, стратегия побуждения других участников коммуникативной ситуации к компенсации дефицита собственных средств передачи значения.

Существует очевидная зависимость коммуникативного поведения русскоязычных информантов от регулярности их контактов с иностранными партнерами. Коммуникативное поведение информантов, регулярно задействованных в интернациональных контекстах делового общения, носит экстравертный характер и направлено на поддержание внешней совместимости и согласованности взаимодействия в условиях конкретной организации.

Коммуникативное поведение информантов, которым в их организации доступны ограниченные или случайные контакты, носит интравертный характер и направлено на поддержание внутренней совместимости и согласованности своего взаимодействия с интернациональными участниками делового общения.

Список литературы

1. Feely A. J., Harzing A. W. Language management in multinational companies / A. J. Feely, A. W. Harzing // *Cross-cultural management*, 2003, No. 10 (2). – P. 37- 52.
2. Gunnarsson B. L. Discourse in Organizations and Workplaces / Britt-Louise Gunnarsson // *Contemporary Applied Linguistics, Volume 2: Linguistics for the Real World*, eds. L. Wei & V. Cook. London: Continuum, 2009. – P. 121-141 [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.nordiska.uu.se/britt-louise-gunnarsson/gu...
3. Kankaanranta A. English as a corporate language: Company-internal e-mail messages written by Finns and Swedes / A. Kankaanranta // B.-L. Gunnarsson (ed.). – *Communication in the Workplace*. Research Group of Discourse in the Professions TeFa, Uppsala, 2005, No. 42. – P. 42-59.
4. Lagerstrom K., Andersson M. Creating and sharing knowledge within a transnational team – the development of a global business system / K. Lagerstrom, M. Andersson // *Journal of World Business*, 2003, No. 38. – P. 84-95.
5. Schneider S. C., Barsoux J. L. *Managing Across Cultures* / Susan Schneider, Jean-Louis Barsoux. – Prentice Hall: London, 1997. – 267 p.
6. Smit U. English as Lingua Franca (ELF) as medium of learning in a hotel management educational program: An applied linguistic approach / Ute Smit // *Vienna English Working Papers*, 2003, No. 12(2). – P. 40-75.

**SOCIAL AND NATIONAL VARIABILITY
OF TRANSNATIONAL BUSINESS COMMUNICATION**

Melezhik K. A.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: melezhik.karina@yandex.ru*

The article is based on the presupposition that modern business environment is extremely international, and English is an important part of a global participant's linguistic repertoire. Multinational companies have their headquarters in major cities in different countries, and English is the daily language in most international companies. English is used in internal communication, and the practice of institutionalizing English as a company language gives it an official status.

The article discusses factors pertaining to the problem of internationalization of business communication and its integration into international economy and infrastructure through the universal medium of the contact English language (EL). European intercultural communication is known for its international membership and the common contact language – English Lingua Franca (ELF). For analysis of ELF employed in all specialized domains of European social and cultural diversity, a new notion is suggested – Domain-oriented English Lingua Franca (DOELF).

In communities of practice, composed of different mother tongue speakers, the generally accepted contact language is Domain-oriented English Lingua Franca of communication. In communities where people speak the same mother tongue it performs the function of a potential tool of internationalization for would-be communication with speakers of other mother tongues. It is Domain-oriented English Lingua Franca of internationalization.

It is argued that Russian business environment members are integrated into the international business community network by the task-oriented implementation of EL, which works as a universally accepted tool involving all individual members of the business community who are engaged in specialized workplace and organizational communication.

The new term “domain-oriented English Lingua Franca” is employed to denote the contact tool for specialized international communication in the business environment. The research of the internationally applicable DOELF is carried out on the material collected in a series of experiments with three groups of Russian and foreign workers of Crimean business organizations. Social interaction in Domain-oriented English Lingua Franca of communication is studied basing on the IC contexts where 144 European and Russian DOELF users participate.

Self-evaluation of their communicative competence demonstrated stable variability in their DOELF levels. Pronunciation and grammar distinctions of their domain-oriented discourse are distributed in kernel and peripheral zones of phonetic and morphosyntactic variables, more significant deviations claimed to be in EL categories with more expressed semantic markedness than those in the Russian language.

The author discusses verbal and nonverbal tools of creating national variability of intercultural communication in the common contact domain-oriented English Lingua Franca. It is argued that in mixed business communities DOELF interaction requires employment of communicative strategies. It is claimed that in multinational organizations strategies of speech production and interpretation depend on nationally rooted cultural stereotypes realized by business English Lingua Franca speakers.

A classification of the main types of communicative strategies is offered basing on experiments carried out with groups of Russian and foreign respondents – DOELF speakers. Strategies typical for the communicative behavior of Russian DOELF speakers are claimed to be affected by Russian language communication cultural-pragmatic strategies which regulate and compensate language resources.

Among most popular strategies of information regulation there are strategies of meaning explication and topic negotiation that are realized through such activities as requests for confirmation of understanding, references to previous experience, verbal and non-verbal symbols of agreement or disagreement, etc. Compensation strategies for the insufficient language competence involve deviation from the topic, time-saving repetition, inclusion of other communicants, etc.

The author maintains that communicative behavior of Russian EFL speakers depends on the frequency of their contacts with foreign partners. Russian users having regular contacts with foreign counterparts demonstrate extravert communicative strategies aimed at coordination of intercultural cooperation within their organizations. Their coworkers having random contacts with foreigners demonstrate introvert communicative behavior aimed at maintaining compatibility in domain-oriented IC.

Keywords: international business communication, Domain-oriented English Lingua Franca, communicative strategies.

УДК 811.134.2:81'373.45=111

ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ, ЗАИМСТВОВАННЫХ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Науменко Н. П., Климачёва А. И.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: nina1963vasya@mail.ru, brooder9@rambler.ru*

Статья представляет собой попытку выявить особенности англицизмов в испанском языке и определить сферы их употребления. Приведены примеры распространённых англицизмов, их классификации по источнику заимствования и степени ассимилированности, также выделены семантические поля заимствований из английского языка.

Ключевые слова: англицизмы, неологизмы, спэнглиш, семантическое поле.

ВВЕДЕНИЕ

Неологизмы – яркое свидетельство социальной природы языка. Постоянно меняющаяся действительность, развитие общества, прогресс науки, техники, культуры неразрывно связаны с человеком, с его духовной и материальной деятельностью. В развитых языках количество неологизмов, зафиксированных в газетах и журналах в течение одного года, составляет десятки тысяч. Это обусловлено социальной потребностью в именовании всего нового и в его осмыслении, внутриязыковыми факторами – тенденциями к экономии, унификации, системности языковых средств, этимологией, задачами экспрессивно-эмоциональной стилистической выразительности. И поэтому в настоящее время заимствования из английского языка составляют большую часть испанских неологизмов, за ними следуют лексические кальки англоязычных слов и выражений и относительно небольшую группу составляют заимствования из французского, арабского, русского, итальянского, японского и других языков.

Целью данной работы является выявить особенности англицизмов в испанском языке и определить сферы, в которых они наиболее употребляемы. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: классифицировать исследуемый материал (по источнику заимствования, степени ассимилированности), проанализировать значение отдельных лексико-семантических единиц, установить этимологию слов, максимально учитывая все объективные данные.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Неологизмы выражают новые понятия, но их материальная форма создаётся из уже существующих основ, аффиксов и окончаний и с соблюдением правил и закономерностей словообразования конкретного языка. Согласно классификации русского лингвиста и литературоведа В. В. Виноградова [2, с. 275], испанские неологизмы, заимствованные из английского языка можно разделить на две группы. К первой относятся англицизмы-слова, то есть, исконно английские слова, которые изменяют-

ся или не изменяются при написании [3, с. 23]. Например, *anticrisis, celebrity, coffee-shop, backstage, bodyart, bonus, boss, botox, briefing, e-book*. Вторая группа состоит из англицизмов-калек, то есть, испанских слов, которые под влиянием английской речи приобрели новые значения, уже закрепившиеся в языке или рассматриваемые как семантические неологизмы. Ко второй группе относятся такие неологизмы, как *armas de destrucción masiva, aldea global, realidad virtual, red, tienda virtual, video llamada*.

И. В. Арнольд, специалист в области лексикологии, разделяет англицизмы по степени их ассимилированности в испанском языке [1, с. 71]. Опираясь на данную классификацию можно выделить следующие виды англицизмов:

1) неассимилированные англицизмы-слова, неологизмы полностью сохранившие английскую графику: *grog, lady, lord, mustang, pudding, speaker*;

2) частично ассимилированные англицизмы-слова, неологизмы, в которых изменилась исконная графика под влиянием испанских орфографических закономерностей, но английское происхождение в них ещё заметно: *banear, bumerán, búngalo, criquet, chatear, estrés, filme*;

3) ассимилированные англицизмы-слова, неологизмы, в которых ассимиляция происходит с помощью испанских суффиксов и окончаний, фонетической и орфографической адаптации слов: *astronauta, boxear, filmar, helicóptero, síndrome, sprintar*;

4) неассимилированные англицизмы-значения, неологизмы, образованные путём переосмысления существующих лексических значений слов, получившие распространение в различных сферах речи, однако ещё не признанные литературной нормой: *adicto, cazadora, cebra, grupo, lanzar, modelo*;

5) ассимилированные англицизмы-значения, неологизмы, образованные путём переосмысления существующих лексических значений слов, которые вошли в литературную норму и представляются для носителей языка испанскими значениями слов: *apartamento, automático, autoservicio, clipe, clonación, yate*.

Согласно мнению испанского исследователя М. Маркес Рохас: «Заимствования могут иметь различные степени ассимиляции: от нулевой степени ассимиляции (неассимилированные заимствования) до почти полной ассимиляции, так как если ассимиляция полная, то слово больше не считается заимствованным» [7, с. 43].

Англицизмы в испанском языке могут быть разделены по сферам употребления. Самыми распространёнными являются следующие семантические поля заимствований из английского языка:

- культура и общество: *hippie, hula hoop, babyboom, chill out, bullying, bodyart*;
- новые технологии: *bluetooth, botox, offset*;
- экономические и биржевые термины: *benchmarking, briefing, cash*;
- компьютерные технологии и интернет: *arcade, blog, blogger, chatear*.

Так как английский язык в последнее время оказывает большое влияние на испанский язык, широкие слои испанской общественности уже на протяжении многих лет обеспокоены чрезмерным употреблением заимствований и намерены уберечь испанский язык от чрезмерного влияния англицизмов. Испанские лингвисты, ученые, журналисты, общественные деятели Ф. Ласаро Карретер, А. Грихельмо, Ф. Родригес Адрадос, Ф. Саватер и другие, отмечают общий кризис вербальной культуры в испанском обществе, высказывают резонное опасение за судьбу литературного языка. В 1994 г. Ф. Ласаро Карретер направил письмо президенту Испании, в котором про-

сил усилить защиту испанского (кастильского) языка в билингвальных сообществах. В письме говорилось о том, что среди прочих мер защиты испанского языка необходимо его сохранение на всех топонимических указателях, чтобы ни один испанец не испытывал бы каких-либо затруднений и не чувствовал бы себя иностранцем в своей стране [5, с. 233]. Ф. Ласаро Карретер отмечает, что современное испанское общество живет в англосаксонском окружении и индифферентно относится к различиям между культурами, обычаями народов, подражают «нортеамериканскому» образу жизни. «Se esrudia y se trabaja también con música *relajante*. Vestimos *vaqueros* a la moda de Tejas; desayunamos *cereales* a la americana, alivimos las retenciones escuchando un *compacto de música pop*» [6, с. 3].

Поэтому испанцы пытаются уменьшить это влияние, создавая свои неологизмы синонимичные английским или переосмысливая старые слова, например: IWF (interworking function) – *la Fundación de Vigilancia en Internet*, web – *red*, download – *descargar*, trash – *basura*, videogame – *videojuego*, computador – *ordenador*, search – *buscador*. Однако судьба неологизмов, как правило, зависит от социальной потребности, от коммуникативных нужд и пристрастий общества, а не от желания отдельной личности, поэтому даже авторитета выдающихся учёных и писателей недостаточно для того, чтобы остановить процесс закрепления неологизмов в языке.

Примечательно то, что для испанского языка, наполненного неологизмами английского происхождения, тоже есть своё название – *lengua espanglesa*, *espanglish*, *espanenglish*, *el Spanish broken*, *ingléspañol* [4, с. 142]. Яркий пример такого языка можно увидеть в работе Мануэля Криадо де Валя: «Lo mejor para el weekend es ir en jeep a pescar dos o tres blanch bass y luego tomarse un buen high ball o un gin» [8, с. 32], что в переводе на русский язык значит «Лучше всего в уикэнд поехать на джипе на рыбалку, поймать двух или трёх белых окуней и потом выпить хайбол или джин». Таким образом, Криадо де Валь выступает против влияния английского языка на испанский.

Особую популярность в испанском языке англицизмы получили благодаря международному туризму, влиянию средств массовой информации, популярности американского кинематографа, а также выразительности и экономичности английского языка. Также одной из главных причин вторжения англицизмов в испанский язык является то, что техническая и научная культура создаётся не на испанском языке, а испаноязычные страны лишь осваивают новшества и переводят новые термины на свой язык. Проблема заключается в том, что английская терминология уже хорошо разработана, а испанская ещё только создаётся, поэтому испанская речь пестрит неологизмами и кальками с английского даже тогда, когда соответствующий испанский термин существует. Однако техника постоянно развивается и по мере развития голосовых компьютерных технологий испанский оказывается более эффективным, чем английский.

Вполне вероятно, что английская лексика оказывает положительное влияние на современный испанский язык, приспособляя его ко всем сферам жизнедеятельности общества. И поэтому в будущем испанский язык имеет шансы существенно повысить свой статус в глобальном общении, а неологизмы, заимствованные из английского языка, будут лишь способствовать этому процессу.

ВЫВОДЫ

Испанские неологизмы, заимствованные из английского языка, можно разделить на англицизмы-слова и англицизмы-кальки. По степени ассимилированности англицизмы делятся на неассимилированные англицизмы-слова, частично-ассимилированные англицизмы-слова, ассимилированные англицизмы-слова, неассимилированные англицизмы-значения, ассимилированные англицизмы-значения. Выделены следующие семантические поля заимствований из английского языка: культура и общество, новые технологии, экономические и биржевые термины, компьютерные технологии и интернет.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Учебник для вузов (7-ое издание) / И. В. Арнольд. – Москва: Флинта-Наука, 2007. – 384 с.
2. Виноградов В. В. История слов / В. В. Виноградов. – Москва: Толк, 1994. – 138 с.
3. Гитлиц А. М. Пособие по лексикологии современного испанского языка / А. М. Гитлиц. – Москва: Высшая школа, 1974. – 102 с.
4. Курчаткина Н. Н., Ново-Гонсалес П. Практикум по лексикологии испанского языка: Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков и филологических факультетов университетов / Н.Н. Курчаткина, П. Ново-Гонсалес. – Москва: Высшая школа, 1987. – 175 с.
5. Фирсова Н. М. Активные процессы в современном испанском языке. Вопросы иберо-романской филологии. Выпуск 7 / Н. М. Фирсова. – Москва: Издательство Московского университета, 2005. – 240 с.
6. El nuevo dardo en la palabra [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://revistakatharsis.com> (дата обращения: 16.04.2016)
7. Gerding C., Fuentes M., Gomez L.E., Kotz G. Anglicisms: An active word-formation mechanism in Spanish. *Colombian Applied Linguistic Journal*, 16 (1) / C. Gerding, M. Fuentes, Gomez L. E., Kotz G. – Chile, 2014. – 54 p.
8. Manuel Criado de Val Don Quijote y Cervantes de ayer a hoy: Coleccion Scripta Academiae. – Madrid: Centro Superior de Investigaciones Cientificas, 2005. – 320 p.

THE PECULIARITIES OF SPANISH NEOLOGISMS BORROWED FROM THE ENGLISH LANGUAGE

Naumenko N. P., Klimachiova A. I.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: nina1963vasya@mail.ru, brooder9@rambler.ru*

The article is an attempt to find out the reasons of special popularity of Spanish neologisms borrowed from the English language. There are examples of wide-spread Anglicisms, their classification according to the source of the borrowing and according to the degree of their assimilation. There are also semantic fields of the borrowings from the English language. Neologisms are the result of constantly changing reality, development of the society, progress in the sphere of science, technologies, culture that are inseparably connected with a person, his spiritual and material activity. In the developed languages the quantity of the neologisms recorded in newspapers and magazines within a year makes thousands. It is caused by social need for naming all new things, intralinguistic factors, tendencies to economy, unification, systemacity of language units, etymology, problems of expressional and emotional stylistic expressiveness. That's why nowadays borrowed words from the English language make the largest part of Spanish neologisms.

It is not new to say that Anglicisms have been incorporated into Spanish. The constant development of communication combined with emigrations to the United States are the reasons that created a sense necessity

to add Anglicisms when speaking Spanish. The Spanish language has borrowed some words from the English language which people use for many purposes and connotations. Neologisms express new concepts but their material form is created with the help of already existing affixes and according to the rules and regularities of a certain language.

It is important to state some factors that have influenced the introduction of Anglicisms. Anglicisms are very popular in the Spanish language because of the international tourism, influence of mass media, popularity of the American films and also because of the expressiveness and profitability of the English language. Anglicisms have become popular because of the importance of the English language all over the world and English words are used more frequently in our society. The English language has become the second language in most of the countries around the world. Technology has increased the use of Anglicisms especially among young people. The English language has been introduced in our society through television, computers and many other modern machines. That's why we see, hear and talk Anglicisms every day. Also one of the main reasons of wide spreading of Anglicisms in the Spanish language that the commercial and scientific culture is not created in Spain and Spanish speaking countries only adopt innovations and translate new terms into Spanish. The problem is that English terminology is already well developed and a Spanish one is in the process of creation and that's why the Spanish language is full of neologisms and borrowed words from the English language even if there is a corresponding Spanish term. But the technologies are constantly developing and the Spanish language is more effective than the English language in the field of voice computer technologies. According to the opinion of Japanese scientists in the area of informatics the Spanish language due to the structure of its phrase is the best of all the existing natural languages for automatic recognition and modeling. The percent of probability of ambiguous interpretation in it is much lower than in other languages, the Spanish word has less meanings than the English one. It is quite possible that English words have the positive influence on modern Spanish and it adjusts it to all the spheres of the activity of society. And that's why in the future the Spanish language has an opportunity to increase its status in global communication and the neologisms borrowed from the English will hamper this process.

Keywords: Anglicisms, neologisms, espanglish, semantic field.

УДК 378.147

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Наумова О. В.

*Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: study2004@yandex.ru*

Статья посвящена основным подходам к обучению переводу научных и технических текстов. В статье рассматриваются подходы к классификации перевода; методика перевода текстов научного стиля; основные требования, которым должен удовлетворять хороший перевод. Особое внимание уделяется общим и специфическим переводческим навыкам и умениям, которые формируются с помощью теоретических, практических и экстралингвистических знаний в процессе речевой деятельности и в процессе выполнения специальных упражнений.

Ключевые слова: иностранные языки, преподавание, перевод, научные тексты, навыки, умения, упражнения.

ВВЕДЕНИЕ

Расширение международного сотрудничества во всех областях экономики и образования и современная ситуация на рынке труда требует от будущего специалиста активного владения иностранным языком. Практика показывает, что одним из факторов, обеспечивающих успешность и эффективность профессиональной деятельности современного специалиста, является способность ориентироваться в современной информационной среде, получать, обрабатывать и передавать профессионально значимую информацию. Следовательно, особую значимость в процессе обучения приобретает курс научно-технического перевода, который обеспечивает формирование профессиональной компетенции специалиста.

«Перевод научной и технической литературы является особой дисциплиной, возникшей на стыке лингвистики, с одной стороны, и науки и техники – с другой. Поэтому перевод научной и технической литературы надо рассматривать как с языковедческих, так и научных и технических позиций, с приматом первых при исследовании общеязыковых вопросов и вторых – при рассмотрении узкой терминологии» [6, с. 9].

В современной науке имеется целый ряд определений перевода, с различной степенью полноты, отражающих разные стороны этого многогранного явления. Например, «перевод – это трансформация текста на одном языке в текст на другом языке» [1, с. 6]. В данной статье под переводом, мы понимаем полноценную передачу сообщения на одном языке средствами другого языка.

Целью данной работы является формирование навыков и умений, необходимых для выполнения переводы текстов научного стиля. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: рассмотреть методику перевода научных текстов и основных требований, которым должен удовлетворять хороший перевод, определить общие и специфические переводческие навыки и умения, которые форми-

руются с помощью теоретических, практических и экстралингвистических знаний в процессе речевой деятельности и в процессе выполнения специальных упражнений.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Основные задачи перевода научно-технической литературы заключаются в том, что продукт перевода должен отвечать следующим требованиям: эквивалентности, адекватности, информативности, логичности и четкости изложения. У М. Н. Кожиной, например, называются точность, абстрактность, логичность и объективность – это экстралингвистические признаки научного стиля, которые организуют в систему все языковые средства, формирующие данный функциональный стиль [3]. Трудность перевода научного текста сопряжена также с необходимостью владения основными понятиями общей теории текста, прежде всего такими, как связность. Осознание важности понятия связности в методике перевода научного текста позволит избежать многих переводческих неудач, связанных с желанием изменить структуру параграфа, предложения, дробить текст оригинала и т.п.

Определяя содержание методики перевода, некоторые исследователи считают, что главное в ней – поиск удачных переводческих преобразований, замена предикатов, перевод словосочетаний и т.д. По нашему убеждению, перевод как языковая деятельность является не простой манипуляцией с текстом оригинала, не заменой одного текста другим, а сложным мыслительным процессом, строящимся на методе рефлексии.

Приступая к обучению переводу научно-технических текстов учащиеся, прежде всего, должны быть ознакомлены с основными особенностями перевода, а именно: при переводе научно-технической литературы следует учитывать, что язык научно-технических текстов является частью общенационального языка, использует его лексику и грамматический строй, тем не менее, ему свойствен определен стиль, отвечающий целям и задачам содержания научной литературы, а также ряд особенностей, как в области терминологии, так и в области грамматики. Для языка научно-технической литературы характерно наличие большого количества терминов, распространённость различных видов сокращений, предпочтение одних синтаксических оборотов другим, особенность перевода ряда грамматических конструкций, а также отсутствие эмоциональной насыщенности образных сравнений, метафор, элементов юмора, иронии и т.д. Основной стилистической чертой научно-технической литературы является краткость изложения материала и четкость формулировок. Одним из главных отличий языка технической литературы от языка художественной литературы является значительная насыщенность текста специальными терминами. По мере расширения границы человеческих знаний растет потребность в новых определениях понятий, как в освоенных, так и в новых областях науки и техники и, соответственно, расширяется словарный состав, причем расширение идет, в основном, за счет новых терминов. При переводе научно-технических текстов требуется совершенно отчетливое знание новой терминологии и умение точно передать её на русский язык.

Для успешного перевода научно-технической литературы необходимо следующее:

- 1) иметь определенный запас слов иностранного языка (в том числе специальной терминологии в определенной области знаний);
- 2) знать грамматику изучаемого языка, иначе слова останутся лишь «кирпичами», из которых не удастся ничего построить;

- 3) знать лексические, грамматические и стилистические правила перевода;
- 4) уметь пользоваться словарем (прежде чем открывать словарь, знать по формальным признакам, к какой части речи относится незнакомое слово; знать все особенности построения словаря);

5) иметь представление об области знания, к которой относится переводимый текст (а в идеале – хорошо ориентироваться в ней).

Таким образом, чтобы перевод научного текста удовлетворял вышеизложенные требования, учащиеся должны овладеть общими и специфическими переводческими навыками и умениями, которые формируются с помощью теоретических, практических и экстралингвистических знаний в процессе речевой деятельности. Таким образом, в содержание обучения переводу научных текстов входят:

- теоретические знания о фонетическом, лексическом и грамматическом строе иностранного языка (знания лексических единиц и грамматических правил, правил словообразования); об особенностях перевода научных текстов (знания о видах переводческих трансформаций и соответствий);

- языковые, практические знания (знания способов перевода: транслитерации, калькирования, перестановки, замены, добавления, опущения, способов описательного и антонимического перевода);

- экстралингвистические знания (информационный запас, необходимый для перевода специализированного текста), используемые в процессе понимания и перевода предложений исходного текста, поскольку при переводе специализированных научных текстов одних переводческих знаний недостаточно.

На основе имеющихся знаний необходимо формировать навыки и умения для осуществления перевода научного текста. Под навыком понимается «операция, достигшая в результате своего выполнения уровня автоматизма; это автоматизированный компонент сознательно выполняемой деятельности» [9, с. 128]. В аспекте исследуемой нами проблемы мы понимаем под навыком перевода научного текста операцию, достигшую в результате многократного выполнения уровня автоматизма. К навыкам перевода научных текстов относятся навыки перевода лексических единиц (лексический навык) и грамматических явлений (грамматический навык), а также «речевой навык переключения» с одного языка на другой.

В связи с проблемой определения межъязыковых соответствий в предметной сфере мы считаем целесообразным рассматривать в рамках лексического навыка иноязычный языковой терминологический навык и речевой терминологический навык [7], поскольку владение терминами является наиболее значимым в процессе перевода специализированного научного текста.

В переводе научного текста с иностранного языка на русский большую роль играют грамматические навыки, к которым относятся:

1) дискурсивно-аналитический языковой навык дешифровки формальных признаков грамматических явлений в тексте (понимание языковой информации с помощью аналитических действий) [8];

2) рецептивно-пассивный речевой навык (навык узнавания языкового материала по внешнему виду на основе зрительной памяти). В основе пользования этим

видом навыков лежат автоматизированные процессы узнавания языковых явлений и понимания (на основе контекста и припоминания) их значения.

«Речевой навык переключения» с одного языка на другой – это автоматизированные операции по переходу с одного языка на другой для перевода единиц речи. Мы разделяем точку зрения Р. К. Миньяр-Белоручева, который под навыком переключения понимает образование таких связей между иностранным словом или выражением и его эквивалентом в родном языке, при которых вербальная реакция на воздействие иностранного слова состоит в непосредственном возникновении его эквивалента на родном языке и проявляется автоматизировано, без видимых усилий [5, с. 43]. Таким образом, рациональное использование приемов сопоставления и перевода вызывает значительную активность высшей нервной деятельности, что, в свою очередь, благоприятно сказывается на процессе обучения.

Одним из важнейших свойств навыка является устойчивость и стабильность в выполнении операций (в данном случае – переводческих), и прочность нервных связей является признаком сформированности грамматических и лексических стереотипов. Навыки являются автоматизированными компонентами умений, которые мы вслед за И. А. Зимней называем способностью «выражать мысли посредством языка, основываясь на знании программы действия, языковых средств и способов формирования и формулирования мысли, на навыках их использования и их свободном комбинировании» [2, с. 31].

В процессе перевода научных текстов формируются две группы умений. В первую группу мы относим умения анализировать текст. Данные умения обеспечивают полноту понимания и нахождение инварианта научного текста. Вторую группу умений составляют умения передачи информации текста в форме реферативного и полного письменного перевода.

Обучая переводу, следует помнить, что для грамотного перевода необходимы не только языковые и речевые навыки и умения во всех видах речевой деятельности, но и языковая и речевая (коммуникативная) компетенция. Придерживаясь мнения В. Н. Комиссарова о многокомпонентном составе переводческой компетенции, укажем основные составляющие профессионально ориентированной переводческой компетенции: лингвистическая компетенция в рецептивном и продуктивном планах в родном и иностранном языках; текстообразующая компетенция (т. е. знание соотношения правил порождения текстов на родном и иностранных языках, умение строить адекватные оригиналу тексты разного функционального стиля, жанра и типа); коммуникативная компетенция, предполагающая умение максимально полно передавать смысл текста с иностранного языка на родной язык учащегося; технологическая компетенция (специфические знания, владение основными переводческими стратегиями и приемами); специальная компетенция (знание предмета; владение понятийно-терминологическим аппаратом данной предметной области); компенсаторные умения, т. е. умения пользоваться словарями, справочниками, базами данных и другими источниками дополнительной информации [4].

ВЫВОДЫ

Таким образом, вышеперечисленные знания, навыки и умения составляют процессуальный аспект содержания обучения переводу научных текстов, и от уровня их сформированности зависит эффективность осуществления этого вида перевода.

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Формирование необходимых навыков и умений происходит в процессе выполнения специальных упражнений, состоящих как из упражнений на формирование переводческих умений, так и заданий по практическому выполнению перевода.

На протяжении всего курса обучение переводу следует помнить, что главное – это научить учащихся творчески работать над языком. Приёмы расшифровки словосочетаний, использование догадки, умение работать со словарем, самостоятельно разбираться в незнакомых конструкциях, умение охватить основной смысл читаемого и, где нужно, использовать элементы анализа – всё это и составляет умение чтения и перевода, которые необходимы специалисту в его будущей работе.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на ИЯ: Кн. для учителя / И. А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
3. Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / М. Н. Кожина. – Пермь: Перм. ун-т, 1966. – 214 с.
4. Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу / В. Н. Комиссаров. – М.: Рема, 1997. – 112 с.
5. Миньяр-Белоручев Р. К. Методика обучения переводу на слух / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М.: ИМО, 1959. – 190 с.
6. Пумпянский А. Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык / А. Л. Пумпянский. – М., 1965. – 304 с.
7. Чичерина И. В. Профессионально-ориентированное обучение гидов-переводчиков в старших классах гуманитарной гимназии / И. В. Чичерина. – СПб., 1996. – 234 с.
8. Шатилов С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе / С. Ф. Шатилов. – М., 1986. – 223 с.
9. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика. Учеб. пособие для преподавателей и студентов / А. Н. Щукин. – М.: Фидоматис, 2004. – 416 с.

FORMING ABILITIES AND SKILLS IN TEACHING TRANSLATION OF SCIENTIFIC TEXTS

Naumova O. V.

*Lomonosov Moscow State University
E-mail: study2004@yandex.ru*

The article deals with the main approaches to the teaching of translation of scientific and technical texts. Translational science, being at the crossroads of different cultures, has an important communicative function. Translation studies enable communication between different lingual cultures. This may occur through the creation of cross-cultural and cross-language communication situations.

Scientific and technical translation has always played a pivotal role in disseminating knowledge. Today, the domain of science and technology is the main area of translation work. As a result of a growing amount of information transfer and need of technical/scientific specialists worldwide, the definition and role of “technical translation” has changed significantly over the past 90 years. Today, a technical specialist often has a major input into the development of a commercial product, and is well recognized for his or her contribution. In many countries engineers write all the majority of technical documentation in English accompanying their company’s products. In many companies personnel in engineering or marketing departments are asked to create or translate technical docu-

mentation. Nevertheless, there is still a discrepancy between the growing need for high-quality technical translations and the short supply of competent technical translators to produce them, a situation which may be due in part to the recent neglect of the equivalence concept in the theoretical/descriptive and applied branches of translation studies.

Education of translation by its structure is objectively difficult and complex process. This is due to the fact that this kind of speech activity as a translation, being at the crossroads of different cultures, has some fundamental characteristics that distinguish it from ordinary communicative situation. The approaches to the analysis of the translation underlie the choice of teaching strategies of translation, certain methodological guidelines for translation competence, the formation of which will perform the task of training an interpreter. Translation, first of all, is considered as a form of speech activity in polylingual environment in which the interpreter is a language mediator between two or more communicants. Furthermore, the translation activity is not spontaneous.

The article considers the approaches to the classification of translation; the methods of translation of scientific texts; the basic requirements for good translation. Special attention is paid to components of the procedural aspect in teaching translation of scientific texts and forming necessary theoretical and practical knowledge, abilities and skills, which are formed performing special exercises. The specific problems in the translation of scientific and technical texts cannot be framed within a general translation typology because of the individual characteristics of such texts. Their translation requires from the translator to have a specific translation competence. It is necessary to build a text corpus that helps us broaden our theoretical knowledge and propose pertinent didactic strategies aimed to help students develop their translation competence during their learning process.

Technical translation is primarily a tool used for the exchange of scientific and technical information between people, to communicate in different languages. There are different ways of technical text processing, each of them having its own characteristics and its own rules. These forms do not depend on the field of specialization, and so the engineer must be able to perform all kinds of information processing in a foreign language, however, when teaching technical translation it should be noted that the purpose of mastering the art of translation is not the transformation of the student in the professional translator but the formation of certain skills necessary for immediate understanding of foreign text, the ability to interpret the text without translation into their native language with minimal reference to the dictionary. Translation of scientific and technical documentation is an essential part of the scientific information activities that contributes to overcoming the language barrier. In the translation process the person has the maximum possible understanding of the meaning of the text.

One of the aims of this article is to cover the nature of scientific and technical texts, the stylistic genres on which they are based, and the relationship between the nature and genre of the texts and their translations. It then explores the possibility of a common set of rules for translating scientific and technical texts. Such texts comprise wide range of literature related to science and technology. This range itself shapes the character of translations. A translator must be fully aware of the stylistics, lexicology and syntax that differ considerably. It is important to challenge generally accepted principles of translation because language is a fluid entity influenced by factors such as society, new trends or technological progress.

The article considers the questions of formation of lexical skills in teaching translation of professionally-oriented literature. Particular attention is paid to the terminology of scientific and technical texts and work with the special-purpose vocabulary. The systems of lexical exercises as well as the mastering of the theoretical foundations of scientific and technical translation contribute to the development of students' lexical potential.

Thus, translation activities are special manifestation of speech at the crossroads of two language systems functioning with all the features of their system-structural and functional-communicative elements. Teaching translation is professionally-oriented component of the overall language training and carried out on the basis of existing speech and language competence with their parallel development, and aims to create general and specific competences of the activity. The method of teaching translation should take into account all the components together constituting the translation competence; it should focus on teaching the student everything that he will need to perform translation activities in one or another form of its manifestations.

The knowledge and analysis of how scientific and technical texts work could help optimize the teaching of their translation. Developing a specific didactic proposal including linguistic, textual, conceptual, methodological, social, historical, and technological aspects could help reaching that goal.

Keywords: Foreign languages, teaching, translation, scientific texts, abilities, skills, exercises.

УДК 811.11; 81-119

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СТАНДАРТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Онищенко Ю. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: schenec11@mail.ru*

Данная работа представляет краткий обзор существующих стандартов английского языка в Великобритании. Целью работы является уточнение определения «стандарта» для письменной и устной формы языка. Определены два основных варианта: Standard English для лексики, грамматики и правописания и Received Pronunciation устной речи. Рассматриваются текущие тенденции в становлении нового произносительного стандарта Estuary English.

Ключевые слова: стандарт, Standard English, Received Pronunciation, World Englishes, Estuary English, диалект, языковая ситуация.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика стандартного варианта английского языка (далее EL) и языковой нормы, в частности произносительной, является объектом научного интереса как отечественных, так и зарубежных исследователей в области социолингвистики, этим обусловлена **актуальность** выбора данной темы. Среди социолингвистов, разрабатывающих данную проблему, следует упомянуть Питера Траджилла, Питера Роуча, Рональда Картера, Дженни Чешир, Тони Кроули, Джеймса Милроя, Лэсли Милрой, К. А. Мележик, Г. В. Лашкову, М. Г. Кочетову. Вокруг термина «стандартный английский» развивается спор о существовании и функционировании стандарта, ведущий скорее к открытой дискуссии, нежели к ответам на многие вопросы, возникшие вокруг него.

Ввиду существующих разногласий во взглядах на языковой стандарт, в частности, произносительный, авторы ставят перед собой ряд **задач**, которые необходимо выполнить в данной работе: 1) определить понятие «стандарт английского языка»; 2) проанализировать сложившуюся языковую ситуацию относительно произносительного стандарта как в общем в англоязычном сообществе, так и в частности в Великобритании; 3) рассмотреть сложившиеся тенденции сосуществования традиционного общепринятого стандарта наряду с новым перспективным диалектом устья Темзы Estuary English.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Английский языковой стандарт: понятие и проблематика

Одно из определений стандарта EL указывает на то, что стандарт – национальный диалект, используемый в печати, преподаваемый в школах, это норма для словарей и грамматик. В пределах каждого национального варианта стандарт относительно однороден в грамматике, лексике, правописании, пунктуации [6].

Питер Траджилл отмечает, что процесс стандартизации состоит из нацеленности (принятие решения о том, какой вариант языка использовать представителям опре-

деленной нации для различных целей коммуникации), кодификации (приобретение единой узнаваемой и установленной формы языка) и стабилизации приобретенного стандарта [16].

Standard English (далее SE) – термин, который обозначает как использование языка, так и языковой идеал для «хороших» или «образованных» пользователей [9].

Определение подразумевает ограничения по критерию географического распространения: использование SE только британцами, либо англичанами, либо жителями южной Англии, или же употребление EL образованными людьми в северной Америке и в Британии в целом. Некоторые находят, что SE функционирует во всем англоговорящем мире. Для кого-то SE это монолит с более-менее строгими правилами и нормами, для других – ряд переплетающихся, наслаивающихся вариантов, так, например, американский SE и отличен от британского SE, и схож с ним. Термин выступает как негативный, позитивный и нейтральный, но в любом случае – как обозначающий неоспоримо важное явление. «Стандартный английский (под каким именем он ни был бы известен) является вариантом английского, который очевидно узнаваем в нашем обществе в качестве престижного варианта» [цит. по 9].

SE, несомненно, вступает в оппозицию с другими вариантами языка в разных плоскостях сопоставления. Следует отметить противопоставление между понятиями «стандарт» и «диалект», «стандарт» и «нестандарт», наконец, «стандарт» и «субстандарт» [9]. Исследователи единодушны в том, что SE – вариант языка, который представлен меньшинством своих носителей. Таким образом, «стандарт» не означает «тот, который мы слышим чаще всего» [9]. Точное соотношение говорящих, использующих SE, и тех, кто предпочитает другие варианты EL не установлено, и, вероятно, не подлежит точному подсчету. Более того, это соотношение редко обсуждается в литературе и научных дискуссиях.

Питер Стревенс, британский исследователь в области прикладной лингвистики, отмечает, что понятие «стандарт» применимо к грамматике, лексике, письму, печати, но не к произносительной стороне языка [15]. Однако такая точка зрения является относительно новой и не претендует на универсальность, хоть и находит все больше фактических доказательств в исследованиях, посвященных упомянутым противоречивым особенностям эволюции стандарта как единого и цельного базового пласта языковой системы EL. Так, несколько десятилетий назад лингвисты подчеркивали, что Британская версия SE, Received Pronunciation (далее RP), является единой для всех, кто использует английский язык, без учета места происхождения носителя языка [10].

Вопрос о том, включает ли, может ли и должен ли включать SE произносительные нормы, остается наиболее противоречивым в перечне многих непростых вопросов, ассоциируемых с термином «стандарт».

Язык или вариант языка фиксируется в грамматиках, словарях и таком культурном достоянии, как литературный канон. Так, например, французский язык обладал всеми тремя составляющими уже в 17 веке. Английский же приобрел аналогичный статус только лишь к тому времени, когда американские колонии провозгласили свою независимость. К середине 19 века Соединенные Штаты имели также свои грамматики, словари и литературный канон, однако, становление американского английского и американской литературы происходило в первой половине 20 века [9].

Некоторые исследователи выступают за принятие различных национальных стандартов EL, другие же видят множественность стандартов и само существование термина «Standard Englishes» разрушительными для языковой системы. Консенсус состоит в том, что в одно и то же время сосуществует и является узнаваемым и признанным ряд национальных стандартов наряду с единственным повсеместно принятым международным стандартом, который относится ко всем остальным и представляет собой стандарт стандартов.

2. Произносительные стандарты Великобритании. Традиционный произносительный вариант Received Pronunciation и перспективный лондонский произносительный вариант Estuary English

Языковая ситуация относительно стандартного варианта EL уникальна по нескольким причинам.

Во-первых, так называемая стандартная форма EL не является тем вариантом, который употребляет большинство говорящих, но тем, который со второй половины 17 века ассоциируется с принадлежностью к высокому социальному классу, наиболее образованному, богатому и влиятельному [4]. Рэймонд Хики говорит о том, что стандарт EL – изобретение 18 века [13]. Преподавание в английских школах ведется на стандарте EL с 18 века. К 19 веку сформировалось два национальных лингвокультурных полюса EL – Британия и Америка, варианты языка характеризовались широкими отличиями в произношении, были близки в грамматике, имели небольшие, но заметные различия в правописании и лексике [9].

SE – один из многих вариантов EL. Многие жители Великобритании используют нестандартные формы EL, которые являются частью всей языковой системы EL. Таким образом, стандартная форма языка является лишь частью языка в его многообразии вариантов. Так, Питер Траджилл приводит пример того, как два профессора могут вести разговор на стандартном, корректном, правильном варианте EL, однако, коммуникация будет осуществляться на произносительном варианте того региона, где они проживают [16]. Г. В. Лашкова отмечает, что «неверно представлять себе речь носителей языка как совершенно однородную и состоящую только из стандартов и норм произношения на всех языковых уровнях и во всех речевых ситуациях» [2].

Во-вторых, стандартный EL является понятием, сложным для определения, поскольку не существует официального регулятора (в отличие от многих других языков). Стандарт EL часто определяют как форму языка, принятую в качестве национальной нормы в англоязычных странах. По мнению Ганнел Мельхерс и Филипа Шоу сейчас не существует (пока что) международного стандарта EL, на который можно было бы ссылаться [9].

Таким образом, в отношении EL «стандарт» не означает наиболее часто употребляемый. Он не насаждается насильно и не является сознательно спроектированным.

В Великобритании выделяют в рамках стандарта SE такие формы, как, United Kingdom Standard English и Scottish Standard English [11]. Что касается произносительного стандарта RP, он определяется как относящийся исключительно к фонетике, но не имеющий ничего общего со стандартом EL в плане грамматики и лексики [12].

Standard English и RP ошибочно отождествляют, так как понятия в определенной степени схожи. SE – «вариант английского языка, который в общем используется

при профессиональном письме в Британии (или, в более узком определении, в Англии или на юго-востоке Англии) <...> Standard British English иногда используется как синоним для RP» [5].

RP – произносительный вариант, который считается правильным, подходящим, по определению, данному ещё в 18 веке, это «теоретически принятое, признанное правильным произношение литературного английского (A. J. Ellis, 1869) [цит. по 9].

В 20 веке наряду с этим термином употреблялись следующие понятия, как тождественные ему: Received Standard English (или Received Standard) и Public School English (Henry Cecil Wyld); Public School Pronunciation (Дэниел Джонс) преимущественно к использованию термина как такового; General British в словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary (3-е издание 1974 г., где он противопоставлен General American); standard southern pronunciation; and standard (spoken) British English. Существует мнение, что RP является самым обсуждаемым произносительным вариантом в мире [8].

Специалисты, изучающие английский язык на профессиональном уровне, определяют RP как «королевский английский», «английский BBC», и «английский государственных общеобразовательных школ». Представители среднего класса идентифицируют его с «произношением на BBC» и «школьным произношением», рабочий класс связывает его с «...говорить подходящим образом» или «говорить шикарно». В Англии RP также называют стандартным английским, что подкрепляет известную путаницу в терминах [8].

Многие американцы восхищаются британским произношением, которым владеют образованные люди, и напротив, достаточно большое количество жителей Британии не проявляют положительное отношение к RP. В свою очередь, шотландцы, жители Северной Ирландии и Уэльса воспринимают его как признак социального доминирования южной Англии. Значительная часть англичан использует произносительные варианты, приближенные к RP: модифицированные региональные акценты и модифицированное RP. Так, произносительные варианты, приближенные к британскому национальному произносительному варианту в других странах в Австралии, Ирландии, Новой Зеландии, Шотландии, Южной Африке часто называют Near-RP [9].

С 1970-80 гг. на телеканале BBC проявляется тенденция к использованию региональных форм в речи ведущих, хотя и модифицированных, при этом региональные акценты регистрируются в речи радиоведущих, метеорологов и спортивных комментаторов.

RP обладает рядом особенностей: являясь произносительной нормой высшего общества, RP не привязан географически ни к одному региону Великобритании, что позволяет считать его социальным акцентом. Все носители языка, владеющие RP, говорят на стандартном EL, тогда как не все говорящие на стандартной форме языка используют в речи произносительный стандарт верхушки общества [16]. По статистике, представленной Питером Траджиллом и Дженни Чешир (1993) «вероятно, 9-13 процентов британцев говорят на стандарте» [цит. по 16], а по статистике Питера Траджилла и Д. Кристалла только 3-4 процента используют RP (члены королевского семейства, ведущие новостей на канале BBC, а также люди, принадлежащие к верхушке общества). В пределах самого RP выделяют три варианта: general RP (общепринятый

литературный стандарт), conservative RP (консервативный литературный стандарт), advanced RP (продвинутый литературный стандарт) [5].

Дж. Уэллс утверждает, что вытеснение RP со сферы масс-медиа свидетельствует о потере актуальности таких признаков, как отсутствие региональной окраски и социальная маркированность принадлежности к высшему классу общества, благодаря которым RP утвердился и унифицировался как престижный стандарт [17]. Взаимодействие географически нейтрального стандарта и региональных диалектов складывается в пользу последних, и эту тенденцию можно назвать прогрессирующей и затрагивающей все сферы коммуникации, в том числе и осуществляющейся в сфере средств массовой информации и официального общения.

Сформировавшийся в Лондоне в 80-х годах 20 века Estuary English (EE), EL устья Темзы, «английский дельты», начинает вытеснять RP, так как нивелирует социальную дифференциацию и значимость социального происхождения. Не акцентируется принадлежность к высшему классу, и вариант произношения устья Темзы воспринимается как нейтральный, поскольку не вызывает негативных ассоциаций, соответствует ожиданиям молодежи, нивелирует региональный акцент [2].

К. А. Мележик дает следующую характеристику этому процессу: «поскольку диалект Устья постепенно распространяется на все социальные классы, роль произношения как инструмента социальной дискриминации уходит в прошлое» [3, с. 56]. Д. Кристалл отмечает: «Если вам не повезло иметь такой акцент [RP], вам лучше постараться «снизить» его и сделать более приемлемым для окружающих» [1, с. 46]. Таким образом, EE все больше внедряется в сферу диалектов английского языка. Принято выделять несколько факторов, определяющих перспективы развития EE: рост количества образованных людей – выходцев из низов, нейтрализация социально-классовых различий среди молодежи, традиционное расширение норм лондонских диалектов на территории распространения соседних диалектов [3, с. 60].

В социолингвистике представлено несколько мнений о том, что через несколько лет EE вытеснит RP. Сторонники говорят о естественном развитии языковой ситуации, и противники – о том, что EE портит образование молодежи с экранов телевизора [2].

Д. Розуорн указывает на ряд причин, способствующих распространению EE на сегодняшний день. Среди них автор указывает на миграцию жителей Лондона в другие города, где местный произносительный вариант считался более престижным, чем традиционные диалекты; радио и телевидение, становящееся независимым от засилья единого произносительного варианта и обновившееся за счет региональных диалектов; сдвиг в сторону языкового комфорта и компромисса. Таким образом, говорящие на высоком стандарте RP приспособливают свою речь к более близкому местному варианту, «сверху вниз», и наоборот, говорящие на местных произносительных вариантах, приспособливаются «снизу вверх» к образцу образованного населения [14].

Стандарт английского языка начал свое становление в 17 веке в Великобритании, разделившись на два субстандарта в 19 веке с образованием лингвокультурных полюсов Британской и Американской наций. Понятия «стандарт языка» и «произносительный стандарт» разграничиваются современными исследователями, что подчеркивает уникальность языковой ситуации в англоязычном мировом сообществе. В рамках определения стандартного EL SE является стандартом в аспектах грамматики, лексики, правописания. RP является произносительным стандартом. На сегодняшний

день существует тенденция к восприятию RP как устаревшего, однако, его до сих пор связывают в принадлежность говорящего к образованному, успешному слою общества. RP постепенно вытесняется из различных сфер коммуникации в связи с потребностью нивелировать социальные различия в пользу некоторых региональных диалектов, в частности, лондонскому EE.

Выводы. RP как эталонный произносительный вариант представляет наибольший интерес среди англоговорящих. При этом множество вариантов EL по всему миру (World Englishes) обретают право на все более широкое функционирование и распространённость ввиду своей востребованности вследствие глобализации и потребности в укреплении общения между странами мира, выступая в качестве произносительных вариантов, имеющих строгую идентификацию с определённым социальным классом.

Современная британская произносительная норма теряет свой престиж и в определенных контекстах воспринимается как архаичная. Именно поэтому возникает острая необходимость изучения других произносительных стандартов, обладающих предпосылками для того, чтобы претендовать на статус новой произносительной нормы в будущем.

Список литературы

1. Кристалл Д. Кембриджская энциклопедия английского языка / Д. Кристалл. – М. : Весь мир, 2001. – 240 с.
2. Лашкова Г. В. Тенденции к формированию нового произносительного стандарта британского английского: EE vs RP [Электронный ресурс] / Г. В. Лашкова. – СГУ им. Н. Г. Чернышевского, Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации, 2015. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/structure/fi/engmeth/konferenciya-inostrannye-yazyki-v-kontekste/sekcija-1-lingvokulturnye-i-lingvokognitivnye-aspekty> (дата обращения: 27.04.2016).
3. Мележик К. А. Диффузия социофонетических процессов в «Диалекте Устья» / К. А. Мележик // *Studia Germanica et Romanica: Иностранные языки. Зарубежная литература. Методика преподавания: Научный журнал.* – Донецк, 2011. – Т. 8, № 1(22). – С. 53- 61.
4. Bex T., Watts R. J. *Standard English: The Widening Debate.* Routledge. – London, 1999. – 324 p.
5. Gimson A.C. *An introduction to the pronunciation of English* / A.C. Gimson. – London : Edward Arnold, 1980. – 352 p.
6. Greenbaum S. *An Introduction to English Grammar* / Sidney Greenbaum. – Longman, 1991. – 336 p.
7. McArthur T. *Received Pronunciation* / Tom McArthur // *Concise Oxford Companion to the English Language.* – Oxford University Press, 1998.
8. McArthur T. *Standard English* / Tom McArthur // *Concise Oxford Companion to the English Language.* – Oxford University Press, 1998.
9. Melchers G. *World Englishes: An Introduction* / Gunnel Melchers, Philip Shaw. – Arnold, 2003.
10. Nelson Francis W. *The English Language: An Introduction* / W. Nelson Francis // *The English Language.* W. W. Norton. – New York, 1967.
11. Nordquist R. *Received Pronunciation* / Richard Nordquist [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mantex.co.uk/2009/09/13/english-language-received-pronunciation/> (дата обращения: 27.04.2016).
12. Nordquist R. *Standard British English.* / Richard Nordquist [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://grammar.about.com/od/rs/g/standbriteterm.htm> (дата обращения: 27.04.2016).
13. Raymond H. *Standard English and standards of English* / Tony Bex, Richard J. Watts // *Standards of English. Codified Varieties Around the World* / Raymond Hickey. – Cambridge : University Press, 2012.
14. Rosewarne D. *Estuary English – tomorrow’s RP?* [Электронный ресурс] / D. Rosewarne // *English Today.* – 37, Vol. 10, No. 1 (January 1994) – Режим доступа: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/rosew94.htm> (дата обращения: 27.04.2016).

15. Srevens P. What is Standard English? / Peter Srevens // RELC Journal. – Singapore, 1981.
16. Trudgill P. Standard English: What It Isn't / Peter Trudgill // Standard English: The Widening Debate / Tony Bex and Richard J. Watts. Routledge. – London, 1999.
17. Wells J.C. UCL. Whatever happened to Received Pronunciation? [Электронный ресурс] / J.C.Wells // II Jornadas de Estudios Ingleses, Universidad de Jaen, Spain. – Medina and Soto, 1997. – P. 19-28. – Режим доступа: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/rphappened.htm> (дата обращения: 27.04.2016).

DIVERSITY OF THE ENGLISH LANGUAGE STANDARDS IN GREAT BRITAIN

Onyshchenko Y. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: schenec11@mail.ru*

In the present paper the authors attempted to give an in-depth survey of the existing views on the issue of the “standard” as a category applied to the description of the English Language. The notion of standard needs to be clarified in its definition as there is certain disagreement in the opinions of the researchers. Such terms as “World Englishes” and “Standard English” are getting widely used in the English-speaking international community. That is why one of the most commonly discussed and at the same time controversial issues is the standard at all the levels of the language. “Standard English” as a term appears to be referred to the written language, not to the pronunciation aspect of our speech. Restrictions considered to distinguish the norms in the spoken forms are different from those applied some decades ago to the ones which are widespread and developing at the moment.

One of the commonly used definitions of standard says that standard is a form appearing in press, taught in schools, used in dictionaries and grammar books. As for the speaking form, the definition implies geographical restrictions: some researchers insist on calling the standard only language used by the South England citizens, some consider it fair to name every form used and recognized in English-speaking community one of the standards.

The notion of “standard” referring to the English language means a prestigious form used by educated people, the ideal form to be accepted as a desired pattern of the language. However, it doesn't mean “most widely heard” or “officially prescribed”. Moreover, here we are ready to face the thorniest part of the question: should the pronunciation be included into the set of norms of the “standard English” variety? Is it already included? Can an educated person originated from Great Britain be considered to use the standard language canon speaking the regional variety of his or her native dialect?

The discussion on this issue started some decades ago and still there is no agreement among the professional language users in the world. Such prominent applied linguists as Peter Trudgill, Peter Srevens mentioned the impossibility of including the pronunciation aspect of English into the “standard” form of the language usage norms.

Traditional views on the British pronunciation norm widely known as Received Pronunciation are becoming more and more doubtful in the meaning of its uniformity. Linguistic situation in Great Britain is unique because of the range or reasons. Being established as a systematically steady set of prescriptions to speak properly, RP has been used for educational purposes since 18th century. However, as in the 19th century the two national linguacultural poles started to develop separately and shaped two different language forms, British and American Englishes began to function as two independent ways to use the language meeting the needs of two different communities and nations.

Nowadays, as the English language has become the world's first language of international communication, linguists admit that existence of only one accepted standard would be both unnatural and useless; however, there still has to be the form of speech recognized as a norm and an ideal to approach. It also has to be mentioned that RP is used to teach English to non-speakers, so we strive for this particular form in our classrooms. On the other hand, we need to make the students aware of the peculiarity among the existing forms and criteria of what is considered acceptable in the English speaking communities of the world. It is obvious both for professionals and non-professional users that the priority of teaching and learning the language should be given to normative forms.

RP as a notion can be substituted by different terms meaning the same spoken embodiments of the pronunciation variant of the English language: BBC English, Public School English, the Queen's English, Oxford English. There is certain misunderstanding among the professionals in connection with the perception of the RP as the Standard English form. The prevailing number of native speakers using RP in Britain applies the spoken variants close to RP, such as modified regional accents and modified RP. Being accepted as a prestige form to speak English demonstrating one's belonging to an upper-class community associated with wealth and power, RP has been losing its monopoly in the mass-media since the 1970-1980s, when more and more presenters with regional accents appeared on BBC and radio broadcasting, and some new forms of speaking began to appear due to the interaction of RP and regional dialects. In such a manner, the features which made RP strengthen its status as a prestige way to speak, being regionally unified and demonstrating high level of social markedness, are the exact features that are putting RP out of the dominating position in all the areas of social life of the British English speaking community at the moment. With RP more and more often accepted as an archaic form to speak, a new form of pronunciation is getting popular and positively recognized. It is Estuary English, the form which started to shape in London in the 1980s. To the contrast with RP, Estuary English is accepted as class neutral and closer to youth. There are controversial points of view and a tense discussion is being carried out whether Estuary English should be allowed to use in mass-media and in the formal areas of social life. However, everything mentioned is already happening, and Estuary English is heard from TV screens and in everyday speech of Londoners. The questions being discussed among the English speaking professionals all over the world are still the same: how such forms as RP and Estuary English are interacting and developing in the conditions of co-existence, and whether Estuary English is going to get a new pronunciation form overgrowing from the regional dialect to the full featured comprehensive standard.

Keywords: standard, Standard English, Received Pronunciation, World Englishes, Estuary English, dialect, language situation.

УДК 81.2

ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Пасекова Н. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: pasekova_natasha@mail.ru*

В статье рассматриваются лексико-грамматические и функциональные особенности построения англоязычного газетного заголовка, которые непосредственно связаны с проблемой их понимания и перевода на русский язык. Особое внимание уделяется приемам перевода заголовков на русский язык. Поскольку язык газетных публикаций наиболее подвержен изменениям, также изменяются нормы построения заголовков, а, следовательно, и способы перевода англоязычных газетных заголовков. Зная особенности газетного заголовка и имея возможность предварительного ознакомления с содержанием публикации, переводчик способен выполнить адекватный перевод заголовков.

Ключевые слова: газетный заголовок, функции заголовка, синтаксическая структура заголовка, способы перевода заголовка.

ВВЕДЕНИЕ

Современная коммуникативная деятельность становится все более разнообразной. Изменения, происходящие в обществе, отражаются в речи. В свою очередь, система функциональных стилей также постоянно развивается. Учитывая соответствующий набор функций, нередко сложно определить границы некоторых стилей. Эти трудности особенно заметны, когда речь идет о газетном стиле (newspaper style).

Особенность газетного стиля определяется его прагматической направленностью, а именно: проинформировать читателя о событиях, о которых пойдет речь в той или иной публикации, и удержать читательское внимание. Первое, что вызывает интерес читателя, – это заголовок. Язык газетных публикаций наиболее подвержен изменениям, также изменяются нормы построения заголовков, а, следовательно, и способы перевода англоязычных газетных заголовков на русский язык. Обладая специфическими особенностями, перевод газетного заголовка является отдельной переводческой проблемой, что предопределяет **актуальность** работы.

Цель работы – выявить специфику построения англоязычного заголовка и особенности его перевода на русский язык, а также определить стратегии для оптимизации процесса перевода. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: охарактеризовать функциональные особенности газетного заголовка, описать грамматические и лексические особенности заголовков, выявить переводческие стратегии, используемые при передаче англоязычных заголовков на русский язык.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Общие сведения о газетном заголовке. Функциональные особенности заголовка

Заголовок играет весьма важную роль. Основная его задача заключается в том, чтобы привлечь внимание читателя, заинтересовать и даже поразить его, и лишь во

вторую очередь заголовку поручается информационно-разъяснительная функция – сообщение читателю краткого содержания данной статьи.

Ученые, занимающиеся изучением особенностей газетного заголовка, не едины в определении этого понятия. По нашему мнению, наиболее полное определение дает Д. А. Качаев: «Газетный заголовок – это выделенный графически потенциально свернутый знак текста, выраженный вербальными и невербальными средствами языка, обладающий относительной автосемантической, являющийся абсолютно начальным, единым для всего текста элементом, который именуется и/или характеризует текст, прогнозирует содержание, интерпретирует текст, сообщая ему дополнительные смыслы [3, с. 4].

Учитывая функциональную и лингвистическую специфику газетного заголовка, многие ученые (В. П. Вомперский, Э. А. Лазарева, Д. А. Качаев, В. С. Мужев, А. А. Сафонов, В. А. Кухаренко,) говорят об особом статусе заголовка как отдельного «жанра» газетного стиля и выделяют следующие его функции, хотя вопрос о функциональной специфике заголовка остается дискуссионным, так как сегодняшний день не существует единого мнения при определении характеристик заголовка:

- номинативно-информативная функция. Основное назначение номинативной функции – назвать его, выделить среди других публикаций, а информативной – в краткой форме дать четкое представление о содержании публикации [7; 8; 9];

- рекламная функция, основным назначением которой является психологически настроить читателя [7; 8];

- графически-выделительная функция, позволяющая отделить один текст от другого, выделить его от окружающего контекста и в то же время «связать» всю полосу в единое целое. Эта функция заглавия осуществляется, как правило, графическими средствами – выделение шрифтом, цветом, расположением на странице, сопровождение рисунком или фотографией и т. п. [1; 8];

- экспрессивная функция характеризует личность автора публикации [1; 7];

- апеллятивная функция. Читатель, осознав основную идею информации, может согласиться или не согласиться с позицией автора [1];

- эстетическая функция заголовка реализуется в том случае, когда читатель, осмыслив содержание публикации, получает удовольствие от формулировки названия статьи [1].

2. Грамматические особенности англоязычных заголовков

а) Синтаксические особенности

По мнению Э. А. Лазаревой, заголовок может иметь различные синтаксические формы:

а) простые нераспространенные предложения:

I was seconds from disaster [12, с. 21].

б) побудительные предложения:

Get energy from sun, wind and water [12, с. 18].

Look up from your smartphone [13].

в) вопросительные предложения:

Does Sanders still stand in chance? [13].

Will house prices go down if Britain leaves the EU? [11].

г) назывные предложения:

Duchess of darts [12, с. 30].

Istanbul blast [13].

д) эллиптические предложения, которые вызывают наибольшие трудности при переводе. Поскольку заголовки имеют тенденцию к сжатости/ краткости, следовательно, для англоязычного заголовка характерны несколько видов опущений: опущение подлежащего, опущение сказуемого, опущение вспомогательных глаголов в сложных глагольных формах, опущение глагола-связки, опущение артикля:

Man in critical condition after being «struck by lightning» [13].

President under fire for seeking medical treatment in UK [13].

Companies growing fat as you slim [12, с. 12].

McLaren pair killed in crash [12, с. 9].

Snowden in line for Nobel peace prize [12, с. 18].

Тенденция к пропуску компонентов в структуре газетного заголовка становится возможной в силу того, что, во-первых, обязательные компоненты несут довольно четкую информацию, касающуюся логико-семантических связей, во-вторых, в целях экономии пространства на страницах газет, в-третьих, этот прием делает заголовок более экспрессивным и информативным. Главная задача переводчика заключается в том, чтобы увидеть эти опущения, восстановить исходную структуру оригинального заголовка и предложить адекватный перевод.

е) предложения, имеющие в составе инфинитив, причастие или герундий:

Leaving is quitting and we're not quitters [13].

40.000 signed up to save Margo [12, с. 9].

ж) заголовки, содержащие прямую речь или цитаты:

«Conflicts and terrorism cost the world trillions», says peace index [13].

з) сложноподчиненные предложения:

If David Cameron wins the referendum, he must be ruthless with his Tory foes [13].

We're now witnessing the tragic decline of David Cameron [13].

б) Временные формы глагола

Существенные отличия от других функциональных стилей современного английского языка отмечаются в характере использования в заголовках глагольных временных форм. Несомненно, полные глагольных формы (Indefinite, Continuous, Perfect) часто используются в названиях заголовков, в чем мы можем убедиться, проанализировав вышеприведенные примеры. Но следует также отметить, что для передачи будущего времени часто используется инфинитив, а при передаче действия, происшедшего в прошлом, употребляется настоящее время (Present Simple):

China bans Ramadan fasting for Muslim students [10].

Rumi film to challenge (= will challenge) Muslim stereotype [13].

3. Лексические особенности заголовков

Англоязычные заголовки газет обнаруживают целый ряд лексических особенностей, требующих специального подхода при их переводе.

Аббревиатуры и сокращения. Лингвисты обращают внимание на активный процесс аббревиации в современном английском языке, который заключается в обе-

спечении максимального объема информации при минимальном использовании языковых средств для увеличения эффективности коммуникативной функции языка.

Как правило, в газетном заголовке используются общеизвестные аббревиатуры, которые не вызывают трудности при переводе на русский язык.

EU debate: the most abusive political campaign ever in Britain [13].

John Whittingdale defends BBC plans after MPs voice concern [13].

Но иногда требуется предварительное ознакомление с содержанием текста для правильного понимания и перевода заголовка:

DLT: I was groped by three famous women: [12, с.7], где аббревиатура обозначает имя собственное – *Dave Lee Travis*

Фразеологизмы, клише и устойчивые словосочетания

NATO countries begin largest war game in Eastern Europe since cold war [13].

A family escape to Corsica's quieter corner [10].

Следует отметить, что практически все английские клише имеют аналогичные русские соответствия. Задача переводчика заключается в том, чтобы увидеть в английском газетном заголовке клише и перевести его в соответствии с русскими общепринятыми эквивалентами.

4. Особенности перевода англоязычных заголовков на русский язык

При переводе газетных заголовков с английского на русский язык требуется умелое применение различных лексических, грамматических, лексико-грамматических переводческих трансформаций. Учитывая тот факт, что среди переводчиков не существует единого мнения относительно трактовки понятия «переводческая трансформация», а также нет единой типологии трансформаций, мы будем использовать определение В. Н. Комиссарова, согласно которому, «переводческая трансформация – это преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода. И поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц» [4, с. 172]. Согласно классификации В. Н. Комиссарова, выделяем следующие виды трансформаций: транскрипция, транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция), грамматические трансформации (грамматические замены, дословный перевод), технические приемы (опущение, добавление, перемещение).

Предложив собственный перевод отобранных газетных заголовков, рассмотрим наиболее часто используемые трансформации в исследуемом материале:

I was seconds from disaster [12, с. 21]. – *Я был в нескольких минутах от смерти* (модуляция, добавление).

Look up from your smartphone [13]. – *Отложите свои смартфоны* (модуляция).

Does Sanders still stand in chance? [13]. – *Есть ли у Сандерса шансы?* (грамматическая замена, опущение, транслитерация).

Will house prices go down if Britain leaves the EU? [11]. – *Снизятся ли цены на недвижимость, если Британия выйдет из ЕС?* (генерализация, грамматическая замена, транскрипция).

Istanbul blast [13]. – Взрыв в Стамбуле (грамматическая замена, перемещение, транскрипция).

Man in critical condition after being «struck by lightning» [13]. – Мужчина в критическом состоянии после удара молнии (грамматическая замена, опущение).

President under fire for seeking medical treatment in UK [13]. – В поиске лучшего медицинского лечения: президента остро критикуют (перемещение, добавление, опущение компонентов).

Companies growing fat as you slim [12, с. 12]. – «Гербалайф» становится богаче, а вы – изящнее (модуляция, конкретизация).

McLaren pair killed in crash [12, с. 9]. – Братья Макларены погибли в автокатастрофе (добавление, грамматическая замена, транскрипция).

Snowden in line for Nobel peace prize [12, с. 18]. – Сноуден номинирован на получение Нобелевской премии (добавление, конкретизация, грамматическая замена, транскрипция)

Leaving is quitting and we're not quitters [13]. – Выход из ЕС – бегство, а мы не слабаки/ а мы так легко не сдаемся (добавление, конкретизация, модуляция).

«Conflicts and terrorism cost the world trillions», says peace index» [13]. – Согласно индексу миролюбия, конфликты и терроризм стоят миру триллионы (перемещение, грамматическая замена, калькирование).

If David Cameron wins the referendum, he must be ruthless with his Tory foes [13]. – Если Дэвид Кэмерон одержит победу в референдуме, он должен быть суров с Тори (добавление, грамматическая замена, конкретизация, опущение, транскрипция).

40.000 signed up to save Margo. – Для спасения жизни малышки Марго собрано 40.000 подписей (перемещение, добавление, грамматическая замена).

We're now witnessing the tragic decline of David Cameron [13]. – Рейтинг Дэвида Кэмерона снижается (опущение, модуляция, конкретизация, транскрипция).

China bans Ramadan fasting for Muslim students [10]. – В Китае мусульманам запретили праздновать Рамадан (грамматическая замена, опущение, транскрипция)

Rumi film to challenge (= will challenge) Muslim stereotype [13]. – Руми фильм изменит отношение к мусульманам (грамматическая замена, модуляция, опущение, транскрипция).

EU debate: the most abusive political campaign ever in Britain [12]. – ЕС дебаты: самая скандальная кампания в истории Британии (калькирование, конкретизация, добавление).

NATO countries begin largest war game in Eastern Europe since cold war [12]. – Страны НАТО начали учения в восточной Европе впервые с времен холодной войны (перемещение, грамматическая замена, модуляция, добавление, калькирование).

Проанализировав способы перевода газетных заголовков с английского языка на русский язык, можем отметить, что наиболее частыми приемами являются замены на лексическом и грамматическом уровнях, а также добавление, конкретизация лексического значения, модуляция.

ВЫВОДЫ

В статье были рассмотрены лишь наиболее важные особенности английских газетных заголовков, которые непосредственно связаны с проблемой их понимания и

перевода на русский язык. Не существует конкретных правил для перевода газетных заголовков, но зная их основные особенности и обладая обширными фоновыми знаниями, переводчик способен выполнить адекватный перевод заголовков. Что же касается способов перевода газетных заголовков, можем сделать вывод о том, что, при их переводе с английского языка на русский язык наиболее характерны грамматические замены в силу различий грамматического строя языков, а также приемы модуляции, добавления и конкретизации.

Список литературы

1. Вомперский В. П. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка / В.П. Вомперский. // Искусство публицистики (Проблемы теории и мастерства). – Алма-Ата, 1966. – С. 82–85
2. Гусар М. В. Лінгвокогнітивний і комунікативно-прагматичний аспекти приватних газетних оголошень: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / М. В. Гусар. – К., 2004. – 22 с.
3. Доценко М. Ю. Синтаксис газетного заголовка: структура, семантика, прогнозирование смыслового развития: Дисс. ..канд.филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / М. Ю. Доценко. – СПб., 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sintaksis-gazetnogo-zagolovka-struktura-semantika-prognozirovanie-smyslovogo-razvitiya-tekst> (дата обращения: 05.06.2016)
4. Качаев Д. А. Социо-культурный и интертекстуальный компоненты в газетных заголовках (на материале российской прессы 2000-2006 гг.) : автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Д. А. Качаев. – Ростов-на-Дону, 2007. – 25 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 254 с.
6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 319 с.
7. Кухаренко В. А. Інтерпретація тексту: підруч. для студ. ст. курсів філол. спец. / В. А. Кухаренко. – Вінниця: Нова книга, 2004. – 261 с.
8. Лазарева Э. А. Заголовок в газете / Э. А. Лазарева. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. – 58 с.
9. Мужев В. С. О функциях заголовков / В. С. Мужев // Вопросы романо-германской филологии. – М. : Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1970. – Вып 55. – с. 86-94.
10. Сафонов А. А. Стилистика газетных заголовков / А. А. Сафонов // Стилистика газетных жанров. – М. : Наука, 1981. С. 205-277.
11. Independent. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.independent.co.uk> (дата обращения: 07.06.2016)
12. METRO. – Thursday, January 30, 2014.
13. The Guardian. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theguardian.co.uk> (дата обращения: 07.06.2016)

TEACHING METHODS OF NEWSPAPER HEADLINE TRANSLATION

Pasekova N. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: pasekova_natasha@mail.ru*

The article deals with lexico-grammatical and functional features of English newspaper headline which are directly connected with the problem of understanding and translation into Russian. Particular attention is paid to methods of training to transfer headlines from English into Russian. Knowing the main features of a

newspaper headline and having extensive background knowledge the translator is able to perform an adequate translation of newspaper headlines.

The purpose of the article is to reveal the specifics of the construction of an English headline and especially its translation into Russian. To achieve this goal it is necessary to solve the following tasks: to characterize the functional properties of headlines, to find out grammatical and lexical features of headlines, to demonstrate different translation techniques used in their translation from English into Russian.

Scholars define that functional features of headlines are the following: nominative and informative, advertising, graphical, expressive, appealing and aesthetic functions which are interrelated.

Linguists also consider headlines in terms of their syntactic structure. Thus, syntactically the English-language headline may fall into variety of patterns: simple sentence, declarative sentence, interrogative sentence, sentences with verbals, complex sentences, headlines including direct speech, elliptical sentences. Elliptical sentences are characterized by several types of omission: omission of the subject, omission of auxiliary verbs in complex verb forms, verb omission, omission non perfect verb forms and others. Significant differences in the nature of the use of verb tenses from other functional styles of modern English language are mentioned.

As for the lexical structure a lot of socio-political terms, numerals, neologisms, international words, abbreviations are used. In this work we considered only the most important features of English newspaper headlines which are directly connected with the problem of understanding and translation into Russian.

It should be noted there are no specific rules for the translation of newspaper headlines and it often requires familiarity with the contents of the content of the article to understand and translate the information represented in the headline correctly.

As for translation techniques we use classification of V.N. Komissarov while transferring the headlines from English into Russian. We can conclude that grammatical substitutions, lexical additions, concretizations of lexical meaning are most common in Russian.

Keywords: newspaper style, headline, structure and functions of headlines, translation techniques.

УДК 81'366'/'367 (430.119)

ЭВОЛЮЦИЯ МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУРСКОГО РЕГИОЛЕКТА

Пономарёва А. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: ponomareva_anna@ukr.net*

Работа посвящена анализу характерных особенностей рурского региолекта на морфологическом и синтаксическом языковых уровнях. Рассматриваются вопросы становления и научного признания рурского региолекта как новой языковой формации, а также определяется роль и место рурского региолекта в системе немецких территориальных диалектов. Сопоставление нижненемецких диалектов и характерных черт рурского региолекта в области морфологии и синтаксиса подтверждает тесную связь регионального разговорного языка с местным диалектным ареалом.

Ключевые слова: региолект, морфология, синтаксис, нижненемецкие диалекты.

ВВЕДЕНИЕ

За последнее столетие Рурская область в Германии подверглась стремительным изменениям, связанным с процессами индустриализации в обществе, что, в свою очередь, оказало значительное влияние на эволюцию речи жителей Рурской области.

В современной германистике неоднократно подчеркивается **актуальность** изучения специфики региолектных форм языка, которые занимают промежуточную позицию между территориальными диалектами и литературным языком. Актуальность представленного исследования также подтверждается тем, что рурский региолект представляет собой относительно новую языковую вариацию, которая находится в стадии постоянного развития и требует комплексного лингвистического анализа.

Целью данной статьи является анализ характерных особенностей рурского региолекта на морфологическом и синтаксическом языковых уровнях.

Поставленная цель обуславливает необходимость выполнения ряда **задач**, а именно:

- рассмотреть вопрос становления и научного признания рурского региолекта;
- определить роль и место рурского региолекта в системе немецких территориальных диалектов;
- описать и классифицировать основные морфологические и синтаксические особенности, присущие современному рурскому региолекту.

Первые исследования языковой ситуации в Рурской области проводились еще в первой половине XX ст. и носили преимущественно обзорный характер. Так, Г. Мюллер [15] и Х. Хелберг [7] попытались заполнить «белое пятно», которым была Рурская область в немецкой диалектологии XX ст. Следует также бесспорно признать значимость диссертации Х. Химмельрайх [8], в которой содержится исчерпывающий анализ языковой ситуации в Рурской области, а также выделяются основные отличия региональной разговорной речи от литературного немецкого языка. Инте-

рес к изучению рурского региолекта возобновился в 1976 году с появлением работы В. Штайнинга «Soziolekt und soziale Rolle», в которой автор сосредоточил внимание на изучении социальных аспектов употребления данной языковой вариации [17]. Под руководством А. Мима при университете в Дуйбурге была проведена первая попытка систематизации основных языковых черт рурского региолекта [13, с. 40]. Что касается лексико-семантических особенностей, то доньше они не отображены системно в исследованиях ученых, за исключением некоторых статей, которые освещают фразеологический состав рурского региолекта, употребление уменьшительно-ласкательных форм существительных, влияние польского языка на лексический состав региолекта [4; 5; 9], особенности профессионального жаргона шахтеров [19].

Рурский региолект в его современной форме функционирует на территории Рурской области в качестве языка повседневного общения, не является гомогенной формой существования немецкого языка и демонстрирует отличия от литературного языка не только на лексико-семантическом уровне, но и в области фонетики, морфологии и синтаксиса.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. История формирования рурского региолекта и его место в нижненемецком диалектном континууме

На примере Рурской области отчетливо прослеживается, каким образом стремительные изменения в культурной и экономической сферах жизни приводят к языковым изменениям. На языковую ситуацию в Рурской области XIX ст. повлияли следующие внеязыковые факторы:

а) в XIX ст. область потеряла свою по большей части аграрную ориентацию и превратилась в район сосредоточения промышленных предприятий;

б) индустриализация стала причиной активного роста городов и уменьшения количества сельского населения, что, в свою очередь, повлекло формирование новой культуры быта в Рурской области;

в) в урбанизированной Рурской области проживало коренное население, равно как и переселенцы из соседних Вестфалии, Нижней Франконии и других областей, а также иммигранты из других стран, особенно из Восточной Пруссии.

Именно в вышеописанной ситуации и возникает, в качестве «языка примирения» (нем. *Ausgleichssprache*), особенный разговорный язык – так называемый «рурский вариант немецкого языка» (нем. *Ruhrgebietsdeutsch* – в дальнейшем сокращенно RGD), который является результатом стремления населения к овладению литературным немецким языком.

Споры относительно определения места «рурского варианта немецкого языка» в лингвистической терминологии возникают и в наше время. Переходное состояние данной языковой вариации однозначно не отображено в традиционных лингвистических категориях, что, в частности, касается соотношения RGD и литературного языка. RGD считается близким к литературной норме, однако его отличительные черты выразительно выделяются на всех языковых уровнях. В тоже время RGD не употребляется в относительно закрытом и однородном языковом ареале, а также не имеет постоянных фонетических отличий от литературного языка, не являясь, таким образом, ни диалектом, ни говором. К тому же, согласно Х. Баузингеру [3, с. 11], в отличие от собственно

диалектов, RGD не имеет многовековой истории развития. Следовательно, на шкале «литературный язык – межрегиональный разговорный язык – диалект» RGD соотносится со средним компонентом, то есть межрегиональным разговорным языком.

В современных лингвистических исследованиях для определения статуса RGD также нередко используется противопоставленная литературному языку система – «субстандарт», которая имеет как особенности разговорного языка, так и диалектные характеристики [14].

В данном исследовании полагаем, что наиболее корректно рассматривать RGD как региональный языковой вариант, то есть региолект. В пользу этого термина говорит соотносительность языка с территорией его распространения, а именно – Рурской областью. К. Шприк находит в рурском региолекте признаки как регионально окрашенного разговорного языка, так и диалекта. Характеризуя RGD как разговорный язык, он подчеркивает его удобство, выполнение им, без чрезмерных усилий, достижения взаимопонимания между людьми в повседневных ситуациях общения и возможности четкого высказывания собственной позиции, что представляет собой главную цель коммуникации [16, с. 147].

Отдельного внимания заслуживает вопрос происхождения рурского региолекта. Значительный вклад в выяснение происхождения RGD был сделан немецкими лингвистами А. Мимом и Х. Менге, которые провели детальный компаративный анализ нижненемецких диалектов и рурского региолекта [10; 11]. Вопрос происхождения RGD неразрывно связан с историей и социальными изменениями в Рурской области. Д. Халенбергер и И. Фольмерт отмечают, что «данная языковая формация при этом окончательно потеряла свой переходный характер» [6, с. 84], то есть, превратилась в стилизованный повседневный разговорный язык.

Становление RGD состоялось в результате взаимодействия ряда языковых компонентов:

а) языка местных жителей и диалектов иммигрантов из соседних регионов Германии;

б) диалектов иммигрантов из восточной части Германии и Восточной Европы, а именно: балтийского, мазурского, литовских и польских, а также диалектов немногочисленных групп населения из Силезии, Померании и Чехии;

в) профессионального жаргона шахтеров.

Относительно степени влияния на становление рурского региолекта диалектов иммигрантов из соседних регионов Германии, стоит обратить внимание на исследование Х. Химмельрайх [8], которая в своей диссертации констатирует, что в 1936 году в тех частях города Гельзенкирхен, где проживали преимущественно коренные жители, использование нижненемецких диалектов в качестве обиходного языка составляло 15%, а способность к восприятию и пониманию диалектов достигала даже 50%. Эти данные подтверждают, что местные диалекты не потеряли былую значимость, и, в то же время, противоречат теории, согласно которой рурский региолект является продуктом смешения в равных долях западных и восточных немецких диалектов.

При сравнении характерных признаков RGD и нижненемецких диалектов очевидным является сходство в области фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса. Общая черта для всего нижненемецкого диалектного ареала – это то, что на данной

территории не произошло верхненемецкое передвижение согласных, по правилам которого глухие смычные *p, t, k* в середине и в конце слова в позиции после гласных переходят в соответствующие глухие спиранты *ss(s), ff(f), ch(x)*, а в других позициях (в начале слова, в удваивании, после согласного) – в аффрикаты: [ts], [pf], [kx] [1, с. 484].

Придерживаясь географической классификации В. М. Жирмунского, полагаем, что диалекты нижненемецкого ареала, в свою очередь, разделяются на три основных подгруппы: восточнонижненемецкий (нем. *Ostniederdeutsch*), нижнефранкский (нем. *Niederfränkisch*) и нижнесаксонский диалект (нем. *Niedersächsisch*) [1, с. 34].

Нижнефранкский диалект, языковой ареал которого расположен на западе нижненемецкого диалектного ареала за нижним течением Рейна, противопоставляется нижнесаксонскому по признаку наличия в 1-м и 3-м лицах множественного числа настоящего времени индикатива окончания *-oe(n)*, например: *wilöpe(n), silöpe(n)*. В нижнефранкском языковом ареале особенное место занимает юго-западный говор, что обусловлено проникновением и распространением в нем «верхненемецких» вариантов личных местоимений *ich, mich, dich, sich, euch*, а также союза *auch* и суффикса *-lich* [2, с. 95–96].

Центр нижненемецкого языкового ареала к востоку от области использования нижнефранкского диалекта занимает нижнесаксонский диалектный субареал (или западнонижненемецкий – нем. *Westniederdeutsch*). Специфической особенностью данного диалекта является окончание *-(e)t* для 1-го, 2-го и 3-го лиц множественного числа настоящего времени, например: *wilöpt, jilöpt, silöpt* [1, с. 39].

Н. И. Филичева отмечает, что одна из наиболее характерных черт вестфальского диалекта – это произношение древненем. *sk* как [sç] или [sk], что отличает его от большинства других диалектов нижненемецкого и верхненемецкого ареалов, например: *Skinken (Schinken), wasken (waschen), Tasken (Tasche), Disk (Tisch)* [2, с. 96]. Другой специфической чертой вестфальского является широкое употребление дифтонгизации не только древних узких долгих гласных (например: *Huus (Haus), Is (Eis), Lüüd (Leute)*), но и других долгих гласных: *graüt (groß), däüt (Tod), flau (Floh)*. В остфальском диалекте в качестве личных местоимений 1-го и 2-го лиц в дательном или винительном падежах единственного числа выступают *mik/mek* и *dik/dek*, однако в других нижненемецких диалектах представлены сокращенные формы *mi, di*.

Нижнесаксонский и восточнонижненемецкие колониальные диалекты иногда объединяют общим понятием *Plattdeutsch*, которое появилось в конце VXII ст. и в буквальном понимании означает «язык немецкой низменности», но, в то же время, переосмысливается как «низкий», то есть простонародный диалект (*Platt*) в противовес «высокому» верхненемецкому языку (нем. *Hochdeutsch*) [18, с. 11].

Исследуя вопрос взаимодействия нижненемецкого диалектного ареала и рурского региолекта, А. Мим и Х. Менге отмечают, что рурский региолект основывается на нижненемецком языковом субстрате, следовательно, его грамматические особенности почти полностью совпадают с нижненемецкими [10, с. 198; 13, с. 48]. В поддержку данной гипотезы приведем результаты наблюдения В. Меер-Маркау [12], согласно которому присущие RGD грамматические особенности наблюдались в общедоступно-разговорном языке жителей Рурской области еще в 1900 году, к началу активной иммиграции и языковых изменений, то есть еще в период активного употребления местных нижненемецких диалектов.

Рассмотрим основные черты рурского региолекта в области морфологии и синтаксиса.

2. Морфолого-синтаксические особенности рурского региолекта

На морфологическом уровне в рурском региолекте выделяется ряд существенных отличий от литературного стандарта немецкого языка и, в то же время, ряд особенностей, общих с нижненемецкими диалектами.

Среди характерных особенностей употребления существительных в RGD выделяются следующие:

1. образование форм множественного числа некоторых существительных при помощи суффиксов *-er* (*Stock – Stöcker, Ding – Dinger*) и *-s* (*Doktor – Dokters, Kind – Kinders*), что противоречит грамматическим нормам;

2. Отсутствие в винительном падеже флексии *-n* у существительных слабого типа склонения (*den Bär, den Junge*).

3. Специфические особенности употребления падежей, а именно:

а) замена именительного падежа винительным (*dat is 'n feinen Kerl*), а также наоборот – использование винительного падежа вместо именительного (*die hat der Hörer in der Hand*);

б) употребление винительного падежа вместо дательного (*sie springt aus das Bett*), а также обратная тенденция замены падежей (*komm am Telefon*);

в) передача значения принадлежности посредством притяжательной конструкции с дополнением в винительном падеже (*auf Oppa sein Rechnung*);

г) употребление винительного падежа в качестве звательной формы (*tja lieben Polizeimeister*).

Что касается прилагательных в рурском региолекте, то отклонения от немецкого языкового стандарта проявляются, прежде всего, в отсутствии флексии в среднем роде единственного числа (*son klein Kind*) или замене флексии *-es* окончанием *-et* (*dat it en schönst Bild*). Для прилагательных, определяющих существительное мужского рода, типичным является флексия *-en* (*dat is 'n kleinen Jungen*) [8, с.155].

Употребление различных местоимений в рурском региолекте не имеет значительных расхождений с литературным языком, за исключением тенденции пренебрежения склонением притяжательных местоимений (*mein Mutter, unser Tante*).

Глагол в рурском региолекте имеет некоторые отличительные особенности в формах категорий времени и залога: отдельные глаголы отличаются употреблением нестандартных форм прошедшего времени, например, глагол *hängen*, который в имперфекте имеет ряд вариантов: *hang, hong* и даже *hängte*. Следует отметить также достаточно частое использование глагола *tun* в качестве вспомогательного (*ich tu dich dat nich gehn*).

Среди служебных частей речи в рурском региолекте наибольшее количество отличительных черт обнаруживают предлоги и артикли:

1. В процессе исследования была выявлена тенденция опущения артиклей в таких словосочетаниях, к примеру, как *auf Arbeit, nach Schule*.

2. Определенные и неопределенные артикли проявляют тенденцию к слиянию с предшествующими предлогами (*anne Füße, fürren Interview*).

3. Некоторые предлоги в рурском региолекте используются с семантикой, отличающейся от литературного стандарта, например: предлог *zu* в функции прилагательного (*ne zue Tür*); *nach* при указании на большое расстояние (*ich fahr maehmt nach Kaastadt*); *bei* при указании на небольшое расстояние (*gehma bei dein Vater*); предлог *auf* в устойчивых словосочетаниях указания места (*auf Schalke gehen*).

Характерные черты рурского региолекта в области синтаксиса также заслуживают пристального внимания. Среди основных синтаксических признаков рурского региолекта выделяются следующие:

1. типичное раздельное употребление местоименных наречий (*da freun se sich über, da weiß ich nix von*);

2. личная форма глагола *sein* + *am* + инфинитив для выражения длительного действия (*er war schwer am zittern*);

3. исключительное употребление союзов *wie* и *als wie* в сравнительных конструкциях (*dein Auto is schöna wie mein Vattaseins*);

4. тенденция упрощения сложноподчиненных предложений;

5. предложения, при необходимости, трансформируются в сложные способами, типичными для нижненемецких диалектов:

а) замена подчинительных союзов универсальными для RGD *dat* и *wo*, например: *Er geht gezzinn Pütt dat er endlich ma richtig wat vadiant (Er arbeitet jetzt im Bergwerk, damit er endlich mal richtig etwas verdient)*;

б) присоединение придаточного предложения причины к главному сочинительным способом, например: *Ich hab gaanix da, ich wußte ja nich, dat te komms (Ich habe gar nichts da, denn ich wußte nicht, das du kommen würdest)*;

в) замена придаточных предложений с союзом *weil* словосочетаниями с предлогами *wegen, aufgrund, anstatt: weil dattet am Reechnenis / weil et am Reechnenis (aufgrund des Regens)*.

Стоит заметить, что рурский региолект базируется на нижненемецком языковом субстрате, а, следовательно, некоторые его синтаксические и морфологические свойства частично совпадают с языковыми явлениями, присущими нижненемецким диалектам.

ВЫВОДЫ

Рассмотрев характерные особенности рурского региолекта в области морфологии и синтаксиса, можно сделать вывод о том, что данная языковая формация обладает отличительными чертами, которые затрагивают все части речи и основные сферы синтаксиса немецкого языка.

Стоит заметить, что рурский региолект базируется на нижненемецком языковом субстрате, а, следовательно, некоторые его синтаксические и морфологические свойства частично совпадают с языковыми явлениями, типичными для нижненемецкого диалектного ареала. Так, например, на морфологическом уровне было отмечено, что притяжательная конструкция с дополнением в винительном падеже находит отражение в диалектах нижненемецкого ареала. Отсюда возникает вопрос – можно ли четко отграничить область распространения RGD и других регио- и диалектов Германии, опираясь лишь на вышеупомянутые характерные признаки.

Рурский региолект не является сформированной, замкнутой системой, а скорее представляет собой континуум между минимумом и максимумом несвойствен-

ных литературному языку отличительных черт, часть которых также присуща нижненемецким диалектам. Рурский региолект, как и любой другой язык, находится в процессе постоянного и непрерывного развития и нуждается в дальнейшем детальном изучении.

Список литературы

1. Жирмунский В. М. *Немецкая диалектология* / В. М. Жирмунский. – [5-е изд.]. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук, 1956. – 636 с.
2. Филичева Н. И. *Диалектология современного немецкого языка* / Н. И. Филичева. – М.: Высш. школа, 1983. – 191 с.
3. Bausinger H. *Deutsch für Deutsche. Dialekte, Sprachbarrieren, Sondersprachen* / H. Bausinger. – Frankfurt am Mein: Fischer, 1976. – 160 S.
4. Glück H. Die Polen im Ruhrgebiet und die gegenwärtige Ausländerfrage / H. Glück // *Deutsch lernen*. – 1982. – № 3. – S. 3-25.
5. Grimberg M. *Fährte die Immigration polnischer Arbeiter in das Ruhrgebiet (1880–1914) zu deutsch-polnischen Interferenzen?* / M. Grimberg // *Deutsche Sprache*. – 1991. – № 19. – S. 33-49.
6. Hallenberger D. *Tuusse ma eem im Kabäusken fitschen...: Die Sprache im Ruhrgebiet* / D. Hallenberger, J. Volmert. – Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 1990. – 110 S.
7. Hellberg H. *Studies zur Dialektgeographie im Ruhrgebiet und im West Recklinghausen* / H. Hellberg. – Marburg, 1936. – 80 S.
8. Himmelreich H. *Volkskundliche Beobachtungen an der Umgangssprache in Gelsenkirchen* / H. Himmelreich. – Münster, 1943. – 237 S.
9. Lakemper U. *Nicht nur «Maloche», aber...* / U. Lakemper, H. Menge // *Juden im Ruhrgebiet*. – Essen, 1998. – S. 533-557.
10. Menge H. H. *Ist unser Ruhrdeutsch ein echter Dialekt?* / H. H. Menge // *Im Anfang war das Wort*. – Dortmund, 1982. – 252 S.
11. Menge H. H. *War das Ruhrgebiet auch sprachlich ein Schmelztiegel?* / H. H. Menge // *Sprache an Rhein und Ruhr. Dialektologische und soziolinguistische Studien zur sprachlichen Situation im Rhein-Ruhr-Gebiet und ihrer Geschichte*. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1985. – S. 149-162.
12. Meyer-Markau W. *Duisburger sprachliche Heimatkunde* / W. Meyer-Markau // *Sammlung pädagogischer Vorträge*. – Minden, 1908. – Bd. 18. – Heft 4. – S. 19-49.
13. Mihm A. *Dialekte in der Industriezone. Untersuchung zum Sprachgebrauch im Duisburger Stadtgebiet* / A. Mihm // *Universität Duisburg: Jahrbuch 82/83*. – Duisburg, 1984. – S. 32-50.
14. Mihm A. *Prestige und Stigma des Substandards. Zur Bewertung des Ruhrdeutschen im Ruhrgebiet* / A. Mihm // *Sprache an Rhein und Ruhr. Dialektologische und soziologische Studien zur sprachlichen Situation im Rhein-Ruhr-Gebiet*. – Stuttgart, 1985. – S. 163-193.
15. Müller H. E. *Über der Gebrauch des Plattdeutschen im Ruhrkohlengebiete* / H. E. Müller // *Niederdeutsches Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung*. – Leipzig, 1913. – Jg. 39. – S. 126-131.
16. Sprick C. *Hömma! Sprache im Ruhrgebiet* / C. Sprick. – [4 Aufl.]. – Straelen / Niederrhein: Straelener Ms.-Verl, 1992. – 160 S.
17. Steinig W. *Soziolekt und soziale Rolle* / W. Steinig. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1976. – 299 S.
18. Stellmacher D. *Niederdeutsche Sprache* / D. Stellmacher. – [2., überarb. Aufl.]. – Berlin: Weidler, 2000. – 279 S.
19. Treese R. *Bergmännische Fachsprache – zur ihrer Entstehung und zu ihrem Weiterleben «vor Ort» und in der Umgangssprache* / R. Treese // *Sprache und Literatur an der Ruhr*. – [2. Aufl.]. – Essen, 1997. – S. 81-86.

**EVOLUTION OF MORPHOLOGICAL AND SYNTACTIC FEATURES
OF RUHR REGIONAL LANGUAGE VARIETY**

Ponomaryova A. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation*

E-mail: E-mail: ponomarova_anna@ukr.net

The purpose of this paper is to analyze contemporary linguistic situation in Ruhr area which has suffered great economic, structural, social and cultural changes during the previous few centuries. Due to active immigration processes the area became multicultural. Till the present day the Ruhr area doesn't have any fixed borders. Geographically it is situated in the Low German dialectal domain, but its center is crossed by an important dialectal border between the Low Franconian and the Low Saxon dialects. Low German dialects tended to lose their popularity at the beginning of the XIXth century, while the popularity of the standard German language grew steadily. And exactly in the described linguistic situation a specific regional colloquial language appeared – Ruhr regional language variety as a language of reconciliation.

Disputes on terminology and definition of the Ruhr language variety still take place in contemporary linguistics. The transitory state of this language variety is ambiguously reflected in traditional linguistic categories. This concerns in particular the questions of correlation between German literary standard and the Ruhr language which is considered to be close to literary norm. Its distinctive features however are presented at all language levels. At the same time Ruhr regional language isn't spoken within a rather closed and homogenous language area and has no vivid phonetic differences from the literary language. In comparison with the dialects Ruhr regional language has no centuries-old history of development. Therefore, on a scale "literary language – interregional spoken language – dialect" Ruhr regional language corresponds with the second component, i. e. the interregional spoken language with its distinctive features expressively allocated at all language levels.

Another way to determine the status of the Ruhr language in contemporary linguistics is "substandard" which is opposed to the literary language and has both features of a spoken language and a dialect.

In this research we believe that it is the most correct to consider Ruhr language as regional language variety. The choice of this term is supported by the correlation of the language with the territory of its distribution, namely – the Ruhr region.

Special attention in the article is dedicated to the problem of origin of the Ruhr regional language. Its formation is seen as a result of interaction of a number of language components: local dialects of immigrants from the eastern part of Germany and Eastern Europe, the miners' professional slang, local dialects and language formations of immigrants from the neighboring regions of Germany.

Having investigated the question of interaction of the Low German dialect and the Ruhr language linguists note that Ruhr regional language is based on the Low German dialectal substratum, therefore, its grammatical features partially coincide with those of the Low German language.

Low German dialects can be divided into three main subgroups: East Low German, Low Franconian and Low Saxon dialects which did not experience the High German consonant shift as such. Low Saxon and East Low German colonial dialects are sometimes integrated under a general term "Platt" which literally means "the language of the German lowland", but, at the same time, is interpreted as a "low language" in opposition to the High German language. Etymologically "Platt" meant "clear" in the sense of a language the simple people could understand.

Having considered the characteristics of the Ruhr regional language in the field of morphology and syntax, it is possible to draw a conclusion that this language formation possesses distinctive features covering all parts of speech. The most vivid morphological peculiarities of the Ruhr regional language concern the following: special plural forms of some nouns, different use of all four cases, differences in declination of nouns and adjectives, peculiar verb forms in categories of time and voice. Among auxiliary parts of speech the greatest number of distinctive features is noticed in prepositions and articles: some collocations can demonstrate the tendency of article omitting, definite as well as indefinite articles in Ruhr regional dialect can merge with a preceding preposition.

ЭВОЛЮЦИЯ МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУРСКОГО РЕГИОЛЕКТА

Ruhr language syntax peculiarities are presented by the following ones: typical separate use of pronominal adverbs, simplification tendencies in complex sentences, nonstandard use of conjunctions in comparative constructions and a specific form used to express a long-term action.

A comparative study of Low German dialectal features and those of the Ruhr regional language variety proves an assumption about the close interaction of the local colloquial language with Low German dialects.

Ruhr regional language in its contemporary form functions on the territory of the Ruhr region as language of daily informal communication. It is not a homogeneous form of existence of the German language and shows differences from the literary standard not only in lexicon and phonetic characteristics of speech, but also in the field of morphology and syntax.

Keywords: Ruhr regional language variety, morphology, syntax, Low German dialects.

УДК 811.11

ВОЗРАСТ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВАРИАТИВНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ЭКСКУРСИОННЫХ ПРОСПЕКТОВ)

Рыжикова М. Д.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: marinaryzhikova@yandex.ru*

На примере англоязычных экскурсионных проспектов анализируется роль социальных факторов, в частности возраста, влияющих на коммуникацию в туристической сфере. Различаются две основные возрастные категории – дети и взрослые, в зависимости от которых выделяются объект и лингвистические средства, используемые для достижения коммуникативной цели.

Ключевые слова: туристический дискурс, возрастной фактор, экскурсионный проспект, языковые средства, социолингвистические факторы.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование социальных факторов (культурной принадлежности, профессии, возраста, гендера) как составляющих дискурса способствует построению успешной коммуникации, поскольку верно выбранный объект, а также способы лингвистического воздействия на реципиента позволят правильно реализовать стратегию и, таким образом, достичь коммуникативную цель. Так, возраст рассматривается как одна из категорий, которые необходимо учитывать в туризме, особенно при разработке экскурсионных проспектов, которые в первую очередь ориентируют будущего потребителя и являются непосредственным фактором выбора тура.

Целью исследования было определение дискурсивных (композиционных и речевых) характеристик англоязычных туристических проспектов в зависимости от возрастного фактора. **Задачи** заключаются в рассмотрении структурных и лингвистических особенностей данного жанра туристического дискурса с учетом возрастных особенностей, определение объекта и выявлении языковых средств, свойственных каждому виду проспектов.

Материалом для анализа послужили 100 британских экскурсионных проспектов для детей и для взрослых, выбранных из разных актуальных Интернет-сайтов Великобритании методом сплошной выборки.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Жанровые и структурные особенности

Анализ британских туристических сайтов, предложенных на портале www.travel-lists.co.uk как наиболее популярные, показал, что категории экскурсионных туров подразделяются в зависимости от таких критериев: достопримечательности (по отдельным объектам или кругосветные), характер путешествия (индивидуальные, групповые или корпоративные), цель поездки (обзорные или деловые). Четкого де-

ления туристических экскурсий в зависимости от возраста не было обнаружено. На рассмотренных сайтах путешествия, разработанные для разных возрастных групп, относились к категории «Особые интересы». Так, представляется возможным разграничить все предлагаемые туры на два основных вида – для детей и для взрослых.

Исследование свидетельствует о том, что объем экскурсионных проспектов не зависит от возрастной категории. Все описания содержат название экскурсии и ее детальную характеристику, а также предполагаемого адресата. В турах, разработанных для определенного возраста, всегда есть примечание в случае, если он не рекомендуется туристам младшего/ старшего возраста, например: «*The London Dungeon is not recommended for children under the age of 10*». В ходе анализа отмечены такие экскурсии, которые подходили и взрослым, и детям, а также семейные, например: «*Kids will also love the gruesome dungeon, torture chamber and ghost tower, whilst parents cannot fail to be impressed by the stunning 60 acres of grounds landscaped by Capability Brown in the 18th century*».

Туры, предлагаемые взрослым, сопровождаются экскурсоводом, на что обращается внимание реципиента, например: «*Your British Tours guide will share with you their memories of the incredible day from a Londoner's perspective*». Стиль изложения в таких проспектах предполагает последовательное описание всех достопримечательностей, входящих в ту или иную экскурсию, без апелляции к эмоционально-чувственному восприятию. Адресант выделяет историческую ценность объекта (например, «*Just to the south is the National Maritime Museum with memorabilia from the victory over the Spanish Armada to Admiral Horatio Nelson's great triumphs at the battles of the Nile and of Trafalgar*») или акцентирует внимание на таких чертах, которые являются актуальными и представляют интерес в современное время (например, «*You can ask your guide to extend your tour further to include a visit inside Kensington Palace, the family's new official London residence*»). Порой, в подобных проспектах просто перечисляются объекты, без детализации, при этом в некоторых листовках указывалось, что увидит турист, который впервые посещает ту или иную местность (например, «*For first time visitors see all the major sights - Buckingham Palace, St Paul's Cathedral, Westminster Abbey, Big Ben...*»), а что – бывалый путешественник (например, «*For regular visitors explore the lesser-known sights in London - Shakespeare's Globe, historic Hampstead village with 17th century Kenwood and Fenton House...*»). Кроме того, в проспектах туров для взрослой категории туристов есть информация о продолжительности тура и его стоимости.

Характеристика экскурсий для детей, напротив, носит экспрессивный характер и красочное описание объекта посещения. Многие туры основаны на таких достопримечательностях, которые известны детям из популярных книг или фильмов, например, *Harry Potter Tour of Oxford*. В рекламе поездок с посещением исторически важных мест вкратце разъясняются основные события, например: «*The Tower of London - The Tower is full of stories of intrigue, execution & murder. Its 900 years of existence has been a palace, a prison and a setting for many famous executions - including two of Henry VIII's unfortunate wives*». Более того, в дополнение данных о том, чем известна определённая достопримечательность, обязательно упоминается о наличии сверхъестественного, в частности о возможных призраках (что в известной мере привлекает детскую аудиторию), например: «*Yeoman Warders (or Beefeaters) still patrol the grounds and can*

tell a few tales of ghostly happenings at night...». В листовках, рассчитанных на детей, адресант обещает не просто посетить экскурсионный объект, но и непосредственно прикоснуться к истории, например, посредством костюмированного образа гида, что передаст дух определённой эпохи: «*Costumed guides take you on a fascinating tour of the State Rooms and can explain in detail the rich history and events which surround them*», или возможностью принять участие в реконструируемом событии, например: «*Children can watch the Keepers feed the animals and can also take part in one of the exciting and informative shows featuring some of the zoo's most intriguing residents...*». Такие проспекты не предоставляют сведений о длительности или стоимости экскурсии.

2. Анализ использования лингвистических средств в экскурсионных проспектах для детей

Реклама экскурсионных туров для детей характеризуется небольшим количеством видов языковых приемов, однако все выявленные средства свидетельствуют о речевой экспрессивности говорящего, апеллирующего к детским эмоциям и фантазии, что позволяет при ознакомлении с туристической информацией представить себе яркий образ объекта и пробудить интерес к посещению места. Прежде всего, этой цели служит использование лексики, семантика которой будоражит воображение, например: «*The Tower of London - The Tower is full of stories of intrigue, execution & murder*». Для передачи ярких красок и возможных впечатлений употребляются эпитеты, например: «*London Dungeon - This world-famous horror museum has state of the art special effects depicting scenes of torture, death and murder in spine-chilling detail*». Употребление интенсифицирующих наречий усиливает эмоциональное воздействие на реципиента, например: «*Using waxwork exhibits to bring to life the rich history of the castle, it shows imaginatively scenes from its time ...*». Степени сравнения прилагательных (например, «*With magnificent State Apartments, St. George's Chapel, burial place of Kings and Queens, and Queen Mary's Dolls' House, exquisitely perfect to the tiniest detail, there is plenty to see and do for the whole family*») и стилистическое употребление определенного артикля (например, «*Explore the fascinating hangars along the base with an outstanding collection of historic aircraft on show from Spitfire to Concorde*») выделяют объект из ему подобных. Средства модальности придают описанию загадочности, что станет интересным для детей, например: «*Five of his wives lived here and the ghosts of two (Jane Seymour and Catherine Howard) supposedly haunt it*». Употребление противопоставления также служит побуждению к посещению, являясь своего рода обещанием в получении разнообразных впечатлений, например: «*Madame Tussauds - Wax portraits of famous and infamous world figures on display in such settings as The Garden Party and the Grand Hall*». Автор акцентирует внимание на необычных для посещения местах с помощью уточнения и перечисления, например: «*Especially appealing to children are the two exciting mazes including the Water Maze and the Hedge Maze, plus the Miniature Model Houses Exhibition and the variety of special events throughout the season including jousting, falconry and archery*». Посредством апофеоза адресант вовлекает в коммуникацию реципиента, предоставляя возможность далее придумать свой собственный вариант продолжения тура, например: «*The Cathedral is also featured in 'Harry Potter*

and the Chamber of Secrets' including the scenes featuring the ghost Moaning Myrtle, and the mysterious appearance of the red writing in Hogwarts' corridors ...».

3. Особенности употребления языковых средств в экскурсионных проспектах для взрослых

Так же, как и в проспектах, предназначенных для детей, описание экскурсионных туров для взрослых строится на использовании сложных определительных предложений, которые способствуют передаче как можно большего количества деталей об объекте, например: «*Prince William and Kate Middleton's love story started in St Andrew's, Scotland, where they both went to University, but it truly blossomed in London*». Приведенный пример свидетельствует и о том, что таким проспектам также присуще усиление эмоционального восприятия информации через интенсифицирующее наречие (*truly*) и эмоционально-окрашенную лексику (*blossomed*). Кроме того, такие предложения, в отличие от сложных этого же вида, встречающихся в проспектах для детей, используются для того, чтобы привести историческую справку, например: «*You can take a picture of the exact spot where Kate and Will showed their newborn son to the world, and where Charles and Diana appeared in 1982 with baby William*». Отличительными лингвистическими средствами являются сравнительные (например, «*You can also shop like a royal in one of the luxurious department stores*») и эмфатические конструкции (например, «*It was here that best man Harry was accused of cheating, when his art teacher announced she had done his homework!*»), которые дают возможность адресату критически воспринять рекламируемую информацию. Как указывалось выше, такие проспекты менее эмоциональны; однако экспрессивность представлена – в основном, восклицательными предложениями, например: «*Have lunch first at the quaint village pub where Kate and William have spent many an evening together and the landlord had an invitation to the big day!*». В таких рекламных сообщениях пассивные конструкции обращают внимание реципиента к мнению/ опыту других людей, что также может рассматриваться как способ заинтересовать, например: «*It was widely rumoured that the shop-keeper also had an invite to the nuptials!*».

Помимо эпитетов, степеней сравнений и лексических средств, также отмечены следующие техники привлечения внимания к определенному туристическому объекту, которые были обнаружены в анализируемых проспектах обоих видов: инверсия (например, в проспектах для взрослых: «*After lunch, usually in a good pub that our guide will recommend depending on your location at lunchtime, your guide will drive you to Elstree airfield*», в проспектах для детей: «*In several of the films, Oxford provided Hogwart's staircase notably in the first film where Professor McGonagall greets the schoolchildren upon their arrival*»), обособление (например, в проспектах для взрослых: «*Also the home of the highest order of chivalry in the world, the Order of the Garter of which William was made a Knight in 2008*», в проспектах для детей: «*Further adventures of Harry Potter and his friends were shot at the Norman Cathedral of Gloucester; a place of worship for more than 1300 years, including the Ghost scenes and talking portraits in 'Harry Potter and the Philosopher's Stone'*»), перечисление (например, «*Regular visitors can choose to explore the lesser-known sights in London – for example Churchill's Cabinet War Rooms, the Beatles' Abbey Road, Notting Hill, Covent Garden, London's East End and much else*»).

**ВОЗРАСТ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВАРИАТИВНОСТИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЭКСКУРСИОННЫХ ПРОСПЕКТОВ)**

ВЫВОДЫ

Основной коммуникативной стратегией британских экскурсионных проспектов (как для детей, так и для взрослых) является информативный способ подачи фактов, который позволяет получить достоверные данные о том или ином объекте, не искаженные оценочными суждениями. К общим лингвистическим средствам ее реализации относятся употребление сложных предложений с определительным типом придаточных предложений, обособление, перечисление, инверсия, эпитеты, степени сравнения прилагательных, интенсифицирующее наречие.

Среди специфических языковых приемов, используемых в описаниях туров для взрослых, отмечены восклицательные предложения, сравнительные и эмфатические конструкции, а также употребление пассивного залога в нарративе.

Для детских экскурсионных проспектов характерны такие лингвистические средства: лексика с семантикой, способствующей активизации воображения, противопоставление, стилистическое употребление определенного артикля, модальные средства, апоэопезис.

Направлением дальнейших исследований может быть изучение влияния других социолингвистических факторов на формирование успешной коммуникации в туристическом дискурсе.

Список литературы

1. Белл Т. Роджер. Социолингвистика / Т. Роджер Белл // Цели, методы и проблемы / Под ред. А. Д. Швейцера. – М. : Международные отн., 1980. – 318 с.
2. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 330 с.

**AGE AS A SOCIOLINGUISTIC FACTOR OF VARIATION IN ENGLISH TOURISTIC
DISCOURSE (ON THE DATA OF TOUR PROSPECTS)**

Ryzhikova M. D.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: marinaryzhikova@yandex.ru*

Research of social factors (such as culture, profession, age or gender) as a part of discourse contributes to formation of a successful communication, as far as a correctly chosen object as well as linguistic means for influencing the recipient will make realization of the strategy possible, and thus, it will allow to achieve the communicative purpose. In the provided analysis age is viewed as a category necessary to take into account in touristic sphere, especially when designing tour prospects, for they first and foremost help a prospective tourist choose a tour.

The aim of the article is to determine structural and speech peculiarities of English touristic prospects in relation to age. The tasks are to define structural and linguistic features of the investigated genre of touristic discourse, state the object and language techniques characteristic for the prospects for children and adults.

100 British tour prospect for children and adults chosen at random from different actual Internet-sites of Great Britain constitute the material for analysis.

The main communicative strategy of British tour prospects (for adults as well as for children) is informative one allowing to reveal trustworthy facts of the object that are not distorted with evaluative statements.

The analysis proves that there is no strict division of the examined tours in accordance to the age criteria. Such tour prospects are attributed to the group called «Specific interests». Nevertheless, it appeared to be possible to divide all such advertising into two categories: for adults and for children.

The volume of the investigated prospects doesn't depend on the age category. All the descriptions include the name of the tour, its detailed characteristics and a supposed addressee. Some tours state which age category is not recommended for visiting. There are also tours which suit for children as well as for adults, and also for families.

Tours offered for adults presuppose guide escort, which is necessarily pointed out. The manner of giving information in such prospects provides structured description of all the sights included into a specific excursion without appealing to the recipient's emotional perception and feelings. The speaker emphasizes the historical value of the object or actual features which now arise interest. Sometimes such leaflets only enumerate the suggested landmarks without any further facts. However, the author may mention what exactly a first visitor will see and what a familiar one will be introduced to. Moreover, such prospects informs about the length and cost of a tour.

Featuring of excursions for children is on the contrary expressive and picturesque. Most tours offer visiting such sights that can be familiar from books or films, like *Harry Potter Tour of Oxford*. If historic places are advertised, a short explanation of the main events is provided. In addition to explaining what a sight is famous for, the speaker may say about the fact that a sight is haunted, which is likely to attract children. Prospects designed for children promise not only to see a landmark but also to feel oneself a part of history, either with the help of costumed guides (which could render a spirit of a specific era), or giving a chance to take part in a reconstructed event. Such leaflets don't include data on the tour length or price.

Common linguistic means used in tour prospect of both types are complex sentences with relative clauses, detachment, enumeration, inversion, epithet, degrees of comparison of adjectives and intensifying adverbs.

Language techniques typical of tour advertising for adults include exclamatory sentences, passive, comparative and emphatic constructions.

In tour leaflets for children the author uses vocabulary with semantics contributing to imagination, antithesis, stylistic usage of the definite article, modal means and aposiopesis.

Further investigation can be aimed at examining influence of other sociolinguistic factors on formation of successful communication in touristic discourse.

Keywords: touristic discourse, age factor, tour prospects, language means, sociolinguistic factors.

UDC 811.134.3

TOWARDS DISCOURSE PARSING ON GRAMMATICAL PRINCIPLES

Talhadas R., Mamede N., Baptista J.

U. AlgarveFCHS/INESC ID Lisboa, rtalhadas@gmail.com

U. LisboaIST/INESC ID Lisboa, nuno.mamede@inescid.pt

U. AlgarveFCHS/INESC ID Lisboa, jbaptis@ualg.pt

Content analysis is a relevant tool for many human and social sciences, such as Psychology and Sociology, among others. The detection of the structure of the texts is a relevant step in determining how the major content elements are organized. Besides text segmentation into paragraphs, sentences, and clauses, the use of discourse connectors is a fundamental element for the structuring of a text. These connectors include conjunctions and conjunctive adverbs, and they make explicit the meaning relations between sentences forming a text. In this paper, we illustrate a method for capturing the major components of texts and their explicit organization. For evaluation, the method is applied to discourse parsing but it could also be applied to many tasks of content analysis. This interdisciplinary method bridges topics from linguistics and computational linguistics, with possible uses in several areas of social sciences, where content analysis and discourse structure may be relevant.

Keywords: Content analysis, Text/Discourse parsing, Discourse Connectors, Portuguese.

INTRODUCTION

In Linguistics, Discourse Analysis deals with the higher levels of language encoding, namely with the way texts are structured to adequately perform their communicative goals. One can trace back the modern studies in the field to the seminal work of Zellig S. Harris (1952), in a structuralist perspective, and subsequent theoretical developments, such as Grice's Maxims (Grice, 1975) or the Systemic-Functional Theory (Halliday and Hasan, 1976), some of them more or less influenced by the Philosophy of Language of Wittgenstein (1955).

Content analysis (CA) is an 'umbrella term' that can be described as a set of research procedures and methods, with varying degrees of formalization, that can be applied to texts in a well-defined and reproducible way and transform them in such a way as to enable the retrieval of meaningful information and produce trustworthy inferences (Tipaldo, 2014). It is "a research technique for the objective, systematic and quantitative description of the manifest content of communication" (Berelson, 1952) developed since the 1950s, any CA methods must assure the repeatability of the procedures, as scientific re-elaboration of texts, and, in the words of one of the founders of CA, aim at answering the questions "Who says what, to whom, why, to what extent and with what effect?" (Lasswell, 1948).

The focus of CA can either be the manifest content of the forms of communication, that is, the very texts in their material and objective form; or the latent meaning, deductively deriving the intentions of the authors of the texts. The former is essentially a quantitative approach that relies mostly in the so-called dictionary-based methods, using statistical analysis to model the distribution of linguistic expressions and arrive at interpretative-prone categories; while approaches to the latent meaning perform qualitative analysis in order to elicit the intentions behind texts and their implications.

Irrespective of the approach adopted, Weber (1990:12) alerts that "To make valid inferences from the text, it is important that the classification procedure be reliable in the sense

of being consistent: Different people should code the same text in the same way”. Over the years, much effort has been put into research for operative definitions of inter and intracoder reliability (Krippendorff, 2004, p. 413).

Since the advent of computers and the dissemination of texts through the web, CA has been at the centre of many research domains and it is still today an active field of research in the Social and Computer Science Domains and in the Humanities, in general. Any text or corpus of text can be the target of CA procedures: from medical records, to press, from customer reviews to tweets and posts in media networks.

Mass media and communication studies from the late years of the 20th century, which have always had an important role in the assessment of public relations programs and public profile, have now turned to Social media analysis and the impact of new mobile devices in communication processes, in areas that are now known as opinion mining and sentiment analysis (Pan and Lee, 2008; Liu, 2012), and that have a strong economic, social and political impact, influencing stakeholders and deciders alike. Information retrieval and text mining techniques now have limitless access to big data, providing insight on how society interacts and reacts to events and policies, with significant societal impact.

The availability of massive quantities of textual contents in machinereadable form, even in those contents are in a non-structured form as language, requires the application of natural language processing (NLP) tools to retrieve that information from texts and use it in a wide range of applications (Clark *et al.*, 2010). Several applications of NLP are automatic summarization and indexation, topic detection and tracking, among others.

In this sense, the use of NLP techniques can aim at discovering the patterns underlying discourse structure and further process textual content beyond simple wordincontext approach. This is the field of *Discourse Parsing*.

Discourse parsing is the basis of several methods of automatic content analysis (Neuendorf, 2002). On the subject of discourse parsing, several works in the area of computational linguistics have been developed. Nowadays, most projects on corpus annotation of discourse relations are based on the Rhetorical Structure Theory framework (Mann and Thompson, 1988), such as RST Discourse Treebank (Marcu, 2000), which consisted on the annotation of around 30 discourse relations over the *Wall Street Journal* corpus. Other projects, like the Penn Discourse Treebank (Webber and Joshi, 1998), a version of the Penn Treebank project (Marcus *et al.*, 1993), use lexical information, having been produced with annotations about discourse connectors, namely conjunctions and conjunctive adverbs. These projects have been created for studies on the English language. Discourse parsers have been developed for several languages, including Brazilian Portuguese (Pardo, 2004; Pardo and Nunes, 2008; Maziero *et al.*, 2015). The later is one of the first attempts at a supervised machinelearning classifier for the identification of relations between text units.

In order to build an automatic discourse parsing system, the first task at hand is to build a discourse segmentation tool, irrespective of the set of discourse relations and the theory of discourse that will then be used. Most of these segmentation tools adopt a rulebased approach (Tofiloski *et al.*, 2009) and this hinges on a comprehensive knowledge about the lexical items connecting discourse units (clauses, sentences, paragraphs), that is, the connective words (and multiword expressions) of the language. This approach leads to higher precision when compared to statistical segmenters. The same approach has also been used for Brazilian Portuguese discourse parser *DiZer* (Pardo, 2004; Pardo and Nunes, 2008).

In this paper we highlight some of the linguistic issues raised in the construction of a discourse segmentation tool for European Portuguese. This is the first step towards the integration of such a tool into a fullyfledged, rulebased and statistical NLP system for Portuguese.

This paper is structured as follows: First, in Section 1, we present the main linguistic processes and lexical devices involved in the structuring of discourse by way of the so-called connectors. Then, in Section 2, we present available linguistic resources and tools for natural language processing of Portuguese texts, in order to present a strategy for capturing the discursive structure of a text. A detailed analysis of several issues found at this initial stage are then presented and discussed in order to build a roadmap towards an efficient and comprehensive discourse parser of Portuguese.

1. LINGUISTIC DEVICES IN DISCURSIVE STRUCTURING OF TEXTS

A text is a successful piece of communication when it presents internal coherence and cohesion (Halliday and Hasan, 1976; on Portuguese, see Mendes, 2013). Texts, particularly written texts, are complex linguistic objects, presenting an internal structure, which must be approached in a manner somewhat different from the analysis of simple, isolated, sentences and clauses. Any utterance has structure, but sequences of sentences resource to certain linguistic devices and processes that are not available for simpler sentences. Furthermore, in a written text, formal (editing) devices such as paragraphs, sections, chapters, etc., help produce structure and organize content. We do not consider these types of devices here, though.

In this paper, we are interested in investigating general lexicallybased linguistic devices and processes, operating in written texts, and yielding discursive structure. This are sometimes referred to in the literature as *transition words* (Writing Center, 2014). We will use as testing ground a corpus of scientific abstracts, the *TCC* corpus (Pardo&Nunes, 2008), consisting in relatively short texts, often with an argumentative structure and other specific rhetorical devices. This corpus has already undergone linguistic notation regarding its discursive structure, within a RST theoretical framework, though this data is not publicly available. Still, using this corpus as a workbench, we expect to be able, in the future, to compare different analysis and theoretical approaches.

Our aim, at this time, is mostly to identify the linguistic regularities and the issues that can be raised in the development of a rulebased discourse parser. Our final goal is to develop such parser and to integrate it at a later stage in the STRING natural language processing chain (Mamede *et al.*, 2012). In a way, this is our first step in moving from the already developed Portuguese grammar for the XIP (AitMokhtaret *et al.*, 2002), the parsing module of STRING, which aims at intraclausal syntacticsemantic dependency extraction; and advance processing towards a transsentential, discourse parsing. The grammatical approach, here envisioned, tries to capture discourse structure in a ‘close-to-the-text’ (‘shallow’, if one wants to call it) manner, naturally flowing from a basic parsing stage; with limited theoretical constraints, to promote flexibility and reusability; and with limited semantic interpretation added, in order to maximize reproducibility.

In this paper, we focus on the use of two major types of connective devices: conjunctions (§1.1) and conjunctive adverbs (§1.2). Their function in discourse can be seen a kind of “glue”, linking together clauses and sentences of a text, rendering it cohesive and coherent. These are not, by all means, the sole type of cohesion devices a cogent discourse

is made of. Other processes, such as the relative order of the elements in a clause or the sentences' sequence; the coreference relation between separate, even distant, elements of a text (Mitkov, 2002; Marques, 2013), etc.; they all contribute in a very relevant way to the cohesiveness and coherence of a text. Nevertheless, and for the strict purpose of this paper, we will ignore them here.

1.1. Sentences and (sub)clauses

From an informationtheoretical viewpoint (Harris, 1991), clause and sentenceboundaries are the point in the linguistic stream presenting the least constraints on wordsequences. Though this is a comprehensive linguistic notion, practical issues can be raised when mechanically parsing sentences in texts, namely in natural language processing of written texts.

Formally, sentence boundaries within texts are relatively easy to determine, being signalled by the use of initial uppercase and specific separators (stop <.>, semicolon <;>, colon <:>, question/exclamation mark <?!>). This depends on the language: some languages do not have such (ortho)graphic devices (Thai), while others have special characters to signal the onset and the end of a sentence (e.g. Spanish ¿? and ¡!). For all practical purposes, we ignore all these sentencesplitting issues in this paper and deem all sentences and paragraphs to be correctly segmented.

Once sentences have been identified as text units, the underlying subunits require a more sophisticated approach. This involves the concept of clause, a subsentential unit of sentences, and the correlated concept of conjunction. A conjunction is a major partofspeech that can be defined as a category of words joining clauses together within a sentence (conjunctions linking phrases – and not clauses, are ignored at this stage). Clauses can thus be defined as the expression of (at least) one semantic predicate with at least one explicit verb, while sentences are sequences of clauses (eventually, only one). Connective devices, mainly conjunctions, can relate clauses. Therefore, sentences formed with a single clause are simple sentences, while sentences with two or more clauses are complex sentences. Clauses can have different status within sentences: (i) a main clause (with a finite tensed form) can be coordinated with another main clause, both having similar or equal status within the sentence (parataxis); or (ii) a main clause can have one or more subordinate clauses (hypotaxis); both processes can be combined in the same sentence, and form complex syntactical structures. Furthermore, there are several types of subordination processes, yielding different types of subclauses (the main types being nominal, adjectival, adverbial, and appositive/parenthetical).

The delimitation of the boundaries of subclauses within sentences and the capture of the semantic relations between them is not a trivial task. In this paper, we adopt an extremely simplified approach: any string introduced by a conjunction (or a conjunctive adverb, see below) is a clause, irrespective of the possibility of having only one or several subclauses (not clearly delimited) within it; any beginning or end of sentence is a clause boundary, as well.

1.2. Conjunctions

Conjunctions convey meaning, and even if a comprehensive and universal semantic classification as not yet been achieved, major types involve the concepts of <cause>, <consequence>, <timesequence>, <finality/purpose>, <comparison>, etc. For the practical purposes of this paper, we consider that the main traditional semantic categories organizing the

set of known conjunctions are adequate and sufficient; with only some minor adjustments to cover most of the semantic values conjunctions may feature. In fact, even these categories are sometimes difficult to reproduce. Since, in the Harrissian framework, natural language has no external metalanguage (Harris, 1991), the use of the very conjunction may be more informative than any ‘artificial’ semantic tag, even if this could help to organize semantically similar phenomena.

Conjunctions can be coordinate (*mas* ‘but’) or subordinate (*porque* ‘because’). In this paper, we lightly address coordination, but we focus rather on subordinate conjunctions introducing (adverbial) subclauses, ignoring other subordination types.

Another important aspect is that conjunctions, both simple and compound (i.e. multiword) constitute a finite set, which can be described extensively. However, to the best of our knowledge, no comprehensive, and universally accepted list of conjunctions is available for Portuguese, especially because of the issues in defining multiword units, as well as the subtle distinction between conjunction and prepositions introducing infinitive clauses and phrases. To this paper, we used the (quite extensive) lexical data from STRING system (Mamede *et al.*, 2012), containing about 104 items, along their semantic features. Hence, for example, in the artificial example (1):

(1) *O Pedro fez isso enquanto a Ana lia o jornal mas não conseguiu terminar antes dela porque ela é muito rápida.*

(Pedro did that **while** Ana read the newspaper **but** [he] did not manage to finish before her **because** she is very fast.)

we find a single sentence with several clauses, connected by conjunctions. These clauses can be (manually) delimited (bracketing) and numbered (1 to 4, and then by A and B), as shown in (2):

(2) [[*O Pedro fez isso*]₁ **enquanto** [*a Ana lia o jornal*]₂]_A **mas** [*não conseguiu terminar antes dela*]₃ **porque** [*ela é muito rápida*]₄]_B

1.3. Conjunctive adverbs

Conjunctive adverbs are a hybrid category, halfway between conjunction and adverb. Like other sentential modifying adverbs, they operate on a sentence. However, their function is to relate that sentence with a previous one. Because of this, they are often confused with conjunctions in many grammars. For example, in the following sentence, *porém* (however) is a conjunctive adverb:

O Pedro fez isto. A Ana, porém, fez aquilo
(Pedro did this. Ana, however, did that)

A set of formal properties distinguishes conjunctive adverbs from other types of adverbs (Molinier and Levrier, 2000). Like other sentencemodifying (as against verbmodifying) adverbs, they often have mobility in the sentence and can be fronted to its beginning; they are also outside the scope of the negation of that sentence’s main verb:

*O Pedro fez isto. **Porém**, a Ana (não) fez aquilo*
(Pedro did this. *However*, Ana did (not_do) that)
*O Pedro fez isto. A Ana, **porém**, (não) fez aquilo*
(Pedro did this. Ana, *however*, did (not_do) that)
*O Pedro fez isto. A Ana (não) fez aquilo, **porém***
(Pedro did this. Ana did (not_do) that, *however*)

Besides that, sentencemodifying adverbs cannot be extracted by clefting:

*A Ana fez aquilo, **porém*** (Ana did that, *however*)
Foi **porém que a Ana fez aquilo* (It was *however* that Ana did that)

In fact, this is an operation that can only be used to front sentenceinternal constituents:

*A Ana fez aquilo **hoje*** (Ana did that *today*)
*Foi **hoje** que a Ana fez aquilo* (It was *today* that Ana did that)

Most important, since conjunctive adverbs link the sentence where they occur to the previous sentence, they can not appear in the absolute start of a discourse/utterance, as they require a previous context in order to be accepted and understood.

Exactly like conjunctions, conjunctive adverbs also convey meaning, and the semantic classes they can form are partially the same found for conjunctions proper (<cause>, <consequence>, etc.) with some further, adverbspecific classes (<exemplifier>, <enumeration>, etc.).

Because of their particular function, it is not rare to find some of this adverbs used inside a sentence, as if they were conjunctions, complicating issues and giving rise to much ambiguous classifications in traditional grammars:

*O Pedro fez isto, **porém** a Ana fez aquilo*
(Pedro did this, *however*, Ana did that)

Conversely, otherwise certain clearcut coordinative conjunctions like *mas* ‘but’ may be used adverbially:

*O Pedro fez isto **mas** a Ana fez aquilo*
= *O Pedro fez isto. **Mas** a Ana fez aquilo.*
(Pedro did this but Ana did that)

To the best of our knowledge, besides some partial lists in Costa (2008) and several compound adverbs provided by dictionaries and grammars under the tag of adverbial locutions, the most extensive lists of conjunctive adverbs for Portuguese have been collected and classified by Palma (2009), later revised by Fernandes (2011) in view of disambiguation, and then integrated in the STRING (Mamede *et al.*, 2012) Portuguese grammar and lexicon. This list has undergone constant updating. The current list used for this paper consists of 107 conjunctive adverbs. Most of them were already semantically classified.

Both conjunctions and conjunctive adverbs can be combined in sequences of sentences to produce discourse structure. As mentioned above, these are not the only process language resources to produce cohesion and coherence of discourse, but we define this grammatically shallow devices as the focus of this paper, since they can more easily spotted on the text ‘surface’.

1.4. Sentence sequences and the ‘&’ connector

Once all connectors have been parsed and the sentence structure they yield represented in some way, a large number of apparently unrelated sentences remain in most texts. However, if the sequence of sentences is in fact a cohesive and coherent text, they must all be linked by a default connector.

For this situation, Harris (1991) proposes the additive conjunction *and*: on one hand, this is the least constraint conjunction in any language, whose function is just to put two sentences together with minimal contribution to meaning. Because of the linear sequence in which sentences are ordered in relation to each other in discourse, a temporal (1) and sometimes even causal (2) nexus is often assumed:

(1) *O Pedro leu o jornal, viu um pouco de televisão e telefonou ao filho.*

(Pedro read the newspaper, watched tv for a while and phoned his son)

(2) *O Pedro foi logo comprar um jornal. Há três dias que não sabia nada de Portugal.*

(Pedro went to buy a newspaper right away. It had been three days since he had got any news from Portugal)

However, several complex factors may vary the semantic relation between consecutive, but otherwise unrelated sentences, foremost the predicates involved in each sentence pair, thus this reconstitution is highly dependent on one’s world knowledge.

In this paper, we also assume that any sequence of two sentences (or paragraphs), otherwise unrelated, are nevertheless connected by a dummy coordinative conjunction ‘&’ (= ‘and’), but we will abstain from further defining the semantic nexus between those sentences. In the same way, the default connection between paragraphs will be ‘&&’. Some authors consider this relational type of ELABORATION (Pardo *et al.*, 2004).

1.5. Sentence sequences, clause embedding and ordering

Finally, it is relevant to mention some issues on sequences of sentences and clauses and the challenges this poses to an adequate representation of discourse structure.

Adverbial subordinate clauses can often be fronted to the beginning of the main clause of a sentence. Coordination, on the other hand, does not allow the permutation of coordinated clauses. Conjunctive adverbs usually link two consecutive sentences and appear at the beginning of the second one, but they have high mobility within the sentence in which they are. Finally, sequences of sentences without any explicit connector must still be related (by ‘&’ or ‘&&’), so that all sentences in a discourse may be linked.

Furthermore, finding the boundaries of the argument clauses of both coordinate and subordinate clauses is not obvious, not only because this relies on a good parsing tools, but

also, for the often ambiguous, non-local dependencies connective elements (especially coordinate conjunctions) may establish within the sentence.

Thus, complex sentences involving both parataxis and hypotaxis can give rise to complex combinatorial patterns. Even if an arbitrary limit is imposed on the sentence structure (and one fails to see a valid reason why it should be so, outside practical considerations), building a parser for such complex, often very imbricate, clausal structures is not a trivial task.

Hence, considering the example already provided in (2), the structure between clauses can be formalized as in (S), where the specific content of sentences is represented by S_i , leaving the connectors (conjunctions) in place, as follows:

$$(S) \quad [S_1 \text{enquanto} S_2]_A \text{mas} [S_3 \text{porque} S_4]_B$$

(One can also consider that S_i is not exactly the sentence but the topmost node of the sentence parsed so far, in a bottom–up approach).

Alternatively, the operators (conjunctions) may be extracted from the sentence arguments, as in (P):

$$(P) \quad \text{mas} \{ [\text{enquanto} (S_1, S_2)]_A, [\text{porque} (S_3, S_4)]_B \}$$

This later solution (that we used for this paper) is more easily convertible into a graph-like structure (as in Bick 2000), where words would be the nodes and the dependencies the arcs between those nodes. This would allow for a graphical representation (see Harris 1991, for several complex examples), which could help human annotation of corpus to build (and evaluate) the discourse parser.

Any of these textual modifications, from the initial discourse (1) to its representations in (2), (S) or (P) is a specific type of *content analysis*, in the sense of Tipaldo (2013:18):

“Despite the wide variety of options, generally speaking every «content analysis» method implies «a series of transformation procedures, equipped with a different degree of formalization depending on the type of technique used, but which share the scientific reevaluation of the object examined. This means, in short, guaranteeing the repeatability of the method, i.e.: that preset itinerary which, following preestablished procedures (techniques), has led to those results. This path changes consistently depending on the direction imprinted by the interpretative key of the researcher who, at the end of the day, is responsible for the operational decisions made»”.

This, perhaps too long, discussion around the issues of formalisation is not at all some idle talk. One must bear in mind that not only this analysis must be entirely reproducible; it must also be humanly intelligible, even in very complex cases, with multiple combinations of hypotaxis and parataxis, in order to build the linguistic resources required to develop and evaluate such discourse parsers.

Whatever the formalism to be adopted (and the annotation tools to be developed), our aim is to be able to reproduce such analysis *mechanically*, by way of natural language processing techniques. This could then be used to many language-related applications, as in summarization, rhetoric analysis, etc.

2. LINGUISTIC RESOURCES AND NLP TOOLS FOR PORTUGUESE

In this Section we present the main linguistic resources and natural language processing tools that can be used for the construction of a discourse parser for Portuguese.

2.1. Linguistic resources

The lexicons of conjunctions and conjunctive adverbs of the STRING natural language processing chain (Mamede *et al.*, 2012) were adapted to the Dela-Unitex formalism, in order to use them with the linguistic development platform Unitex (Paumier, 2003, 2016). The choice of this system has to do with its simplicity and the fact that it was relatively easy to adapt current linguistic resources from STRING to be used with this system.

In STRING, most of these lexical items are first identified (tokenized and POSTagged) in LexMan module (Vicente, 2013) and then syntactically and semantically classified in the XIP parser (AitMokhtaret *et al.*, 2002) lexicons. In some cases, the correct tokenization and identification of the POS requires context, so that these tasks are carried out by an intermediate module, RuDriCo (Diniz, 2010; Diniz *et al.*, 2011).

From the initial list, certain entries, particularly prone to parsing errors due to their ambiguity were removed. This is the case of certain simpleword conjunctions (*ao, caso, de, para, por, sem*) that are ambiguous with prepositions, and whose identification requires a more sophisticated parsing tool than Unitex. The same was also done with coordination conjunctions (*e, mas, nem, ou*), since the delimitation of the phrases' and sentences' boundaries connected by coordination is not a trivial task. We also discarded a set of phrases involving pronominal, that is, anaphoric, elements (*além disso, porrestarazão, vistoisto*). Not only can these expressions be analysed linguistically, as its correct parsing involves anaphora resolution, which is out of the scope of this paper.

Hence, a final list of 211 entries, 104 conjunctions and 107 conjunctive adverbs, was produced. This small lexicon has been adapted to the Dela format (Courtois, 1990), to be used with the Unitex linguistic development platform. Examples of these conjunctions' lexical entries are shown below:

afim de,.CONJ+subordinate+final
 antesque,.CONJ+subordinate+temporal+anterior
 depois de,.CONJ+subordinate+temporal+posterior
 enquanto,.CONJ+subordinate+temporal+simultaneous
 paraque,.CONJ+subordinate+final
 porque,.CONJ+subordinate+causal
 porcausa de,.CONJ+subordinate+causal

As for conjunctions, a list of conjunctive adverbs was also adapted to be used with the Unitex platform. Here are some entries of that list:

asaber,.ADV+Advconj+appositive
 afinal de contas,.ADV+Advconj+consecutive
 aindaassim,.ADV+Advconj+concessive
 aindaporcima,.ADV+Advconj+additive
 antes de mais,.ADV+Advconj+temporal

assim\,,.ADV+Advconj+causal
 casocontrário,.ADV+Advconj+conditional
 deresto,.ADV+Advconj+concessive
 em o entanto,.ADV+Advconj+adversative
 isto é,.ADV+Advconj+appositive
 ouseja,.ADV+Advconj+appositive
 porconsequente,.ADV+Advconj+consecutive
 porenquanto,.ADV+Advconj+temporal
 porosvistos,.ADV+Advconj+causal
 portanto,.ADV+Advconj+causal
 querdizer,.ADV+Advconj+appositive

Using one of the Unitex features, priority was given to these dictionaries, so that these words, when found in a text, are only given the information encoded in our lexicons, while any other information from the system's dictionaries is ignored. This allows us to narrow down the focus of the parser, while accessing the remainder of the information encoded in the system's lexicons. For this paper, since the *corpus* was derived from the Brazilian Portuguese, we also used the lexical resources developed for that variety (Vale and Baptista, 2015 and references therein) and distributed with the Unitex system. This has been proved to have a significant impact on the number of outofvocabulary (OOV) tokens: Using the European Portuguese resources (Eleutério *et al.* 1995, Ranchhod *et al.* 1999), the number of unknown words was 1,021; while the Brazilian lexicon (Vale and Baptista 2015) only left 635 words without any POS tag.

2.2. Corpus

For the development of the parser, we intend to use the previously mentioned TCC *corpus* (Pardo and Nunes, 2008). This *corpus* consists of 100 documents with varying length (the shortest with 63 words and the longest with 1,825), 732 paragraphs (average of 7.3 per document), 1,490 sentences (average of 2 per paragraph and 14.9 per document) and 52,644 words (average 71.9 per paragraph, 35.3 words per sentence). This counting was made prior to any transformation to the *corpus* and before the 10 sentences randomly selected for the evaluation were removed from the *corpus*. The counts of words (approx. 53,000) and sentences (1,350) presented by Pardo and Nunes (2008) is slightly different, probably due to different tokenization and sentence segmentation criteria.

This corpus was used at this stage as a source of the main types of discourse relations, since it has already been annotated for discursive relations among sentences and clauses, even if from a different theoretical perspective, in view of future comparison.

The *corpus* was pre-processed and the texts were split with indications of beginning and end of *sentence* (=s= and =cs=, respectively), beginning and end of *paragraph* (=p= and =cp=), and beginning and end of *document* (=doc= and =cdoc=), keeping one document per line (each document is separated by a newline character). Sentence boundaries were defined basically by a full stop followed by uppercase initial (notice that colon <:> and semicolon <;> were not treated as sentence boundaries). The contractions (*no=em+o* 'in_the') were also resolved. A manual revision was carried out to ensure correct sentencesplitting and contractionresolving. These transformations on the *corpus* were performed in order to obtain the

best possible sentence splitting, while maintaining the possibility of performing a transsentential analysis when processing it with Unitex, otherwise, due to the features of the system, the FST approach would only work within sentence boundaries.

The full *corpus*, composed of 100 documents, was divided into two:

- 10% of the documents were randomly removed for evaluation, and;
- the remaining 90 documents were used for the development of the parser.

Table 1. Distribution of most frequently occurring conjunctive adverbs (*AdvConj*) and conjunctions (*Conj*) in the corpus

<u>AdvConj</u>	<u>Count</u>	<u>Conj</u>	<u>Count</u>
<i>por exemplo</i>	28	devido a	22
<i>ouseja</i>	10	paraque	21
<i>em oentanto</i>	9	além de	19
<i>por outro lado</i>	8	quanto	17
<i>assim,</i>	7	bemcomo	7
<i>portanto</i>	6	umavezque	5
<i>emseguida</i>	3	nem	4
<i>isto é</i>	3	e/ou	5
<i>porsuavez</i>	2	apesar de	5
<i>por um lado</i>	2	embora	4

All calculations mentioned below refer to the development *corpus*. After lexical analysis of the development *corpus* with Unitex, the distribution of the conjunctions and conjunctive adverbs in the *corpus* was obtained. The 10 most frequently occurring items in each class are shown in Table 1.

In total, 51 different connectors are used in only 90 texts of the TCC *corpus*, showing the diversity of their use in text. Conjunctions are used the most in these texts (120 instances), though the conjunctive adverbs are very frequent (78 found instances). It is this diversity and density, the different combination of them in the same sentence and the different possible positions of the adverbial connectors in the sentence that make their parsing so difficult.

However, the most difficult aspect when identifying connectors is their ambiguity, especially in a tool such as Unitex, with little or no morphosyntactic disambiguation. An example of incorrect POS tagging, resulting from ambiguity, is the output of the following sentence:

*Segundo Pressman, **quanto**maistarde um erro for encontradoem_oprocesso de desenvolvimento de software, maior é o custoparacorreção de esseerro.*

[**quanto, C0Conjsubordcomparative** (*Segundo Pressman, #maistarde um erro for encontrado em o processo de desenvolvimento de software, maior é o custoparacorreção de esseerro.*)]

In this sentence, *quanto* is part of the proportional (discontinuous) conjunction *quantomais X, mais Y*. Because the program failed to identify this conjunction correctly, our parser incorrectly classified *quanto* as a comparative conjunction.

Another aspect of ambiguity is the fact that the current resources of Unitex do not produce a POSdisambiguated text, so that when trying to capture clauses, which may be defined as having at least a verb form. Since the text has not been POStagged and disambiguated, one cannot, at this stage, rely on such POS constraint to adequately delimit clauses, as many words are ambiguous between verbs and other POS. Therefore, in this paper, we adopted a very simplistic approach, as far as clause segmentation is concerned, and just considered sentence boundaries, ignoring, for the most part, the sentenceinternal POS tags. This problem will not occur within the STRING fullyfledged NLP system, which is able to produce a fully disambiguated text.

CONCLUSIONS AND FUTURE WORK

This work presented the main linguistic issues and requirements towards building an automatic discourse parser with reference to Portuguese. This has proven to be a very difficult task, taking into account the existing POSambiguity in Portuguese and the effect of reordering and embedding of subclauses within sentences, the conjunctive adverb mobility within sentences, and the consideration of default connectors ‘&’ between two, immediately sequential, but otherwise formally unrelated, sentences (or paragraphs). Because of these difficulties, and in order to obtain a more accurate output, it is important to work with disambiguated text, where verbs are marked as being in the appropriate tense and other POS are also correctly tagged. This work on *corpus* annotation for lexicallyoriented, discursiverelated sentence relations, to the knowledge of the authors, has not been done to Portuguese yet.

One of the purposes of this paper was also to present the difficulty of the task at hand, and the challenges it poses for the task of content analysis. The relations addressed in this stage are relations between clauses within the same sentence or in adjacent sentences. In future developments more complexity must still be added, by relating sentences and paragraphs in texts, improving the ability to analyse discourse.

Regarding **future work**, we aim at the development of an automatic discourse parser integrated in the STRING natural language processing chain, using its rule-based parser XIP by way of dependency extraction rules, whose results approximate a graph-like representation. After development, this tool may also be tested on other types of texts, with a less formal writing, to test its efficiency and portability in other genres and text types.

To sum up, a lot of work is yet to be done in the area of automatic discourse analysis, starting with automatic discourse segmentation. This paper is a modest contribution in that direction.

ACKNOWLEDGMENTS

This work was partially supported by national funds through Fundação para a Ciência e a Tecnologia (FCT), ref. UID/CEC/50021/2013.

REFERENCES

1. AitMokhtar, S., Chanod, J. and Roux, C..Robustness Beyond Shallowness: Incremental Dependency Parsing. *Natural Language Engineering*, 8(2/3); 121–144. (2002)
2. Berelson, B. *Content Analysis in Communication Research*. Glencoe: Free Press. (1952)

3. Bick, Eckard. The Parsing System “PALAVRAS”. Automatic Grammatical Analysis of Portuguese in a Constraint Grammar Framework. Arhus University Press. (2000)
4. Cabrita, V..Identificar, Ordenar e RelacionarEventos.Master thesis, Instituto Superior Técnico, Universidade Técnica de Lisboa, Lisboa, Portugal. (2014)
5. Clark, A., Fox, C., and Lappin S. (eds.).The Handbook of Computational Linguistics and Natural Language Processing, WileyBlackwell, Oxford. (2010)
6. Costa, J..O Advérbio em PortuguêsEuropeu. Colibri. Lisboa. (2009)
7. Courtois, B..Un Système de DictionnairesÉlectroniques pour les Mots Simples du Français. Langue française 87. (1990)
8. Diniz, C..Um ConversorBaseado em Regras de TransformaçãoDeclarativas. Master thesis, Instituto Superior Técnico, Universidade Técnica de Lisboa, Lisboa, Portugal.(2010)
9. Diniz, C., Mamede, N. and Pereira, J..RuDriCo2 a Faster Disambiguatorand Segmentation Modifier. II Simpósio de Informática (INForum 2010): 573–584. (2010)
10. Dwight, H..Power and Personality. New York, NY. (1948)
11. Eleutério, S., Ranchhod, E., Freire, H. and Baptista, J..A system of electronic dictionaries of Portuguese. LingvisticaeInvestigationes XIX: 1: 5782. John Benjamin B. V. Amsterdam. (1995)
12. Fernandes, G..Classification and Word Sense Disambiguation: The case of –mente ending adverbs in Brazilian Portuguese. Master thesis, ErasmusMundus International Master on Natural Language Processing and Human Language Technologies, UniversitatAutónoma de Barcelona/Universidade do Algarve. (2011)
13. Grice, P..Logic and Conversation. In Cole, P.; Morgan, J. L. (1975) (eds.). Syntax and Semantics 3: Speech Acts: 4158. Academic Press. New York.
14. Halliday, M. and Hasan, R..Cohesion in English. Essex: Longman. (1976)
15. Harris, Z.. Discourse Analysis. Language 28: 130. (1952)
16. Harris, Z..A Theory of Language and Information A Mathematical Approach. Clarendon Press. Oxford. (1991)
17. Krippendorff, K..Content Analysis: An Introduction to Its Methodology (2nd ed.). Sage. Thousand Oaks, CA. (2004)
18. Liu, B..Sentiment analysis and opinion mining. Synthesis lectures on human language technologies, 5(1), 1167. (2012)
19. Mamede, N., Baptista, J., Diniz, C. and Cabarrão, V..STRING: A Hybrid Statistical and RuleBased Natural Language Processing Chain for Portuguese. In Caseli, H., Villavicencio, A., Teixeira, A., and Perdigão, F., editors, Computational Processing of the Portuguese Language, Proceedings of the 10th International Conference, PROPOR 2012 Demo Sessions, volume Demo Session, Coimbra, Portugal. (2012)
20. Mann, W. and Thompson, S..Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization. Text 8 (3): 243281. (1988)
21. Marcu, D..The Theory and Practice of Discourse Parsing and Summarization. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts. (2000)
22. Marques, J..Anaphora Resolution. Master thesis, Instituto Superior Técnico, Universidade Técnica de Lisboa, Lisboa, Portugal. (2013)
23. Maziero, E., Hirst, G. and Pardo, T..Adaptation of Discourse Parsing Models for the Portuguese Language, 2015 Brazilian Conference on Intelligent Systems (BRACIS

2015), IEEE, pp. 140145.(2015)<http://www.icmc.usp.br/~taspardo/BRACIS2015Maziero-EtAl.pdf>

24. Mendes, A..Organização Textual e Articulação de Orações, in Raposo et al. 2013: pp. 16911759. (2013)

25. Mitkov, R..Anaphora Resolution. Studies in Language and Linguistics. Taylor & Francis. (2014)

26. Molinier, C. and Levrier, F..Grammaire des Adverbes: Description des Formes em 'ment'. Droz. Genève. (2000)

27. Neuendorf, K..The Content Analysis Guidebook. Thousand Oaks, CA: Sage. (2002)

28. Palma, C..Estudo Contrastivo Português Espanhol de Expressões Fixas Adverbiais. Master thesis, Universidade do Algarve. Faro, Portugal. (2009)

29. Pang, B., and Lee, L..Opinion mining and sentiment analysis. Foundations and trends in information retrieval, 2(12), 1135. (2008)

30. Pardo, T.,Nunes, M. and Rino, L..DiZer: An Automatic Discourse Analyzer for Brazilian Portuguese. In the Proceedings of the 17th Brazilian Symposium on Artificial Intelligence – SBIA (Lecture Notes in Artificial Intelligence 3171): 224234. São LuisMA, Brazil. (2004)

31. Pardo, T. and Nunes, M..On the Development and Evaluation of a Brazilian Portuguese Discourse Parser. Revista de Informática Teórica e Aplicada, 15(2), 4364. (2008) <http://www.icmc.usp.br/pessoas/taspardo/CorpusTCC.zip> [20160330]

32. Paumier, S..De la Reconnaissance de Formes Linguistiquesal'Analyse Syntaxique. Volume 2, Manuel d'Unitex. Ph.D. thesis, IGM, Université de Marnela Vallée. (2003)

33. Paumier, S..Unitex 3.1 User Manual. (2016) Accessed in the 7th of March 2016, in: <http://www.igm.univmlv.fr/~unitex/>

34. Ranchhod, E.,Mota, E. and Baptista J..A Computational Lexicon of Portuguese for Automatic Text Parsing. In Proceedings of SIGLEX'99: Standardizing Lexical Resources, 37th Annual Meeting of the ACL: 7481, College Park, Maryland, USA. (1999)

35. Raposo, E., Nascimento, M., Mota, M., Segura, L. and Mendes, A. Gramática do Português. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian. (2013)

36. Sperber, D. and Wilson, D..Relevance. Oxford: Blackwell. (1986)

37. Tipaldo, G. Handbook of TV Quality Assessment. UCLan University Publishing. Preston, UK. (2013)

38. Tipaldo, G..L'analisi del contenuto e i mass media. Bologna, IT: Il Mulino. (2014)

39. Tofiloski, M., Brooke J. and Taboada, M..A Syntactic and Lexical Based Discourse Segmenter. In Proceedings of the 47th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Singapore:7780. (2009)

40. Vale, O. and Baptista, J..Avaliação da flexão verbal do novo dicionário de formas flexionadas do UNITEX PB. in: Claudia Freitas, Alexandre Rademaker (Eds.) STIL 2015, X Brazilian Symposium in Information and Human Language Technology and Collocated Events: 171180, Natal, Rio Grande do Norte, Brasil. (2015)

41. Vicente, A..LexMan: um Segmentador e Analisador Morfológico com Transdutores. Master thesis, Instituto Superior Técnico, Universidade Técnica de Lisboa, Lisboa, Portugal. (2013)

42. Weber, R..Basic Content Analysis. 2nd ed.. Sage. Newbury Park, CA.

43. Wittgenstein, L. (1953). Philosophical investigations. Macmillan, New York. (1990)

44. Writing Center. Transitional Words and Phrases, The Writer's Handbook. University of Wisconsin, Writing Center. Madison, Wisconsin: University of WisconsinMadison. (2014)

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ДИСКУРСА НА ОСНОВЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ

Талядаш Р., Мамеде Н., Батишта Ж.

Университет Альгарве, факультет социальных и гуманитарных наук, Фару/ Институт инженерии и компьютерных систем, Лиссабон, Португалия, rtalhadas@gmail.com

Лиссабонский университет – Институт технических наук / Институт инженерии и компьютерных систем, Лиссабон, Португалия, nuno.tamede@inescid.pt

Университет Альгарве, факультет социальных и гуманитарных наук, Фару/ Институт инженерии и компьютерных систем, Лиссабон, Португалия, jbaptis@ualg.pt

Контент-анализ является важным методом анализа для многих гуманитарных и социальных наук, включая психологию и социологию. Выявление структур текста является значимым шагом в определении, как большинство содержательных элементов организовано. Кроме сегментации текста на абзацы, предложения, придаточные предложения, использование связующих элементов дискурса является фундаментальным элементом для структурирования текста. Эти связующие звенья включают союзы и союзные наречия, и они выявляют значимые отношения между предложениями, которые образуют текст. В этой статье мы иллюстрируем применение этого метода для определения важных компонентов текста и их подробную организацию. Для оценки применяется метод синтаксического анализа, но он также может быть применен для выполнения многих задач при контент-анализе. Междисциплинарный метод связывает темы лингвистики и компьютерной лингвистики с возможным применением в нескольких сферах социальных наук, в которых контент-анализ и синтаксический анализ могут быть важными.

Ключевые слова: контент-анализ, текстологический / синтаксический анализ, связующие элементы дискурса, португальский язык.

УДК 811.111'367.625

ПОЛИСЕМИЯ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ

Трунченкова Н. Н.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: natitrun@gmail.com*

Работа посвящена анализу явления полисемии в современном политическом медиа-дискурсе США. В статье рассматривается влияние политических процессов на расширение значений слов в американском варианте английского языка. Руководствуясь принципом политкорректности, американские политики иногда избегают точного изложения информации, представляя ее с наиболее выгодной для себя позиции. Таким образом, адресату может навязываться определенная точка зрения, а нежелательные факты либо скрываются, либо преподносятся в лучшем свете.

Ключевые слова: полисемия, расширение значения слова, изменение значения слова, многозначность, политкорректность.

ВВЕДЕНИЕ

Целью данной статьи является рассмотрение явления полисемии в американском варианте английского языка и факторов, влияющих на ее развитие, на материале современной англо-американской прессы. **Актуальность** данной работы обусловлена необходимостью изучения динамики лексического состава языка и установления закономерностей в развитии значений слов. При написании данной статьи использовались следующие **методы**: контекстуальный анализ и описательный метод (наблюдение, интерпретация и обобщение).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Новые значения многих слов и выражений из мира политики, социальных отношений и бизнеса настолько совпадают, что часть из них свободно дрейфует из одной области в другую. Порой их смысловые оттенки столь тесно переплетаются, что не всегда удается провести четкие границы между тем, как их используют в том или другом аспекте. В особенности часто это происходит во время президентских выборов, которые всегда рожают новые слова.

Одним из таких слов является *goo-goo* – «излишне сентиментальный». Раньше оно означало «что-то липкое». Сейчас по отношению к политикам оно означает «хороший, стремящийся все исправить, благодетель всего человечества, добрый дядя»: *When he was praising Mr. Clinton's sincerity, Mr. Gingrich should have been demanding that all the \$9-billion worth of goo-goo social-welfare programs be ditched* [1, с.14].

Очень распространенное сегодня выражение *to reach out* изначально употреблялось как устойчивое *to reach out and touch someone* и означало «установить контакт с кем-либо». Сегодня *to reach out* относится к попыткам государства, правительства или какой-либо организации оказать помощь группам или индивидуальным лицам,

нуждающимся в помощи в рамках *goo-goo government: The government reaches out to the people/ to the underprivileged/to the developing countries*. С помощью этого же выражения определялась суть программы, нацеленной на оказание помощи студентам латиноамериканского происхождения: **»Reaching Out»** – *A graduate workshop at the university provided an opportunity to students to reach out linguistically and culturally to inform and welcome Hispanic/Latino students and their families, and to provide translation into Spanish.*

Другое очень распространенное в политике выражение – **flip-flops**. В буквальном смысле под ним понимаются шлепанцы, чаще всего резиновые с перемычкой между пальцев: *Most of the employees can be found wearing sporting T-shirts and flip-flop sandals* [2, с. 64]. Но flip-flops употребляется довольно часто тогда, когда кандидаты на выборные должности обвиняют друг друга в необоснованных переменах своих взглядов и позиций и становятся **flip-floppers** и занимаются **flip-flopping**. В переносном смысле **flip-flop(s)** (и как существительное, и как глагол) означает «крутой поворот», «резкое изменение своей позиции» или «колебания в своих взглядах и мнениях». Человека, особенно политика, любящего менять свое мнение с целью собрать побольше голосов, называют **flip-flopper**. Упрек в беспринципности – излюбленная претензия кандидатов к своим оппонентам во время американских предвыборных кампаний: *The Obama campaign has responded by portraying McCain's embrace of offshore drilling as a flip-flop because the Arizona Republican opposed lifting the moratorium during his 2000 campaign* [3, с. A1].

Хотя **flip-flops** чаще всего встречается в политическом языке, оно употребляется и в любых ситуациях, где подчеркиваются резкие изменения: *Chiron isn't merely the beneficiary of a market flip-flop* [4, с. B1].

Но, с другой стороны, существуют люди, которые критикуют других людей за отсутствие гибкости во взглядах, и их называют **the flip-flop police**. Вообще под словом **police** подразумевают тех, кто берет на себя осуществление принципов «политкорректности», заставляя людей подчиняться своим установкам. Так, под **the smoking police** имеют в виду тех, кто не позволяет другим курить, а под **women's lib police** – тех, кто стоит за освобождение женщин и ругает покушающихся на их права: *The smoking police are there to protect other diners from your harmful secondhand smoke.*

Для рядовых американцев важно не только услышать в предвыборных кампаниях обещания помочь, но и видеть, как эти обещания выполняются, что в языке отразилось появлением новых идиом: **to talk the talk** – «разглагольствовать» и противоположное по значению **to walk the walk**: *Obama bashes republicans: «You can't just talk the talk ... You gotta walk the walk!»* [5].

Чрезвычайно часто употребляемое слово сегодня, которое обрело много новых смысловых оттенков, – **issue**. Как глагол **to issue** поначалу значил «истекать» или «выпускать», а как существительное – то, что является результатом этих процессов или обстоятельств: *A bank issues checks*. Или: *A publisher issues the latest edition of a journal*. *The latest issue* (существительное) – соответственно, последний номер журнала. Как юридический термин **issue** есть не что иное, как вопрос, поставленный перед судом, то есть юридический вопрос (matter in question, in dispute): *The issue before the court today is a complex one, and there have been many rulings on similar cases in the last three years*. Сегодня **issue** может указывать на любой вопрос, разногласие или проблему: **gender issues, issues of relevance**.

*An Iraq war veteran went missing and committed suicide. «He had these **issues** (проблемы) as a result of what we asked him to do,» said his commanding officer.* Как видно, **issues** является высоко политкорректным термином, абсолютно лишенным оценочных или моральных суждений, и с его помощью можно сглаживать острые углы: *Some of the officers of the police department have, let's say, **fitness issues** (то есть слишком полные, находящиеся не в спортивной форме).*

Борьба населения за свои права также нашла свое отражение в языке. **To empower, to validate** и **to enable** – группа слов, которые подчеркивают способность человека или социальной группы расширять свои права, возможности, самостоятельность. Впервые глагол **to empower** стал широко использоваться в связи с движением за освобождение женщин: *The empowerment of women was one of the major goals of women in the second half of the twentieth century.* Синонимом **to empower** сейчас являются *to strengthen, vivify, revive, enliven, liberate, make effectual, provide independence/self-sufficiency*, то есть слова, подчеркивающие права и полномочия всех граждан, а не только женщин: *Online networks may offer older people a place where they do feel empowered (самостоятельными), because they can make these connections and they can talk to people without having to ask a friend or family member for one more thing.* Старое же значение «уполномоченный» встречается в таких фразах, как: *He was empowered to represent this small NGO at the national congress of public interest groups.* Прилагательное **empowering** означает что-то вдохновляющее, воодушевляющее: *The reviews and ratings of the recipes on the website were so empowering to me; that meant that so many people were reading and using our recipes.*

Семантическое поле глагола **to validate** (существительное – **validation**) включает сегодня «оправдывание поведения кого-либо», «усиление или подтверждение взглядов или ощущений»:

Beck is clearly a gifted communicator who has a terrific ability to connect with his audience in a way that validates (подтверждает) their anxieties.

Her great performance on the job validated (оправдал) the risk her boss had taken in hiring someone relatively inexperienced.

После событий 11 сентября 2001 года необычайно положительный смысл приобрело выражение **Let's roll** (Поехали!). Эти слова были произнесены Скоттом Бимером, пассажиром захваченного террористами и обреченного на гибель самолета в тот момент, когда он призывал своих спутников на схватку с бандитами. В результате ответной атаки террористы утратили контроль над самолетом, обрушившимся в поле в штате Пенсильвания. Все пассажиры погибли, но героизм автора призыва и действия его команды сорвали план похитителей самолета взорвать Капитолий в Вашингтоне. С тех пор выражение **Let's roll** (Вперед! Давайте! Пошли, ребята!) стало лозунгом для всей страны сделать всё ради доброго дела, даже понимая, что это дело безнадежное, оно может не получиться или потребует немалых сил и даже жертв. Сейчас фонд С.Бимера получил права на использование данной фразы как торговой марки по изготовлению дисков, грампластинок, кассет и цифровых аудиокассет.

Другое выражение со значением «давайте» – «**bring'em on**» приобрело негативную ассоциацию после хвастливого заявления президента Буша «**Bring'em on**» в ответ на сообщение из Ирака о том, что в стране будет сильное сопротивление аме-

риканскому вторжению. «**Bring'em on**» обычно переводится так: «Пусть попробуют – мы им покажем». Хотя война оказалась совсем не таким простым делом, как предполагал Буш, но его выражение отпечаталось в национальном сознании как угроза, выражающая уверенность говорящего (оправданную или неоправданную) в самом себе: *Republican presidential front-runner Donald Trump blames Democratic candidate Bernie Sanders for increasingly frequent disruptions at the Republican hopeful's massive campaign rallies, and he says he has the answer: Send his supporters to Sanders' rallies. Sanders has offered a reply: **Bring'em on*** [7].

Существительное **surge(ing)** означает «рост/подъем, увеличение популярности», а как глагол – «нарастать, продвигаться». Слово это приобрело большую популярность также в разгаре войны с Ираком, когда в Пентагоне предпочли нейтрально звучащее слово **surge** более строгому военному термину **counterinsurgency** (противоповстанческие действия): *The legend goes something like this: By sending more troops to Iraq in 2007, George W. Bush finally won the Iraq War. Then Barack Obama, by withdrawing U.S. troops, lost it. Because of Obama's troop withdrawal, and his general refusal to exercise American power, Iraq collapsed, and the Middle East fell apart. «We had it won, thanks to **the surge**,» Senator John McCain declared last September* [8, с. 13]. Однако вскоре то же слово стало употребляться не только по отношению к войскам, но и совсем в иных контекстах: *Measles was one of the diseases mentioned then, since it is widespread in parts of the world from which the illegal immigration **surge** is coming – in particular, Central America, « says Elizabeth Lee Vliet, a preventive medicine specialist with practices in Dallas, Texas* [9, с. 6].

Еще одно слово, которое обрело «вторую жизнь» в результате войны в Ираке, – **embedded**. И в изначальном, и в буквальном смысле **embedded** переводится как «встроенный», «вложенный», «внедренный»: *In a nation of 70 million gun owners, we speak about a venerable American attachment to firearms. There may be no other society in which guns enjoy such a deeply **embedded** prestige or such enduring glamour.* [10, с. 14]. Но как военный термин **embedded (troops)** означает журналистов или других гражданских лиц, «прикрепленных», «назначенных» или «прикомандированных» к солдатам/войскам: *A year later, **embedded** in a disused school with a battalion of the Free Syrian Army, I'd been taken to Salaheddine to see the place where my guide's oldest son had been shot dead by the Syrian army* [11, с. 30].

И в заключение выражение **make no mistake** (будьте уверены, не обманывайтесь на этот счет), которое употребляется в разных контекстах, но главным образом встречается в области политики: *The general was widely quoted as saying, «**Make no mistake** (не обманывайтесь на этот счет, будьте уверены) NATO is not winning in Afghanistan,» a comment that directly contradicted the White House.* В политических контекстах слышна скрытая угроза: будут неприятные последствия, если те, к кому обращено предупреждение **make no mistake**, не послушаются. В устной и письменной речи на другие темы это выражение чаще всего употребляется, когда говорящий не совсем уверен в своей правоте: ***Make no mistake, lady!** (Будьте уверены! Обязательно! Даже не думайте!) This is the best rug in the store!* Интересно отметить, что согласно статистическим данным the Global Language Monitor именно эта фраза является любимой у действующего президента США Барака Обамы. За первые два года своего правления он произнес ее более трех тысяч раз, что вызвало неудовольствие рядовых американ-

цев, которые в социальных сетях призывают бороться с, как они сами это называют, «*make no mistake*» epidemic.

ВЫВОДЫ

В настоящее время в американском варианте английского языка происходит непрерывный процесс расширения значения различных слов под влиянием прежде всего политических процессов, происходящих в стране. У американских политиков обязательным принципом коммуникативной деятельности является политкорректность. Являясь эффективным инструментом языковой политики, политкорректность помогает избежать социальных обострений, которые неизбежны, когда не все граждане обладают одинаковыми правами, когда страна участвует в войне, когда в результате террористических актов гибнут люди.

Список литературы

1. Mc Nulty PJ. Rhetoric Vs. Reality / PJ. Mc Nulty // National Review. – 1994. – Vol.46, Issue 17. – P. 14.
2. Armour S. Business casual causes confusion / S.Armour // The Inc. – 2003. – Vol. 25, Issue 11. – P. 64.
3. Coile Z. Oil drilling question looms as election issue / Z. Coile // San Francisco Chronicle. – 2008. – (080623) – P. A1.
4. Abate T. Chiron Proves the Turtle Can Indeed Pass the Hare / T. Abate // San Francisco Chronicle. – 2001. – (20010312) – P. B1.
5. Spiering C. Obama bashes republicans: «You can't just talk the talk ... You gotta walk the walk!» – Breitbart, 20 February, 2016. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.breitbart.com/big-government/2015/02/20/obama-bashes-republicans-you-cant-just-talk-the-talk-you-gotta-walk-the-walk/> (дата обращения : 22.05.2016).
6. St. Thomas M. Unplugged but Connected. The role of Catholic schools in the information age / M.St. Thomas // America. – 2015. – Vol.213, Issue 5. – P. 20.
7. Sanders to Trump supporters: Bring'em on – World – NZ Herald, 14 March, 2016. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.nzherald.co.nz/world/.../article.cfm?c_id=2&objectid=11605312 (дата обращения: 04.05.2016).
8. Beinart P. The Surge Fallacy / P.Beinart // The Atlantic. – 2015. – Vol. 316, Issue 2. – P. 13.
9. Peterson J. Who is to blame for measles outbreak // J.Peterson // USA Today Magazine. – 2015. – Vol.143, Issue 2838. – P. 6.
10. Lacayo R. Under Fire / R.Lacayo // TIME. – 1990. – (19902109) – P.14.11. Harkin J. Inside Aleppo, Syria's Most War-Torn City // J.Harkin // Newsweek Global. – 2015. – Vol.165, Issue 8. – P. 30.

POLYSEMY IN AMERICAN VARIANT OF THE ENGLISH LANGUAGE AND SOCIAL AND HISTORIC PROCESSES IN THE USA

Trunchenkova N. N.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: natitrun@gmail.com*

The paper is a research into the influence of social and historic processes in the USA on polysemy in American English as exemplified in the modern American press. The timeliness of the paper is due to the fact that American English is going through a permanent process of violations of norms and standards in the use

of words and expressions, the emergence of hundreds of new lexical units, changes in meanings of existing words and phrases.

While writing this article the following methods have been used: contextual analysis and descriptive method (observation, interpretation and synthesis).

New meanings of many words and expressions from the world of politics, social relationships and business coincide so much that some of them drift freely from one sphere to another. Sometimes their shades of meaning are closely intertwined that it is not always possible to draw the distinguishing line between their usage in different aspects. It often occurs during presidential elections that always give birth to new words and expressions, e.g. the word “goo-goo” had the meaning of unpleasantly sticky substance. Now it refers to politicians who are too emotional and romantic and are eager to please everyone. As for politicians who change their opinion easily, they might be called flip-flops. On the other hand, the flip-flop police criticize them for not being flexible enough. In general, all the people who are in charge of implementing principles of political correctness are referred to as “police”. The smoking police do not let other people smoke, women’s lib police stand up for women’s rights.

Still the main thing for candidates is not to give promises, but to keep them. This is reflected in the language by means of new idioms, such as “to talk the talk” meaning “to assert the ability to do a lot of things” and opposite in meaning – “to walk the walk”.

Some words now are just neutral forms of approval/disapproval. For instance, “appropriate” is a synonym to something good and positive. One more example is “issue” which may denote any problem or misunderstanding.

In American English there is a group of such words as “to empower”, “to enable”, “to validate” used to emphasize a person’s ability to be independent and struggle for one’s rights. The verb “to empower” was first associated with women’s liberation movement. In modern American English “empowering” means something inspiring, encouraging.

The origin of the verb “to anoint” is biblical. It denotes the process of putting oil or water on somebody’s head during a religious ceremony. Now it is employed while speaking about an appointment of a successor or a heir. In culinary it means “to put some oil, cream or icing”.

After September, 11 2001 Scott Beamer’s phrase “Let’s roll!” said on the board of the plane seized by terrorists has acquired an extraordinary positive meaning. He called to fight with the bandits. As a result of the counterattack the criminals lost control over the plane. The plane crashed in Pennsylvania. All the passengers died, but Beamer’s heroism and his team’s actions foiled the hijacking. In modern America it is a motto for the whole country to do one’s best for the sake of the motherland no matter how hard it might be.

In comparison the phrase “bring’em on” has negative associations after George Bush demanded boastfully “Bring’em on” in response to the announcement from Iraq that they were going to resist American encroachment. Though the war turned out to be not so easy as Bush had supposed, his imperative was imprinted on the national consciousness as a threat expressing self-confidence both justified or not.

Both George Bush and Barak Obama are fond of using the phrase “make no mistake” to stress what they are saying, especially when they are warning someone. In political contexts a hidden threat is heard: there might be unpleasant consequences if the warning is ignored. According to statistical data provided by the Global Language Monitor these presidents have used the above mentioned expression three thousand times each. In social networking ordinary citizens call it “make no mistake epidemic” and would like to contain it.

Being non-judgemental and politically correct have nowadays become norms of behaviour. Political correctness is an obligatory principle of communicative activity, especially among politicians. They tend to use words devoid of any moral or evaluating judgement toning down sharp details while going through such social and historic processes as people’s struggle for their rights, the events of September, 11 2001 and the Iraq War.

Keywords: polysemy, change of meaning, political correctness.

УДК 811.11; 81-119

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОРОВ НА ИЗМЕНЕНИЯ В СТАНДАРТНЫХ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НОРМАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Федотова Ю. Б.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: tery@inbox.ru*

В современной лингвистике большое внимание уделено исследованию и изучению языковой ситуации в Великобритании. Языковеды осознали необходимость углубленного и многостороннего изучения преобразований в системе языка и их реализации в речи. В наше время большое распространение получают социолингвистические исследования вариативности произносительных стилей. В статье освещается вопрос взаимодействия территориального и социального факторов в произносительных особенностях английского языка, которые находятся в центре исследовательских интересов ведущих английских социофонетистов уже несколько десятилетий.

Ключевые слова: языковая ситуация, социолингвистические исследования, вариативность, произносительные стили, территориальные и социальные факторы.

ВВЕДЕНИЕ

Выбор темы обусловлен ориентацией современных лингвистических исследований на изучение языковой вариативности в Великобритании. Анализ последних публикаций дает возможность убедиться, что исследователь фоностилистической вариативности коммуникативного сообщества должен учитывать все факторы, которые влияют на использование языка, то есть выявить не только территориальные, но и социальные нормы, которые детерминируют речевое поведение индивидов.

Целью является анализ взаимодействия территориального и социального факторов в произносительных характеристиках английского языка, которые находятся в центре исследовательских интересов ведущих английских и отечественных социофонетистов уже на протяжении столетия. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: проанализировать вопросы социальной вариативности речи, определить основные единицы исследования, сформулировать основные методические принципы анализа речевых вариантов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Как известно, вплоть до 70-х гг. прошлого века внимание английских фонетистов фокусировалось на изучении местных диалектов, рассматриваемых в противопоставлении строго нормированному национальному литературному языку с орфоэпическими правилами нормативного произношения Received Pronunciation (RP) – стандартного произношения получивших хорошее образование жителей Южной Англии. Сам термин RP связан с именем фонетиста Д. Джоунза, издавшего в 1918 г. труд «An

Outline of English Phonetics» [6], который, в свою очередь, позаимствовал его у А. Эллиса, использовавшего этот термин в исследовании «On Early English Pronunciation», опубликованном в 1869 г. [11, с. 5].

Начиная с 70-х гг. меняется отношение британского общества к понятию «нормированная речь», и язык начинает рассматриваться как единство вариативных наддиалектных, территориальных и социальных форм, меняется отношение к RP, падает его престиж. За последние десятилетия число говорящих на RP неуклонно снижалось: по данным Дж. Уэллса (1982 г.), уже в начале 80-х гг. менее 10% населения придерживалось норм RP [10], а по данным А. Хьюза и П. Традгилла [5; 9], менее 3% населения Великобритании использовали RP на постоянной основе.

Если раньше RP являлось полифункциональной, престижной формой произношения, образцом для подражания, то в 90-е гг. оно приобретает резко выраженные негативные коннотации и практически исчезает из сферы повседневного бытового общения. В настоящее время орфоэпической нормы придерживается королевская семья, королевский двор, парламент, Верховный суд, и RP тем самым приобретает явно социально-функциональные ограничения [2, с. 18]. RP стал выполнять функции классового диалекта, то есть служить в качестве произносительной нормы высшего общества в Британии и, по признанию многих английских социофонетистов, преобразовался в социолект [10; 7; 9]. За это короткое время радикальные изменения в стандартных произносительных нормах английского языка (АЯ) произошли под влиянием многих социально-языковых факторов: исследователи отмечают очевидную демократизацию некогда консервативных стандартов, изменение отношения к ним в средствах массовой информации, динамизм произносительных норм и наличие разнообразных фоновариантов [7; 9; 12].

Как справедливо замечает Л. П. Крысин, в социофонетике отчетливо выделяются национально ориентированные направления исследований. Это обстоятельство связано с тем, что в каждой стране и, более узко, в каждой этно-социальной общности складываются своеобразные условия функционирования языка (или языков), и на первый план выдвигаются такие проблемы, которые актуальны для данной национальной общности (или многонациональной, но характеризующейся единством социально-экономической и политической жизни). Естественно, что социолингвисты, либо принадлежащие к этой области, либо изучающие ее «извне», акцентируют свое исследовательское внимание именно на этих актуальных проблемах, оставляя в тени другие [3].

Для британских исследований языковой вариативности Англии характерна направленность на освещение специфики социальной дифференциации английских диалектов, главным образом, городских, в которых процессы фонологических изменений выражены наиболее отчетливо [7; 12]. Исторически сложилось так, что для английских диалектов характерным являлось относительно независимое существование нескольких произносительных норм. Это нормы северных диалектов, сложившихся на базе нортумбрийского диалекта; центральные, мидлендские диалекты, южные диалекты, включающие в себя кентский, эссекский и уэссекский диалекты. Черты различия фонетических особенностей этих регионов преобладают над чертами сходства, что дает возможность говорить о региональных типах английского произношения как о системах с преобладающими расхождениями и частичным сходством [1; 5; 6; 10; 12].

По мнению большинства исследователей сегментного уровня, наибольший контраст между произносительными типами составляют диалекты Севера и Юга, в то

время как произносительные особенности Мидленда, Восточного и Западного, характеризуются выравниванием (levelling) северных и южных черт, что может служить основанием для предположений о продвижении фонологических изменений в речевом континууме по оси север-юг [7; 11].

А. Уильямс и П. Керсуилл предлагают определять выравнивание диалектов как процесс, в котором сокращаются различия между региональными разновидностями, черты, ранее выделявшие эти разновидности, исчезают, и появляются новые черты, которые усваиваются говорящими на территории большого географического района [8, p. 13]. П. Традгилл называет этот процесс диффузией инноваций (innovation diffusion) [9], а Д. Бритен – супралокализацией (supralocalisation) [12]. В городских условиях, когда представители разных диалектов находятся в ситуациях постоянного взаимодействия, имеют место процессы смешения, выравнивания, упрощения и перераспределения диалектных форм, которые приводят к появлению новых городских диалектов и социолектов. Корреляцию социальных типов произношения с региональными акцентами в Великобритании наглядно отражает известная пирамида диалектов (см. Рис. 1), предложенная социолингвистом П. Традгиллом: чем выше социальное положение и уровень образования говорящего, тем ближе к орфоэпической норме RP его произношение [9, с. 32]. Географическая вариативность широко представлена в основании пирамиды региональными акцентами нижних слоев английского населения. Социальная вариативность представлена в вертикальном измерении, и, по мере приближения к вершине пирамиды по социальной шкале, становится очевидным, что акценты высших слоев теряют региональную вариативность.

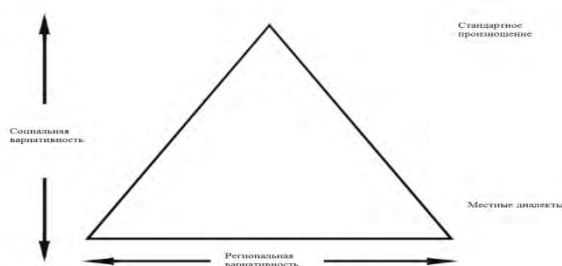

Рис. 1. Соотношение между социальными и региональными типами произношения в Англии [9, с. 32]

Так, по определению, любой региональный акцент показывает, что говорящий не принадлежит к высшему классу. Чем сильнее региональный акцент, тем более он удален от RP и тем сильнее он идентифицирует географическую и социальную отнесенность индивида [10, p. 17].

ВЫВОДЫ

Исходя из единого для всех основателей социолингвистики представления о том, что эта наука изучает язык в связи с социальными условиями ее существо-

вания, исследователь фоностилистической вариативности коммуникативного сообщества должен учитывать все факторы, которые влияют на использование языка, то есть выявлять социальные нормы, которые детерминируют речевое поведение индивидов. Этими факторами являются социальная структура коммуникативного сообщества, этнические особенности ее членов, их различия в социальном статусе, уровни их культуры и образования, различия в возрасте, месте проживания, а также параметры речевого поведения, которые определяются ситуацией общения.

Список литературы

1. Бродович О. И. Английская диалектная вариативность: типологические и общетеоретические аспекты : автореф. дисс. на соискание учен. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / О.И. Бродович. – СПб. : Издательство СПбГУ, 1991. – 48 с.
2. Бубенникова О. А. Литературная произносительная норма (RP) в Британии: история и перспективы развития / О.А. Бубенникова // Вестник Московского университета. – Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Москва : Издательство МГУ, 2004. – № 2. – С. 18–31.
3. Крысин Л. П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике / Л. П. Крысин // Русистика. – Берлин, 1992. – № 2. – С. 96–106.
4. Britain D. Innovation diffusion «Estuary English» and local dialect differentiation: the survival of Fenland Englishes / D. Britain // Linguistics, 2005. – № 43. – P. 995–1022.
5. Hughes A. English accents and Dialects / A. Hughes. – London : Arnold, 1997. – 142 p.
6. Jones D. An outline of English phonetics. [9-th ed.] / D. Jones. – Cambridge University Press, 1997. – 378 p.
7. Kerswill P. Models of linguistic change and diffusion: new evidence from dialect levelling in British English / P. Kerswill // Reading Working Papers in Linguistics. – 2002. – № 6. – P. 187–216.
8. Kerswill P. Creating a new town koiné: Children and language change in Milton Keynes / P. Kerswill // Language in society. – 2000. – № 29. – P. 65–115.
9. Trudgill P. Sociolinguistics : an Introduction to language and society / P. Trudgill. – 4-th ed. – London : Penguin Books, 2000. – 222 p.
10. Wells J. Accents of English / J. Wells. – Cambridge: C.U.P, 1982. – Vol. 1. – 277 p.
11. Ellis A. J. On early English pronunciation. London. Asher & Co. [Электронный ресурс] / A. J. Ellis. – 1869. – Режим доступа: http://archive.org/stream/onearlyenglishpr00elliouft/onearlyenglishpr00elliouft_djvu.txt (дата обращения: август – октябрь 2012).
12. Britain D. Supralocal regional dialect [Электронный ресурс] / D. Britain. – URL: <http://www.uib.no/filearchive/britain-2009-supralocal.pdf> (дата обращения: август – октябрь 2012).

THE INFLUENCE OF SOCIAL AND LINGUISTIC FACTORS ON CHANGES IN STANDART PRONUNCIATION NORMS OF THE ENGLISH LANGUAGE

Fedotova Y. B.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: tery@inbox.ru*

The paper analyses the process of development of the sociolinguistic research line of language variation. Functioning in a real daily practice of people, belonging to different social, professional and territorial strata of society, sociolect is a form of language variation, i.e. one of fundamental properties, ensuring its ability to serve as means of human communication, thought, expression and objectification of outpouring of life reality. Sociological approach in consideration of language variation has paved the way for creation and development of a new

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОРОВ НА ИЗМЕНЕНИЯ В СТАНДАРТНЫХ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НОРМАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

science, i.e. sociolinguistics, learning interaction of language and social stratification, appeared in foreign and domestic linguistics in the mid-60s of the last century.

In contemporary linguistics the study and research of a language condition in the Great Britain is under the great attention. Linguists point out to the necessity of profound and comprehensive study of the language system conversion and its realization in a language. The vital problem which is considered now with contemporary sociolinguistics is the problem of social-conditioned variation of a language. The great place is allocated now to sociophonetic researches of pronouncing style varieties.

From this point of view the British variant of English language presents the great interest, because of appliance of different methods allows disclosing variation trends of phonostylistic variable in dialects and sociolects of English language that are interrelated with force of stratificational, territorial and contextual character.

As it is known, up to the 70s years of the last century English phoneticists attention was focused on the study of local dialects, considered in opposition to the strictly standardized national literary language with pronouncing rules of normative pronunciation or Received Pronunciation – a standard pronunciation of well-educated South England population.

In the third quarter of the last century British society reconsiders attitude to the concept of “standardized speech” and the language is accepted as the unity of variable subdialect, territorial and social forms, the attitude related to the RP changes and its prestige falls. Over the last decades we can observe a significant decrease of number of RP speakers. Earlier the RP considered as a multifunctional, prestigious form of pronunciation, but now its role considerably have been changing and it acquires strictly negative connotations and practically disappears from the sphere of everyday communication.

Currently in the sociolinguistics are clearly distinguished nationally oriented research directions. This is due to the fact that in each country and, more narrowly, in every ethnic and social community are formed peculiar conditions of the language (or languages) operation, and to the fore such issues that are relevant for the given national community (or multi-national, but characterized by the unity of the socio-economic and political life). Certainly the sociolinguists belonging to that area of study or research it “from the outside” focusing their attention on exploring exactly these actual problems, leaving out others.

For the British researches of the English language variation is typical to be focused on covering the social differentiation specifics of English dialects, mainly urban, in which the processes of phonological changes are expressed most clearly. Historically, for English dialects characteristic is relatively independent existence of several norms of pronunciation. There are the northern dialects norms, based on the Northumbria dialect; Central, Midlands dialects, Southern dialects including Kent, Essex and Wessex dialects. Points of phonetic characteristics difference of these regions prevail over similarities, which makes it possible to talk about regional types of English pronunciation as systems with the prevailing differences and partial similarity.

Actuality of the research is determined with the insufficient development of implementation matters of phonostylistic variables in new sociolects of the English language and with the necessity of interaction analysis of the phonostylistic factors of literary standards and socio-territorial dialects.

Keywords: language condition, sociolinguistic researches, variation, language system conversion, sociophonetics.

UDC 811.11; 81-119

CLASSIFICATION OF THE RUSSIAN VERBAL IDIOMS

Fukova T., Chornobay S., Baptista J.

University of Algarve – FCHS, Faro, Portugal, tatyanafukova@gmail.com
Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol, Crimea, svetoniya@gmail.com
University of Algarve – FCHS, Faro/ INESC-ID Lisboa - Spoken Language Lab, Lisbon, Portugal,
jbaptis@ualg.pt

This paper presents the description of the classification of the Russian verbal idioms that were classified with the help of using the Lexicon-Grammar framework suggested by M. Gross. Over 1,000 verbal idioms were collected from the Russian Idiomatic dictionaries. The idioms were formalized into a tabular format, aiming at their computational processing and automatic identification in texts.

Keywords: Russian, verbal idioms, classification, lexicon-grammar.

INTRODUCTION

To this date, more than 1,000 Russian verbal idioms have been collected from phraseological dictionaries (Molotkov, 1986; Fedosov and Lapisky, 2003) and other sources, and classified most of them using the Lexicon-Grammar framework (Gross, 1996). The idioms were formalized into a tabular format, aiming at their computational processing and automatic identification in texts. This database is called a *Lexicon-Grammar* and it consists of a fine-grained description of the syntactic structure of those idioms, the lexical content of their frozen elements, the distributional constraints (human/non-human) on their free syntactic slots, and the transformational properties of the construction, that is, the alternative, paraphrastically equivalent, forms (or alternations) they can yield (e.g. Passive).

For each idiom, a word-by-word English translation and the relevant morphosyntactic (part-of-speech) information is provided, along with a free translation (or gloss) or the English equivalent, when available or known. An illustrative, ‘artificial’ example, produced with just the essential elements of the idiom is also provided. In these examples, verbs are usually in the past tense, the human noun free slots are fulfilled by a proper noun, etc.

RELATED WORK

1. Classification of Russian verbal idioms

The classification here adopted is inspired in that proposed by M. Gross (1982; see a later synthesis in M. Gross 1996), and already adopted for several other languages or language varieties.

Since Russian nominal morphology includes cases, the classification was adapted so that, instead of (or along with) prepositions, cases are used to mark the syntactic function of the verbs’ arguments. Still, an effort has been made in order to ensure that the classification allows cross-linguistic comparison of data, so the classes thus construed are equivalent to those found in the references above.

Class **C1**, one of the largest classes, is defined by having a frozen direct object in the accusative case. In some cases the frozen noun cannot vary in number. For example, only the plural form is used in the following idioms:

Иван бьёт баклуши (Ivan b'et baklushi)
Ivan/N₀ beats/V spoons/N-acc
'Ivan is idle'
* *Иван бьёт баклушу* (Ivan b'et baklushu)
Ivan/N₀ beats/V spoon/N-acc
Иван дразнит гусей (Ivan draznit gusey)
Ivan/N₀ teases/V geese/N-acc
'Ivan stirs things up'
° *Иван дразнит гуся* (Ivan draznit gusya)
Ivan/N₀ teases/V goose/N-acc
'Ivan teases goose'

The use of these nouns in the singular form renders the meaning of the expressions literal or the sentences may even become unacceptable. Conversely, only the singular form is used in some idioms, for example:

Мария бросила перо (Mariya broсила pero)
Mariya/N₀ threw/V feather/N-acc
'Mariya stopped literary activity'
° *Мария бросила перья* (Mariya broсила per'ya)
Mariya/N₀ threw/V feathers/N-acc
'Mariya threw feathers'

Many idioms of *CI* class have a left modifier, which corresponds mostly to an adjective (*Adj*), namely *жалкий* (zhalkiy) 'poor', *кислый* (kisliy) 'sour' or a determiner, including determinative-adjective *весь* (ves') 'all', *каждый* (kazhdiy) 'every', *новый* (noviy) 'new', *чужой* (chuzhoy) 'another's' and numerals (*Num*):

Иван влечит жалкое существование
(Ivan vlachit zhalkoe sushchestvovanie)
Ivan/N₀ drags/V poor/Adj life/N-acc,
'Ivan languishes in poverty'
Иван делает кислую мину
(Ivan delaet kisluyu minu)
Ivan/N₀ makes/V sour/Adj countenance/N-acc
'Ivan becomes dissatisfied'

Some idioms of *CI* show possessive pronouns as determiners of the frozen noun, for example:

Олег сжигает свои корабли
(Oleg szhigaet svoi korabli)
Oleg/N₀ burns/V his_own /Pron-pos boats/N-acc
'Oleg is breaking resolutely with the past'

These possessive pronouns are always co-referent to the sentence's subject *NP*, otherwise the meaning becomes literal:

° *Олег сжигает его корабли*
 (Oleg szhigaet ego (not Oleg's) korabli)
 'Oleg burns his (not Oleg's) boats'

The largest class is **CP1**, where the first complement is either introduced by a preposition or it does not receive the accusative case (*acc*). For example:

Александр бьет в цель
 (Alexander b'et v tsel')
 Alexander/*N*₀ beats/*V* in/*Prep* goal/*N-acc*
 'Alexander is effective, he attains the desired result'
Александр живет бирюком
 (Alexander zhivet birukom)
 Alexander/*N*₀ lives/*V* wolf/*N-instrum*
 'Alexander is unsociable'

Only some few idioms in this class present determiners. So far, only possessive pronouns were found in this class. Usually, they appear after the preposition, if there is any, and before the noun. As we mentioned before, possessives refer to the subject *NP*:

Иван входит в свои берега
 (Ivan vhodit v svoi berega)
 Ivan/ *N*₀ comes/*V* in/*Prep* his_ own /*Pron* shores/*N-acc*
 'Ivan takes the usual rhythm of life'
Иван отдувается своими боками
 (Ivan otduvaetsya svoimi bokami)
 Ivan/ *N*₀ is_ answerable/*V* his_ own/*Pron* sides/*N-instrum*
 'Ivan pays for smb. else's doings'

A noun in the genitive case is sometimes found as a right modifier of the *C1* head noun, for example:

Иван краснеет до корней волос
 (Ivan krasneet do korney volos)
 Ivan/ *N*₀ turns_ red/*V* up_ to/*Prep* roots/*N-gen* hair/*N-gen*
 'Ivan is ashamed'

The idioms of *CP1* class do not admit *Passive*.

Similar remarks on determiners and modifiers could also be made for the remaining classes, but for succinctness, we do not repeat them. In the next paragraphs, we will then briefly present the defining features of those classes.

Class **CAN** is defined by having a frozen direct object in the accusative case and a free determinative complement, which can be used both in the genitive and dative cases, for example:

Иван забривает лоб Олегу
 (Ivan zabrivaet lob Olegu)
 Ivan/ N₀ shaves/V forehead/C-acc Oleg/N-dat|gen
 ‘Ivan conscripts Oleg into the army’

This genitive-dative transformation in Russian idioms corresponds to the *dative restructuring*, described by *Leclère* (1995) for French and by *Baptista* (2004) and *Baptista et al.* (2014) for Portuguese. The effect of this alternation is to render the free noun more closely related to verb, removing it from its dependency of the frozen element, and making it a new, autonomous constituent, depending directly on the verb. In most cases, there is a *meronymy* (part-whole) relation between the *C* element and the free noun. This free noun is always a human noun.

Class **CPN** is characterized by having a preposition, introducing a frozen object in the appropriate case, and a free determinative complement, which can feature both the genitive and the dative case:

Путешествие ударило по карману Ивана
 (Puteshestvie udarilo po karmanu Ivana)
 Travel/Nn₀ beat/V on/Prep pocket/N-dat Ivan/N-dat|gen
 ‘The travel caused financial damage, loss to Ivan’

This genitive-dative alternation is the same transformation already explained in CAN. The idioms included in this class do feature neither determiner, nor modifiers and do not admit Passive.

Class **C1PN** is defined by a structure where the verb presents a frozen direct object in accusative and a free prepositional complement, which can be in a variety of cases, depending on the preposition that introduces it:

Иван бросил перчатку Олегу
 (Ivan brosil perchatku Olegu)
 Ivan/ N₀ threw/V glove/N-acc Oleg/N-dat
 ‘Ivan challenged Oleg to smth.’

Some idioms of C1PN have a left modifier, which corresponds mostly to an adjective (*Adj*) or a determiner, including numerals (*Num*):

Вбить осиновый кол
 (vbit’ osinoviy kol)
 hammer/V aspen/Adj stake/C-acc into/Prep smth/N-acc
 ‘destroy, put an end to smth.’

The class **CNP2** is the third largest class in the LG and it is defined by having a free direct object complement in the accusative case and a frozen prepositional complement:

Оля держит Ивана под каблуком
 (Olya derzhyt Ivana pod kablukom)

Olya/N₀ holds/V Ivan/N-acc under/Prep heel/C-instrum
 ‘Olya holds Ivan in complete subjection’

The class **C1P2** is defined by having a frozen direct object in the accusative case and a frozen prepositional complement; the case of this later complement depends on the preposition that introduces it, for example:

Александр берет быка за рога
 (Alexander beret byka za roga)
 Alexander/N₀ takes/V bull/C-acc of/Prep horns/C-acc
 ‘Alexander takes the bull by the horns’

The class **CPP** includes just a small number of idioms and it is defined by having two frozen prepositional complements:

Иван валит с больной головы на здоровую
 (Ivan valit s bolnoi golovy na zdorovuyu)
 Ivan/ N₀ heaps_up/V from/Prep sick/Adj head/C-gen to/Prep healthy/Adj
 head/C-acc
 ‘Ivan lays the blame on smb. else’

We found one idiom, where only the first complement is frozen but the second is distributionally free:

Иван попал в кабалу к Олегу
 (Ivan popal v kabalu k Olegu)
 Ivan/ N₀ appeared/V in/Prep bondage/N-acc to/Prep Oleg/N-Dat
 Ivan was in slave, depended on Oleg’

As it would not make much sense to create a new class just for one idiom, we provisionally included this expression in the CPP.

The idioms included in this class do not admit Passive.

The class **CADV** is defined by having an adverb as a frozen constituent, for example:

Иван высоко летает
 (Ivan vysoko letaet)
 Ivan/ N₀ flies/V highly/Adv
 ‘Ivan occupies a prominent position in society’

Most adverbs presented in the idioms of this class are adverbs of manner and only some few idioms contain adverbs of place/movement.

CONCLUSIONS AND FUTURE WORK

The classification here adopted is inspired in that proposed by M. Gross (1982; see a later synthesis in M. Gross 1996), and already adopted for several other languages or language varieties: French and the four main varieties, from France, Belgium, Switzerland and Québec (Lamiroy, 2010), Greek (Fotopoulou, 1993), Italian (Vietri, 2015), Portuguese, both European (Baptista et al., 2004, 2014) and Brazilian (Vale, 2001) varieties.

To conclude this paper, the work of collecting the idioms from dictionaries and other sources is still going on, but, based on the length of the dictionaries already consulted to attain a reasonable lexical coverage, a reasonable estimate for the size of LG would consider around 2,000 and up to 3,000 of frequently occurring, frozen verbal idioms.

References

1. Baptista, J., Correia A. and Fernandes G. *Frozen Sentences of Portuguese: Formal Descriptions for NLP*, ACL: Barcelona. 54. (2004)
2. Gross, M. *Lexicon-Grammar. Concise Encyclopedia of Syntactic Theories*. Cambridge. Pergamon. pp.244-258. (1996)
3. Fedosov, I. and Lapitsky, A. *Phraseological dictionary of the Russian language*. (Федосов, И. и Лапицкий, А. *Фразеологический словарь русского языка*). Moscow: Unves. (2003)
4. Molotkov, A. *Phraseological dictionary of the Russian language* (Молотков, А., *Фразеологический словарь русского языка*). Moscow: АСТ. (1986)
5. Leclère, C. *Sur une restructuration da-tive*. Language Research 31-1. Seoul: LRI- Seoul National Univ, pp. 179-198. (1995)
6. Fukova, T., Chornobay, S., Baptista, J. *Lexicon-Grammar of Russian verbal idioms*. Computerised and Corpus-based Approaches to Phraseology: Monolingual and Multilingual Perspectives. Tradulex: Geneva, pp. 139-153. (2016)

КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ИДИОМ

Татьяна Фукова, Светлана Чернобай, Жорж Батишта

Университет Альгарве, факультет социальных и гуманитарных наук, Фару, Португалия, tatyanafukova@gmail.com

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, svetoniya@gmail.com

Университет Альгарве, факультет социальных и гуманитарных наук, Фару / INESC-ID – Лаборатория разговорного языка, Лиссабон, Португалия, jbaptis@ualg.pt

В данной статье представлена классификация глагольных идиом русского языка, выполненная в рамках подхода исследования лексики и грамматики, предложенного М. Гроссом. Более 1000 глагольных идиом были отобраны из фразеологических словарей русского языка. Идиомы были представлены в формате таблицы с целью их последующей компьютерной обработки, а также автоматической идентификации в текстах.

Ключевые слова: русский язык, глагольные идиомы, классификация, лексика и грамматика.

УДК 81'37:159.937.51

ПОЛИСЕМИЯ КОЛОРИЗМА ЖЕЛТЫЙ И РОЗОВЫЙ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Цулая К. Д.

Донецкий национальный университет, Донецк, Донецкая область
E-mail: Karolina_tsulaya@inbox.ru

В статье рассматриваются колоризмы *желтый*, *розовый* в сопоставительном аспекте в четырех языках исследования. Устанавливаются лексико-семантические варианты, уровень полисемичности данных колоризмов, анализируются фразеологические единицы, имеющие в своем составе лексемы *желтый*, *розовый*.

Ключевые слова: колоризм, лексико-семантический вариант (ЛСВ), фразеологическая единица (ФЕ).

ВВЕДЕНИЕ

Семантика колоризмов неоднократно изучалась на материале различных языков [2; 3; 4; 5; 16; 17], однако можно утверждать, что полисемия цветообозначений на материале английского, немецкого, русского и украинского языков не была предметом отдельного сопоставительного исследования. Необходимость создания системной модели исследования полисемии колоризмов в сопоставительном аспекте на материале обозначенных языков составляет **актуальность** данной работы.

Целью данной работы являются установление переносных значений прилагательных с основным значением ‘розового цвета’ и ‘желтого цвета’, а также фразеологических единиц, имеющих в своем составе лексему ‘желтый’ и ‘розовый’, выявление общих и отличительных признаков семантики этих лексических единиц в языках исследования.

Эмпирический материал был получен из наиболее репрезентативных толковых словарей [9; 10; 11; 12; 15]. Единицей исследования служит ЛСВ многозначных колоризмов *yellow*, *pink/rose* в английском, *gelb*, *rosa/rosig* в немецком, *желтый*, *розовый*, в русском и *жовтий*, *розовий* в украинском языке, а также фразеологические единицы (ФЕ), имеющие данные колоризмы в своем составе. Общий объем выборки составляет 14 ЛСВ и 21 ФЕ колоризма *желтый* и 12 ЛСВ и 20 ФЕ колоризма *розовый* в английском, немецком, украинском и русском языках.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Лексико-семантические варианты лексемы *желтый*

Анализ словарных дефиниций исследуемых лексем позволил установить, что английская лексическая единица *yellow* имеет наибольшее количество ЛСВ (5 ЛСВ). В русском и украинском языках лексемы с общим значением *желтый* имеют одинаковое количество ЛСВ – 4, при этом наблюдается полное совпадение значений. Наименьшее количество ЛСВ наблюдается в немецком языке (1 ЛСВ).

В результате исследования в четырех языках были установлены следующие 6 переносных значения колоризма ‘желтый’:

1) ‘желтокожий’, 2) ‘опасный’, 3) ‘трусливый’, 4) ‘сенсационный, низкопробный’, 5) ‘нездоровый’, 6) ‘засохший, увядший’.

Всего один ЛСВ является общим для всех четырех языков – ЛСВ ‘сенсационный, низкопробный’, например, англ. *yellow journalism* нем. *gelbe Presse*, рус. *желтый журнал*, укр. *жовта газета*.

Два ЛСВ отмечены в трех языках исследования: ЛСВ ‘желтокожий’ и ЛСВ ‘нездоровый’ встречаются в английском, русском и украинском, например: англ. *a woman with yellow skin* ‘желтокожая женщина’, рос. *весь желтый* укр. *жовте лице*.

Один ЛСВ являются характерными только для двух языков исследования, русского и украинского, ЛСВ ‘засохший, увядший’, например: укр. ‘*жовта любов*’ ‘желтая любовь’, ‘*жовті пагорби*’ ‘желтые склоны’, рус. ‘*желтый лес*’.

Только для английского языка характерны два ЛСВ ‘опасный’ и ЛСВ ‘трусливый’, например: англ. *bright yellow hazard tape attached, warning people to stay away* ‘была прикреплена ярко желтая лента, предупреждающая людей, что подходить опасно’, англ. *he'd better get back there quick and prove he's not yellow* ‘ему лучше вернуться туда побыстрее и доказать, что он не трус’.

2. Фразеологические единицы с компонентом-колоризмом *желтый*

Лексема с общим значением *желтый* присутствует также в ФЕ исследуемых языков. Общее количество фразеологизмов с данным компонентом составило на материале исследования – 21 единица, из них в английском языке – 6 ФЕ, в немецком, в русском и украинском языках отмечено одинаковое количество – 5 ФЕ.

Только две ФЕ характерны для всех четырех исследуемых языков, например: 1) рус. *желтая лихорадка* ‘острое заболевание вирусной этиологии, передаётся с укусом комаров’, укр. *жовта лихоманка*, англ. *yellow fever*, нем. *das gelbe Fieber* 2) рус. *желтая карточка* ‘знак предупреждения игрока в некоторых командных видах спорта (в том числе в футболе и гандболе), демонстрируемый арбитром за следующие нарушения правил’, укр. *жовта картка*, англ. *yellow card*, нем. *die gelbe Karte*.

В русском и украинском языках наблюдается не только одинаковое количество ФЕ (5 ФЕ), но и полное совпадение значений. Например: 1) рус. *желтый билет* ‘альтернативный паспорту документ, который в Российской империи давал право легально заниматься проституцией’, укр. *жовтий білет*; 2) рус. *желтый дом* ‘больница для душевнобольных’, укр. *жовтий дім*; 3) рус. *желтая лихорадка*, укр. *жовта лихоманка*; 4) рус. *желтая раса* ‘о монголоидной расе’, укр. *жовта раса*; 5) рус. *желтая карточка* и укр. *жовта картка*.

Однако в родственных английском и немецком языках не наблюдается общих, уникальных только для этих языков ФЕ. Четыре ФЕ характерны только для английского языка, например: 1) *the yellow peril*, досл. ‘желтая угроза’, ‘политическая или военная угроза Китая или южно-восточной Азии’; 2) *to have a yellow belly* или *to be yellow-bellied* досл. ‘иметь желтый живот’, ‘быть трусом’; 3) *to have yellow streak (down one's back)*, ФЕ, синонимичная предыдущей, ‘струсить’, досл. ‘желтая полоска на спине’; 4) *code yellow* досл. ‘желтый код’, употребляется в больницах в системе оповещения для предупреждения персонала о чрезвычайной ситуации, в разговорной речи обозначает, что ребенка произошло мочеиспускание и следует немедленно предпринять меры.

В немецком языке выделены три ФЕ, характерные только для немецкого языка: 1) *grün und gelb im Gesicht werden* досл. ‘стать желто-зеленым в лице, позеленеть от зависти’; 2) *j-n gelb schlagen* ‘избить до синяков’. Интересно, что в английском суще-

ствуует синонимичная ФЕ, однако с другими колоризмами, *to beat smb black and blue*. 3) *der gelbe Neid* досл. ‘желтая зависть’, ‘черная зависть’, примечательно, что в немецком и русском со словом *зависть* употребляются колоризмы, но совершенно разные в цветовой гамме.

3. Лексико-семантические лексемы *розовый*

Рассмотрение переносных значений колоризма позволило установить, что английские лексические единицы *pink* и *rose*, немецкие лексические единицы *rosa* и *rosig*, русская *розовый* и украинская *рожевий* имеют одинаковое количество ЛСВ (4ЛСВ), однако набор ЛСВ совпадает только в русском и украинском и отличается в других языках исследования.

В результате исследования в четырех языках были установлены следующие 6 переносных значения колоризма ‘розовый’:

1) ‘розовый (о вине)’ 2) ‘либеральный, левый (о политических взглядах)’ 3) ‘розовый (о людях нетрадиционной ориентации)’ 4) ‘здоровый, румяный’ 5) ‘красивый’ 6) ‘приятный, сулящий радость, счастье, радужный’.

Два ЛСВ являются общими для всех языков исследования: ЛСВ ‘розовый (о вине)’ и ЛСВ ‘розовый (о людях нетрадиционной ориентации)’, например: англ. *pink wines* ‘розовые вина’, англ. *a boom in the pink economy* ‘расцвет в розовой экономике’, рус. *розовое движение, розовый журнал*, нем. *eine rosa Zeitschrift* ‘розовый журнал’.

Два ЛСВ отмечены только в русском и украинском: ЛСВ ‘приятный, сулящий радость, счастье, радужный’ и ЛСВ ‘здоровый, румяный’, например: рус. *розовые мечты, розовое детство, розовые щечки*, укр. *рожеві мрії* ‘розовые мечты’, *рожевий малюк* ‘розовый малыш’.

Один ЛСВ характерен только для английского языка: ЛСВ ‘либеральный, левый (о политических взглядах)’, например: англ. *pink politicians* ‘розовые, левые политики’.

4. Фразеологические единицы с компонентом-колоризмом *розовый*

Лексема *розовый* также является компонентом ФЕ исследуемых языков. Общее количество ФЕ с данным компонентом 20 ФЕ, из них наибольшее количество в английском языке – 8 ФЕ, в немецком языке – 7 ФЕ, наименьшее количество в русском и украинском языках, 2 и 3 ФЕ соответственно.

Лишь одна ФЕ является общей для всех четырех языков исследования, например: рус. *смотреть сквозь розовые очки* ‘представлять всё в приятном виде, смотреть на всё жизнерадостно, не замечая плохого’, укр. *дивитися крізь рожеві окуляри (скельця)*, англ. *to look at something through rose-tinted spectacles*, нем. *alles durch die rosa / rosigen Brillen sehen*.

Одна ФЕ отмечена в трех языках исследования, в немецком, русском и украинском, например: рус. *представлять в розовом цвете* ‘приукрашать, идеализировать что-то’, укр. *малювати рожевими фарбами*, нем. *etw. in den rosigen Farben darstellen*.

Интересно, что смысл одной ФЕ в английском языке передают две ФЕ в немецком языке, например: англ. *be in the pink* ‘быть здоровым, в хорошем настроении’, нем. *rosige Laune, Stimmung haben* ‘быть в приподнятом расположении духа’, *rosig aussehen* ‘выглядеть здоровым’.

Другие ФЕ с компонентом *розовый* являются специфичными для каждого (за исключением русского языка) из языков исследования. Только в английском языке отмечены следующие 6 ФЕ: 1) *turn/go pink* ‘залиться краской, разругаться’ 2) *to be tickled pink* ‘быть очень радостным, довольным’ 3) *to be seeing pink elephants/spiders* дословно видеть розовых слонов/пауков ‘видеть галлюцинации, «белочку»’ 4) *as gay as pink ink* дословно ‘совершенно точно принадлежащий к нетрадиционной ориентации, особенно лица мужского пола’ 5) *pink slip* ‘письмо об увольнении’ 6) *pink-collar job* дословно ‘розовый воротничок’, работа для женщин в сфере продаж и услуг, часто низкооплачиваемая.

Только для украинского языка характерна ФЕ *рожевий день* ‘безоблачный, хороший день’.

ВЫВОДЫ

1) Исследуемые колоризмы во всех языках характеризуются наличием отдельных ЛСВ, которые являются общими для всех четырех языков исследования, например, лексема ‘желтый’ имеет один общий ЛСВ – ‘сенсационный, низкопробный’, а лексема розовый имеет два общих ЛСВ – ‘розовый (о вине)’ и ЛСВ ‘розовый (о людях нетрадиционной ориентации)’. Отмечены также ЛСВ, характерные для трех языков исследования, например: ЛСВ ‘желтокожий’ и ЛСВ ‘нездоровый’ встречаются в английском, русском и украинском. Выделены также ЛСВ, общие для двух языков исследования. Как для лексемы *желтый*, так и для лексемы *розовый* общие ЛСВ отмечены только в родственных русском и украинском языках, например: *желтый* – ЛСВ ‘засохший, увядший’, *розовый* – ЛСВ ‘приятный, сулящий радость, счастье, радужный’ и ЛСВ ‘здоровый, румяный’. ЛСВ, специфичные лишь для одного из языков исследования, характерны в основном для английского языка. Так, например, только в английском языке встречаются следующие ЛСВ: для лексемы *желтый* ЛСВ ‘опасный’ и ЛСВ ‘трусливый’ и для лексемы *розовый* ЛСВ ‘либеральный, левый (о политических взглядах)’.

2) Во всех исследуемых языках присутствуют ФЕ, имеющие в своем составе лексему *желтый* и *розовый*. Всего три ФЕ являются общими для всех языков исследования, из них две ФЕ с лексемой *желтый* (*желтая лихорадка* и *желтая карточка*) и одна с лексемой *розовый* (*смотреть сквозь розовые очки*). Всего одна ФЕ отмечена в трех языках исследования, ФЕ с лексемой *розовый* (нем. *etw. in den rosigen Farben darstellen*, рус. *представлять в розовом цвете*). Полное совпадение ФЕ наблюдается в русском и украинском языках, ФЕ с лексемой *желтый* (*желтый билет*, *желтый дома*, *желтая раса*).

3) Общее количество переносных значений во всех исследуемых языках – 26 ЛСВ, общее количество ФЕ, имеющих в своем составе лексему *желтый* и *розовый* – 41. Из них 14 ЛСВ и 12 ФЕ колоризма *желтый* и 21 ЛСВ и 20 ФЕ колоризма *розовый*.

4) Наивысшим уровнем полисемичности обладает английская лексема *yellow* (5 ЛСВ). Русский и украинский языки обнаруживают одинаковый уровень полисемичности (4 ЛСВ) на материале лексем с общим значением *желтый цвет* и *розовый цвет*. В немецком языке отмечен наименьший уровень полисемичности, как на материале лексем со значением *желтый цвет* (1 ЛСВ), так и со значением *розовый цвет* (2 ЛСВ).

В дальнейшем исследовании колоризмов планируется расширение эмпирического материала, детальное изучение семантики и этимологии, фразеологизмов с компонентами-колоризмами.

Список литературы

1. Берлин Б. Основные цвета: Их универсальность и видоизменения / Б. Берлин, П. Кей. – М., 1969.
2. Герасименко И. А. Семантика русских цветообозначений: моногр. / И. А. Герасименко. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2010. – 440 с.
3. Дегтярёва И.Н. Лексика цветообозначения: русско-турецкие соответствия / И. Н. Дегтярёва, Хавуш Нур // Русистика и современность. Том 2. Материалы VII международной научно-практической конференции. – СПб, 2007. – С. 187.
4. Комина Е. В. Модели цветообозначений в английском языке / Е. В. Комина // Проблемы английской филологии и психолингвистики. -Вып. 1. – Калинин : КГУ, 1972. – С.45-86.
5. Кульпина В. Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении / В. Г. Кульпина // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 126-184.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1999. – С. 1126.
7. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – М, 1987. – С. 544.
8. Dictionary of Contemporary English. – Longman, 4th edition, 2003. – P. 1696.
9. Duden 2000 – Deutsches Universalwörterbuch / Duden. – Mannheim – Wien – Zürich : Dudenverlag, 2000. – 1816 S.
10. Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. – Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 1992. – 864 S.
11. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A .S. Hornby. – Oxford, 1982. – V. 2. – P.1539.
12. MacLaury R. Language typology and language universals / R. MacLaury // Color terms – Berlin, 2001. – P.1227-1251.
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford University Press, 2005. – P. 897.
14. Thompson E. Colour vision: a study in cognitive science and the philosophy of perception / E. Thompson. – New York : Routledge, 1995. – P.351.
15. Wyler S. Colour and language: color terms in English / S. Wyler. – Tübingen : Gunter Narr, 1992. – S. 161-164.

**POLYSEMY OF THE COLOR TERMS YELLOW AND PINK IN ENGLISH, GERMAN,
RUSSIAN AND UKRAINIAN**

Tsulaia K. D.

*Donetsk national university, Donetsk, Donetsk region
E-mail: karolina_tsulaya@inbox.ru*

The given article deals with the comparison and contrast of colour terms *yellow* and *pink* in four different languages. In this article the lexical-semantic alternant (LSA) of these colour terms are analyzed, the polysemy level is indicated and the phraseological units (PU) with the words *yellow* and *pink* are under close consideration.

Colour term semantics has been the focus of numerous researches, however, it can be stated that the polysemy of the colour terms in English, German, Russian and Ukrainian has not been the subject of the separate comparative study. There is an essential need to create the systematic research model of the colour terms in the above mentioned languages.

The aim of the given article is to determine the figurative meanings of the colour terms *yellow* and *pink* and to figure out the common and distinguishing features in the semantics of these lexicological units in the languages under consideration.

The research units are the LSA of the polysemantic colour terms *yellow*, *pink/rose* in English, *gelb*, *rosa/rosig* in German, *желтый*, *розовый* in Russian and *жовтий*, *розовий* in Ukrainian and also the phraseological units which contain these colour terms.

Six LSA of the colour term *yellow* have been analyzed: 1) 'yellow about skin', 2) 'dangerous', 3) 'cowardly', 4) 'sensational', 5) 'unhealthy', 6) 'withered'. The same number of LSA of the colour term *pink* have been singled out: 1) 'pink about wine', 2) 'having left-wing tendencies', 3) 'pink about gay people', 4) 'healthy', 5) 'pleasant, nice'.

The colour terms in all the languages possess LSA, which are common for all four languages under consideration, for instance, the lexical unit *yellow* has one common LSA that is 'sensational'. As far as the lexical unit *pink/rose* is concerned, it has two LSA, which are common for four languages, for example, '*rose (about wine)*' and '*pink about gay people*'. Moreover, the LSA which are common for 3 languages have also been identified, for example, LSA '*yellow (about skin)*' have been found in English, Russian and Ukrainian. LSA that are common for two languages have been found as well. Both for the lexical unit *yellow* and *pink* the common LSA have been identified only in Russian and Ukrainian, for instance, *yellow* meaning 'withered' and *pink* meaning 'pleasant'. The LSA, specific only for one of the languages under consideration, is typical mainly of English. Thus, only in English there are the following LSA: '*denoting danger*' and '*cowardly*', which the lexical unit *yellow* has, and '*having left-wing tendencies*' which is typical of the lexical unit *pink*.

In all the languages there are the FU which have the element *yellow* or *pink* in their structure. Three FU are common for all four languages under investigation, for instance, *yellow card*, *yellow fever* and *look/see something through rose-tinted glasses*. Only one FU has been identified in three languages, meaning 'to imagine that something is better than it really is', for example, ger. *etw. in den rosigen Farben darstellen*, rus. *представлять в розовом цвете*. Five FU in Russian and Ukrainian fully coincide. The rest of the FU are specific only for one of the languages.

Three FU, common for four languages under consideration, highlight the fact that there is the coincidence in colour perception even in the unrelated languages. The FU which fully coincide in Russian and Ukrainian underline the fact that these languages have genetic relationship.

The total number of all the transferred meanings in all languages under consideration is 26 LSA. As far as the FU are concerned, the total number of FU with the components *yellow* and *pink* is 41. Out of them there are 14 LSA and 12 FU with the colour term *yellow* and 21 LSA and 20 FU with the colour term *pink*.

The greatest level of polysemy is typical of the English lexical unit *yellow* which has 5 LSA. Russian and Ukrainian languages demonstrate the similar level of polysemy (4 LSA) both in colour terms *yellow* and *pink*. The German language shows the lowest level of polysemy with 1 LSA of the lexical unit *yellow* and 2 LSA of the lexical unit *pink*.

In the further research of colour terms it is planned to make an in-depth analysis of the bigger number of the colour terms, of their etymology and semantics.

Keywords: colour terms, lexical-semantic alternant, phraseological unit.

UDC 81'373.72+811.=111=581

SEMANTIC STRUCTURE OF IDIOMS OF THE CONCEPTUAL FIELD «FAMILY» IN THE ENGLISH AND CHINESE LINGUOCULTURES

Ce Chen, Chornobay S.

*Institute of Foreign Philology Taurida Academy Crimean Federal V. I. Vernadsky University,
Simferopol, Crimea, cechen925@gmail.com*

*Institute of Foreign Philology Taurida Academy Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Sim-
feropol, Crimea, svetoniya@mail.ru*

The paper deals with the semantic analysis of the English and Chinese idioms which constitute the conceptual field “Family”. The definitions of the term ‘idiom’ as well as the classification of idioms by different scientists are given. The correlation between culture and language is scrutinized. With the help of the componential analysis and lemmata analysis the semantic structure of “Family” field and “家jia” field are described. The comparative and contrastive analyses help to distinguish the differences and similarities in the representation of the concept “家jia / family” in English and Chinese linguocultures.

Keywords: idioms, conceptual field, Linguoculture, 家jia / family, English, Chinese.

INTRODUCTION

It is known that language is the main means with the help of which people are able to communicate and exchange ideas. Language is like a bridge between different countries and cultures, and it is the main source of information about the culture. Idioms are the reflections of the environment, life, culture, etc. Idioms can be frequently used in magazines, newspapers, movies or TV shows. They are used in everyday speech. In “A book of English Idioms” V. H. Collins expresses the following opinion: “In standard spoken and written English today idiom is an established, universal and essential element that, used with care, ornaments and enriches the language” [1]. Chinese idioms are called “Chengyu”. It is usually used as a word or a semantic unit in a sentence to force the expression. Cihai defines “chengyu” as “a kind of idiom, set phrases or word groups that are of customary usage” [2].

Carrying out the comparative research of English and Chinese idioms can help us have a better understanding of differences and similarities of these two languages and cultures. The novelty of the research consists in comparing the verbalization peculiarities of the concept “family (家jia)” in English and Chinese idiomatics within the linguistic cultures.

The theoretical value of the research consists in systematization and presentation of the linguistic issues on the Phraseology, cognitive linguistics and linguoculturology. The practical significance of the research consists in application of the results in teaching idioms at English and Chinese classes, in idiomatic, cognitive and cross-cultural researches. The **objective** of the work is to scrutinize the structure of the conceptual field “Family” (家jia) in English and Chinese phraseology within the frames of culture. To gain this objective the following **tasks** have been set: 1) to give the definition of the term “idiom”; 2) to study the classification of idioms in the conceptions of linguists; 3) to scrutinize the correlation of language and culture; 4) to describe the structure of the conceptual field “Family”(家jia) in English and in Chinese. To fulfill the set tasks the following methods were applied: with the

help of sheer sampling method the idioms of conceptual field “Family” (家jia) were selected from the lexicographical sources. Method of componential analysis gives the opportunity to scrutinize the semantics of idioms belonging to the conceptual field “Family” (家jia) in English and Chinese. Method of lemmata analysis contributes to the construction of the conceptual field “Family” (家jia) within idiomatics in English and in Chinese linguocultures. Methods of comparative and contrastive analyses are used to highlight the semantic peculiarities of idioms of the conceptual field under scrutiny.

The material for analyses (85 English idioms and 80 Chinese idioms) has been selected from English and Chinese idiomatic dictionaries: Webster’s New World College Dictionary (3rd Edition), Cambridge Dictionaries Online, Oxford Dictionaries Online, Free Dictionaries online, and Idioms Online.

RELATED WORK

1. The definitions of idioms.

The word “idiom” is from the ancient Greek word “idioma”, meaning “peculiarity” or “specialty”. In Oxford Advanced Learner’s English-Chinese Dictionary “idiom” is defined as “a phrase or a sentence whose meaning is not clear from the meaning of its individual words and which must be learnt as a whole unit” [3]. Cambridge International Dictionary of English with Chinese Translations defines “idiom” as “a group of words in a fixed order having a particular meaning, different from the meaning of each word understood on its own” [4].

A Chinese linguist Wen claims that “a Chinese idiom, constituted by words, relatively fixed in structure, is a narrative language unit which can perform a multiple of functions” [5]. Cihai defines “chengyu” as “a kind of idiom, set phrases or word groups that are of customary usage” [2]. To sum up, idioms are fixed phrases. They go through the test of history and cannot be separated. They are an important part of the general vocabulary of every language as “language is the carrier container of culture, and is strongly influenced and shaped by culture” [5, p.13]:

EN: “a match made in heaven”— a perfect marriage;

CN: “望子成龙 (wang zi cheng long)” — (lit.) hope one’s child to become a dragon; (fig.) hold high hopes for one’s child. So in order to master idioms, we cannot ignore the importance of the cultural connotation they contain.

2. Structural classification of idioms

It is acknowledged that the structure of idioms is related to the structure of their non-idiomatic counterparts. Phrasal idioms have the structure of a phrase of different types and are further subdivided into verbal (semi-clause idioms) and non-verbal (nominal) idioms. The most frequent patterns of analyzed verbal idioms are as follows:

- 1) V + (Art) + (Adj) + N + (Prep +N) (e.g. have a soft spot for father – to feel a lot of affection for father)
- 2) V + Art + N (e.g., tie the knot – get married; take the plunge – to marry someone)
- 3) V + Prep + N (e.g., live in sin – live together as though married unmarried)
- 4) V + Adj (e.g., get serious – have a relationship with someone)
- 5) V + Adv (+Pron) (e.g., get back together – to return to a relationship or marriage after separating)

6) N+ V + Conj + (Art) + N (e.g., Marriage is like a lottery – Husband and wife should get energy from each other and encourage each other)

7) V + Conj+ Pron + Prep + (Art) +N (e.g., be like one of the family – used as a way to say that someone or something is a part of the family, or a member of the family.)

8) Pron+ V + Neg. part. + subordinate clause (e.g., He knows not what love is that has no children – one never understand the love between children and parents if he has no child)

Non-verbal (nominal) idioms have different syntagmatic structure and function as word classes representing nominal, adjectival or adverbial idioms. As far as nominal idioms are concerned, these can take the following forms:

1) Art+ Adj/-ed/-ing + N (e.g., a confirmed bachelor – a man who has decided on principle never to marry)

2) N + N (e.g., marriage market – taking care of one's marriage should like running a good market)

3) N's + N (e.g., mother's boy – a boy excessively attached to his mother; lacking normal masculine interests)

4) (Adj+) N + Prep + N (e.g., tug of love – dispute over the custody).

Since the Chinese language has a more complex system of word-constitute, we here just divide these idioms into 2 groups, verbal idioms and non-verbal idioms. The most usual patterns of verbal idioms are as follows:

1) N (subordinate clause) + V + N (subordinate clause) + V

e.g., 父债子还 (fù zhài zǐ hái) – a dutiful son is obliged to pay his father's debts; 爷饭娘羹 (yé fàn niáng gēng) – (fig.) living under parents' shade; (lit.) parents can always cook for their children

2) V + N (subordinate clause) + V + N (subordinate clause)

e.g., 打断骨头连着筋 (dǎ duàn gǔ tóu lián zhe jīn) – We are brothers who are still connected by our flesh even if our bones are broken; 安居乐业 (ān jū lè yè) – live and work in peace and contentment

3) V + N (subordinate clause)

e.g., 知子莫若父 (zhī zǐ mò ruò fù) – Father is always the one who knows his son better; 老牛舐犊 (lǎo niú shì dú) – dote on one's children

4) N (subordinate clause) + V

e.g., 和气生财 (hé qì shēng cái) – harmony in family brings wealth; 骨肉离散 (gǔ ròu lí sǎn) – get separated from the family

5) N + N + V

e.g., 埙篪相和 (xūn chí xiāng hè) – good relation between two brothers

Non-verbal (nominal) idioms have different syntagmatic structure and function as word classes representing nominal or adjectival. As far as nominal idioms are concerned, they can take the following forms:

1) only nouns appeared in the idioms

e.g., 儿女夫妻 (ér nǚ fū qī) – (fig.) A couple grew up together since childhood, (lit.) Young “baby” couples; 三亲六眷 (sān qīn liù juàn) – all the kinsmen

2) Adj + N + Adj + N

e.g. 佳儿佳妇 (jiā ér jiā fù) – only after having a good son can get a good daughter-in-law;

干柴烈火 (gàn chái liè huǒ) – caught in a passion

Through these structural classifications of idioms, we can observe that no matter English or Chinese idioms, their system of structure reflects their language system.

3. Semantic Classification of Idioms

S. Gluckberg [6] distinguishes the following semantic types of idioms:

1. Transparent idioms, where there are one-to-one semantic relations between the idiom's constituents and components of the idiom's meaning:

e.g., to get back together = to return to a relationship or marriage

2. Semi-transparent idioms which usually carry a metaphorical sense that could not be known only through common use:

e.g., on the rocks = difficult situation in relationship

3. Semi-opaque idioms. This type refers to those idioms in which the figurative meaning is not joined to that of the constituent words of the idiom:

e.g., have a soft spot = to have a feeling of affection for being a father; born with a silver spoon in one's mouth = to be born to a wealthy family with many advantages

4. Opaque idioms are the idioms in which the relations between idiom's constituents and its meaning may be opaque, but the meanings of individual words can nevertheless contain both interpretation and use:

e.g., take the plunge = to marry someone; lead someone up the side = get married to someone.

C. Cacciari, following the same criteria of compositionality, distinguishes among idioms [7, p.43]:

1. Normally decomposable idioms, which are analyzable and imply conventions whereby each of the idiom's constituents can be used to refer to the idiomatic referent:

e.g., break the ice = to attempt to become friends with someone; pop the question = to ask a woman to marry him.

2. Abnormally decomposable idioms, where we are able to identify this relation only by virtue of conventional metaphors that govern the mapping from constituents to idiomatic meanings:

e.g., carry a torch for = feel love for; eternal triangle = a relationship between three people.

3. Non-decomposable idioms represent the group of opaque idioms:

e.g., calf love = the love to children.

Meaning is the most important factor when we talk about semantic classification of idioms. The most dominant feature of semantic classifications of idioms is whether they composite semantically empty words. When such idioms occur, they should be taken symbolically or metaphorically. Such idioms should show a different degree of semantic opacity or, in other words, non-literality.

Fernando C. indicates that a semantic classification depends on the degree of semantic isolation and the degree of opacity. She distinguishes three different groups of idioms, which are as follows [8, p.43]:

1) pure idioms. They are opaque to users of language with respect to all or some of the words that make them up. Formally such idioms are multiword expressions functioning as a single semantic unit whose meaning of individual words cannot be summed together to produce the meaning of the whole:

e.g., empty nest syndrome = the sad feelings which parents have when their children grow up and leave home;

2) semi-idioms. The typical results of such idioms are partial non-literality because one component generally preserves its direct meaning:

e.g., ugly duckling = an ugly awkward child who grows up to be beautiful; live in sin = live together as though married but being unmarried;

3) literal idioms. They can be interpreted on the basis of their parts; they are transparent. Components of such idioms are usually used in their direct meaning; although, such combination sometimes requires figurative sense:

e. g., like one of the family = like someone was a member of one's family.

4. Correlation between language and culture

Language is the main functional tool of communication, it allows people to express themselves, it is also the most direct way of self-expression, helping to make integration and social adaptation, as well as to hold social control [9]. Culture is a "system of rules of communication and interaction that allows a society occurs, preserved, and preserved" [10].

G. Lakoff is one of Whorfian hypothesis approach supporter. He argues that "language is often used metaphorically and that languages use different cultural metaphors that reveal something about how speakers of that language think" [cit. by 11]. For example, English employs conceptual metaphors comparing time with money, so that time can be saved and spent and invested, whereas other languages do not talk about time in that way.

5. Conceptual field

The conceptual field is at the same time a set of situations and a set of concepts tied together. By this it is meant that a concept's meaning does not come from one situation only but from a variety of situations and that, reciprocally, a situation cannot be analyzed with one concept alone, but rather with several concepts, forming systems. We also found a very interesting explanation of "family" in a magazine: family-based on this perspective, is each individual's interpretation of who their kin are. The basic argument is that meanings and interpretations have no connection to rules, norms, or culture. Thus, the definition of family is based on the individual's local subculture and is his or her own reality. For example, Barbara Rothberg and Dan Weinstein illustrate an inclusive definition that can encompass all local subcultures by stating that "the constellation of family is limited only by the limits of participants' creativity" [cit. by 12].

6. Comparative analysis of English and Chinese idioms of the conceptual field of "Family" (家jia)

Oxford dictionary online defines 'family' as "a group consisting of two parents and their children living together as a unit". Another definition in online dictionary is "two or more people who share goals and values, have long-term commitments to one another and reside usually in the same dwelling"[13]. In Chinese semantic field "Family" (家jia) has different meanings. The Chinese online dictionary "Chinesehelper" defines it as "the certain place where the family members (relatives) live" [14]. Also another online dictionary "汉典 (han dian)" defines "family" as "where home is located" [15].

The analysis of English and Chinese idioms of the conceptual field “Family” (家jia) was carried out in such aspects:

1. Relationship between parents and children.
2. Marriage.
3. Relationships in the family.

1. Relationship between parents and children.
In Chinese families, physical punishment of children even is a kind of way to show their love to their children “不教，父之过 (zi bu jiao, fu zhi guo)” it means “the son’s fault is the affect of his father’s bad teaching”.

In English idioms, they emphasize more the influence of parents on children. E.g., “Tied to someone’s apron strings” means that the child is too much under the influence and control of someone (especially used to suggest that a man is too much influenced by his mother); “chip off the old block” is a person (usually a male) who behaves in the same way as his father or resembles his father.

2. Marriage.

In the ancient Chinese society females had lower social status than males, so lot of Chinese idioms express this phenomenon. Usually the wife is proud of her husband’s glory. One can find the following idiom: “夫唱妇随 (fū chàng fù suí)” which literally means that ‘a wife echos for her husband’s singing’, but deeply it describes a harmonic family atmosphere; “举案齐眉 (jǔ àn qí méi)” – ‘the wife should show high respect to her husband’.

In Western countries a wife and a husband have more equal social status than the Chinese do. The English idioms about a wife and a husband are focused on “Love” and “Complementary”. For example, “Marriage is like a lottery” which means that a husband and a wife should get energy from each other and encourage each other.

3. Relationships in the family.

In China talking about children and an older generation, besides close relationships, we emphasize “respect” more. E.g., “先意承旨 (xiān yì chéng zhǐ)” – Children should do everything with parents’ permission to show respect to parents; “孝思不匮 (xiào sī bù kuì)” – Never forget to show respect to parents.

But in English idioms people seem to emphasize close relationship and never to reveal family’s secret, e.g., “in the family – restricted to one’s own family, as with private or embarrassing information”; “foul one’s own nest – to harm one’s own interests, to bring discredit to one’s family”.

CONCLUSIONS AND FUTURE WORK

Besides the mentioned above differences, there are also a lot of similarities in Chinese and English idioms concerning the expression of “family affection”. Both English and Chinese idioms use metaphor “blood and bones” to describe their family and relatives:

EN: “Blood will tell” – Family characteristics cannot be concealed.

CH: “打断骨头连着筋” – it means we are brothers who are still connected by our flesh even if our bones are broken.

Having been analyzed from the three above mentioned viewpoints, the idioms were classified into a clear way. This leads to the conclusion that the family idioms represent an essential part of the core vocabulary both in English and Chinese, however, the high numbers of the idioms show that vast majority of idioms are not similar in the meaning, structure

and usage. The further study of the idioms of non-related languages in the comparative and contrastive aspects will contribute greatly to defining the universal and cultural peculiarities of every national culture.

References:

1. V. H. Collins, A book of English Idioms. London: Clifford Street. (1958).
2. Cihai Chinese Dictionary. 6th ed. Beijing. (2009).
3. S. Hornby. Oxford Advanced Learner's English-Chinese Dictionary. Beijing: Commercial Press. (1997).
4. Cambridge International Dictionary of English with Chinese Translations. Shanghai: Shanghai wai yu jiao yu chu ban she. (2003).
5. On the Translation of Idioms from a Perspective of Culture. [Electronic resource]. Access mode: <http://wenku.baidu.com/view/143e1a0490c69ec3d5bb7580.html> (30.05.2016)
6. Glucksberg, Sam. Understanding Figurative Language: From Metaphor to Idioms. Oxford: Oxford University Press. (2001).
7. Cacciari, Cristina, and Patrizia Tabossi. Idioms: Processing, Structure, and Interpretation. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. (1993).
8. Fernando, Chitra. Idioms and Idiomaticity. Oxford: Oxford University Press. (1996).
9. Gorys Keraf. Komposisi: sebuah pengantar kemahiran bahasa. Nusa Indah Press. (1980).
10. Nababan, P. W. J. Sociolinguistik: suatu pengantar. Gramedia Press. (1984).
11. Comparison and Culture Discrepancy between Chinese and English Idioms. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.freecontentweb.com/content/comparison-and-culture-discrepancy-between-chinese-and-english-idioms> (30.05.2016)
12. Family, Definition of. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.encyclopedia.com/doc/1G2-3406900145.html> (26.04.2016)
13. Family. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.dictionary.com/browse/family> (26.04.2016)
14. 家 [Electronic resource]. Access mode: <http://zd.chinesehelper.cn/131826.html> (26.04.2016)
15. 家jia Online dictionary (handian). [Electronic resource]. Access mode: <http://www.zdic.net/z/18/js/5BB6.htm> (26.04.2016)

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИДИОМ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ
«СЕМЬЯ» В АНГЛИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Це Чень, Чернобай С.

Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, cechen925@gmail.com

Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, svetony@mail.ru

В статье представлен семантический анализ английских и китайских идиом, которые образуют концептуальное поле «семья». Представлены определения термина идиома, рассмотрены классификации идиом в концепциях разных ученых. Исследуется соотношение культуры и языка. С помощью компонентного анализа и анализа словарных дефиниций описана семантическая структура полей «Family» и «家jia». Сравнительно-сопоставительный анализ помогает выявить отличия и сходства в репрезентации концепта «家jia /family» в английской и китайской лингвокультурах.

Ключевые слова: идиомы, концептуальное поле, лингвокультура, 家jia /family, английский язык, китайский язык.

УДК 811.11; 81-119

МНОГОЯЗЫЧИЕ: АКТУАЛИЗАЦИЯ АСПЕКТА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

Черныш И. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: irinachernysh@inbox.ru*

Работа посвящена анализу проблем многоязычия в современном обществе. Данная проблема является одной из ключевых в условиях глобализации. Одной из основных задач современности является сохранение культурного и языкового своеобразия в эпоху активных глобализационно-интеграционных процессов. Вопросы многоязычия рассматриваются, в частности, на примере современной Германии, которая являет собой мультикультурное общество. Многоязычие является одной из основных характеристик развития общества в эпоху глобализации и интеграции. Лингвистика фиксирует изменения, происходящие в конкретном языковом ареале, разрабатывая оптимальную стратегию коммуникации в актуальных условиях, в данном случае, учитывая характеристики многоязычного сообщества.

Ключевые слова: многоязычие, глобализация, коммуникативная стратегия, мультикультура, мультиэтничность.

ВВЕДЕНИЕ

С начала 21-го столетия отчётливо видно, насколько динамично и быстро развивается наше общество. Глобализация экономики шагает вперёд и принуждает нас к большей открытости. Индустриальное общество переходит в общество знаний, которое, создавая новые возможности общения, ставит более высокие требования к своим гражданам. Современные информационные технологии предоставляют возможности для быстрой и безграничной коммуникации с другими людьми. Одновременно с этим растут претензии на образование, гибкость и мобильность. По мнению многих учёных-лингвистов, центральный элемент в картине такого мира представляют языки.

Целью данной работы является анализ языковой ситуации в Германии в современных условиях мультикультурного и многоязычного общества. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: рассмотреть проблему глобализации в свете интеграционных процессов, находящих своё выражение в языковых изменениях; сформулировать основные принципы развития многоязыкового социума; сделать лингвистический прогноз на перспективу развития многоязыкового социума.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Проблема глобализации сквозь призму интеграционных процессов современного общества

Английский язык приобрёл статус *lingua franca* и используется в деловом мире, в промышленности и науке. Его лидирующая позиция отображается в его значении в качестве школьного предмета. Согласно данным Федерального Статистического Центра Германии 74% всех школьников Германии учили английский язык в 2003/04 учебном году; французский язык изучали 17% всех школьников, испанский язык –

лишь 2%. Английский язык остаётся в настоящее время единственным иностранным языком для многих школьников Германии [4, с.7]. Многие языковеды подчёркивают скрытую в этом факте великую опасность того, что ученики подвержены ошибочному заблуждению, что английский язык наряду с родным языком будет достаточным средством для глобальной языковой коммуникации. Это является особенно верным для самих англоязычных стран, национальные варианты которых могут стать диалектом всеобщего английского языка. Говорение на английском языке подразумевает, как значится в экспертном заключении фонда Наффилда (2000), „inflexibility, insensitivity and arrogance» [4, с.12].

С одной стороны, английский язык постепенно завоевывает себе позиции глобального языка складывающейся информационной цивилизации, с другой – существует явная опасность стирания языкового многообразия. Одна из важных причин – это то, что в основе устройства современного миропорядка лежит англо-американская модель. Еще одна причина, как считают исследователи (U. Ammon, D. Crystal, D. Ciraddol), – распространение английского языка в сфере научного знания. Так 85% научной информации зафиксировано на английском языке, причём в первую очередь это касается естественных и технических наук [1, с.24].

И наконец, английский язык господствует в Интернете, а также интенсивно используется и в других СМИ. Многие российские журналы научного и научно-практического характера содержат информацию на английском языке. Это, как правило, аннотации статей или оглавление.

Часто название статьи и информация об авторе представлены также на английском языке. Ряд научных журналов предпочитает публиковать свои статьи и на русском, и на английском языках. Английский язык наравне с русским может выступать рабочим языком многих международных конференций, симпозиумов, докладов [2, с.134].

Говорить наряду с английским на других языках создаёт преимущество в навигации между культурами, что позволяет создавать отношения с самыми различными людьми в мире. Поэтому не удивительно, что аспект многоязычия за последние годы всё больше попадает в поле зрения образовательной политики, дидактики преподавания иностранных языков и в исследования по методике преподавания языка.

Европейская комиссия сформулировала в своей Белой книге (1995) следующее утверждение: „multilingualism is part and parcel of both European identity/ citizenship and the learning society» [4, с.26]. И, как следствие, было выдвинуто требование о том, что каждый гражданин должен говорить, как минимум, на трёх языках.

2. Проблема многоязычия в современной Германии

Эта цель уже успешно реализована в национальных меньшинствах Германии, потому что они выросли в дву- или многоязычной среде, что обусловлено их иммиграционным происхождением, либо изучили иностранные языки другим образом.

Многоязычие (Mehrsprachigkeit, Vielsprachigkeit – в нем.) является отличительной чертой современного общества. Это выражение его мультикультурности и мультиэтничности. В Германии движущей силой данного процесса стали иммигранты. Однако и без иммиграции в последние сорок лет в Германии постоянно имели место языковые меньшинства и многоязычие [3, с. 10]. Достаточно вспомнить о датском язы-

ке, фризском, лужицком, польском и цыганском, языке немецких синти, не говоря уже о многочисленных диалектах и вариантах немецкого языка.

С начала 21 столетия вопросы многоязычия стали интересовать не только лингвистов, а попали в активную разработку филологов-методистов.

Методисты и филологи-практики изучали вопросы интерференции нескольких языков в полилингвальном социуме с целью найти и отработать оптимальные методики в преподавании немецкого языка в качестве иностранного на интеграционных курсах.

Интеграционные курсы в Германии являются хорошей возможностью для изучения многоязычного сообщества, т. к. на них изучают немецкий язык иммигранты из многих стран мира. Основные трудности, которые возникают у иммигрантов, приехавших в Германию, – это проблемы в изучении немецкого языка в культурологическом аспекте. Для выходцев из стран Востока немецкий язык представляет собой абсолютно новую реальность, это – иной менталитет, это – другие нравы и обычаи. И именно язык в его культурологическом аспекте является ориентиром в новой реальности, ключом к успешной интеграции в другом сообществе, в новой стране проживания.

Процесс изучения иностранного языка будет эффективным в том случае, когда иностранный язык преподается в сравнительном аспекте с родным языком, а для этого преподавателям интеграционных курсов необходимо учитывать вопросы интерференции, вопросы смешения языков в современном мультикультурном и полиэтническом обществе.

ВЫВОДЫ

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что многоязычная среда – это объективная реальность современного общества.

В условиях глобализации современного мира английский язык является языком-доминантой.

Крупные полисы представляют собой поликультурную и полиэтническую среду, для успешной адаптации в которой необходимо знание нескольких языков.

Многоязычная общность представляет перспективы для благоприятного сосуществования представителей разных национальностей.

Многоязычная равноправная среда – залог мирного развития общества, в котором представлены многие национальности в разнообразном спектре своих культур.

Список литературы

1. Андрианова Т.В. Культура информационного общества / Т. В. Андрианова // Идеи в культурологии XX века. Сб. обзоров РАН ИНИОН. – М., 2000. – С. 75.
2. Кузнецова Е. В. Культура и язык как составляющие процесса глобализации: проблемы и противоречия [Электронный ресурс] / Е. В. Кузнецова // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2011. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/> (дата обращения – 11.02.16).
3. Ursula Neumann. Mehrsprachigkeit als Ressource im Bildungsprozess [Электронный ресурс] / U. Neumann. Deutscher Präventionstag // Hannover, 2003. – Режим доступа: <http://www.praeventionstag.de/dokumentation/download.cms?id=42.html> (дата обращения – 12.02.16).
4. Ralf Weskamp. Mehrsprachigkeit. Sprachevolution, kognitive Sprachverarbeitung und schulischer Fremdsprachenunterricht. – BildungshausSchulbuchverlage. Westermann Schroedel Diesterweg Schöningh Winkels GmbH, Braunschweig, 2007. – 206 p.

**MULTILINGUALISM: UPDATING OF ASPECT
IN MODERN LINGUISTICS (USING GERMANY AS AN EXAMPLE)**

Chernysh I. W.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: irinachernysh@inbox.ru*

Multilingualism is one of the main characteristics of the development of society in the era of globalization and integration. Linguistics captures changes that occur in a particular linguistic divide, developing optimal communication strategy in the current environment, in this case, pointing the features of a multilingual community.

The main problem of modern society is the problem of keeping of existing peculiarities of culture and language of people in the context of globalization and integration. The author examines the character of social changes which take place nowadays and their influence on culture and language. It is necessary to consider multiculturalism as the conception of global world and to transform the language from the reason of conflicts into the medium of eliminating of conflicts.

This multilingual reality dictates that studies of linguistic landscape should aim at discovering patterns in the underlying diversity. Studies of the linguistic landscape can become a major locus of scholarly activity in the coming decade if ideas taken from sociology, linguistics, social geography, psychology, economy, cognitive science, technology and the study of individual language use are combined.

In a thorough sense of the word, our world at the beginning of the 21st century is a multilingual one.

The idea of monolingualism by country – one state, one language – has become obsolete and has been overtaken by a complicated interplay of many languages.

Truly monolingual countries were always an exception, but globalisation with its ensuing migration flows, spread of cultural products, and high speed communication has led to more multilingualism in stead of less.

There are many ways in which ethnic, sociocultural, religious and commercial diversity are related to linguistic diversity.

The process of globalization in the international arena leads to new expressions of cultural mix in music, food and clothing, but also in languages. Innumerable language contact situations cause a high incidence of multiple forms of bilingualism.

Studying the linguistic landscape also means studying the cultural heritage.

Languages are part of the cultural heritage and the sustainable development of linguistic diversity is seen as an important aspect of our heritage. According to the UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity 'all persons have therefore the right to express themselves and to create and disseminate their work in the languages of their choice'.

The sustainability of cultural diversity is an important issue for policy development.

Perhaps some models of environmental economics can contribute to the discovery of non-market benefits and the added value of the multilingualism, in order to understand better the ways in which the linguistic landscape is an important part of the preservation and the continued existence of different languages.

Multilingualism is an important aspect of all these studies, and at the same time the process of globalisation is made visible through the presence of English in the linguistic landscape.

Next to globalisation there is also a process of regionalization or localization.

Emphasis there is given to a regional identity and to a regional language. These processes together got the name "glocalisation".

The concept of linguistic landscape, however, has been used in several different ways.

Keywords: multilingualism, globalisation, communicative strategy, multiculturalism, multi-ethnic.

УДК 81'282.3

ЮЖНОНЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКОВОЙ АРЕАЛ И НЕКОТОРЫЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШВАБСКОГО ДИАЛЕКТА

Чернышова М. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: margomarina2003@yahoo.com*

В современной лингвистике имеется множество толкований понятия «диалект», которые дополняют друг друга, выделяя ту или иную особенность данного понятия, но не исчерпывают его. Современный немецкий язык представляет собой исторически сложившуюся, иерархически организованную систему разных форм существования, включающую в себя литературный язык, разновидности обиходно-разговорного языка и территориальные диалекты. По речи носителей немецкого языка можно наверняка установить региональную принадлежность говорящего, поскольку местные диалекты значительно отличаются друг от друга по своему лексическому составу, грамматическим формам и фонетическим особенностям. Диалекты нередко проникают в сферы традиционного использования литературного языка, как, например, в официально-деловое общение, в художественную литературу, используются в СМИ. В университетах же лекции, семинарские занятия ведутся, как правило на стандартном немецком языке. Выдвижение стандартного языка на позиции функционально доминирующего по отношению к другим формам существования общенационального языка обусловило усиление социальной стороны диалекта.

Ключевые слова: диалект, формы существования языка, литературный язык, разговорный язык, языковая ситуация, носитель языка.

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, в разработке различных аспектов диалектологии первостепенная роль принадлежит В. М. Жирмунскому. По мнению автора, диалект представляет собой единство не исконно данное, а сложившееся исторически, в процессе общественно обусловленного взаимодействия с другими диалектами общенародного языка, как результат не только дифференциации, но и интеграции: единство развивающееся, динамическое, как о том свидетельствует характер изоглосс языковой карты, наглядно отражающее связь истории языка и истории народа [6, с. 23]. Р. И. Аванесов, в свою очередь, понимает под диалектом «разновидность языка, распространенную в качестве орудия общения местных жителей на определенной территории и характеризующаяся относительным единством языковой системы по определенному комплексу признаков» [1, с. 24-35].

Н. Ф. Михеева придерживается мнения, что диалект – это разновидность того или иного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Диалект, как и общенародный язык, имеет письменную и устную формы, однако, в отличие от общенародного языка, письменное проявление здесь далеко не обязательно [10, с. 11].

Целью статьи является изучение произносительных особенностей швабского диалекта в сопоставлении с нормой стандартного немецкого языка. К основным **задачам** работы относятся: 1) Определение места южного швабского диалекта в системе

территориальных вариантов немецкого языка и, 2) анализ произносительных особенностей швабского диалекта.

Теоретическая ценность работы заключается в дальнейшей разработке отдельных положений теории немецкой диалектологии, территориальных вариантов современного немецкого языка, представляющих значительный интерес как для лингвистов, так и для изучающих язык и его историю.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Основные типы диалектов

Для каждого диалекта характерно наличие «некой совокупности наиболее устойчивых традиционных элементов системы» [3, с. 45], включающих в себя ряд черт – фонетического, грамматического или лексического характера. При этом учитываются также и стилистические, функциональные факторы, наряду с внеязыковыми социально-лингвистическими параметрами, такими, как языковое самосознание носителей языка относительно того, как они говорят.

Принято выделять несколько признаков дифференциации диалектов.

1) Структурный признак. При структурном подходе под диалектом понимают самостоятельную систему, которая обладает комплексом отличительных признаков лингвистического характера (фонетических, лексических и грамматических). Вместе с тем, каждый диалект, будучи самостоятельной системой, является частной реализацией единой архисистемы языка.

2) Социальный признак. В социолингвистике принято понимание диалекта как функционально ограниченного варианта языка, используемого определенным кругом индивидов в различных сферах человеческой деятельности и, соответственно, в различных актах коммуникации. В качестве основной функции диалекта в лингвистической литературе обычно выделяется функция обиходно-бытового и повседневного общения. Ряд авторов отмечают распространенность диалекта в определенных слоях общества [15; 16; 17].

3) По территориальному признаку диалект трактуется как средство общения населения на определенной территории. Согласно данному подходу, диалект состоит из множества дифференцирующих форм, которые по мере увеличения диалектных языковых черт и широты территориального охвата объединяются в группы, которые в совокупности образуют один единый для этноса диалектный язык.

Данные признаки позволяют Б. А. Серебренникову уточнить определение диалекта и трактовать его как разновидность языка, используемую в качестве средства общения людьми, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью, и отличающуюся по своему строю (фонетическому, грамматическому, лексическому составу и семантики) от языкового стандарта [14, с.189].

Проанализировав специализированную литературу, можно прийти к выводу, что традиционно исследователи выделяют два основных типа диалектов: территориальные и социальные. Территориальные диалекты представляют собой разновидности языка, используемые на определенной территории в качестве средства общения местного населения [21; 22]. Помимо различий, связанных с территориальным фактором, в речи говорящих проявляются и языковые особенности, обусловленные принадлежностью индивидуума к той или иной социальной группе или слою общества. Эти особенности

и выражаются в использовании социальных диалектов, или социолектов. Социальные диалекты – диалекты отдельных групп, порождаемые социальной, сословной, профессионально-производственной, возрастной, гендерной неоднородностью общества.

Под социальными диалектами в отечественной и зарубежной диалектологии подразумевается язык определенных социальных групп, который включает в себя профессиональные языки охотников, рыбаков и др.: групповые жаргоны учащихся, студентов, спортсменов, солдат и пр., главным образом, молодежных коллективов; тайные знаки, аргументы деклассированных элементов, торговцев и т. п.; таковы также варианты общенародного языка, характерные для определенных экономических, кастовых, религиозных групп населения [18, с. 133].

Между территориальными и социальными диалектами имеются существенные различия: во-первых, в пространственном отношении понятие социального диалекта значительно шире, чем понятие территориального диалекта; во-вторых, особенности территориального диалекта касаются всего строя языка, поэтому они являются частью более общего языкового образования, особенности же социального диалекта охватывают, как правило, лишь факты лексики и фразеологии [13, с. 70].

Однако, в связи с тем, что в настоящее время очень четко прослеживается тенденция «стирания наиболее ярких диалектных различий вследствие взаимопроникновения диалектов в результате контактирования и воздействия литературного языка, обладающего социальной престижностью, образуется новый диалектный тип – смешанные диалекты (диалекты смешанно-переходного типа)» [20, с. 77].

Причинами образования нового типа диалектов послужил тот факт, что, во-первых, в современных условиях подвергается сомнению утверждение, что территориальность обусловлена целостностью употребления определенных языковых единиц именно в данной местности, поскольку диалектная речь уже не прикреплена к конкретной территории.

Если в прошлом на территории распространения местного диалекта на нем говорило все население, то в настоящее время, в связи с изменением демографического состава носителей – лишь его часть. Следовательно, территориальная ограниченность диалекта в настоящее время является одним из его признаков, а не отправной точкой при дифференциации.

Во-вторых, современный период характеризуется повышением грамотности населения, а также повсеместным распространением новейших средств массовой коммуникации и информации. Языковая политика государства, выражающаяся в искусственном вытеснении диалекта сначала из образовательного процесса, а затем и из общественной практики в целом, приводит к изменению сущности диалектов и социальных установок в отношении употребления диалектных форм. В связи с этим в обществе происходит переоценка статуса диалекта – из единственной формы общения диалект превращается в один из возможных вариантов речи, причем социально маркированный.

2. Место диалекта в системе форм существования немецкого языка

Как отмечает М. М. Гухман, доминирующую позицию в системе форм существования современного немецкого языка занимает литературный язык, обладающий

как средство общения оптимальным набором признаков [4, с. 37]. Поэтому при выявлении функционально-типологических свойств диалекта, находящегося на периферии системы форм существования языка, литературный язык используется как своеобразный эталон. Известно, что особый вклад в становление немецкого литературного языка внес Мартин Лютер. Значение М. Лютера для истории немецкого языка заключается, прежде всего, в том, что он интенсифицировал процесс языкового варьирования, сблизив восточно-средненемецкий вариант письменно-литературного языка с юго-восточным, благодаря чему первый значительно расширил радиус своего действия. Осуществленный М. Лютером в 1522 г. перевод Библии приобрел надрегionalную значимость и, возвышаясь над местными особенностями письма, оказал воздействие на представителей разных языковых ландшафтов.

В этой связи можно вспомнить слова М. В. Ломоносова, который в «Предисловии о пользе книг церковных для русского языка» писал: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например, в Германии, баварский крестьянин мало понимает макленбургского или браденбургский швабского, хотя все того ж немецкого народа» [9].

Продолжительное время в диалектологии было распространено мнение, согласно которому местными диалектами пользуются «низшие слои» общества – рабочие, крестьяне, ремесленники, мелкие служащие, имеющие низший образовательный уровень. Основное же число носителей литературного языка составляют «сливки» общества (средние и высшие слои) – высшие чиновники, предприниматели, государственные и общественные деятели, ученые, профессора университетов, люди престижных профессий (врачи, юристы) и т. п. На несостоятельность этого критерия для немецкоязычных коммуникативных общностей указал еще Г. Леффлер, отмечавший, что в Швейцарии и Австрии, например, диалект используется представителями средних и высших слоев в качестве основного средства общения в сфере общественной жизни [16]. На этот факт обращает внимание и А. Д. Петренко в анализе проблем социолингвистического варьирования современного немецкого языка [12, с. 29].

В связи с наличием сходных первичных признаков диалекты традиционно объединяют в определенные диалектные ареалы и субареалы. Основу для первичной дифференциации немецких диалектов составляет степень их присутствия во втором верхненемецком передвижении согласных, дальнейшее развитие в их фонологической системе общегерманских глухих смычных [p, t, k]. По данному критерию различают два основных диалектных ареала: Hochdeutsch (верхненемецкий), Niederdeutsch (нижненемецкий) [10, 31].

Изменение смычных согласных [p, t, k] затронуло, в первую очередь, верхненемецкий ареал [23]. В процессе передвижения общегерманское [t] в начале слова, а также в середине или в конце слова после согласного и в удвоении переходило в верхненемецком в аффрикату [ts]: «holt» – «holz»; «tid» – «zeit». В интервокальной позиции, а также в исходе слова после гласного общегерманское [t] трансформировалось в [s]: «groot» – «groß»; «late(n)» – «lasse(n)». В свою очередь, общегерманские [p] и [k] в интервокальном положении и в конце слова после гласного развились во всех верхненемецких диалектах в [f], [x] и [ç]; «slape(n)» – «schlape(n)»; «make(n)» – «mache(n)».

В верхненемецком диалектном ареале по признаку передвижения старого общегерманского [p] в аффрикату [pf] разграничиваются два субареала: Oberdeutsch (южнонемецкий), Mitteldeutsch (средненемецкий). К южно-немецкому субареалу традиционно относят те диалекты, в которых начальное [p], удвоенное [pp] внутри слова, а также [p] в сочетании с [m] подвергались передвижению в аффрикату [pf], например, «apfel» – «appel»; «dampf» – «damp». Еще одним различительным признаком данных диалектов является форма уменьшительного суффикса «-chen». В диалектах южного субареала представлены различные виды суффикса, включающие элемент [l] (-el), например, «mannl», «mannel», «mannerl», «männle», тогда как в средненемецком субареале встречается в основном суффикс -ch(n). В южно-немецкой области четко противопоставляются друг другу две диалектные зоны: Bairisch-Österreichisch (баварско-австрийская) на востоке и Fränkisch-Alemannisch (франкско-алеманнская) на западе.

В современной диалектологии, благодаря работам В. М. Жирмунского, Н. И. Филичевой, М. М. Гухман, А. И. Домашнева, О. И. Москальской [4; 5; 6-8; 11; 15-17], получило распространение понятие «наречие», которое обозначает более широкое языковое образование, чем диалект. Само слово «наречие» было введено в немецкий язык еще в 17 в. поэтом Филиппом фон Цезеном и первоначально означало «искусственное формирование».

В этой связи баварско-австрийское наречие разграничивается на три диалекта: 1) Nordbairisch (севернобаварский), 2) Mittelbairisch (среднебаварский), 3) Südbairisch (южнобаварский). Существенное отличие баварско-австрийского наречия составляет употребление во втором лице множественного числа местоимений «ös», «ees», «es» – «ihr», «enk» – «euch», содержащие древние формы двойственного числа [21]. Обозначение дней недели «Ertag», «Ergetag» – «Dienstag», «Pfinztag» – «Donnerstag» представляют собой кальки соответствующих древнегреческих названий и проникли в древневерхненемецкий язык еще в готский период.

Линию раздела между баварско-австрийской диалектной зоной на востоке и франкско-алеманнской на западе принято проводить по реке Лех. К франкско-алеманнской зоне относят следующие наречия: 1) Schwäbisch-Alemannisch (швабско-алеманнское), 2) Südfränkisch (южнофранкское), 3) Ostfränkisch (восточнофранкское). В швабско-алеманнском наречии, охватывающем Вюртемберг, Баден, Баварию к западу от реки Лех, немецкоязычные области Швейцарии и Австрии, различаются диалекты: Niederalemannisch (нижнеалеманнский), Hochalemannisch (верхнеалеманнский), Höchstalemannisch (горноалеманнский) и Schwäbisch (швабский). Среди диалектов франкско-алеманнской зоны особое место занимает швабский диалект. В научной литературе он описан недостаточно полно [2; 6-8; 15-17; 22; 23; 24].

По мнению А. Баха, одной из важнейших характеристик швабского диалекта является «краткость высказываний», что проявляется в сокращении аффрикат, упрощении или сокращении консонантно-вокалических форм, монофтонгизации дифтонгов [2]. Это вполне закономерно, так как диалект является языковой формой, предназначенной прежде всего для устного употребления. Предложения на швабском диалекте значительно более краткие, чем в литературном немецком языке. Сравним, например: «Moarn goschd ufs Rodhaus ond saischd em Schultes, i häb me andersch bsonna» (литер.: «Morgen gehst du auf das Rathaus und sagst dem Schultheissen, ich hätte mir anders

besonnen!») [23]. Большая часть слогов подвергается сокращению, артикль (das) и местоимение (du) сливаются с предыдущим слогом в одно слово, подвергаются элизии гласные, апакопа конечных согласных, ряд слов и слогов элиминируется: «morgen», «sagst», «dem», «Schultheiss», «ich», «mich». Безударный [e] в «morgen» и «besonnen» подвергается элизии, дифтонг [ei] трансформируется в монофтонг и в Murmellaut [ɔ̃].

В связи с тем, что обычные слова в швабском диалекте подвергаются значительным изменениям, не всегда возможно их легко идентифицировать, распознать, восстановить их формы и значение в немецком литературном языке, например: «i sott» – «ich sollte»; «midnea» – «mitnehmen»; «kear» – «Keller», «hem» – «mr» – «haben wir»; «sem» – «mr» – «sind wir». Фонетические деформации встречаются прежде всего в сложных консонантных сочетаниях. К таковым можно отнести глухой щелевой «Ich-Laut». В швабском диалекте этот согласный нередко полностью выпадает, особенно в таких словах как: «noh» – «noch»; «de» / «dii» – «dich», «me» / «mii» – «mich», «hoh» – «hoch», «reat» – «Recht». Довольно часто наблюдается выпадение носового [n] перед [s], сопровождающееся назализацией предшествующего гласного: «Gänse» – швб. «gas». В случае выпадения [n] в акцентной позиции, гласный удлиняется: «Fe'schder» – «Fenster».

Глаголы «gehen», «stehen», «haben», «lassen» в швабском представлены формами «gau'», «stau'», «hau'», «lau'». В приставке «ge-» Murmellaut [ɔ̃] выпадает, например: «gsagt» – «gesagt»; «graba» – «gegraben»; «gsonga» – «gesungen», «raba» – «gegraben», «gheert» – «gehört». В приставках «un-», «an-» сонанты произносятся напряженно и акустически удлиняются: «o:verschemt» – «unverschämmt»; «o:glegahait» – «Angelegenheit». Довольно часто представлены случаи выпадения гласных [a], [o], [u] и качественная редукция [e], например: «gſchöft» – «Geschäft»; «drom» – «darum»; «do» – «dort»; «u» – «auch»; «ko» – «kann». Отдельные слова трансформируются, вследствие сокращения, в один звук, например, «a» – «ein»; «i» – «ich». Практически все алеманнские диалекты сохранили в своей фонологической системе в качестве монофтонгов древние долгие гласные [ī, ū, ü], за исключением швабского, в системе которого данные гласные подверглись частичной или полной дифтонгизации. Таким образом [ī] превратилось в дифтонг [ɔ̃i]: «dis» – «Eis», «rɔ̃ide» – «reiten»; [ū] перешло в [ɔ̃u]: «hɔ̃us» – «Haus»; [ü] трансформировалось в [ɔ̃i:] – «hɔ̃isr» – «Häuser» [9, 41].

ВЫВОДЫ

Швабский диалект характеризуется высокой степенью вариативности в сравнении с литературной нормой на всех языковых уровнях, в том числе и на произносительном. Это касается как системы вокализма, так и консонантизма. Дифтонги проявляют тенденцию к монофтонгизации, а в произношении монофтонгов наблюдаются явления расширения гласных до образования новых дифтонгов. Особое значение для всех немецких диалектов, в том числе и швабского, приобретает проблема описания и дифференциации кратких гласных верхнего подъема. Краткий [i] сохраняется в швабском, как и совпавшее с ним в результате верхненемецкой делабиализации [ü], и имеет закрытое произношение: «gſnidɔ̃» – «geschnitten», «hitz» – «Hitze». Закрытое произношение сохраняет и краткий [u] (при удлинении – ū): «fuch» – «Fuks», «štüre» – «Stube» [10, 113]. Одним из наиболее характерных признаков швабского диалекта является уподобление шипящих звуков, например: «wasch meinsht du d'ran?» – «was

meinst du daran?» «gesch?» – «gehst du?»); «kansch» – «kannst du?»). Ярким признаком швабского диалекта является окончание «-le», выступающее (вместо «-chen», «-lein» в немецком литературном) в роли уменьшительного суффикса: «'s Kendle» – «das Kind»; «Tischle» – «Tisch»; «Fleischle» – «Fleisch», «Keendle» – «Kindchen», «Kadaschdreefle» – «Katastrophe».

Таким образом, к основным произносительным особенностям швабского диалекта можно отнести следующие:

1. Эллиптичность фонетических форм.
2. Изменения в системе фрикативных согласных (уподобление).
3. Монофтонгизация дифтонгов (изменение или сокращение одного из вокалических элементов).
4. Трансформация открытых гласных в закрытые.

Территориальные варианты (диалекты), представляющие одну из форм существования языка и являющиеся первичными по отношению к другим, развивались в результате длительного исторического процесса. Изучение немецких диалектов на территории современной Германии постоянно привлекает к себе пристальный интерес многих исследователей. К одному из самых вариативных принадлежит и южный швабский диалект, демонстрирующий существенные различия в сравнении с литературным немецким произносительным стандартом.

Список литературы

1. Аванесов Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии. – В кн.: «Общеславянский лингвистический атлас. (Материалы и исследования)» / Р. И. Аванесов. – М.: Наука, 1965. – С. 24-35.
2. Бах А. История немецкого языка. (Перевод Н. Н. Семенюк) / А. Бах. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. – 344 с.
3. Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия: (К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы) / Л. А. Вербицкая. – Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова: Изд-во Ленинградского университета, 1976. – 124 с.
4. Гухман М. М. Литературный язык / М. М. Гухман. – М.: Просвещение, 1970. – 241 с.
5. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах / А. И. Домашнев. – Л.: Наука, 1983. – 215 с.
6. Жирмунский В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии / В. М. Жирмунский. – ВЯ. – №4. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 160 с.
7. Жирмунский В. М. История немецкого языка / В. М. Жирмунский. – М.: Наука, 1956. – 321 с.
8. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология / В. М. Жирмунский. – М.: Наука, 1995. – 376 с.
9. Ломоносов М. В. Статьи. Критика XVIII века / М. В. Ломоносов. – М.: ООО «Издательство «Олимп»; ООО «Издательство АСТ» (Библиотека русской критики), 2002.
10. Михеева Н. Ф. Межвариантная диалектология испанского языка. Учебное пособие / Н. Ф. Михеева. – М.: Изд-во РУДН, 2007. – 120 с.
11. Москальская О. И. История немецкого языка / О. И. Москальская. – Л.: Просвещение, 1959. – 289 с.
12. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А. Д. Петренко. – Киев.: Рідна мова, 1998. – 254 с.
13. Русский язык. Энциклопедия. – М.: Изд-во: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
14. Серебренников Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1970. – 189 с.
15. Филичева Н. И. История немецкого языка / Н. И. Филичева. – М.: Наука, 1959. – 164 с.
16. Филичева Н. И. Диалектология современного немецкого языка / Н. И. Филичева. – М.: Наука, 1983. – 184 с.

17. Филичева Н. И. Немецкий литературный язык / Н. И. Филичева. – М. : Наука, 1992. – 178 с.
18. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М. : Изд-во: Советская энциклопедия. Гл. редактор В. Н. Ярцева, 1990.
19. Bach A. Geschichte der deutschen Sprache / A. Bach. – Heidelberg, Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, 1956. – S. 289.
20. Frederick G. Cassidy / G. Cassidy Frederick. – Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 1985.
21. Fluck H.-R. Dialekt und Dialektliteratur / Hans-Rüdiger Fluck, Michael Maier (Hrsg.). – Dortmund : Grüwel/Konkordia, 1979. – 345 S.
22. Mundartliteratur. Texte aus sechs Jahrhunderten. – Frankfurt/M : Manfred Bosch (Hrsg), Diesterweg, 1979. – 423 S.
23. Sebastian S. Schriften in schwäbischem Dialekt / Sebastian Seiler. – Weißenborn : Konrad, 2000. – 264 S.
24. Fischer H. Schwäbisches Wörterbuch / Hermann Fischer. – Tübingen : Laupp/J.C.B. Mohr, Paul Siebeck, 1986. – 687 S.

THE SOUTH GERMAN LANGUAGE AREA AND SOME PRONOUNCING PECULARITIES OF THE SWABIAN DIALECT

Chernyshova M. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: margomarina2003@yahoo.com*

In the modern linguistics there are many interpretations of the notion «dialect», which supplement each other, singling out this or that peculiarity of the notion, but they do not exhaust it. The modern German language is in itself a historically formed, hierarchically organized system of various forms of existence, including the literary language, varieties of the colloquial language and territorial dialects. One can surely define the speaker's regional identity according to the German native speakers' speech as the local dialects considerably differ from one another in their vocabulary, grammar forms and phonetic peculiarities.

Quite often the dialects penetrate into the sphere where traditionally the literary language is used, for example, into the official communication, belles-lettres texts. Also they are used in the theater, cinema, on television, when teaching in a row of high schools in Germany, Austria, Switzerland, in the religious establishments. As a rule lectures, seminars are held in the standard German language in the university. Mass media are generally oriented for the standard German language. The standard language is functionally dominating in relation to the other forms of existence of the general national language. This fact has conditioned strengthening a social side of the dialect.

In the modern linguistic situation there begin to prevail social factors rather than geographical ones, such as speakers' origin, social status, income, level of education. The territorial dialects represent in themselves the varieties of the language, which are used within the definite territory as a means of the local population's communication. Besides the differences, connected with the territorial factor, in the speakers' speech there appear linguistic peculiarities, conditioned by the individual's belonging to this or that social group or stratum of society. These peculiarities are expressed in using the social dialects, or sociolects. Social dialects are the dialects of separate groups, caused by social, class, professional and occupational, age, gender heterogeneity of the society.

For a long time in the dialectology the opinion has prevailed according to which the local dialects are used by the «lower strata» of the society – by workers, peasants, craftsmen, petty officials, having the lower educational level. The main number of the literary language speakers is constituted by the «cream» of the society (the middle and upper strata) – high officials, entrepreneurs, state and political figures, scientists, university professors, people of the prestigious professions (doctors, lawyers) and etc.

A group of linguists points out the inconsistency of the criterion for the German language communicative communities. They note that in Switzerland and Austria, for example, the dialect is used by the represen-

tatives of the middle and upper strata as the main means of communication in the sphere of the social life. In connection with the presence of the similar primary characteristics the dialects are traditionally combined into definite dialectal areas and subareas. The basis for the primary differentiation of the German dialects is made up by the degree of their presence in the second High German consonant shift, the further development in their phonologic system of the Germanic tenuis [p, t, k]. According to the criterion one distinguishes between two main dialectal areas: Hochdeutsch (High German), Niederdeutsch (Low German).

The South German region is divided into three large dialectal territories: High Frankish, Alemannic and Bavarian. The Alemannic dialects (Alemannisch) are subdivided into Swabian, Low Alemannic and High Alemannic, South Alemannic and Alsatian. Among the dialects of the Frankish and Alemannic zone the particular place belongs to the Swabian dialect. In the scientific literature it is described insufficiently. The Swabian dialect (Schwäbisch) is spread in the western regions to the east to the River Lech, in the towns of Augsburg, Stuttgart, Tübingen, Ulm.

It is conventional to make the line of division between the Bavarian and Austrian dialectal zone in the east and Frankish and Alemannic in the west using the River Lech. The Frankish and Alemannic zone includes the following dialects: 1) Schwäbisch-Alemannisch (Swabian and Alemannic), 2) Südfränkisch (South Frankish), 3) Ostfränkisch (Eastern Frankish). In the Swabian and Alemannic dialect, combining Württemberg, Baden, Bavaria to the west from the Lech River, German-speaking regions of Switzerland and Austria, there are the following dialects: Niederalemannisch (Low Alemannic), Hochalemannisch (High Alemannic), Höchstalemannisch (Highest Alemannic) and Schwäbisch (Swabian). Among the dialects of the Frankish and Alemannic zone the particular place belongs to the Swabian dialect. In the scientific literature it is described in detail.

The aim of the work is to study the phonetic characteristics of the Southern Swabian dialect in comparison with the norm of the standard German language. The research contributes to the further development of the separate propositions of the theory of the German dialectology, territorial and social variants of the modern German language, which are of particular interest for the linguists, studying the language in the diachrony and synchrony.

Keywords: dialect, forms of existence of the language, literary language, colloquial language, linguistic situation, language speaker.

УДК 811. 11; 81'282.8

ОСОБЕННОСТИ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЛИНГВА ФРАНКА В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Шевель В. Г.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: shevel.valeriya@gmail.com*

Статья посвящена актуальному на сегодняшний день вопросу функционирования английского лингва франка (АЛФ) в различных социальных средах, в частности, студенческой среде. Осуществляется попытка выявления морфосинтаксических особенностей использования АЛФ, отклонение от которых не создает препятствия для понимания смысла и не влияет на эффективность коммуникации в речевом общении студентов. Особое внимание уделено содержательным основам работы, а именно описанию детерминантов, определяющих коммуникативную компетенцию на АЛФ, раскрытию содержания понятий лингва франка, английский лингва франка, эффективная коммуникация на АЛФ.

Ключевые слова: лингва франка, английский лингва франка, эффективная коммуникация на АЛФ.

ВВЕДЕНИЕ

В свете современных процессов глобализации, английский язык зарекомендовал себя как наиболее часто используемый контактный язык международной коммуникации [3]. В основном, общение на английском лингва франка (АЛФ) происходит между людьми, для которых он не является родным языком. К их числу относятся и студенты, использующие АЛФ в учебной коммуникации. Обращение к данной теме обусловлено всевозрастающим интересом к многоаспектным исследованиям данного контактного языка в русле современной социолингвистики и к особенностям его реализации в различных социальных средах.

Несмотря на детальное изучение условий возникновения и функционирования АЛФ (Дж. Дженкинс [16], А. Мауранен [19], Е. Ранта [19], Дж. Хаус [15]), его отличий от АИЯ (английского языка как иностранного) (Р. Клоуз [12], Е. Льюис [18], Дж. Бриттон [11], В. Риверс [22]) и его роли в европейской интеграции (Р. Филиппсон [21], Т. Диез [13], Р. Уитман [13], Ф. Грин [14]), значительная часть функционирования английского лингва франка в социальном аспекте, а именно в студенческой среде, получила недостаточное освещение.

Учебная коммуникация занимает одно из важных мест в современном обществе. Будучи необходимым условием полноценной учебной деятельности, общение влияет на все остальные сферы деятельности студента как фактор генеза и как условие функционирования. Традиционно, коммуникативные умения – это умения правильно, грамотно объяснить свою мысль и адекватно воспринимать информацию от партнеров по общению. Среди коммуникативных умений также выделяют: умение организовывать текст сообщения в необходимую форму, речевые умения, умение гармонизировать внешние и внутренние проявления, умение получать обратную связь и преодолевать коммуникативные барьеры [10].

Цель данной работы состоит в определении специфики функционирования АЛФ, выявлении и систематизации морфосинтаксических особенностей использования АЛФ, не препятствующих эффективной коммуникации в речевом общении студентов. Следовательно, для достижения поставленной цели представляется необходимым выполнение следующих **задач**: провести критический анализ научных источников по данной проблематике и выделить рабочие определения ключевых понятий: «лингва франка», «АЛФ», «коммуникация», «эффективная коммуникация на АЛФ»; создать базу данных исследования; выявить и описать основные особенности морфосинтаксических форм в учебной коммуникации студентов.

Материалом исследования послужили аудиозаписи практических занятий по английскому языку студентов Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», в частности, занятий по основному иностранному языку студентов 2-го и 4-го курсов и занятий по второму иностранному языку студентов 4-го курса.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Содержание понятий лингва франка, английский лингва франка, эффективная коммуникация на АЛФ

Н. В. Смитт характеризует ЛФ как любое устное вспомогательное средство межэтнического общения [9], а К. Маеркорд – как любой природный или естественный язык, используемый говорящими, которые владеют различными родными языками [20].

АЛФ определяется как общее использование ресурсов английского языка, как средство межкультурной коммуникации между говорящими, которые обладают различными лингвокультурными данными [3; 7].

Коммуникативная компетенция в употреблении АЛФ определяется способностью достигать обоюдного взаимопонимания и доступности в межкультурном общении, а именно, в таких аспектах как: взаимодействие с партнером, приспособление к особенностям речи и уровню владения языком собеседника, лингвокультурная осведомленность и восприимчивость к новым лингвистическим формам, а не формальным лингвистическим признакам.

Продуктивное общение на АЛФ основано на особенностях речевого взаимодействия коммуникантов, в отличие от соблюдения прямых соотношений формы и значения, которые фиксируются в речепроизводстве носителей английского языка. Такое речепроизводство имеет дело с ситуативной модификацией в соответствии с различными контекстами, групповыми ресурсами (способностями обоих говорящих), целями и возможностями соответствовать этим целям [3]. Общение на АЛФ может быть названо уникальным по причине того, что собеседники владеют различными родными языками и принадлежат к разным культурам, но используют общий язык, который имеет свои социокультурные истоки и характерный способ выражения мыслей [17; 6].

2. Детерминанты коммуникативной компетенции на АЛФ

Коммуникация – процесс кругового взаимодействия, который включает в себя отправителя информации, ее получателя и само сообщение, которое передает смысл не только своим содержанием, но и с помощью того средства или символа, который использовался для его передачи [4]. Если рассматривать коммуникацию или общение

как процесс обмена информацией посредством вербальных и невербальных методов, то межкультурная коммуникация является как вербальной, так и невербальной [4].

Коммуникативный акт отличается особой сложностью, поскольку он включает не только сам процесс передачи и обмена информацией, но и отношения его участников, их восприятие и понимание сообщения, общие и специфические условия, в которых происходит коммуникация, а также отношение к информации, которая передается и получается [8].

Учитывая всевозрастающий интерес лингвистов к проблеме функционирования английского языка во всем многообразии вариантов существования и вопросам эффективной ЛФ коммуникации, целесообразно отметить, что в первую очередь эффективное общение на АЛФ связано с достижением тех целей, которые ставят для себя участники определенной коммуникативной ситуации. Среди других немаловажных детерминантов успешного АЛФ общения необходимо выделить обоюдную заинтересованность говорящих в обмене информацией, подачу информации с учетом возможностей слушателя по ее декодированию и внешние факторы.

Несмотря на то, что в процессе общения роли коммуникантов варьируются, их цели в основном направлены на достижение как можно более полного взаимопонимания участников общения. В частности, И. Н. Азарова среди основных целей выделяет: 1) коммуникативную, которая в основном нацелена на формирование определенных отношений с собеседником; 2) предметную, направленную на получение чего-либо, изменения в поведении собеседника; 3) информативную, которая заключается в донесении определенного набора информации до собеседника с целью получения при этом ответной реакции [1].

Для понимания содержания высказывания собеседнику необходимо обладать определенной коммуникативной компетенцией и уметь подстраиваться к определенным ситуациям общения, учитывая характерные особенности слушателя. Как справедливо отмечается, не существует единого заранее заданного критерия для вынесения оценки о правильном или ложном, хорошем или плохом понимании содержания высказывания. Все остается неопределенным до момента, когда наступает удовлетворение содержанием общения между партнерами по коммуникации, когда коммуниканты приходят к выводу, что их устраивает достигнутое понимание, которое не порождает новые проблемы [2].

Коммуникативная очередность (turn-taking) [23] – еще один немаловажный концепт, который должен быть соблюден в любом процессе коммуникации, в частности на АЛФ. Существует мнение, что коммуникативная очередность является главной характеристикой, отличающей диалог от монологической речи [23]. Правила, которые контролируют этот процесс и места уместной передачи реплик (transition-relevance-place), определяются говорящими самостоятельно, равно как и то, что они ориентируются на правило «один собеседник за раз» (one party at a time).

Любые отклонения от данных правил приведут к привлечению нежелательного внимания со стороны участников диалога и применению регулирующих механизмов [23]. Кроме того, в целях эффективной интерпретации смысла, как любого иного высказывания, так и высказывания на АЛФ, необходимо учитывать социокультурные стандарты и личностные установки, а именно, соблюдать коммуникативный баланс, в связи с тем, что явление межкультурной коммуникации подразумевает не только

взаимодействие представителей различных этнических групп, но и взаимодействие различных профессий и мировоззрений.

По Л. Самовару и Р. Портеру, коммуникативный акт обладает определенными компонентами, детерминированными культурой: отношения – психологические состояния, которые определяют наши поступки; стереотипы; социальную организацию культуры; способ выражения мысли и методы аргументации; социальные роли; восприятие пространства; временное восприятие и знание языка. Они также подчеркивают, что этноцентризм и стереотипы могут наиболее негативно влиять на процесс межкультурного общения [4].

Основной целью межкультурного общения является направленность на генерирование межкультурной языковой компетенции, которая может трактоваться как комплекс социальных навыков, умений и способностей, при помощи которых личность успешно осуществляет общение с партнерами из других культур в рамках различных коммуникативных контекстов и ситуаций [2]. Зоны совпадения интересов представителей разных культур являются полем для коммуникации и почвой для диалога культур (мультикультурализма), главной целью которого остается кросс-культурное понимание (понимание иных культур) [2].

3. Рассмотрение особенностей функционирования английского лингва франка в учебной коммуникации студентов

Опираясь на понятие социально-стратификационной структуры общества как многомерного, иерархически организованного социального пространства, в котором люди различаются своим социальным статусом и ценностными мотивациями [5], целесообразно выдвинуть основной тезис работы, который заключается в том, что студенческая социальная общность, как и учебная коммуникация студентов, пребывает в динамичном развитии и претерпевает постоянные изменения, однако нестандартные языковые формы не должны трактоваться как помеха в связи с тем, что являются результатом осознанного выбора и не влияют на эффективность коммуникации. Для его подтверждения необходимо выявить и описать основные типы морфосинтаксических переменных учебной коммуникации студентов.

Нестандартные морфосинтаксические формы (НМСФ), которые в большинстве своем характеризуют речевое общение студентов, были представлены условно следующими особенностями: потерей окончания 3-го лица ед. ч. настоящего времени (*I'm not able to cope with the restrictions this jail impose on me; despite the fact that opponent deride him regularly, he continues marche to a different drummer; the counterfeit stuff cause real alarm*), употреблением множественного числа в существительных, которые его не имеют (*I want to give you some advices; to write with inks*), употреблением указательного местоимения *this* с существительными во множественном числе (*This words just make me happy; in my opinion this activities are rather fussy; this companies were not the only companies to put the brakes on*) и взаимозамещением местоимений *who* и *which* (*I'm really shocked about the article who appeared two days ago; people which also felt that way; people which can bear our bad mood or even aggressive behavior*).

Параллельно с указанными формами были зафиксированы многочисленные случаи свободного употребления определенного и неопределенного артикля, опущения артикля (*What do you think about article?; He is great admirer of getto music*), избы-

точного употребления предлогов и их опущение (The economic situation *about* country has improved due to him; Going the clubs won't help for sure), взаимозамещения безличных форм глагола (The main thing is to have a close person which can force me *to cease doing* smth.), изменений категорий числа, времени и вида глагола (What are they doing? They *read, think or day-dream*; We need *throwing* everything we've got at winning in this global race), завершения или начала предложения неверной частью речи (They are late that's why they are not *cheer*; black shorts are with *striped*).

В рамках корпуса морфосинтаксических особенностей, характеризующих студенческую речь, необходимо отметить случаи выражения мысли семантически неверно (She wants to get *laws degree*), вариации употребления предлогов (To my mind I'm quite clever *in* Math's, but I was asked by my friend to enter this faculty), выбор эмоционально окрашенных глаголов, чуждых данной коммуникативной ситуации (I *shed* the key from my apartment that day).

ВЫВОДЫ

В настоящее время английский лингва франка является самым распространенным контактным языком межэтнического общения, что подразумевает глобальное использование языковых данных английского языка говорящими, которым присущи различные лингвокультурные особенности [3; 6].

АЛФ может определяться как динамичный ресурс, испытывающий постоянные изменения, а не как совокупность формальных характеристик, и восприниматься как изменяемое средство общения, а не как установленная модель.

Английский лингва франка служит для достижения многочисленных коммуникативных целей, в зависимости от которых он может приобретать различные формы. Общение на АЛФ может быть названо уникальным по причине того, что собеседники владеют различными родными языками (Я1) и принадлежат к разным культурам, но используют общий язык, который имеет свои социокультурные предпосылки, характерный способ выражения мыслей и претерпевает постоянные изменения.

Если рассматривать коммуникацию как акт обмена информацией, тогда эффективное общение на АЛФ будет связано с достижением тех целей, которые ставят для себя участники определенной коммуникативной ситуации.

Коммуникативная АЛФ компетенция представляет собой многоаспектное явление, включающее в себя определённые детерминанты: умение подстраиваться под лингвистические особенности собеседника, обоюдную заинтересованность говорящих, соблюдение коммуникативной очередности и магистральных целей общения, а также направленность на результат [23].

Проблематика исследований английского лингва франка заключается в том, что в большинстве своем результаты исследований подчеркивают слаженную структуру коммуникации на АЛФ (К. Маеркорд и М. Мьюис), однако невозможно не принимать во внимание взгляды, отмечающие наличие практических проблем, с которыми сталкиваются говорящие (Дж. Томас). В связи с этим данная работа преследовала цель выявить характер особенностей функционирования английского ЛФ в учебной коммуникации студентов для определения возможных затруднений в процессе производства и понимания высказываний.

Изучив особенности англоязычной речи студентов, характеризующейся высокой степенью вариативности, необходимо отметить, что, в первую очередь, это может быть объяснено факторами ситуативного влияния, которые обеспечивают лексическую окраску языка, а также определенным выбором говорящих, который они осуществляют из возможных и доступных им средств речевой коммуникации.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что все представленные особенности морфосинтаксического уровня не препятствуют пониманию и не являются значительной преградой для распознавания смысла в рамках реальной коммуникации.

Список литературы

1. Азарова И. Н. Характеристика английской коммуникации / И. Н. Азарова. – М.: Издательство Мордовского университета, 2005. – 200 с.
2. Исаев Э. Ш. Понимание как один из ведущих параметров процесса коммуникации / Э. Ш. Исаев // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 226. – С. 16-18.
3. Мележик К. О. Соціолінгвістична варіативність дискурсу англійського «реального» телебачення (на матеріалі реаліті шоу «Великий брат»): дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філол. наук.: спец. 10.02.04 «Германські мови» / К. О. Мележик. – Сімферополь, 2010. – 219 с.
4. Персикова Т. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура / Т. Персикова. – М.: Логос, 2002. – 224 с.
5. Петренко О. Д. До сторіччя кодифікації орфоепічної норми німецької мови / О. Д. Петренко, Д. О. Петренко, Е. Ш. Исаев // Мовознавство. – 2000. – № 6. – С. 49-56.
6. Петренко А. Д. Социолінгвістическіе проблемы вариативности языка как целостной структуры / А. Д. Петренко, М. В. Ласкова, В. А. Лазарев, Д. А. Петренко, Д. М. Храбскова, К. А. Мележик, Т. В. Бриджко, А. В. Пономарева, К. Г. Иштоян; [монография]. – Симферополь: Издательство «Перо», 2014. – 495 с.
7. Петренко А. Д. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова, Д. А. Петренко, Э. Ш. Исаев; [монография]. – Симферополь: Издательство ПП «Предприятие Феникс», 2011. – 491 с.
8. Семчинский С. В. Общее языкознание / С. В. Семчинский. – К.: Око, 1996. – 411 с.
9. Смитт Н. В. Теоретические основы культуры речи / Н. В. Смитт. – М.: Наука, 1980. – 300 с.
10. Тищенко В. А. Классификация коммуникативных умений [Электронный ресурс] / В. А. Тищенко. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnyenauki/lingvistika/LINGVA_FRANKA.html (дата обращения 05.06.2015)
11. Britton J. Teaching and learning English worldwide / J. Britton, R. E. Shafer, K. Watson. – Lincoln: Multilingual Matters Ltd, 1990. – 383 p.
12. Close R. English as a world language and as a mother tongue / R. Close. – London: HarperCollins, 1981. – P. 175-179.
13. Diez T. Analysing European integration: reflecting on the English school / T. Diez, R. Whitman. – Westminster: UACES, 2002. – 40 p.
14. Grin F. English-Only Europe? Challenging Language Policy / F. Grin. – London: Routledge, 2004. – 284 p.
15. House J. Interactions in English as a lingua franca and the myth of mutual intelligibility / J. House. – Tübingen: Stauffenburg, 1999. – P. 25-45.
16. Jenkins J. Unpleasant? Incorrect? Unintelligible? ELF Speakers' Perceptions of Their Accents / A. Mauranen, E. Ranta // English as a Lingua Franca: Studies and Findings. – Cambridge: Cambridge scholars publishing, 2009. – P. 10-36.
17. Kecskes I. Formulaic language in English Lingua Franca / Istvan Kecskes. – New York, 2007. – 27 p.
18. Lee W. What Implications does English Globalization Have for Treatment of Students' Spoken Errors / W. Lee, A. Ridley, E. Lewis. – Hong Kong: RELC Journal, 1999. – P. 18-37.
19. Mauranen A. English as a lingua franca: Speakers not Learners / A. Mauranen, E. Ranta. – Cambridge: Cambridge scholars publishing, 2007. – 382 p.

20. Meierkord Christiane. Lingua franca English: Characteristics of successful non-native / non-native-speaker discourse [Электронный ресурс] / Christiane Meierkord, 1998. – Режим доступа: <http://webdoc.sub.gwdg.de/edoc/ia/eese/eese.html> (дата обращения 02.05.2016)
21. Phillipson R. Lingua franca or lingua frankensteinia? English in European integration and globalization / R. Phillipson. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2008. – P. 250-267.
22. Rivers W. Language needs analysis at the societal level / W. Rivers. – London: Cambridge University Press, 2005. – P. 11-15.
23. Sacks H. A simplest systematic for the organization of turn-taking conversation / H. Sacks, E. A. Schegloff, G. Jefferson. – New York: JSTOR, 2006. – 11 p.

**PARTICULARITIES OF EFFECTIVE
LINGUA FRANCA COMMUNICATION IN STUDENTS' ENVIRONMENT**

Shevel V. G.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: shevel.valeriya@gmail.com*

The article discovers the specifics of English lingua franca functioning in students' environment. At present, English lingua franca is the most widespread contact language of intercultural communication, so it implies a global use of the English language by speakers who share various lingua-cultural particularities.

English lingua franca serves to achieve multitudinary communicatory goals, due to which it can take many forms. The purpose of the work is to reveal morphosyntactical particularities of ELF usage, which do not impede students' effective communication. To achieve this goal it is necessary to solve the following tasks: to make a critical analysis of scientific sources as to the indicated problem and to define the main research notions; to found a research database, which includes audio tracks of students ELF communication; to find and to describe the morphosyntactical particularities in students communication.

Special attention is given to the theoretical basics of the text, to description of determinants that define effective ELF communication; to the considering of such notions as lingua franca, English lingua franca, communication and effective ELF communication. Addressing this theme could be explained by growing interest towards multidimensional studies of the contemporary contact language of intercultural communication – English lingua franca, within the present day sociolinguistic science. Despite the detailed studying of emergence conditions and functioning of ELF, its differences from English as a foreign language and its role in European integration, the integral part of ELF functioning in students' environment has not received much attention within any subfield of linguistics.

Educational communication takes one of the important places in contemporary society and is considered to be an information exchange process. According to this, effective ELF communication is connected with achieving goals, which the participants of a certain type of communication situation set for themselves.

Communicatory ELF competence is conceived as a multidimensional phenomenon, which includes certain determinants: proficiency of adjusting to the interlocutor's linguistic particularities, mutual interest of speakers, following communicative turn-taking and having results orientation. Adjusting or accommodation to the interlocutor could be of positive or negative nature. The first one is connected with adaptation to the interlocutor, whereas the second one is determined by using such kind of speaking and gestures style that is maximally inconvenient and inapprehensive for the collocutor. Turn-taking is considered the main characteristic which differentiates dialogue from monological speech. The rules which control this process and the transition relevance place are determined individually by speakers. Any deviation from these rules leads to attraction of unwanted attention from the side of the dialogue participants and to taking regulating measures.

The cooperative nature of ELF communication includes keeping of socio-cultural data and personal stances. Balance in communication is of great value, due to the fact that intercultural contacts are regarded today

not only as an interaction of representatives of the various ethnical groups, but also as reciprocity of different professions and outlooks. According to the article, the problem of ELF studies lies in the fact that the results of these highlight the cooperated and harmonized structure of ELF communication (Ch. Meierkord, M. Meeuwis), although there is a number of scientists (J. Thomas) who point out existence of practical problems with which the speakers encounter.

Students' educational communication is dynamically evolving and is constantly changing. The students ELF speech had various kinds of particularities which are to be stressed: omission of endings in third person, singular; use of category of noun which is to be used in singular in pluralia tantum; usage of the demonstrative pronoun "this" with plural nouns; interchanging of "who" and "which" pronouns. Along with these cases and demonstrated characteristics, there was a tendency to evincing numerous cases of free preposition (definite, indefinite) usage; excessive preposition exertion and omission. Also, it should be noted that there were such language particularities as beginning and finishing sentences by parts of speech which are incorrect, semantically wrong expression of thoughts, variations of usage of emotional verbs that could not be used within certain context etc.

Having studied the particularities of students' English speech, which is characterized by a great level of variability, it is necessary to highlight that, first of all, this phenomenon could be explained by situational factors, which sustain lexical tone of language, and by certain speakers' choice, which they make from possible and available means of communication.

To conclude, all the identified particularities of morphosyntactical level do not impede intercommunication and cannot be considered as an obstacle for the meaning distinction, within the frames of real communication.

Keywords: lingua franca, ELF, the contact language, effective ELF communication.

УДК 81 276.1:81 371

ОБЩНОСТЬ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ НА ОСНОВЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Эмирусейнова Э. Н.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: elmira_emir@mail.ru*

Статья посвящена определению общечеловеческой языковой общности нравственно-этических ценностей и смыслов, исходя из общности понятийных систем неродственных языках. Такие соответствия можно выявить путём типологических сопоставлений фразеологических единиц данных языков. Соматическая фразеология английского, русского и тюркских языков характеризуется значительным сходством, черты сходства не ограничиваются внешней близостью фразеологических единиц, но затрагивают структурный, семантический и этимологические аспекты соматической фразеологии этих языков.

Ключевые слова: общность понятийных систем, фразеологические единицы, семантические, этимологические и генетические аспекты соматической фразеологии.

ВВЕДЕНИЕ

Сравнительная лингвистика в широком смысле этого слова такая же древняя наука, как сама лингвистика. Примером работ по сравнению может служить работа Макробиуса (400 г. до н. э.), где сравниваются глагольные системы греческого и латинского языков. В предренессанский период были созданы грамматика «Doctrinale» Александра Вилладейского (1200 г. н. э.) и Петра Гелийского. Самым большим вкладом в последующее развитие типологии является «Грамматика Пор – Рояль» вышедшая в 1660 г. в Париже. Вопросы сравнения рассматривались в трудах Б. Дельбрука, Ф. И. Буслаева, В. Гумбольта, Ф. Ф. Фортунатова, Э. Сепира, И. А. Бодуэна де Куртенэ, И. И. Мещанинова, Е. Д. Поливанова.

Сравнительное изучение систем тюркских языков имеет свою собственную историю. Махмуд Кашгарский своим капитальным трёхтомным трудом «Диван лугъат ат-тюрк» заложил основу сравнительного метода в тюркологии. Он подверг фонетическому, лексическому и грамматическому анализу целую группу тюркских языков.

Известным трудом, посвященным сравнению тюркских и персидского языка является сочинение А. Навои (1441-1502 гг.) «Мухоматкул лугъатаен» – «Спор двух языков», где впервые сопоставляются системы двух генетически неродственных языков – староузбекского и персидского. В изящной поэтической форме А. Навои сравнивает лексическую, грамматическую и словообразовательную системы двух языков. С XVIII века научным изучением и теоретической разработкой тюркских языков занимались учёные Европы и России: О. Бетлинг, В. В. Радлов, В. В. Кавтанов, М. Расянен, К. Владимирцев, Н. К. Дмитриев. Сравнительная типология определяет типологические сходства языков, различных генетических групп, она может выделять некоторую общность или изоморфизм. В то же время, семантиче-

ская типология определяет типовые признаки на основе семантических признаков – семантических универсалий.

Целью данной статьи является: показать своеобразие лексической и семантической системы каждого языка, национальное своеобразие системы фразеологических образов, которые свидетельствуют не о различном восприятии действительности разными языковыми этносами, а лишь о чрезвычайно широких возможностях её образного осмысления и отражения средствами языка.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнение следующих **задач**: проанализировать соматические фразеологические единицы и определить соматические единицы, которые характеризуют человека, его деятельность, психическое и физическое состояние, морально-волевые качества, манеру поведения, взаимоотношения между людьми, его ценности и жизненные смыслы, найти сходство, которое свидетельствует об определённой общности ассоциативно-образного мышления носителей этих языков, определить, что для формирования устойчивых ценностных ориентаций с глубинными принципами играют роль традиции народа, семьи, которые становятся жизненными ценностями и смыслами. Жизненные ценности являются фундаментальными и ведущими, они пробуждают в человеке невиданную энергию, упорство и настойчивость в достижении целей, великую силу воли.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Общность понятийных систем у представителей различных народов

Ядром любого национального языка является фразеология – совокупность устойчивых оборотов, имеющих целостное значение, а также эмоционально- экспрессивную окраску. Фразеология является тем объективным зеркалом, в котором отражается менталитет народа, его история, культура и повседневная жизнь, значимость фразеологических единиц очень велика в процессе языковой коммуникации как особого вида человеческой деятельности. Фразеологические единицы передают большой объём информации и одновременно выражают интеллектуальную и эмоциональную оценку говорящего о предмете речи. Познание окружающего мира осуществляется также в речевой деятельности и всегда эмоционально окрашено, без эмоций нет человеческого познания. Фразеологические единицы способны передавать эмоции субъекта речи и тем самым воздействовать на интеллектуальное и эмоциональное состояние адресата речи. Э. Сепир писал: «Язык служит руководством к восприятию социальной действительности». Человек находится во власти конкретного языка, являющегося средством выражения мыслей и эмоций в данном обществе. Э. Сепир также утверждал: «Факты свидетельствуют о том, что реальный мир в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества. Не существует двух языков настолько тождественных, чтобы их можно было считать выразителями одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества – отдельные миры, а не один мир, использующий разные ярлыки» [9]. Население Земли говорит на разных языках, а их более 3000, английский и русский языки относятся к индоевропейской семье языков, крымско-татарский, турецкий, узбекский – алтайская семья языков, носители этих языков исповедуют различные религии, но в целом имеют одинаковые общечеловеческие ценности и смыслы: чувство любви и преданности, патриотизма, защита Родины и семьи. Их антропологическая общность в том, что вто-

рая сигнальная система развита только у человека, люди говорят на различных языках, их познавательная общность в том, что исторически познание мира происходит посредством языка (передача информации, книги). Говоря об общем языковом союзе с общими человеческими, познавательными характеристиками или общечеловеческой языковой общности нравственно-этических ценностей и смыслов, мы, главным образом, исходим из общности понятийных систем у представителей различных народов, говорящих на различных языках. Такие системы понятий выражаются в различных языках различными языковыми знаками. Эти соответствия можно выявить путём типологических сопоставлений систем данных языков. В условиях недостаточного межъязыкового контакта словарные соответствия можно выявить путём соотнесения сопоставляемых единиц с явлениями объективной реальности: предмет – apple (англ.) – яблоко (рус.) – олма (узб.). Этот приём применим и для сопоставления фразеологических единиц, если они обладают чётко выраженным предметным значением: дождь льёт как из ведра (рус.) – ёмгир челақлаб ёғаяпти (узб.) – it rains cats and dogs (англ.) – it rains pitchforks (амер.). Сопоставление возможно, когда фразеологические единицы имеют чётко выраженное эмоциональное и экспрессивное значение, при этом возможно их однозначное соотнесение с вполне определённой вневелингвистической ситуацией. Например, у семи нянек дитя без глаза (рус.) – куйчивон куп булса куй хором улади (узб.) (досл.: пастухов много, а овца сдохла) [3; 6; 7].

Перевод фразеологических единиц с английского на русский, на узбекский представляет особую трудность, так как помимо трудностей, с которыми вообще связан перевод на другой язык образных, эмоционально-насыщенных, имеющих ярко-выраженный национальный характер выражений, между этими языками существуют значительные культурно-исторические различия.

2. Отображение познания мира в разносистемных языках

В гуманитарной сфере филологии, психологии, культуре актуально интервальное, многомерное представление реальности, интервальная природа самого познавательного процесса. Любой объект природы, социума, языка, объект познания существует и проявляет себя определенным образом не вообще, а лишь относительно той или иной системы связей. В зависимости от обстоятельств, субъекта познания, одни свойства объектов актуализируются, другие сохраняют возможность существования. Мир имеет интервальную структуру, распадаясь на множество отдельных реалий, познание мира также интервально. Следовательно, в различных языках отображается различное познание мира носителями этих языков [4].

Говоря о различных «картинах мира», В. А. Звегинцев выделяет три причины их появления: 1) социально-бытовые и исторические условия жизни каждого народа (В. А. Звегинцев: «Ведь совершенно очевидно, что в зависимости от того, где обитает тот или иной народ на севере, на юге, в лесистой местности, в пустынной – в язык войдут разные группы значений, отражающих физические, географические, экономические условия существования народа. Это же относится и к социальным, культурным, историческим факторам») [10]; 2) причины, обусловленные человеческим сознанием (В. А. Звегинцев: «Ведь человеческое сознание не есть автоматически действующий механизм с прямо-

линейной направленностью на адекватное познание действительности. Все ошибки, заблуждения и уклонения фиксирует в своей системе «значений» язык») [10]; 3) причины, обусловленные самим языком, различные культурные и литературные традиции (В. А. Звегинцев: «Изменение или включение в язык новых фактов, обусловленных фактором сознания или фактором действительности, получает всегда специфическую форму в соответствии с особенностями структуры каждого языка в отдельности») [10].

В русском языке «печень» и «попугай» слова невысокого ранга. Фразеологическое выражение «ты у меня в печёнках сидишь» – надоед, «повторяешь как попугай» – быть глупым. У тюркских же народов слово «siger» высокого стиля, олицетворяющее понятие «любовь, кровное родство», подобно «сердцу» в русском языке. Sigerinin kosesi – любимица, sigeri parca parca olmak – сильно расстроиться, сердце разбилось – расстроиться. Также понятие «попугай», «тути» (узб.), у узбеков – традиционное обращение к любимой девушке, в русском языке – олицетворение глупости и болтливости, благородная птица в русском языке – «соловей» [1; 3].

3. Сходство образности соматических фразеологических единиц сопоставляемых языков

Очень часто по образности, экспрессивности и эмоциональности совпадают фразеологические единицы, пословицы и поговорки даже у тех народов, которые исторически и географически далеки друг от друга. Особенно часто совпадают во многих языках фразеологические обороты, пословицы и поговорки, содержание которых отражает наиболее общие суждения о закономерности и случайности, качестве и количестве, о человеческих отношениях: любви, дружбе, гуманности, труде. Например: an apple of an eye (англ.) – зеница ока (рус.) – козюмнинъ бебеги (кр. тат.) в значении любимица; или to be one's right arm (англ.) – быть у кого-то правой рукой (рус.) – бировнинг унг кули булмок (узб.); one hand washes another (англ.) – рука руку моет (рус.) – кул кулни ювар (узб.). Все эти фразеологические обороты выражают общечеловеческие ценности – чувство преданности и поддержки, патриотизм, например, shoulder to shoulder (англ.) – плечом к плечу – can cana – bas basa (турецк.) – защита Родины; о мастерстве и трудолюбии – an old hand (англ.) – мастер, опытный; золотые руки (рус.) – алтын эллер (кр. тат.); on the

tongue of men (англ.) – у всех на устах (рус.) – agizdan agiza (турецк.).

Человеческие чувства и эмоции выражаются в таких соматизмах: in one's heart of hearts (англ.) – в глубине души (рус.) – sigerinin kosesinde (турецк.); чувство радости и счастья – to have one's head in clouds (англ.) – быть на седьмом небе от счастья (рус.) – башынъ кокке тиймек (кр. тат.); чувство испуга, удивления – smb's hair stands on end (англ.) – волосы дыбом встали (рус.) – sacini supurge etmek (турецк.); познавательные процессы – two heads are better than one (англ.) – ум хорошо, два лучше (рус.) – basa bas gelmek (турецк.); психологические, психические состояния человека – tie smb's hands (англ.) – быть связанным по рукам (рус.) – эли багълы олмакъ (кр. тат.) [1; 3; 8].

Соматическая фразеология английского, русского и тюркских языков (узбекский, турецкий, крымско-татарский) характеризуется значительным сходством, причём черты сходства не ограничиваются внешней близостью некоторых фразеологических единиц, но простираются гораздо глубже и затрагивают структурный, семантический и этимологические аспекты соматической фразеологии этих языков. Широкое

сходство образности соматических фразеологических единиц обусловлено единством функций частей тела, однотипностью их связей и отношений, общностью таких экстралингвистических факторов генезиса соматических фразеологических единиц как жесты, мимика, физиологические ощущения, социальная символика.

Сходство соматической фразеологии свидетельствует об определённой общности ассоциативно-образного мышления носителей этих языков. Эта общность проявляется не столько в наличии в этих языках многочисленных фразеологических единиц, совпадающих или близких по образу, сколько в наличии в них общих логических фразеологических идей. Большая часть эквивалентных соматических фразеологических единиц в сопоставляемых языках могла возникнуть на базе внутриязыковых ресурсов независимо от характера языковых контактов этих языков. Возникновение аналогичных фразеологических оборотов в самых разных языках обусловлено общностью языковых этносов как в плане психологическом, так и в плане реалий, быта, условий жизни, культурной жизни, природных условий, социальных отношений. Существенное преобладание во фразеологическом составе этих сопоставляемых языков выражений, представляющих специфические национальные образования, объясняется индивидуальностью исторического опыта языковых этносов, самобытностью культуры, особенностью психического склада народов – носителей языков.

4. Образное восприятие и осмысление действительности разными языковыми этносами и отражение средствами языка

Своеобразие лексической и семантической системы каждого языка, национальное своеобразие системы фразеологических образов свидетельствует не о различном восприятии действительности разными языковыми этносами, а лишь о чрезвычайно широких возможностях её образного осмысления и отражения средствами языка, которые мы видим и в поэзии и в прозе разных народов: в стихах А. С. Пушкина, С. А. Есенина, Вильяма Шекспира, Роберта Бернса, Омара Хайяма, Ашика Умера, Черкеза Али [2; 5; 10; 9; 15].

Приведем некоторые примеры.

А. С. Пушкин

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновение,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

С. А. Есенин

Выткался на озере алый свет зари,
На бору со звонами плачут глухари,
Плачет где-то иволга, хоронясь в дупло,
Только мне не плачется, на душе светло.

William Shakespeare

My mistress eyes are nothing like the sun,
Coral is far more red than her lips red:
If snow be white, why her breasts are dun;
If hairs be wires, black wires grow on her head.
I have seen roses damask, red and white,
But no such roses I see in her cheeks.

Robert Burns

I see her in the dazy flowers,
I see her sweet and fair,
I hear her in the tune of birds,
I see her charm the air.

Омар Хайям

I only follow the path of my heart,
In desolate desert I make my start,
I follow my heart, I do my part,
The path of my heart, is what you chart.

Черкез Али

Динъле, гузель, сѣзюм акъ,
Сенде недир сездим мен,
НЕ къашынъы, козюнъы,
Не де татлы сѣзини.
Булюр киби темиз пак
Юрегини севдим мен.

Ашыкъ Умер

Джану-дильден маиль олдым, бир сачы Лейлябен
Тили – бульбуль, сачы – сумбуль, къашлары тугърая бен
Гидже – кунъдюз асрединден джигерим къан агълады,
Бир онъалмаз дерде душдим, огърадым севдая бен.

В этих стихах использовано огромное количество соматических фразеологизмов, которые выражают широкую гамму чувств, присущих носителям всех этих неродственных языков.

Фразеологические единицы (соматизмы) характеризуют человека, его деятельность, психическое и физическое состояние, морально-волевые качества, манеру поведения, его ценности и жизненные смыслы. Например, to give smb. a free hand

(англ.) – протянуть руку (рус.) – эль бермек (кр. тат.). Соматизмы передают богатую и сложную гамму чувств, настроений человека. Соматизмы с компонентом «heart» – «сердце» – «юрек» передают мотивы эмоционально-психического состояния. Например: to warm smb's heart – утешать сердце (рус.) – юрегини (гонъюлини) котермек (кр. тат.). Соматизмы с компонентом «hand» – «рука» – «эль», «кьол» связаны с понятием воздействия на объект, овладения, умения или неумения делать что-либо. Например: to be a good hand at smth. (англ.) – набить руку на чём-то (рус.) – кьоллары алтын (кр. тат.). Соматический компонент «head» – «голова» – «баш» передаёт умственные, познавательные способности человека, его умственную деятельность, психическое и физическое состояние и взаимоотношения между людьми. Например: have a good head for smth. (англ.) – иметь голову на плечах (рус.) – башынъ чакьмакъ (кр. тат.).

ВЫВОДЫ

Большая часть исследуемых фразеологизмов каждого языка сохраняет свою национальную специфику, которая обусловлена самобытным характером исторической судьбы, культуры и традиций носителей сопоставляемых языков, своеобразием их лексических и семантических систем и прежде всего неадекватностью ассоциативно-образного мышления.

Огромную роль в формировании устойчивых ценностных ориентаций с глубинными принципами играют традиции народа, семьи. Традиции – это ритуал, воспитательная система. Традиции воссоздаются ежегодно, ежедневно, они становятся точками опоры, стабильности в меняющемся, подвижном мире, становятся жизненными ценностями и смыслами. Жизненные ценности являются фундаментальными и ведущими, они пробуждают в человеке невиданную энергию, упорство и настойчивость в достижении целей, великую силу воли, чувство патриотизма, когда воины, защищая свою Родину, семью совершают великие подвиги. Эти общечеловеческие ценности отражены во фразеологических выражениях каждого языка.

Ценностью является каждый человек в силу своей уникальности, что служит условием полноценного культурного прогресса. Для культуры человек обладает ценностью сам по себе. Это и есть начало духовности – ориентация исторической личности, социальной группы, народа, общества к гуманизму, человечности, что достигается посредством языка и ведёт к процветанию человека, общества, наций и народов, искусства, образования и культуры.

Список литературы

1. Буковская М. В. English proverbs / М. В. Буковская, С. И. Вяльцева, З. И. Дубянская. – М.: Русский язык, 1990. – 240 с.
2. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка / А. В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1972. – 341 с.
3. Куркчи У. Фиқир инджилери / У. Куркчи. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1986. – 88 с.
4. Лазарев Ф. А. Философия / Ф. В. Лазарев, М. К. Трифонова. – Симферополь: Сонат, 1999. – 352 с.

5. Лазарев Ф. И., Вилесов Ю. Ф. Введение в современную теорию познания / Ф. И. Лазарев, Ю. Ф. Вилесов. – Симферополь: РИО, 2000. – 154 с.
6. Марьянович А., Князкин И. В. Новая эрратология. English Language / А. Т. Марьянович, И. Т. Князкин. – М.: АСТ; СПб.: Астрель. – СПб, 2009. – 403 с.
7. Мечников И. И. Энциклопедия жизни и творчества / И. И. Мечников, А. В. Шабров, И. В. Князкин, А.Т. Марьянович. – СПб.: ДЕАН. 2008. – 1264 с.
8. Мокиенко В. М. В глубь поговорок / В. М. Мокиенко. – К. : Рад. шк., 1989. – 221 с.
9. Сепир Э. Положение лингвистики как науки / Э. Сепир. – М. : Высшая школа, 1965. – 233 с.
10. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1985. – 155 с.
11. Щека Ю. В. Турецко-русский словарь / Ю. В. Щека. – М. : Цитадель, 1997. – 462 с.

**UNIVERSAL LINGUISTIC GENERALITY OF COGNITIVE, MORALLY-ETHICAL
VALUES AND SENSES ON THE BASIS OF COMPARISON OF SOMATIC
PHRASEOLOGICAL UNITS OF UNRELATED LANGUAGES**

Emiruseinova E. N.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: elmira_emir@mail.ru*

Defining the universal linguistic generality of cognition, moral and ethical values and senses, we principally come from the generality of their conceptual systems. Such correspondence can be revealed by typological comparison of systems of Indo-European and Asian languages and their phraseological units. Comparison is possible when phraseological units have clearly expressed emotional and expressive meaning, and definite extralinguistic situation. In humanitarian sphere of philology, psychology and culture, the interval presentation of reality, interval nature of cognitive processes is actual. Any object of nature, society, language, object of cognition exists and reveals itself in definite appearance not generally.

The world has interval structure, disintegrating into a great number of separate realities, actual and possible worlds so that cognition of the world is multidimensional. Consequently, different cognition of the world by bearers of the language reflects in different languages.

Phraseological units, proverbs and sayings coincide by picturesqueness, expressiveness and emotionality even in the languages of the people historically and geographically distant from each other. Phraseological units, proverbs and sayings the content of which reflects the most general considerations about regularity and contingency; quality and quantity; about human relations, love, friendship coincide. Somatic phraseology of English, Russian and Turkic languages is characterized by constitutive similarity and the similarity is not restricted to exterior closeness of some phraseological units, but is spread out and touches structural, semantic, etymological and genetic aspects of somatic phraseology of these languages. Broad similarity of picturesqueness of somatic phraseological units is conditioned by uniformity of functions of the parts of the body, by uniformity of associations and relations, by uniformity of such factors of the origin of somatic phraseological units as gestures, mimicry, physiological perceptions, social symbolics. Similarity of somatic phraseology authenticates the definite generality of associative-picturesque thinking of the bearers of these languages. This generality is displayed not only by presence of multiple phraseological units coinciding by image, but by presence of general logic ideas. The greater part of equivalent somatic phraseological units in these compared languages could arise

**ОБЩНОСТЬ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ
И СМЫСЛОВ НА ОСНОВЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ СОМАТИЧЕСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ**

on the basis of intralingual resources independently of the nature of the contacts of these languages. Presence of similar phraseological units in different languages is conditioned by generality of lingual ethnoses, way of life, cultural life, nature conditions, social relations. Significant dominance in phraseological compound of these compared languages of the units expressing specific national formations explains the individuality of historical experience of language ethnoses, originality of culture, peculiarity of psychic structure of the bearers of these languages. Peculiarity of lexical and semantic systems of each language, national peculiarity of the system of phraseological images authenticates not the different perception of reality by different language ethnoses, but by the extraordinary broad capacity of its picturesque perception and reflection by means of language. Phraseological units (somatism) characterize a man, his activity, psychic and physical state, moral and volitional features, manner of his behaviour, relationships between people, members of the family, its values and living senses.

The great role in the formation of stable valuable orientations with deep principles is played by traditions of the nation and family. The traditions become the points of support, stability in the changing world, become living values and senses. The living values are fundamental and leading, they awake in every man unprecedented energy, persistence and insistence in achieving aims, give the great power of will. The value is any human being because of his uniqueness, which works as value of cultural progress. This is the orientation of the historical personality, social group, nation and society to humanism, which is achieved by language and lead to prosperity of people, society, nations, art, education and culture.

Keywords: generality of conceptual systems, phraseological units, semantic and genetic aspects of somatic phraseology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдурахманова
Алие Заировна

преподаватель кафедры иностранных языков
№ 1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Агапова
София Григорьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону

Албанский
Владимир Владимирович

магистр ООП «Социоллингвистика. Французский язык и литература» кафедры теории языка, литературы и социоллингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Ананченко
Елена Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Донецкого национального университета (ДНР)

Бабушкина
Мария Александровна

аспирант кафедры русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск

Беловенцева
Мария Владимировна

ассистент кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Бридко Татьяна Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Воронцова Наталья Константиновна	ассистент кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Дьякова Н. А.	кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Жорж Батишта	профессор факультета социальных и гуманитарных наук Института инженерии и компьютерных систем университета Альгарве, г. Лиссабон
Зубкова Ольга Станиславовна	доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, г. Курск
Исаев Эдуард Шахмарович	кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Казакова Екатерина Владимировна	магистр кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Кислицына Наталья Николаевна	кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков № 1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Климачёва Анастасия Игоревна	ассистент кафедры романской и классической филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Козлова Алевтина Трофимовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Колесникова Наталья Львовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры международной коммуникации факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва
Колянда Дмитрий Николаевич	старший преподаватель кафедры иностранных языков №1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Короткова Мария Олеговна	аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Косова Лилия Юрьевна	преподаватель кафедры иностранных языков № 4 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Куриленко Елена Егоровна	преподаватель кафедры иностранных языков № 4 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Лазариди Сократ Анастасович	старший преподаватель кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Лихачёв Эдуард Владимирович	ассистент кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Логвина Светлана Андреевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №4 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Мазинов Ахтем Сеит-Аметович	кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания ГБОУ ВО «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь
Марченко Юлия Михайловна	старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Гуманитарно-педагогического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь
Маслова Алина Юрьевна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск

Медведева Наталья Евгеньевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва
Мележик Карина Алексеевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, заведующая кафедрой иностранных языков №3 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Милькевич Елена Степановна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону
Науменко Нина Петровна	старший преподаватель кафедры романской и классической филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Наумова Ольга Валерьевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры международной коммуникации факультета мировой политики, МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва
Нуно Мамеде	профессор Института технических наук Лиссабонского университета, г. Лиссабон
Онищенко Юлия Викторовна	преподаватель кафедры иностранных языков №3 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Пасекова Наталья Викторовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Петренко Александрович Демьянович	доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Высшей школы Украины, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, директор Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Петренко Даниил Александрович	кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Пономарёва Анна Васильевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Принцева Нина Юрьевна	старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Рак Александра Николаевна	преподаватель кафедры иностранных языков № 1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Руи Талядаш	аспирант факультета социальных и гуманитарных наук Института инженерии и компьютерных систем университета Альгарве, г. Лиссабон

Рыжикова Марина Дмитриевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Сахно Екатерина Михайловна	старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Трунченкова Наталья Николаевна	старший преподаватель кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Федотова Юлиана Борисовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Фукова Татьяна	магистрант факультета социальных и гуманитарных наук Института инженерии и компьютерных систем университета Альгарве, г. Лиссабон
Храбскова Данута Михайловна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романской и классической филологии, заместитель директора института иностранной филологии по научно-исследовательской работе Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Цулая Каролина Давидовна	аспирант Донецкого национального университета, г. Донецк
Чень Це	студентка 4-го курса кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Чернобай Светлана Евгеньевна	старший преподаватель кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Черныш Ирина Валериевна	старший преподаватель кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Чернышова Марина Викторовна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Шевель Валерия Геннадьевна	преподаватель кафедры иностранных языков № 3 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Эмирусейнова Эльмира Нафеевна	старший преподаватель кафедры № 3 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Петренко А. Д., Храбскова Д. М., Петренко Д. А.

Проблемы социолингвистической вариативности языка
в немецкоязычных автохтонных ареалах3

Абдурахманова А. З.

Терминология строительства
как объект тезаурусного моделирования17

Агапова С. Г., Милькевич Е. С.

Речевое поведение коммуникантов как способ
актуализации их личностных характеристик 24

Албанский В. В., Храбскова Д. М.

Социолингвистическая типологизация
франкофонного языкового сообщества
(на примере Бурунди, Нью-Брансуика
и северного региона Франции)32

Ананченко Е. С.

Семантика и структура лексических единиц,
обозначающих религиозные праздники
в английском и украинском языках 41

Бабушкина М. А.

К вопросу о метакоммуникативной функции
и ее реализации46

Беловенцева М. В.

Английские имена существительные
как лексическое средство нечеткой номинации52

Бридко Т. В., Казакова Е. В.

Репрезентация категории гендера
в рекламных текстах англоязычных журналов59

Воронцова Н. К.

Языковая ситуация в Австрии66

Дьякова Н. А.

Готско-немецко-английские фразеологические параллели72

Зубкова О. С. Смысловая аттрактивность языковых единиц с высоким индексом образности в профессиональной коммуникации (некоторые результаты психолингвистического эксперимента)	77
Исаев Э. Ш. Социально-языковые отношения в аспекте теории вариативности национальных языков	82
Кислицына Н. Н., Рак А. Н. О некоторых аспектах изучения туристического дискурса	90
Козлова А. Т. Синтаксическая составляющая английских побудительных высказываний	98
Колесникова Н. Л. Дискурсивная обусловленность перевода профессионально-ориентированных текстов	104
Колянда Д. Н. Особенности перевода юридических текстов	111
Короткова М. О. Социолингвистические особенности языковой ситуации в Канаде	117
Косова Л. Ю., Куриленко Е. Е., Принцева Н. Ю. Именное словообразование классического латинского языка и его роль в формировании современной медицинской терминологии	123
Лазариди С. А. Функционирование заимствованных слов и неологизмов в новогреческом языке	132
Лихачёв Э. В. Вариативность порядка слов в придаточном предложении причины с союзом weil	140
Логвина С. А., Сахно Е. М. Прагмалингвистические особенности психотерапевтического консультирования	145

СОДЕРЖАНИЕ

Мазинов А. С.	
Процессы вытеснения и замещения индоевропейских языков в Крыму в XIII-XVIII вв.	153
Марченко Ю. М.	
Характеристика языковой ситуации в Бельгии в условиях национально-лингвистического кризиса	159
Маслова А. Ю.	
Особенности конвенциональных побудительных косвенных речевых актов (на материале славянских языков)	167
Медведева Н. Е.	
Лингводидактический потенциал студенческой научной конференции	177
Мележик К. А.	
Социально-национальная вариативность межнациональной деловой коммуникации	186
Науменко Н. П., Климачёва А. И.	
Особенности испанских неологизмов, заимствованных из английского языка	195
Наумова О. В.	
Формирование умений и навыков при обучении переводу научно-технической литературы	200
Онищенко Ю. В.	
Множественность стандартов английского языка в Великобритании	206
Пасекова Н. В.	
Приемы обучения переводу газетных заголовков	214
Пономарёва А. В.	
Эволюция морфолого-синтаксических особенностей рурского региолекта	221
Рыжикова М. Д.	
Возраст как социолингвистический фактор вариативности в англоязычном туристическом дискурсе (на примере экскурсионных проспектов)	230

Talhadas R., Mamede N., Baptista J.	
Towards discourse parsing on grammatical principles	236
Трунченкова Н. Н.	
Полисемия в современном американском политическом медиа-дискурсе	251
Федотова Ю. Б.	
Влияние социально-языковых факторов на изменения в стандартных произносительных нормах английского языка	257
Fukova T., Chornobay S., Baptista J.	
Classification of the russian verbal idioms	262
Цулая К. Д.	
Полисемия колоризма <i>желтый</i> и <i>розовый</i> в английском, немецком, русском и украинском языках	268
Ce Chen, Chornobay S.	
Semantic structure of idioms of the conceptual field «family» in the english and chinese linguocultures	274
Черныш И. В.	
Многоязычие: актуализация аспекта в современном языкознании (на примере Германии)	281
Чернышова М. В.	
Южнонемецкий языковой ареал и некоторые произносительные особенности швабского диалекта	285
Шевель В. Г.	
Особенности эффективной коммуникации на английском лингва франка в студенческой среде	294
Эмирусейнова Э. Н.	
Общность нравственно-этических ценностей и смыслов на основе сопоставления соматических фразеологизмов неродственных языков	302
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	311

